

Г.Н. Чикунов.

**«Мне не жаль вас, прошедшие годы,
ничего не хочу я вернуть»
(С. Есенин).**

ПРЕДИСЛОВИЕ

(необходимое предуведомление читателя)

Дорогой читатель, предлагаемая вашему вниманию книга является третьей (!) частью трилогии воспоминаний автора и главного героя этих мемуаров – Геннадия Николаевича Чикунова. Так уж сложились жизненные обстоятельства, что изначально этот труд Геннадия Николаевича не предполагался к широкой публикации, а был неторопливо и тщательно написан по многочисленным просьбам родственников, близких друзей и ветеранов-соратников прежних лет. Ведь вся судьба, все приключения, все страдания и удачи нашего героя, вся его пёстрая, разнообразная и богатая неординарными событиями долгая жизнь никак не могли уложиться в простой устный рассказ. Поэтому и вылилось это повествование в целых три тома, разделённых по тематическому и географическому принципам.

Часть первая – это детство, Ленинградская блокада, детский дом и работа с юных лет. Часть вторая – целинная комсомольская эпопея. И часть третья – это жизнь на Крайнем Севере, в Мурманской области, где и сегодня проживает наш герой и автор этой, предлагаемой вам книги.

Внимание общественности к рукописям Геннадия Николаевича привлекли работники районного краеведческого музея города Ковдора Мурманской области. А также размещение всех трёх томов в электронном виде на сайте «Ковдор – открытый город» и в социальных сетях. И волна этого интереса привела к публикации первой книги Геннадия

Николаевича: «Я был там» (история мальчика, пережившего блокаду Ленинграда, который смог вернуться домой) ООО «Издательство «Эксмо», Москва, 2021 г. (Из личного архива) ISBN 978-5-04-117134-6. В эту книгу были помещены практически все воспоминания Геннадия Николаевича о детстве, блокаде, эвакуации, смерти отца и матери, о школе и детском доме.

Поскольку содержание предлагаемого вам третьего тома вытекает из всех предыдущих частей, и начинается непосредственно, как продолжение приключений нашего главного героя, то возникает необходимость кратко пересказать основные события первых двух томов.

Родился наш герой, Чикунов Г.Н. в 1934 году в посёлке Невдубстрой (с 1953 года это город Кировск Ленинградской области). Родители его работали на Дубровинской ТЭЦ до войны. Отец стал офицером, политруком партизанского объединения и до сих пор в документах числится пропавшим без вести. Мать с двумя детьми, Фаиной и Геней, а также с младшей сестрой мужа, после неудачной первой эвакуации попали в Ленинград, где и пережили все ужасы блокады. Летом 1942 года их эвакуировали под бомбёжкой через Ладожское озеро на катерах, потом погрузили в вагоны и в пути, от дистрофии и переживаний, скончалась мама нашего героя. Потом была Башкирия, школа, детский дом и наконец, возвращение в Ленинград в 14-ти летнем возрасте. Там тоже пришлось пройти через детприёмник, почти тюремные его нравы и порядки, и вот первая удача – работа на авиационном заводе и жизнь в рабочем общежитии.

Через семь лет по комсомольской путёвке и зову сердца наш Гена отправляется на Целину. В Ленинграде его остаётся ждать невеста Валентина. Объёмистый второй том мемуаров посвящен подробностям целинной жизни, почти фронтовой «битвы за урожай» с победами и потерями. С детства Геннадий играл на гармошке, в Павлодаре освоил баян, участвовал в смотрах и конкурсах самодеятельности, был лидером культурной жизни колхоза им. Жданова. В один из отпусков они с Валентиной поженились, приехали молодоженами на Целину в свой колхоз, и там у них родился сынок Сашка.

Молодой семье через год целинной жизни стало совсем трудно выживать в казахских степях, и они отправились домой, в Ленинград. Вот отсюда и начинается повествование тома третьего из воспоминаний Геннадия Николаевича Чикунова.

Владимир Петин

*(редактор электронного издания мемуаров
Г.Н. Чикунова на сайте «Ковдор-открытый город»)*

2023 г.

*****

Из Азии в Европу.

Всю ночь, проведённую, в поезде, пока он тащился из Москвы до Ленинграда, мы не сомкнули глаз. Сашка умолкал на короткое время, погружался в минутную дрему, вздрагивал, словно от удара электрического тока и начинал кричать охрипшим голосом, судорожно суча короткими ножками, словно при езде на велосипеде. Валя еле успевала менять пелёнки, а я развешивать их в разных местах вагона, где только можно и нельзя. Пассажиры постарше сочувственно переносили все эти неудобства, которые мы им причиняли. Некоторые даже пытались помочь нам различными советами, а молодые требовали успокоить ребёнка и дать ему сиську, чтобы он замолчал. Таблетки, прописанные в медпункте на Ленинградском вокзале в Москве, не помогали, и Сашка продолжал кричать и пачкать пелёнки.

Привокзальные медики, опасаясь инфекционных заболеваний, грозились высадить нас с поезда и уложить нашего сына в больницу. Останавливаться в Москве, где не было ни родственников, ни знакомых, было не целесообразно, и мы решили добираться до Ленинграда. Хотя здесь был большой риск. По заключению медиков, при подобном заболевании требуется немедленное медицинское вмешательство. В противном случае может произойти непоправимое. Фактор времени играл значительную роль. Сознавая это, нам казалось, что время остановилось, что поезд идёт очень медленно, очень часто останавливается, подолгу стоит на остановках. Прошедшая ночь показалась нам годом.

Наш сын Саша Чикунов

Ленинград.

Около пяти утра состав медленно вкатился к платформе Московского вокзала Ленинграда. Паровоз, выпустив из своих разгорячённых недр огромные клубы пара, застопорил ход в нескольких метрах от тупика.

Было раннее утро, город ещё спал, трамваи не ходили, и куда-либо добраться в это время суток можно было только на такси. На стоянке выстроилась огромная очередь не выспавшихся пассажиров в ожидании транспорта. Пассажиры с детьми стояли отдельно и женщина - распорядитель большую часть машин направляла на эту стоянку. Благодаря её стараниям, долго ждать машины нам не пришлось и минут через пятнадцать-двадцать мы уже ехали по пустынному городу в сторону Кондратьевского проспекта по освещённым июньским солнцем улицам.

Увидеть солнце в такой ранний час можно только в Северных широтах в пору так называемых «Белых ночей». С замиранием сердца, я смотрел из машины на знакомые с

детства улицы. Если не считать появившиеся на некоторых улицах станции метро, за год нашего отсутствия особых перемен в городе не произошло. Всё было так же, как всегда.

Московский вокзал в 60-е годы

О своём приезде, мы Михайловых не предупредили, и наше появление в столь ранний час было для них полной неожиданностью. Их семья состояла в тот момент из трёх человек: Валиного дяди, дяди Пети, его жены тёти Клавы и их дочери Раи, которой было в то время лет семь или восемь отроду. Проживали они в коммунальной двухкомнатной квартире в небольшой комнатке. Отношения с соседями по квартире были у них напряжённые. Нередко возникали скандалы по самым различным, чаще всего мелочным бытовым вопросам, которые возрастали нередко до проблем вселенского масштаба. Несмотря на относительно малую жилую площадь, и постоянные скандалы с соседями, Михайловы оказали нам первую помощь в закреплении на новом месте.

Материально жили они очень нелегко в основном на небольшую дяди Петину зарплату, которую он получал на заводе «ЛОМО» за работу в качестве такелажника. Тётя Клава получала пенсию по инвалидности и нигде не работала. Чтобы как-то свести концы с концами, она плела из проволоки модные в то время мужские ремни и продавала их на вещевом рынке. Дядя Петя там же в выходные дни занимался перепродажей различных вещей. Покупал дешевле, продавал дороже.

В то время таких перепродавцов называли маклаками. Закон запрещал такой вид деятельности, и они работали нелегально. В любой момент они могли оказаться в милиции, и весь их заработок и не проданный товар мог быть конфискован. Несмотря на это, таких перепродавцов на барахолке в то время, было предостаточно.

Михайлова Клавдия Степановна (1984г.)

Узнав о нашем несчастье, тётя Клава сразу же приступила к лечению нашего сына. Наши намерения вызвать «Скорую помощь» она отвергла основательно и предложила изгнать его недуг народным средством, при помощи трав. Тут же сварила какое-то снадобье и начала поить его малыми дозами. Через какое-то время, Сашка стал реже плакать и крутить ножками от боли, дольше спать и вскоре совсем поправился. Даже не верилось, что после всех страшилок, которые нам наговорили медики в Москве, мы благополучно добрались до Ленинграда и обошлись без больницы. Мы безмерно были благодарны тёте Клаве за столь быстрое исцеление нашего сына.

Больших капиталов в Казахстане мы не накопили и поэтому вынуждены были, как можно быстрее устроиться на работу. Как только сыну стало легче, я сразу же отправился на завод, где раньше работал.

За четыре с лишним года штат инспекторов отдела кадров авиационного завода заметно обновился, но старшим инспектором была всё та же женщина,

которая оформляла мой расчёт при отъезде на целину. Она меня узнала и посоветовала по вопросу трудоустройства, обратиться к заместителю директора завода, к полковнику Мальтицкому, кабинет которого находился в этом же здании.

Полковник Мальтицкий в своё время, когда я был воспитанником завода, фактически был моим наставником. При каждом посещении нашего цеха, непременно старался повидаться со мной. Его интересовало моё поведение в цеху и в быту и отношение ко мне товарищей по работе.

Мальтицкий сразу же узнал меня, стоило мне только переступить порог его кабинета. Взглянув в мою сторону, расплылся в широкой улыбке и после приветствия, усадив на стул рядом со своим креслом, поинтересовался, о причине моего появления на заводе. Узнав, что я ищу работу, он предложил прямо сейчас написать заявление и сдать документы в отдел кадров и паспорт в милицию для прописки в заводское общежитие. Когда я сообщил, что вернулся в Ленинград не один, и что у меня появилась семья, улыбка сошла с его лица, он стал серьёзным и глубоко задумался. Помолчав какое-то время, он поздравил меня с женитьбой, с рождением сына и выразил сожаление, что из-за отсутствия жилья, принять меня на завод пока не могут.

Завод строит дом на Приморском шоссе и когда его построят, появится возможность выделить мне комнату и принять на работу. А пока посоветовал устроиться куда-нибудь на работу на пол годика, и после Нового года снова подойти в отдел кадров.

Он также сообщил, что завод перешёл на выпуск новой продукции. Те изделия, которые выпускали при мне, выглядят игрушками сравнительно с новыми машинами. При поступлении придётся осваивать новые операции. Какие новые изделия стал выпускать завод, зам. директора не уточнил, но я уже знал от товарищей по цеху, с которыми встречался до этого. Вместо самолётов завод начал делать ракеты для них.

Большие надежды, возлагаемые на свой завод, рухнули, и мне пришлось искать работу на стороне. У многих проходных фабрик и заводов висели объявления, о приёме на работу рабочих самых различных специальностей. Некоторые заводы набирали также учеников. Но стоило мне предъявить «Трудовую книжку», где чёрным по белому было написано, что я прибыл из Казахстана, то в приёме на работу мне тут же отказывали. В «Метрострое», мне прямо заявили, что рабочие им требуются, но принимать целинников им категорически запретили.

Шли дни за днями, наши скромные денежные сбережения таяли, словно парафиновые свечи, а вместе с ними всё дальше удалялась надежда найти какую-нибудь работу. Родной город не желал принимать нас обратно за какую-то провинность. Когда стало окончательно ясно, что работу в городе не найти, пришлось искать её в пригородной зоне. А там тоже принимали на работу только с Ленинградской пропиской. Получался какой-то замкнутый круг.

Какое-то время у нас на целине работала секретарём директора совхоза Лида (фамилию, к сожалению, не помню). Уезжая из совхоза, она оставила нам свой адрес, куда они переехали со Славкой Серовым и устроились на работу после целины. В совхозе им. Гоманово, что в семидесяти километрах от Ленинграда, она стала работать тоже секретарём директора и обещала устроить нас с Генкой, с которым мы вместе уехали из Казахстана, на работу в этот совхоз. Чтобы как-то прокантоваться месяцев шесть, пока завод строит новый дом, пришлось отправить Валю с сыном к родителям в деревню и устроиться на работу в совхоз им. Гоманово. Геннадию также, как и мне не удалось устроиться в Ленинграде, и он тоже оформился на работу в это хозяйство.

Наше семейное фото в Ленинграде

Совхоз им. Гомантово.

Совхоз был передовым и был известен не только в Ленинградской области. О его достижениях неоднократно сообщалось в средствах массовой информации. Героем Социалистического Труда был не только директор, но и совхозный пастух. Я уже ранее писал, что этот совхоз был подшефным нашего завода, и мне довелось бывать там в командировке. Так что для меня эти места были знакомы.

Если бы не Лида, то нас не приняли бы и в совхоз, из-за отсутствия Ленинградской прописки. Она представила нас с Генкой, как музыкантов, которые могут организовать коллектив художественной самодеятельности. Генка действительно классно играл на гитаре по нотам классические вещи, но в самодеятельности никогда не участвовал. Сыграть с ним, как в своё время с Серёжкой Тороповым нам не удалось, и организовать коллектив художественной самодеятельности мы не сумели. На неоднократные призывы, работники совхоза не откликались, и от этой идеи пришлось отказаться.

Общежития совхоз не имел, и поэтому я поселился на квартире у Лиды со Славкой. Они проживали в деревне Бегуницы, в одной комнате, на первом этаже, в старинном двухэтажном, кирпичном доме.

При оформлении, возникла небольшая заминка. В комнату к Серовым меня не прописывали из-за малой жилой площади, а на работу не принимали из-за отсутствия прописки. Каким-то образом Лида нашла одиноко проживающую старушку в соседней деревне Гомантово, которая согласилась меня прописать. После оформления всех формальностей, 8 июля 1959 года меня приняли на работу в качестве тракториста, в мелиоративный отряд. Не зря в народе говорят: «Без друзей, без связи - что телега без мази».

Работа в мелиоративном отряде в значительной степени отличалась от работ в степной полосе. После твёрдой почвы, пришлось учиться работать на зыбком и топком болоте. Из-за отсутствия опыта, приданный мне болотный трактор ДТ-55 частенько увязал в трясины, и приходилось его выдирать из этой ловушки при помощи буксира. Если в степи, при необходимости, можно было развернуться на месте, то на болоте, при подобном манёвре, трактор проваливался в трясины, и под ним образовывалась глубокая яма. Не спасали даже специальные широкие болотные гусеницы. Первое время, я умудрялся топить его даже в таких местах, где опытные трактористы проезжали на тракторах с обычными не болотными гусеницами. Пока я приобрёл необходимый опыт, пришлось наслушаться немало колких, обидных, не всегда справедливых и заслуженных насмешек и упрёков в свой адрес. Обидней всего было слышать суждения о том, что все целинные трактористы такие же бестолковые, как и я.

Получалось, что по мне судили, о квалификации всех целинных механизаторов Казахстана. Каждый раз, при вызволении моей машины из очередной болотной ямы, не забывали напомнить мне, что болота – это не бескрайние степные просторы, где можно ездить с закрытыми глазами. На болоте, прежде чем произвести какой-то манёвр, нужно сначала как следует рассмотреть дорогу, хорошенько подумать, а потом только действовать. К счастью, такое положение длилось не долго. Я всё реже и реже стал топить трактор и подобные упрёки постепенно прекратились. Иногда даже стал помогать другим трактористам, вытаскивать их машины из трясины.

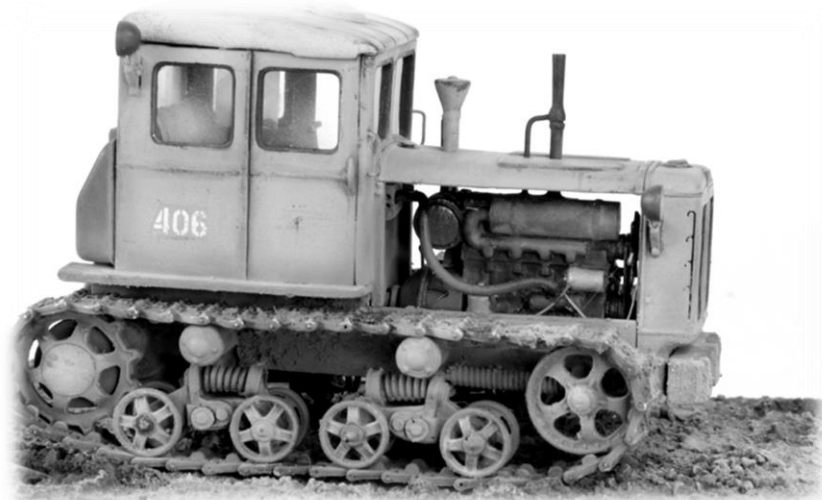
В момент моего появления, отряд занимался выкорчёвыванием деревьев в заболоченном лесу. Чекировщики накидывали трос на деревья, а мы тракторами выкорчёвывали их вместе с корнем. Чтобы деревья не падали на кабины тракторов, их сначала нагибали примерно под 45 градусов, перегоняли машины на безопасное место и валили дерево окончательно. Сваленные деревья трелевали на специальную площадку, где их разделявала уже другая бригада.

Из-за мощных корней, макушки сваленных деревьев иногда не ложились на землю, а словно стволы дальнбойных орудий были нацелены куда-то вдаль, отставая от земли на несколько метров. Однажды такой ствол, чуть ни лишил меня жизни.

При работе в стеснённых, зыбких условиях, приходилось вертеть головой, словно зеркалом радиолокатора. Свалив очередное дерево, я потащил его на площадку. При движении вперёд, я повернул голову назад, чтобы проследить за волочившимся сзади деревом. Вернувшись в исходное положение, я обомлел от увиденного. В нескольких сантиметрах от моей груди торчала макушка дерева, которая пролезла в кабину трактора через открытое лобовое стекло. Ещё бы пара секунд и оно, проткнув мою грудь, пригвоздило бы меня к водительскому креслу и, через обшивку кабины, вылезло бы наружу. Когда я остановил трактор, от макушки дерева до моей груди оставалось не более 20 сантиметров. Многие потом говорили, что я родился в рубашке. В тот момент, я особого страха не испытал. Только сейчас, спустя много лет, я понимаю, что от гибели был буквально в нескольких сантиметрах. Пришлось бы меня хоронить с деревяшкой в груди. Как говорить: «В бою побывать – цену жизни узнать».

В лесу было немало змей, которых мы сгоняли с насиженных мест своими действиями. На одну из них я наехал трактором. И когда вылез из кабины, чтобы посмотреть, что от нее осталось, она спокойно поползла восвояси. Тогда я решил утопить её в канаве с водой. На моё удивление, она понеслась по воде словно торпеда.

Не успел я, как следует освоиться на новом месте, как был переведён на полевые работы в деревню Гомантово, примерно в трёх или четырёх километрах от места моего проживания. Несмотря на то, что деревня находилась на оживлённой трассе: Ленинград – Таллинн, добираться до работы и возвращаться домой приходилось пешком. Никаких средств доставки до рабочего места не было. Дали мне трактор ДТ -54, который до моего приезда, очевидно, валялся на свалке и буквально разваливался на ходу. Приходилось не столько работать, сколько устранять бесконечные неисправности.

Трактор ДТ-54

Одни только гусеницы за смену разрывались бесчисленное количество раз. Гусеничные пальцы были изношены до такой степени, что они больше походили на коленвал, и надо было хорошенько изловчиться, чтобы выколотить их из траков. Пятикорпусной плуг, по рыхлой, веками разрабатываемой пашне, трактор тащил с большим трудом. Вдобавок ко всему, мешали работе многочисленные камни, лежащие в земле. Когда лемеха на них нарывались, срабатывало предохранительное устройство, и плуг отрывался от трактора. Приходилось в предохранительное отверстие вставлять новую проволоку и прицеплять плуг к трактору. Операция эта не сложная, но требовала определённого количества времени. При сдельщине подготовительные и ремонтные работы в борозде не учитывались и не оплачивались.

После широких, просторных Казахстанских степей, где длина загонок была по пять и более километров, поля Средней полосы России казались маленькими заплатками в лесном массиве. При работе с прицепным плугом, без прицепа, приходилось за смену выпрыгивать и запрыгивать в кабину трактора бесчисленное количество раз. Длина загонок исчислялась не километрами, а сотнями метров.

При приёмке трактора мне сообщили, что эта машина со дня на день будет отправлена в мастерскую на капитальный ремонт. Учитывая это обстоятельство, я не делал трактору никаких положенных технических уходов, за что в дальнейшем получил хороший нагоняй. После многочисленных откладываний, наконец-то поступило распоряжение перегнать трактор в мастерскую для производства капитального ремонта. При разборке трактора, когда вскрыли масляный фильтр тонкой очистки, то он оказался загрязнён до такой степени, что уже не вращался и не очищал масло от примесей. В результате двигатель работал на износ. Стало ясно, что техуходы трактору не делал не только я, но и товарищи, работавшие до меня. Но так как я работал на нём последний, все шишки посыпались на меня. Скандал достиг такого накала, что ставился вопрос о моём увольнении из совхоза. Но постепенно страсти угасли, и меня перевели слесарем по ремонту тракторов. Пришлось выполнять тяжёлую, грязную работу, в холодном, неотопляемом, слабо освещённом помещении, и за мизерную зарплату.

При малом заработке жить на две семьи было очень трудно. Нужно было питаться самому, приобретать спецодежду, которой совхоз не обеспечивал, и какую-то сумму посылать Валентине, проживавшей с сыном у родителей в деревне, в Калининской области. Хорошо ещё, что не было необходимости платить за жильё. Славка Серов и Лида содержали меня на своей жилплощади бесплатно.

В одном из писем Валя сообщала, что Сашка снова заболел и их положили в больницу в село Жданово, что примерно в двадцати километрах от родительской деревни. Сейчас ему стало легче, и им разрешили выходить на прогулки. От больницы до села около двух километров, вокруг лес и гулять можно только по кладбищу, расположенному рядом с больничным корпусом.

В один из дней председатель профкома совхоза сообщил мне радостную весть: нам с Генкой, с которым мы приехали из Казахстана, выделили одну комнату на двоих. Мы, конечно, мечтали получить по комнате, но как говорится: «Без рыбы и рак рыба». До этого, мы вместе не жили, но пришли к выводу, что сумеем поладить, живя в одной комнате. Характеры у нас были мирные, и мы надеялись, что проживём в этой комнате спокойно и мирно. Но как говорят в народе: «В болоте тихо, да жить там лихо». В

отдельной комнате жить было бы не хуже. За эту комнату, мы должны были благодарить Лиду, которая пользуясь своим служебным положением, всё время напоминала директору о нас. Нам с Генкой дали кратковременный отпуск, и мы перевезли свои семьи в совхоз.

Выделенная нам комната, площадью около тридцати квадратных метров, располагалась на втором этаже, в старинном, двухэтажном, кирпичном доме, дореволюционной постройки. Отопление дровяное, вода и все остальные удобства во дворе. Никаких загоронок и перегородок в комнате не было, и поэтому, она была и прихожей, и залом, и кухней и спальней одновременно, и напоминала привокзальный зал ожидания. Одинокая лампочка, висевшая на проводе, тускло освещала по вечерам наше скромное жилище, состоящее из двух взрослых и двух детских кроватей, дощатого стола и небольшой плиты, сложенной в углу. Кровати и стол мы сколотили из досок, раздобытых за дворами и огородами местных жителей. Вместо стульев долгое время использовали чурбачки, оставленные после пилки дров. Зажили мы без кручины, но не было ни дров, ни лучины.

Централизованным обеспечением работников топливом, совхоз не занимался, и каждый решал эти вопросы самостоятельно. Мы с Генкой, обнаружили сравнительно недалеко от нашего жилья поле, с огромными завалами, состоящими из деревьев, сваленных во время мелиоративных работ. Сколотив из побочных материалов какое-то подобие деревенских дровней, мы начали разбирать эти кучи, и по первому снежку подвозить к дому необходимое нам топливо. По всей вероятности, при очистке этого участка поля, деревья сваливали в кучу при помощи бульдозера. Стволы деревьев были переплетены между собой, засыпаны землёй и проросли малинником. При вызволении каждого ствола, приходилось тратить немало времени и сил. После такой ломовой работы, необходимы были силы ещё для перевозки добытых дров на самодельных санках, по глубокому снегу вручную, к дому. За несколько выходных, таким примитивным способом, нам удалось запастись топливом на всю зиму. Первое время пилу и топор приходилось кланчить у соседей. В дальнейшем, мы обзавелись не только топором и пилой, но и другим необходимым в хозяйстве инструментом.

Столь тесное проживание в одной комнате, вполне естественно, создавало определённые неудобства. Несмотря на это, жили мы вполне мирно, как одна семья. Мы надеялись, что наступит время, когда мы получим по комнате и будем жить отдельно. Как известно: «Без надежды, что без одежды, и в теплую погоду холодно». Вот эта надежда, нас и согревала. Мы с Генкой целыми днями были на работе, а наши жёны с детьми контактировали между собой почти круглые сутки. Во многом обстановка в доме зависела от их взаимоотношений. К счастью, они оказались покладистыми женщинами, быстро подружились, и стали даже помогать друг другу в ведении домашнего хозяйства. Такой союз был выгоден обеим сторонам.

Наша улица была далеко от центра посёлка, и даже простой поход в магазин требовал немало времени. При совместном мирном проживании, можно было поочередно уходить из дома по своим делам, без опаски за детей. Наши дети были ровесники и, несмотря на то, что ещё не умели говорить, нашли между собой общий язык. Когда их сажали в одну кроватку, они очень забавно играли в свои игрушки. Могли часами перебирать, разглядывать и пытаться построить из них какие-то замысловатые сооружения. Иногда они передавали друг другу заинтересовавшие их фигурки или машинки, а иной раз наоборот начинали отнимать. В таких случаях нам приходилось

выступать в роли третейских судей и восстанавливать справедливость. Но такое бывало не часто, и поэтому оставаться в няньках было не трудно.

В отличие от совхоза им. Жданова, где все нас знали, и где немало было друзей, в здешнем совхозе кроме семьи Серовых, у нас не было знакомых и тем более друзей. В совхозном клубе, если и проводили какие-то вечера или демонстрации каких-то фильмов, то мы туда не ходили из-за наличия детей и неблизкого расстояния до этого учреждения. Ни радио, ни газет мы не имели. Но мы не унывали. В свободное от основной работы время, мы с Генкой продолжали заниматься благоустройством нашего жилища, помогали нашим жёнам по хозяйству и присмотру за нашими сыновьями. Немало времени уходило на поиски строительных материалов на различных свалках и задворках села.

Нередко, когда спускались сумерки над селом, мы включали свою единственную тусклую лампочку под потолком, доставали музыкальные инструменты, усаживались на деревянные чурбачки и начинали музицировать. Генка на гитаре, а я на баяне. Иногда вместе, а иногда по очереди. Я уже писал, что он играл на гитаре очень хорошо и задумчиво. Занимался инструментом серьёзно, разучивая произведения по нотам, и в основном классические вещи. Мы все, включая детей, с удовольствием слушали в его исполнении старинные романсы, искромётные цыганские танцы и другие произведения мировых классиков. Даже дети прекращали свои занятия, и с огромным интересом и любопытством устремляли свои глазёнки на гитару, и на Генкины руки, которые стремительно скользили по грифу гитары то вверх, то вниз. Эти нежные ласкающие слух и душу райские звуки поднимали настроение и уносили нас куда-то в далёкое, счастливое будущее. Мелодичные звуки, и сочные аккорды, заставляли забыть, что в данный момент у нас: «Всё богатство тут - кнут да хомут» и радовало, что, несмотря на такую стеснённость, нам удаётся сохранять мир, жить в ладу и согласии. Не зря в народе говорят: «Где мир и лад, не нужен клад». А ещё: «Доброе братство дороже богатства». А у нас действительно образовалось какое-то подобие братства. Возникшие перед нашими семьями трудности нас объединили не только совместным жильём, но и душами.

Несмотря на столь мирное существование и взаимопонимание всё равно хотелось занять свой уголок. Мы с Генкой не испытывали такого дискомфорта, как наши женщины. Нередко возникали моменты, когда нас просили выйти из комнаты чтобы они могли переодеться или по каким-то другим причинам. В народе говорят: «Богатый строит себе дом годами, а бедный днями».

Однажды на семейном совете было принято решение, поставить перегородку, с тем, чтобы разделить комнату на две равные половинки. Площадь комнаты сделать это позволяла. Каждая половинка и будущая кухня получали по окну. Получив разрешение на перепланировку, и раздобыв необходимые материалы, мы очень быстро сколотили две перегородки. У нас получилась маленькая кухонька с прихожей и две небольшие комнатки. Сколоченная перегородка, имела форму буквы Т. Вместо дверей, повесили простыни, в одну из комнат провели электропроводку, и нашей радости не было предела. У нас было такое ощущение, словно мы получили по комнате. Как говорится: «И месяц светит, пока солнца нет».

Были все основания отметить это событие по всем русским обычаям, но наши доходы не позволяли сделать это. За наши труды совхоз платил нам настолько мизерную зарплату, что нам хватало этих денег только на весьма скромное питание. Каждая

копейка в прямом смысле была на счету. У нас было, как говорят в народе: «В одном кармане - вошь на аркане, в другом - блоха на цепи». Попили чайку с подушечками на этом и разошлись теперь уже по своим отдельным чуланчикам.

Наша покровительница Лида, по своим каналам узнала, что детскому саду требуется воспитательница в круглосуточную группу. Она знала, что Валя на целине работала в садике по этой специальности и предложила ей эту работу. Валя дала согласие на оформление, но я был против. С одной стороны, ничего плохого не было в том, что в нашем кошельке появятся дополнительные деньги, и наш сын будет устроен в детский сад. Но меня смущало то обстоятельство, что до этого садика нужно было каждый день топать более трёх километров и ночью оставаться одной с детьми в группе, где не было ни телефона, никакой бы то ни было сигнализации. Садик находился рядом с трассой Ленинград – Таллинн, почти в лесу, вдали от жилых домов. В таких условиях, при возникновении чрезвычайной ситуации, одному человеку, в ночное время, эвакуировать маленьких ребятшек почти невозможно. Согласиться на эту работу, означало пойти на большой риск. После продолжительных дебатов, Валя всё-таки отнесла свою Трудовую книжку в отдел кадров. Мы между собой договорились, что как только она почувствует, что в таких условиях ей работать тяжело, так сразу же уйдёт оттуда.

Знакомиться с новой работой, мы пошли с Валею вместе. Детский садик располагался в соседней деревне Гоманово, километрах в трёх от нашего местожительства. Главный корпус с детской площадкой и подсобными помещениями находился за деревней, в лесочке, в несколько десятков метров от трассы Ленинград - Таллин. До ближайших жилых домов было не менее двухсот метров. Директриса детского учреждения встретила нас вполне любезно. Ознакомила Валею с территорией и с корпусом садика, с группой, где ей предстояло работать. В группе было более десятка ребятшек от годика и примерно до двух лет отроду. Находились они в садике круглосуточно, целую неделю. В конце недели родители их забирали, а в начале, приводили вновь. Валею предстояло работать в ночные смены. Вечером нянечка помогала уложить детишек спать, утром поднять, а всю ночь Валя должна была оставаться одна с детишками до утра.

На следующий день мы забрали с собой Сашку и отправились всей семьёй в садик на первое Валино дежурство. Сашка уже начинал потихонечку топать своими ножками. Очутившись в такой шумной компании, он даже оробел и всё время прижимался то ко мне, то к матери. Но так как Валя была занята, просидел у меня на коленках пока Валя с нянечкой не уложили детей спать.

После перевода детей из игровой в спальню, и распределения их по кроваткам, нянечка, распроставшись с нами, ушла домой, а мы остались одни со спящими детьми. Дети угомонились и уснули сравнительно быстро, и во всём здании воцарилась мёртвая гнетущая тишина, нарушаемая сопением спящих ребятшек и далёким гулом изредка пробежавших по соседнему шоссе машин. Тёмная мгла поглотила всю окружающую окрестность, и было такое ощущение, что кроме нас во всей округе не существует ничего живого. Проходя по тёмным, безлюдным комнатам, пугающих своим безмолвием, я ловил себя на мысли о том, что в случае возникновения какой-то непредвиденной ситуации, в одиночку разбудить, одеть, и вывести из помещения такое количество детей, почти невозможно.

Здание было одноэтажное и, несмотря на то, что на ночь все двери закрывались на замки, проникнуть в него через окна не составляло большого труда. При отсутствии телефона, сигнализации, поблизости жилых домов, при экстремальных ситуациях, помощи ждать было неоткуда. Ознакомившись с условием работы ночной воспитательницы, я лишний раз убедился в своих опасениях. На мои предложения отказаться от этой работы, Валя не соглашалась, ссылаясь на то, что до неё воспитательница отработала в этой группе несколько лет, и за это время ничего страшного не случилось. Никакие мои аргументы на неё не действовали. Сошлись на том, что первое время будем дежурить в группе вдвоём.

Типичный детский сад 50-х годов

Вечером, пока Валя принимала и вместе с нянечкой укладывала детей спать, я приносил из сарая охапку дров, затоплял печку (это тоже входило в обязанность воспитательницы), после ухода няни, закрывал все двери, и когда все дети засыпали, мы тоже укладывались на ночлег. Ночной воспитательницы спать на работе не полагалось, поэтому для неё спального места не предусматривалось. Спать, если позволяла обстановка, приходилось на стульях, скамейках или в детских кроватках, если к тому времени таковые оказывались свободны. Утром, Валя шла домой, а я на работу. Так продолжалось какое-то время, после чего, она стала ходить на работу одна, а я составлял ей компанию от случая к случаю. Забегая вперёд, могу сказать, что до самого конца, Валя отработала на этой работе без каких бы - то ни было происшествий.

А мне, по распоряжению директора совхоза пришлось поменять работу и перейти из слесарей по ремонту сельхозтехники, в литейный цех, формовщиком. Совхоз, по договору с Ленинградским станкостроительным заводом им. Свердлова, отливал для него различные детали для станков из алюминия. До этого перевода, я даже приблизительно не представлял, каким образом отливаются детали из металла. На экранах в кинотеатрах

приходилось видеть, как огромные ковши куда-то льют расплавленный, словно кисель, металл. Но куда и зачем, я только догадывался.

А тут мне пришлось не только увидеть, но и готовить землю для формовки, формовать детали, заливать формы металлом, и вытряхивать опоки с готовой продукцией. Формовать я начал спустя какое-то время, а в начале, мне поручали всю черновую работу, которая требовала затрат немалых физических сил: выколачивание опок после заливки форм металлом, обработку литья при помощи зубила и молотка, подготовку земли для очередной отливки деталей, заправку градирки металлом для очередной плавки.

Плавильный цех располагался в большом каменном сарае. Слева у входа стояла так называемая градирка, для выплавки металла. По сути, это была огромная бочка со штурвалом, подвешенная горизонтально на козлах. С козлами она была соединена двумя осями, приваренными к центру боковин этой бочки. Сверху было вырезано окно, для заправки градирки металлом, а по бокам вварены две форсунки, при помощи которых в градирку впрыскивалось топливо, при горении которого, заправленные алюминиевые чушки плавилась, и превращались в однородную жидкую массу. При разогреве металла до 800 градусов, градирку, при помощи ручного штурвала наклоняли набок, разливали расплавленный металл по ковшикам, и заливали через литники, в приготовленные опоки. Сами ковши были похожи на обычные большие вёдра, с приваренными двумя длинными ручками, с поперечинами на концах. Двое рабочих подносили ковшик к градирке, заполняли его расплавленным металлом и заливали его через летник в приготовленную опоку.

Однажды во время заливки металла в формы, один рабочий получил ожог ноги. Расплавленный металл очень боится влаги. Если даже капля попадает на влажное место, то происходит самый настоящий взрыв. Едва соприкоснувшись с мокрым местом, раскалённая капля со скоростью пули летит в сторону с шумом, похожим на ружейный выстрел. Вполне понятно, что направление полёта угадать невозможно. Что-то подобное иногда происходит в домашних условиях с раскалённой сковородкой, когда она начинает плевать своим содержимым. В тот день, влажная опока выстрелила раскалённой каплей прямо в ботинок рабочему, заливавшему в неё металл. Капля прожгла шнурки, так называемый язык в ботинке, и начала, в прямом смысле, жарить ногу. Рядом стоящие рабочие, почувствовали запах жареного мяса. Превозмогая страшную боль, литейщик изменился в лице, замотал обожжённой ногой, но продолжал лить раскалённый металл в форму. Если бы он бросил ковш, то мог бы травмировать своего напарника, который держал эту посудину с противоположной стороны. Когда он сбросил дымящий ботинок, то все увидели на его ноге глубокую жжёную рану.

Через какое-то время в цеху произошло новое ЧП, от которого могли пострадать не только рабочие, но и само помещение. Градирка была заправлена алюминиевыми чушками под самую завязку, плавка подходила к концу, и когда до начала разлива металла оставались какие-то минуты, раскалённая печка неожиданно накренилась набок, и расплавленная масса выплеснулась наземь. Если одна капля раскалённого металла вызывает звук схожий с оружейным или пистолетным выстрелом, то масса, в несколько сот килограммов, опрокинутая наземь, с выстрелом из крупнокалиберного орудия. Кроме оглушительного звука, в разные стороны полетели огненные стрелы, поджигая на своём пути всё, что может гореть. Каким-то чудесным образом, эти огненные брызги не задели в цеху ни одного работающего, несмотря на то, что в тот момент все были на своих рабочих местах. Возникшие возгорания были быстро погашены, а вот градирку пришлось снова заправлять металлом и производить новую плавку. Комиссия по технике безопасности

определила, что всё произошло из-за недостаточной фиксации штурвала градирки, при помощи которого производился наклон печи, во время разливки металла в ковши.

В цеху не было никакой механизации, все работы выполнялись вручную. Чтобы отлить какую-то деталь, нужно было проделать целый ряд подготовительных операций, которые требовали определённой физической силы и выносливости. Основным материалом при формовке деталей являлась специально приготовленная земля. Вначале её лопатами тщательно перемешивали, просеивали через специальную сетку, а потом только забивали в так называемые опоки и производили формовку деталей. После заливки расплавленного металла в эти опоки, когда металл остывал, формы разбивали и доставали из них готовые детали. Высвобождавшаяся земля снова проходила первоначальную обработку, и весь цикл повторялся снова. Работа в закрытом, жарком, пыльном помещении с тяжёлой землёй, рядом с раскалённой градижкой, температура сплава в которой доходила до тысячи градусов было не из приятных.

При работе с землёй, особенно при выколачивании опок, поднималась пыль вперемешку с паром от неостывшей земли. Условия были схожи с деревенской парилкой, с той лишь разницей, что махать приходилось не берёзовым веником, а железной кувалдой. От внешней жары и внутреннего тепла, пот градом катился не только по лицу, но и под одеждой текли целые ручьи, которые стекая к поясному ремню, образовывали там целые лужи. Верхняя одежда была пропитана потом насквозь. Со стороны можно было подумать, что нас только что выкупали в каком-то водоёме. К концу смены, гимнастёрка покрывалась толстым слоем соли. Я, например, так не потел даже в Казахстане в засушливое лето 1955 года. Там было тоже жарко, но не было такой высокой влажности. Прежде, я даже не представлял, что в наших организмах находится целый Баскунчак, и что от соли одежда может не только рваться, но и ломаться, как фанера.

Первое время мне доверяли работы, которые не были связаны с формовкой деталей. Я заправлял градирку алюминием, перелопачивал и просеивал землю, выколачивал её из опок, обрабатывал отлитые детали от летников при помощи зубила и кувалды. Но спустя какое-то время, начал формовать детали, сначала небольшие и не сложной конфигурации, а потом и все остальные. Работа формовщика чем-то напоминает игру ребятишек в песочек. С той только разницей, что дети изготавливают свои фигурки при помощи ведёрочек и различных формочек, а формовщики при помощи, так называемых опок.

Сами опоки представляют собой рамки прямоугольной формы глубиной от 20 и более сантиметров. При формовке деталей применяются две такие рамки. Первая плотно до краёв заполняется специально приготовленной землёй, в которую потом кладётся модель будущей детали. Вторая рамка ставится на первую и тоже загружается таким же наполнителем, и плотно трамбуется. После чего вторая рамка снимается. На месте вставленной модели образуются пустоты, повторяющие контуры будущей детали. Для поступления в образовавшуюся полость расплавленного металла, в верхней опоке проделывается отверстие, так называемый летник, её ставят на прежнее место и заливают металлом. После остывания опоки вскрывают, извлекают готовые изделия и процесс повторяется. Готовые детали шли на обработку, после чего отправлялись на станкостроительный завод в Ленинград.

За время моей работы в Казахстане, мой двоюродный брат Толя Сухов, успел отслужить в армии, демобилизоваться, жениться и переехать жить в город Сланцы, Ленинградской области. Устроился он на работу на одну из шахт проходчиком, по добыче сланцев. Этот шахтёрский городок находился сравнительно недалеко от совхоза им. Гомантово, где мы работали, и в один из выходных дней, я решил съездить к ним в гости.

Толя Сухов

С Толей мы не виделись со дня моего отъезда в Казахстан, более трёх лет, а с Галей чуть больше года, со дня нашей свадьбы. Встреча была очень тёплой. Галя очень жалела, что я приехал один без Вали, с которой она очень хотела увидеться. Время было уже холодное, и мы не рискнули пускаться в такую дорогу на автобусе с маленьким сыном. Сашке на тот момент исполнился всего годик.

Я приехал к ним не просто в гости и повидаться, а с намерением найти подходящую работу. В совхозе нам платили настолько мизерную зарплату, что мы едва сводили концы с концами. Имевшиеся небольшие запасы иссякли, и мы не могли себе позволить купить кроме продуктов ничего. Как говорится: «Была мошна и вся изошла». Строительство заводского дома в Ленинграде, где нам обещали комнату, задерживалось и хотелось найти работу с более достойным заработком, до ввода этого дома в эксплуатацию.

Суховы жили у каких-то Галиных родственников, в деревянном одноэтажном домике деревенского типа. Толя работал в шахте проходчиком, а Галя на какой-то фабрике. У них уже был сын Серёжка, который был моложе нашего Сашки всего на несколько месяцев. Сашка родился шестого октября 1958 года, а Серёжка четвёртого марта 1959. Получается разница всего пять месяцев. Толя имел хороший заработок, и они планировали в самое ближайшее время приступить к строительству собственного дома. В дальнейшем всё у них получилось, как и планировали. Через короткое время, они уже жили в кирпичном доме, построенном собственными силами. Кирпичную кладку сделал Петя Максимович – муж Толиной родной сестры Шуры, который специально приезжал для этого из Котласа.

К великому сожалению, найти подходящую работу в Сланцах мне не удалось. В шахту не взяли по состоянию здоровья, из-за моего зрения, а в других организациях не было жилья. Пришлось не солоно хлебавши, вернуться в совхоз.

Переезд в Заполярье.

Незадолго до Нового 1960 года, к нам в гости заехали моя тётушка Поля со своим мужем дядей Стёпой. В то время они жили в Мурманской области и работали в геологоразведочной экспедиции. Дядя Стёпа в качестве заместителя начальника по хозяйственной части, а тётя Поля разнорабочей. Им очень не понравилось наше нищенское существование, и они предложили нам переехать к ним на Север.

Дядя Степан и тетя Поля Левшаковы

Мы и сами понимали, что дальше так жить нельзя, но надежда получения жилья и работы в Ленинграде удерживала нас в совхозе. В конечном итоге, они нас убедили, что на Севере больше шансов устроить свою семейную жизнь, получить своё жильё и иметь больше средств для существования. Из печати нам было известно, что Мурманская область переживает время бурного развития. Строятся новые предприятия и даже города, что вселяло надежды на трудоустройство, достойный заработок и на собственную крышу над головой.

Вернувшись домой, они прислали нам вызов. В полученном документе говорилось, что Ёнская геологоразведочная экспедиция приглашает нас на работу. Это означало, что по приезду на место, уже не нужно будет искать работу, и каким-то жильём мы будем обеспечены.

Всё это было очень заманчиво, и без долгих раздумий, мы почти сразу же подали заявления на увольнение. 28 января 1960 года получили свои трудовые книжки, и стали собираться в дорогу дальнюю. Как гласит народная пословица: «Нищему собраться - только опоясаться». За несколько месяцев здешнего проживания, никаким хозяйством мы не обзавелись. Много времени на сборы нам не понадобилось. А вот на какие средства ехать, пришлось задуматься.

Мы в этом совхозе можно сказать дожили до клюки, что ни хлеба, ни муки. Тех средств, что нам выдали под расчёт, было явно недостаточно для переезда. Пришлось снова обращаться за помощью к нашим друзьям, которые одолжили нам сто рублей. Не зря говорят, что друзья познаются в напасти да в ненастье. Деньги не боги, а дают подмоги. Дружба и братство - первое богатство. С такими деньгами уже можно было отправляться в дорогу. Особо затягивать с отъездом было нельзя, чтобы не потерять так называемый непрерывный стаж, который влиял на размер некоторых выплат при работе. Как говорится: время – не деньги, потеряешь - не найдёшь. И в первых числах февраля, мы распрощались с совхозом и отправились на наше новое место жительства.

На первом этаже нашего дома проживал шофёр, который работал на совхозной машине. От него я узнал, что в один из дней, он собирается ехать за каким-то грузом в Ленинград и заодно обещал довести нас до Кондратьевского проспекта, где проживали

Валины родственники. Для нас это была настоящая находка. Не нужно было толкаться до города на автобусе, а потом на трамваях с пересадками в Ленинграде.

В назначенный день рано утром, он действительно подъехал к нашему дому. Мы простились с нашими друзьями, закинули наш скромный скарб в кузов машины и поехали по Нарвскому шоссе в сторону Ленинграда. Как известно, кабина у машины ГАЗ-51 2-х местная, а нас было четверо: шофёр, я, Валя и Сашка, наш маленький сын. Время было зимнее, в кузове можно было замёрзнуть, и шофёр разрешил и мне сесть в кабину. Причём, я был в осенней курточке и в резиновых сапогах. Я примостился в кабине бочком рядом с шофёром, а Валя с Сашкой на руках рядом со мной.

Шофёр был явно, не проспавшийся после вчерашнего, и от его дыхания вся кабина провонялась перегаром. На мой вопрос: сумеет ли он доехать до города? Он ответил, что чувствует себя хорошо и доставит нас до места в полном порядке. Поверив его заверениям, мы прилепились друг к другу и двинулись в путь. Накануне нашего отъезда была оттепель, и верхний снежный покров, заметно подтаял, а ночью подморозило, и все тропинки и дороги превратились в сплошной каток. Несмотря на вполне приличный поток машин, двигавшийся со стороны Ленинграда, Нарвы и Таллинна, всё шоссе было покрыто льдом, и блестело словно зеркало. Не все встречные машины переключали свои фары на ближний свет, что тоже создавало определённые трудности в управлении машиной. Особенно много света несли скоростные в то время автобусы «Икарусы», и при встрече с ними, очень просто можно было улететь в канаву.

Какое-то время наш шофёр храбрился, старался не показывать нам своего тяжёлого физического и морального состояния. Даже рассказал нам несколько смешных анекдотов. Проехав не более десятка километров, неожиданно сник, стал неохотно и невпопад отвечать на наши вопросы, и повёл машину какими-то галсами. От правой бровки мы зачем-то выезжали на полосу встречного движения, прижимались почти вплотную к левой, и возвращались в свой ряд. Я вначале думал, что он подобным образом выбирает дорогу получше. Но когда при очередном манёвре, мы чудом не влетели в придорожную канаву и не столкнулись со встречной машиной, я насторожился, и стал пристально наблюдать за его действиями.

И как выяснилось, не напрасно. На одном из правых поворотов, мы поехали прямо, и если бы я не вмешался, и не повернул бы руль резко вправо, то мы точно очутились бы в канаве. Нам ещё повезло, что в тот момент не было встречной машины, а нашу не занесло на скользкой дороге. Ухватившись за баранку, я направил машину на правую сторону дороги, повернул ключ зажигания, и машина, пробежав какое-то расстояние, несколько раз дёрнулась, заглохла и остановилась.

Шофёр, не сразу поняв, что произошло, уставился ошалелыми глазами в лобовое стекло, долго смотрел в него, несколько раз тряхнул головой и, уткнувшись носом в баранку, крепко уснул. Мне явно везло. До этого я уже ни один раз попадал в подобные истории, когда приходилось шофёра пересаживать на пассажирское сиденье, а самому вести машину дальше. Шофёр сладко спал, уложив свою голову на руки, лежащие на баранке, а мы сидели рядом и ждали, когда он проспится. Было ясно, что ждать придётся очень долго, и за это время мы можем превратиться в сосульку. Это летом, под каждой елью можно найти келью, а в феврале, в чистом поле, в дырявой кабине, долго не просидишь. Особенно мы тревожились за Сашку, который лежал на наших коленках. Он изредка кряхтел и крутил головёнкой под толстым стеганым одеялом.

Мы долго сидели молча, в раздумье в тёмной холодной кабине, наблюдая за проходящими мимо нас машинами. Но, думой, камня с пути не своротишь. Когда стало ясно, что шофёр очухается не скоро, а холод уже начал подбираться под нашу одежду, стали искать выход из создавшегося положения. Можно было выйти из машины на трассу и

уехать на попутной машине, но это значило бросить шофёра в бессознательном состоянии посреди дороги. Поступить, таким образом, просто совесть не позволяла. После долгих раздумий, я решил поменяться местами с шофёром и продолжить нашу поездку. Тем более, что такой опыт у меня уже был. Те случаи, которые у меня были до этого, происходили на дорогах с малым движением транспорта и при отсутствии постов ГАИ. А эта трасса была Союзного значения с интенсивным движением грузового и пассажирского транспорта, под контролем стационарных и мобильных постов автоинспекции.

Положение усугублялось ещё гололедицей и тёмным временем суток. Когда я поделился с Валеёй своими намерениями, она была категорически против такого решения. Но, другого выхода, я не видел. И, несмотря на определённый риск, перелез через спящего шофёра, передвинул его с водительского места на пассажирское, завёл машину, и мы двинулись дальше. Валя с опаской следила за каждым моим манёвром. Ей всё время казалось, что я еду слишком быстро. Она сидела, как на иголках, без конца предлагая мне сбавить скорость машины. Я и сам чувствовал себя за рулём не совсем уверенно, из-за гололёда и ослепляющего света встречных машин, и как мне казалось, ехал вполне умеренно. В нашей компании чувствовал себя вполне спокойно только шофёр. Он почти сполз на пол кабины, и спал, словно младенец, сладким богатырским сном, похрапывая и причмокивая пересохшими губами. Через какое-то время, я вполне освоился с обстановкой, и повёл машину более уверенно.

Но меня мучил вопрос: сумею ли я проскочить посты ГАИ, которые были впереди? Если они меня остановят, то, как себя вести? Если мы каким-то чудом успеем поменяться местами с шофёром, то всё равно дальше нас не пропустят из-за его непотребного вида, и из-за перегруза кабины. Чтобы не рисковать, при подъезде к Кипени, где был пост автоинспекции, я остановил машину и попытался разбудить водителя. Но он только мычал и молот что-то несурзкое, высказывая своё возмущение по поводу своего беспокойства. Мне ничего не оставалось делать, как пойти на риск и попытаться проскочить первый пост ГАИ.

Высокая будка была хорошо освещена прожекторами, и её было видно издалека. С замиранием сердца, я приближался к этому сооружению, моля Бога, чтобы нас не заметили и пропустили дальше. Видимо Бог услышал мои молитвы и, поравнявшись с постом, мы не увидели ни одного гаишника. Было раннее утро и они, очевидно, в тот момент отдыхали в своей будке. Проскочив это опасное для нас место, я облегчённо вздохнул, прибавил газку, и мы поехали дальше. Чем ближе мы приближались к Ленинграду, тем больше становился автомобильный поток, как в сторону города, так и из него. Вскоре показался очередной пост перед въездом в Красное Село, а там уже было до города - рукой подать.

Красное Село – это окраина Ленинграда и, не имея опыта вождения машины в большом городе, было бы рискованно продолжать движение вместо шофёра дальше. Город в то время я знал хорошо, и вполне бы мог самостоятельно доехать до Кондратьевского проспекта. Но у меня не было твёрдой уверенности, что я все перекрёстки проеду строго по правилам. При наличии в городе большого числа автоинспекторов не трудно будет определить, что за рулём сидит не шофёр, а «чайник». При обнаружении на полу кабины пьяного шофёра, это не сулило бы нам ничего хорошего и поэтому, не доезжая до поста ГАИ несколько сот метров, я остановил машину и начал трясти шофёра. Вопреки моим опасениям, он, помычав какое – то время, открыл глаза, поднялся с пола на сиденье, осмотрелся по сторонам и, положив свою голову мне на плечо, продолжил свой прерванный сон.

Но это, не лезло уже ни в какие ворота, и я стал теребить его с ещё большей настойчивостью. Окончательно проснувшись, он выразил удивление, каким образом мы очутились в Красном Селе? Услышав от меня, что до этого населённого пункта за рулём

машины был я, он изобразил на лице своё недовольство, приказал мне перейти из кабины в кузов, завёл машину, и мы двинулись дальше.

Ещё издали я заметил, что около будки стоит автоинспектор и смотрит в нашу сторону. В тот момент наша машина была единственная на дороге, поэтому всё внимание было обращено на нас. Чтобы не создавать лишней причины для остановки машины, при проезде мимо поста, я пригнулся, и гаишник меня не заметил. Он стоял, прислонившись спиной к будке, широко расставив ноги, легонько поколачивая по своей ноге жезлом, провожая нашу машину пристальным взглядом. Видимо не заметив ничего подозрительного при нашем приближении, он никак не прореагировал, и мы не спеша проследовали дальше. Передавая руль не проспавшемуся шофёру, я опасался, что он опять уснёт на ходу и куда-нибудь врежется. К счастью, мои опасения оказались напрасны, и мы благополучно, миновав ещё один пост, въехали на Московский проспект.

Буквально через какие-то минуты, я заметил, что моя одежонка совсем не пригодна для поездки в кузове. Встречный морозный воздушный поток обжигал лицо, проникал под куртку, а ноги, обутые в резиновые сапоги и лёгкие хлопчатобумажные носочки заоченели до такой степени, что я их почти не чувствовал. Пришлось применить старый испытанный на целине способ выживания. Прижавшись поближе к кабинке, я скрестил ноги калачиком, сел на них и задним местом своего тела стал согревать их. Было раннее утро, машин на проспектах и улицах было немного, мы двигались почти без остановок, но мне казалось, что каждая улица стала на много длинней, чем была прежде. Я уже пожалел, что разбудил шофёра и оказался в холодном кузове машины. Как говорится: «Вспомнишь и лето, коль шубы нету». К концу поездки, я ооченел до такой степени, что сумел спуститься с кузова на землю только при помощи шофёра. Казалось, что даже язык примёрз к нёбу и не желал подчиняться разуму.

На сей раз, Михайловых мы предупредили заранее о своём заезде к ним, поэтому наше появление не было для них сюрпризом. Дядя Петя собирался на работу, а тётя Клава готовила ему завтрак. Так, что будить никого не пришлось.

На подготовку к отъезду и приобретение билетов ушло несколько дней, и поэтому, уехать из Ленинграда, нам удалось не сразу. Вале очень хотелось побывать в общежитии, где она, когда-то проживала и повидаться с девчонками, с которыми работала до замужества. В один из дней, когда всё было готово для нашего отъезда на Север, мы сели в трамвай и вместе с маленьким Сашкой отправились на проспект Карла Маркса.

Сашке было уже почти полтора года, он свободно передвигался на собственных ножках и вполне осмысленно обзревал окружающий его мир. Сидя у меня на коленках, он беспрестанно вертел, своей головёнкой устремляя свой любопытствующий взгляд, то на замерзшее трамвайное окно, то на рядом сидящих пассажиров. И всё время порывался сползти с моих ног, намереваясь побегать по вагону. Это была в его жизни вторая поездка на трамвае, и поэтому хотелось осмотреть, пощупать и попробовать всё на вкус.

Со дня Валиного отъезда из общежития прошло чуть больше года, и за это время в этом доме больших изменений не произошло. Даже вахтёры в проходной были те же. Вахтёрша, дежурившая в тот день, сразу же узнала Валу и пропустила нас в общежитие, не взяв у нас документы. Девчонки из бывшей Валиной комнаты не знали, что мы в Ленинграде и при нашем неожиданном появлении встретили нас с восторженными возгласами и крепкими объятиями. Обычно так встречаются близкие родственники. Девчонки в комнате были всё те же, только на бывшее Валино место была поселена новенькая девочка. Но и она вскоре подключилась к общей компании, и со стороны можно было подумать, что мы с ней тоже знакомы уже много лет.

Много внимания было уделено Сашке. Каждая старалась поддержать его на руках. Все пытались определить: на кого он больше похож на папу или на маму? Большинство склонилось к тому, что всё-таки на папу. Сашка какое-то время испуганно смотрел на незнакомых ему тётенок, и прижимался, то к матери, то ко мне. Потом постепенно освоился, и стал топтать по всей комнате, хватая и роняя на пол различные предметы, доступные его небольшому росту. Подходящих игрушек у девочек не нашлось. На какое-то время его заинтересовали игральные карты, но больше всего ему понравилась алюминиевая столовая ложка, которой он размахивал как саблей и громко стучал по всем встречающимся ему предметам.

Девчонки буквально засыпали Валью вопросами. Их интересовало, как она прожила целый год на целине? Трудно было привыкать к новому месту или же нет? Где мы жили, в палатке, в землянке или уже в настоящем доме? Где и кем она работала? Долго спрашивали также про наше житьё в совхозе Гомантово. Они очень удивились очередному нашему переезду, да ещё на Север.

За время нашей беседы Сашка успел наиграться и выспаться. Когда он проснулся, мы распрощались и поехали обратно на Кондратьевский проспект, чтобы на следующий день отправиться в дорогу дальнюю.

Дорога на Север была значительно короче той, которую мы проехали, уезжая из Казахстана. Несмотря на то, что составы таскали паровозы, которые очень часто менялись и частенько останавливались для дозаправки водой, да и сами скорости в пути были не велики, на вторые сутки после нашего отъезда из Ленинграда мы были уже на месте, на станции Пинозеро.

В отличие от покинутого нами города, с его шумными улицами, с горьковатым угарным воздухом с грязным рыхлым снегом вперемешку с солью, Север встретил нас загадочной тишиной, прозрачным воздухом, сверкающим на солнце девственным снегом, бесчисленными озёрами обрамлёнными сопками поросшими лесами. Казалось, весь этот край погрузился в глубокий сон, укрывшись белым пушистым покрывалом. Низкое февральское солнце, недавно появившиеся на Заполярном горизонте после продолжительной Полярной ночи, отражалось на белом снежном покрывале, мириадами ярких звёзд.

вид Заполярного озера

Пинозеро.

Станция Пинозеро (современное фото)

На станции Пинозеро поезд стоял одну минуту, поэтому после Кандалакши, где производилась смена бригад, и вместо паровоза к составу прицепили электровоз, мы начали готовиться к выходу. В Пинозере, едва поезд остановился, как я уже стоял на земле и принимал из тамбура Сашку и наши вещи. О своём приезде, мы сообщили Левшаковым телеграммой с указанием вагона. Но так как они не успели вовремя подойти к нашему вагону, нам пришлось выгружаться самим. После нашей высадки, поезд почти сразу продолжил свой путь, простояв на этой станции не более минуты. Тётя Поля с дядей Стёпой заметили нас почти сразу, и не дожидаясь отхода поезда, кинулись в нашу сторону.

Встретили нас радушно с распростёртыми объятьями. Чувствовалось, что нас ждали и нашему приезду были рады. В доме уже был накрыт стол, уставленный пирогами, мясными и рыбными закусками, и бутылками с хмельными популярными русскими напитками. В те годы, край славился изобилием как морской, так и пресноводной рыбы.

В области насчитывается более 110 тысяч озёр, и почти такое же количество различных рек и речушек, которые изобиловали в те годы различными породами рыб. Помимо океанского флота, который рыбачил в разных концах мирового океана, рыболовецкие совхозы, занимаясь прибрежным ловом, снабжали население отличной, охлаждённой рыбой различных пород. Здесь можно было встретить такие породы рыб, о которых мы раньше даже не слышали. В озёрах и реках, помимо обычных, водились рыбы особо ценных пород, такие как: кумжа, сиг, хариус, форель, сёмга, и т.д. Мы, жители южных регионов, привыкли видеть селёдку, только засолённую в бочках в рассоле.

А здесь, помимо обычной, можно было купить селёдку свежую и ящичного посола. Треска считалась, чуть ли не сорной рыбой. Она стоила буквально копейки и любителей трески называли трескоедами. Говорили, что раз «нажимает» на треску, значит, экономит

деньги на машину. Помимо свежей трески, можно было купить и солёную. Засоленную не в рассоле, а в ящике. Помню, такая тресочка мне очень нравилась. Говорят, что в старое – давние времена эти края снабжали рыбой царский двор.

Несмотря на богатый ассортимент различных закусок, мы с Валею «налегали» в основном на рыбу, которая была на столе жаренная, пареная и так кусками. За разговорами, мы даже не заметили, как опустошили целую бутылку водки, и как на её месте очутилась следующая. Дядя Стёпа, исполняя роль разливальщика, исправно следил за тем, чтобы опустошённые стопки тут же заполнялись горячительным напитком. И благодаря его стараниям, наша дорожная усталость куда – то испарилась, и обычный семейный обед превратился в праздничное застолье. Неожиданно появившиеся соседи, ещё больше усилили такое впечатление.

Работники геологоразведочного управления проживали в небольшом посёлке, расположенном на берегу озера Пинозеро. Все и всё знали друг о друге. Входные двери в своих домах закрывали только на ночь. Своё отсутствие в доме частенько отмечали приставленной к двери лопатой или вставленной палочкой в замочной планке. Ходили в гости друг к другу без предупреждения в любое время суток. И поэтому, неожиданное для нас появление в доме соседей, не было для хозяев какой – то неожиданностью. Их тут же усадили за стол, и обед затянулся до ужина и закончился ближе к полуночи.

Не зря в народе говорят, что вино надвое растворено: на веселье и на похмелье. Насколько легко и весело было вечером, настолько тяжело и грустно стало утром. Голова просто раскалывалась на части, и настроение было, говоря словами Аркадия Райкина: мерзопакостное. На настроение подействовало больше всего известие о том, что Геологоразведочному управлению на 1960 год значительно сократили ассигнования на проведение геологоразведочных работ, и поэтому, Управление начало сокращать своих работников во всех геологоразведочных Партиях, расположенных по всему Кольскому полуострову. Несмотря на то, что мы приехали сюда по приглашению этой организации, но принять на работу они нас отказались.

Дядя Стёпа Левшаков, и моя сестра Фаина в Пинозере.

Не помогло даже то, что мой дядя в то время был заместителем начальника экспедиции по хозяйственной части. Мы вместе с ним долго беседовали с начальником экспедиции в его кабинете, но так ни до чего и не договорились. Получилось так, что ехали мы сюда за калачом, а получили кукиш. Мы снова повисли между небом и землёй. Нужно было снова искать где-то работу. Как говорится: вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь. В Пинозере, кроме геологоразведочного управления, никаких организаций больше не было. Значит, искать работу нужно было где-то на стороне. С Управлением можно было судиться и высудить у них затраты, понесённые нами на переезд. С них можно было потребовать деньги на обратную дорогу, и на другие расходы. Многие нам советовали так и сделать. Но, учитывая то обстоятельство, что этот вызов делал нам дядя Стёпа, мы не стали затевать эту тяжбу, чтобы не навредить и ему.

Можно было попытаться устроиться на Кандалакшский алюминиевый завод, на Оленегорский или Мончегорский комбинаты, но мы решили с дядей Стёпой съездить в Ковдор, и попытаться счастье там. В своё время, он работал в этом районе заместителем начальника геологоразведочной партии и хорошо был знаком с некоторыми руководителями тогдашних предприятий. Этот населённый пункт входил в пограничную зону, и въехать туда можно было только по специальному пропуску. Перед отъездом из совхоза Гомантово, я ездил в районный центр Волосово и оформил пропуска для въезда в эту зону, и поэтому, для поездки туда, не было никаких препятствий.

В один из февральских дней, мы с дядей Стёпой сели на пригородный поезд Пинозеро – Ковдор и отправились на поиски работы. В те годы поезд ходил туда один раз в сутки. В Пинозере вагоны отстаивались ночь в тупике, утром отправлялись на Ковдор, а вечером возвращались назад. Я обратил внимание, что сравнительно с пятидесятыми годами, когда я впервые увидел этот поезд, вагоны стали ходить комфортабельней. В 50-е годы, они были двухосные, дощатые и походили на сараи на колёсах. Мы же ехали в плацкартном вагоне, какие ходили в те годы на всех магистралях страны. И паровоз был обычный, с огромными колёсами, какие таскали в те годы пассажирские составы. А вот скорость значительно отличалась от поездов центральных линий.

Станция Уполокша

Разбрасывая клочья дыма, который медленно стелился по заснеженным деревьям и молчаливым сопкам, состав медленно пробирался по однопутной линии, по многочисленным деревянным мостикам, словно заблудившийся путник по тонкому осеннему льду. На бесконечных поворотах, колёса скрипели и в промёрзшем окне заснеженные сопки уступали место многочисленным озёрам, простиравшимся снежной равниной на многие километры. Эти сопки и озёра, я видел и раньше и каждый раз не мог оторвать своих глаз от этой молчаливой, древней, девственной, загадочной и сказочной красоты. Дядя Стёпа, встретил каких-то знакомых, и они увлечённо о чём-то беседовали, а я, молча, сидел у окна и любовался Заполярными красотами. Настроение было препаршивое. Даже окружающие красоты не в силах были развеять тяжёлые мысли. Прошло уже немало времени, а я до сих пор не нашёл никакой работы. Появилось сожаление о том, что мы сорвались со старого места. Там хоть мизерную, но мы имели зарплату, а здесь ни работы, ни зарплаты и полная неизвестность. Но как говорить: вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь.

В составе были три пассажирских вагона и два товарных. Поезд часто останавливался в лесу, возле одиноко стоящих домиков, где и из товарных вагонов рабочие разгружали какие-то товары.

Несмотря на безлюдье, паровоз по каким-то причинам очень часто гудел, выбрасывая в морозный воздух белые клубы пара, словно пытаюсь своим зычным криком разбудить укутанные снегом, спящие крепким сном сопки, поросшие деревьями.

Примерно через час неспешной езды, поезд остановился на станции по названию Уполокша, где слева по ходу стояли недалеко от линии несколько домиков и небольшое деревянное строение вокзала. Это был уже не полустанок, а станция, и поэтому поезд простоял почему-то очень долго, несмотря на то, что желающих поехать на нашем поезде не оказалось, из товарных вагонов были выгружены все товары, и не было никаких встречных поездов. Справа из окна вагона хорошо было видно озеро «Имандра» и одиноко сидящего на льду рыбака.

На небольшом полустанке «Калюжный», в вагон вошли три пограничника, вооружённые автоматами и штык-ножами и поезд, почти сразу же, продолжил свой путь. Два пограничника встали у входных дверей, а третий, объявив о том, что они являются пограничным нарядом, предложил приготовить документы. Проверяющий брал у пассажиров документы, сверял оригинал с фотографией, неторопливо перелистывая все страницы паспорта. Кроме документов пограничник заглядывал на верхние полки и нижние ящики, предлагая сидящим приподняться со своих мест. Было такое ощущение, что они кого-то ищут и в вагоне производят обыск.

У постоянных жителей пропуском для проезда в погранзону являлся паспорт, с соответствующей отметкой в нём. А у меня, вместо необходимого штампика в паспорте была бумага, которая давала мне право въезда в эту зону. При виде, с какой тщательностью пограничник изучает документы у постоянных жителей, меня охватило какое-то труднообъяснимое волнение. А что если пограничнику не понравится мой пропуск. Что я тогда буду делать? Словно камень свалился с моей души, когда после проверки паспорт и пропуск снова очутились в моих руках. Появилась надежда, что мы теперь точно доберёмся до неизвестного мне Ковдора и я найду там работу.

А без надежды, что без одежды, и в теплую погоду холодно. Вскоре, пройдя через узкую щель, прорубленную в скале и небольшой деревянный мостик, поезд выкатился на берег замёрзшего озера. Сначала справа, а потом и слева показались деревянные домики, стоящие в сосновом бору. Поезд плавно подкатил к одноэтажному небольшому вокзальчику с табличкой «Ёна».

станция Ёна

На всём пути нашего следования это была первая станция, состоящая уже не из одного или двух домиков, а из полноценного посёлка, расположенного с двух сторон железнодорожной линии. Пограничники, покинув состав, встали у вагонов, проверяя документы у пассажиров, производивших посадку в поезд. Я обратил внимание, что и с противоположной стороны состава стоял пограничник с автоматом на плече, оберегая состав от нелегальных пассажиров. Мы находились в пути уже более четырёх часов, но не проехали ещё и сотни километров. Несмотря на это, по всему было видно, что станционные смотрители не очень-то торопились отправлять поезд дальше.

Дежурный по станции изредка выходил из здания, неспешно вперевалочку куда-то удалялся и, возвратившись, снова скрывался в дверях дежурки. Можно было подумать, что про нас все забыли и встали мы здесь на вечную стоянку, но пыхтевший рядом с нашим вагоном паровоз, стоял под парами и в любую минуту готов был двинуться дальше. Через какое-то время, в дверях дежурки снова появился дежурный в форменной фуражке, с железным кольцом на плече, с сигнальным флажком в руке и направился в сторону паровоза. Передав жезл машинисту, он поднял зелёный флажок, и мы, наконец-то, двинулись дальше.

Когда стрелки часов перевалили на вторую половину дня, поезд медленно, словно крадучись, тихо постукивая колёсами на рельсовых стыках, преодолев 117 километров, за пять часов, подкатил к небольшому деревянному зданию с табличкой на фронте: «Ковдор».

Это был тупик. Через несколько сот метров заканчивались рельсы, а через десяток километров территория нашего государства. Слева от вокзала возвышалась высокая пологая сопка, а справа виднелся одиноко стоящий небольшой каменный домик на берегу протяжённого озера. На противоположном высоком берегу, виднелись какие-то постройки, окружённые лесными зарослями. Вся близлежащая местность была обрамлена пологими сопками, поросшими лесом и напоминала огромную чашу. Спустя несколько лет, я узнал, что на этом месте, когда-то извергался вулкан и теперешний город находится в бывшем кратере. Очевидно, теперешние сопки были, когда-то краями этого вулкана.

Ковдорский вокзал в 60-70-е годы

Сойдя с поезда, мы с дядей Стёпой отправились в отдел кадров, строящегося Ковдорского Рудоуправления, которое находилось сравнительно недалеко от железнодорожного вокзала. Начальник отдела кадров, просмотрев мои документы, сказала, что в данный момент управлению дизелисты не нужны. Если и потребуются, то гораздо позже, перед началом горных работ. Они сейчас занимаются нарезкой горизонтов на руднике «Железный». Для меня это было большим ударом. Мы знали, что рудоуправление только строится и были уверены, что им нужны рабочие самых разных специальностей. В организации «Ковдорстрой», ответ был примерно такой же.

В этом посёлке была ещё одна организация, в которой, когда-то дядя Стёпа работал заместителем начальника по хозяйственной части: Ковдорская геологоразведочная партия. Время до отхода поезда ещё было, и дядя Стёпа решил зайти туда и поговорить с начальником по поводу моего устройства. Нам было известно, что по всему геологоразведочному управлению проходит сокращение штатов, но была маленькая надежда на то, что как бывшему работнику пойдут дяде Стёпе навстречу и куда-нибудь меня пристроят.

Контора ГРП была на противоположном берегу озера, и чтобы попасть туда, нужно было пройти по дамбе и небольшому мостику. Искусственно насыпанная дамба, делила озеро на две неравные части. Правая восточная часть была длиной примерно километра полтора – два, а западная не менее двух. Недалеко от дамбы, на отвоёванном от леса участке, велось строительство посёлка. Было отстроено примерно четыре квартала деревянных бараков и несколько каменных 2-х и 3-х этажных домов. Строились: школа, баня, продовольственный магазин и деревянные двухэтажные дома.

Контора и небольшой посёлок геологоразведчиков находились на самом берегу озера Ковдоро. Здесь же, по соседству, располагалась небольшая метеостанция, и какая-то воинская часть связистов. В отличие от поселковых, все дома геологоразведчиков были засыпные. Для тепла между наружными и внутренними дощатыми стенами засыпался шлак.

Начальник геологоразведочной партии, Осипов Серафим Сергеевич, встретил дядю Стёпу очень радушно. Поздоровался с ним за руку, как с давно знакомым, и пригласил в свой кабинет. Я остался стоять в небольшом коридорчике, и стал слушать, о чём они говорят. Кабинет от коридора отделяла тонкая дощатая дверь, и поэтому я невольно мог слышать весь их разговор. Серафим Сергеевич, расспросив о новостях в Геологоразведочном Управлении, поинтересовался, что привело его в Ковдор? Узнав причину нашего появления, он помолчал какое-то время, а потом заявил, что, несмотря на доброжелательные отношения к нему, и при желании помочь в трудоустройстве, принять меня на работу он не может.

В настоящее время в геологоразведочной партии идёт большое сокращение штатов, и отдел кадров не примет документы для зачисления в коллектив. Он выразил уверенность, что через несколько месяцев Министерство Геологии должно выделить достаточно средств, для продолжения геологических работ и все геологоразведочные партии вынуждены будут увеличить свои штаты. Если это произойдёт, то можно будет поговорить о приёме на работу. По окончании разговора, они оба вышли в коридор и мы, попрощавшись, направились в сторону вокзала.

Нам ничего не оставалось делать, как ехать назад. Наши делишки оказались как рублишки: мы за ними, а они от нас. Ехали в Ковдор с надеждой и радостью, а уезжали с грустью и жалостью. Настроение было препаршивое. Направляясь сюда, мы надеялись, что на вновь вводимом предприятии, какую-нибудь работу мне найдут обязательно. Пусть даже разнорабочим. Но оказалось, что всё не так просто, как казалось со стороны. Мы с дядей Стёпой ждали обозу, а дождались навозу. Далеко мы ехали, да скоро приехали.

Сидя в том же вагоне, на том же самом месте, что и в первой половине пути, я с тоской смотрел на уходящие назад сопки и замершие озёра, и уже не видел той красоты, которой не уставал восхищаться несколько часов назад. Всё также смотрел в вагонное окно, но мысли были далеки от созерцания проплывавших красот. Были испробованы все варианты устройства на работу, и все тщетны.

В Ёне пограничники проверили ещё раз наши документы, убедились, что мы не шпионы и отпустили нас на все четыре стороны Советского Союза. Примерно через пять часов, паровоз притащил наши вагоны к станции Пинозеро. После высадки пассажиров, перетащил их в тупик, к месту ночной стоянки и укатил на ночлег в Кандалакшу.

Зная расписание поезда, нас уже ждали, и только мы переступили через порог дома, как тут же засыпали вопросами. Наши короткие рассказы, о бесполезной поездке, никого не обрадовали. Большие надежды, возлагаемые на вновь строящийся Ковдор, рухнули. Что было делать дальше, я не знал. Тётя Поля с дядей Стёпой, видя наше с Валею не очень весёлое настроение, как могли, успокаивали нас, убеждая, что в конечном итоге, работа всё – равно найдётся. Нужно только переждать какое-то время. У нас в стране безработных нет. Нам ничего не оставалось делать, как только ждать какой-нибудь фортуны, которая, возможно повернётся к нам лицом. Как говорят: «Господня воля – наша доля». Казалось бы, особых причин для волнения у нас не должно было быть. Мы жили в тепле, под крышей, нас хорошо кормили и поили, не заставляли работать, мы могли спать, сколько влезет, днём гулять по берегу озера, а вечерами ходить в гости. Но, привычка, с раннего возраста жить на своих хлебах, не позволяла долго сидеть на чьей то шее. Да и эта неопределённость мучительно терзала наши души.

Февраль в Заполярье ещё далеко не весна, но отдохнувшее после Полярной ночи солнце уже перемахивало через сопки, и зажигало мириады звёздочек на белом пушистом снегу. Солнечные лучи, отражённые от свежевывавшего снега обжигали глаза, и покрывали лицо, словно южным загаром. Иногда ещё по-зимнему шумели метели, щипали носы ночные морозы, но во всём уже чувствовалось приближение весны. Заполярный край просыпался после длинной, Полярной ночи.

Пользуясь свободным временем и хорошей погодой, мы много времени проводили на воздухе. Бродили по посёлку геологов, по железнодорожному вокзалу, по льду замёрзшего озера. Кормили козочку, которую держали Левшаковы. Мы думали, при виде этого рогатого существа Сашка испугается, но наши опасения оказались напрасны. Какое – то время он смотрел на неё удивлёнными глазами и, подойдя к ней, ткнул пальцем в глаз. Когда коза от испуга наклонила голову вниз, ухватился за её рога обеими руками. Коза, словно понимая, что перед ней стоит несмышлёный ребёнок, стояла смирно, с опущенной головой. В последующие дни, ему понравилось кормить её сеном из рук. В солнечные дни, Сашка щурился, смешно морщил нос, опускал голову вниз и, склонив голову набок, исподлобья глядел на сверкающий, на солнце снег.

Проходили дни за днями, а в нашей жизни никаких изменений даже не намечалось. Дядя Стёпа по своим каналам, пытался узнавать какие организации, производят набор рабочих, и по каким специальностям, но ничего подходящего не было. Уже к концу подходил февраль, уже почти месяц мы находились в таком подвешенном состоянии. В один из февральских дней, придя с работы, дядя Стёпа сообщил, что Ёнскому Рудуправлению требуется машинист на дизельную электростанцию. На следующий же день, мы снова сели на Ковдорский поезд и поехали в Ёну.

В отделе кадров, просмотрев мои документы, сообщили, что они могут принять меня в качестве машиниста дизельной электростанции с 1-го марта по пятому разряду, с подтверждением разряда через два месяца. В то время, дизельные установки я знал хорошо и очередной экзамен меня не пугал. Самое главное – предоставлялось общежитие.

До 1-го марта оставалось всего несколько дней и, вернувшись из поездки в Пинозеро, я сразу же начал готовиться к отъезду. На семейном совете договорились, что Валя с сыном поживут пока в Пинозере, а как только я найду жильё, перевезу их в Ёну.

Ёна.

29 февраля 1960 года, с документами и вещами, я уже был на новом для меня месте. До этого я видел Ёну только из окна вагона, когда мы ездили с дядей Стёпой в Ковдор. Посёлок расположился в сосновом бору на берегу Сейд озера и небольшой речушки, которая впадала в этот водоём, и целиком состоял из деревянных построек. Проходившая через него железная дорога, делила населённый пункт на две части. На стороне железнодорожного вокзала проживали пограничники, железнодорожники, работники Ёнского рудоуправления и там же находилась контора этого предприятия. На противоположной стороне, расположилась воинская часть Северного флота. Фактически, это воинское подразделение занималась заготовкой леса, и к флоту не имела никакого отношения. В народе эту часть называли не Северным, а Сосновым флотом.

Посёлок Ёнский в 80-е годы

Поселили меня в общежитие, которое находилось в пристройке шпального барака. Он действительно был собран из железнодорожных шпал. В основной его части проживали семейные, а в пристройке, состоящей из одной комнаты, одинокие мужчины. Некоторые проживали там, не потому, что были одиноки, просто жить с семьёй было негде. Это здание не имело даже номера дома и названия улицы, где оно стояло. В паспорте было написано, что прописан по адресу: Ёна Шпальный барак. Почтовый адрес тоже был такой же. В комнате, кроме железных кроватей, стола, нескольких стульев и висевшего на стене хрипящего радио, ничего не было. У входа, в одном углу была сложена кирпичная плита, в противоположном, прибит к стене умывальник, рядом с которым стояло ведро с водой. Вода и все остальные удобства, располагались во дворе. Шесть коек стояли вдоль стен комнаты и две по центру. Мне досталась одна из центральных, которая была ближе к выходу. В основной части барака было десять комнат, расположенных по обе стороны широкого, тёмного коридора с двумя выходами с противоположных сторон.

Должен сказать, что мне в жизни явно везло на хороших людей. За все более десятка лет, прожитых в общежитиях, мне попадались нормальные ребята. Не стало исключением и Ёнское. Это были работники самых разных специальностей: шофера, строители, слесари, сантехники и т.д. Все были завербованные с разных концов Союза. Среди них, я был самый молодой, хотя разница в возрасте была небольшая. Несмотря на разницу в возрасте, в привычках, интересах, мы жили дружно. Ребята подобрались общительные, добрые, весёлые, с чувством юмора, оптимизма и в меру пьющие.

Первого марта 1960 года, в моей Трудовой книжке появилась запись о том, что я принят в Ёнское рудоуправление в качестве машиниста дизельной электростанции, по пятому разряду.

Фактически, пришлось работать больше кочегаром, а машинистом только по совместительству. Котельная и электростанция располагались в разных зданиях, примерно в пятидесяти метрах друг от друга. Электростанция снабжала электроэнергией все бытовые и производственные помещения посёлка, а котельная обогревала здание канторы Рудоуправления, клуб, магазин и некоторые производственные мастерские.

В здании электростанции было установлено два дизель-генератора по сто киловатт каждый. Один генератор приводился в действие при помощи дизеля Д-80 от трактора С-80, а другой, от корабельного дизеля, марки «Букаувольф». Если первый дизель мне был знаком по целине, то второй я увидел впервые. Он во многом отличался от первого не только внешне, но и конструктивно тоже. В отличие от первого чёрного, он был окрашен в светло-зелёную краску. Охлаждался не при помощи радиатора, а забортной водой из градирки, которая стояла на улице, у стены станции. Он заводился не пускатём, а сжатым воздухом высокого давления. В связи с этим, необходимо было следить за давлением в баллонах и своевременно закачивать их во время работы дизеля. В противном случае, прежде чем завести двигатель, нужно было закачать вручную два баллона до 20 атмосфер. На эту операцию уходило много времени и изнурительного труда.

В отличие от наших дизелей, где клапанные коромысла смазывались автоматически, на этом двигателе приходилось смазывать их через каждые два часа вручную, при помощи маслёнки. На двигателе Д-80 стояли форсунки, а на «Букаувольфе» насос-форсунки. Наш двигатель заводился при любом положении поршней, а «немец» только при верхнем положении поршня первого цилиндра. В отличие от нашего, где на шатунах стояли вкладыши, на немецком, эти подшипники заливались баббитом, а потом подгонялись по месту при помощи шабровки. Наш развивал 1400 об/мин., а «Букаувольф» - 700 об/мин. И работал почти бесшумно. Казалось, что весь шум улетает в выхлопную трубу. Работа была суточная: через сутки на сутки. Сутки на смене, сутки дома.

Большую часть времени приходилось находиться в котельной, где был установлен обычный паровозный котёл. В исправном состоянии дизель-электростанция работала в автоматическом режиме. Изредка приходилось вносить какие-нибудь незначительные коррективы и возвращаться в котельную, где в отличие от электростанции применялся в основном ручной труд. Нужно было при помощи лопаты, ломика и тачки, навозить в котельную угля, закачать в систему воды и при помощи топки, держать определённую температуру в отопительной системе. Сама система настолько была несовершенна, что даже при незначительном превышении температуры, горячая вода начинала изливаться из расширительного бачка, и заливать чердак и кабинеты канторы.

Требовалась очень внимательная и ювелирная работа с котлом. Можно было понести наказание как за недогрев, так и за перегрев. Как в русской пословице: «Недосол на столе – пересол на спине» и наоборот. Отстоять сутки на смене без сна, очень трудно. Из-за этого котла, даже подремать было нельзя. Я, однажды, не заметил, как уснул, стоя у котла. В результате обжёг руки и затопил водой кантору. За потоп получил хороший

нагоняй и очень долго лечил ожоги. До этой травмы, я не верил, что во сне можно сгореть и не проснуться. Я проснулся не от боли, и почувствовал ожоги не сразу после пробуждения, а только после того, как пошевелил руками. Очевидно, во сне у человека отключаются все системы передачи информации и поэтому люди, не чувствуя боли, получают серьезные травмы.

Если с дизелями у меня никаких проблем не было, то профессию кочегара пришлось осваивать заново. С первого взгляда, кажется, что здесь нет ничего сложного: знай подкидывай уголёк в топку, и вся сложность. Оказалось, что вся сложность, как раз и заключалась в том, как подкидывать, куда, сколько и как часто. Несмотря на то, что на целине я уже имел опыт обращения с углём, первое время уголь у меня не желал гореть, топка еле тлела и отопление в домах еле теплилось. Люди замерзали, и в мой адрес сыпались жалобы. Мне было жарко от старания поднять температуру в системе, а людям холодно. Как говорится: «Добрый разум наживают не разом» и, в конце концов, я нашёл разгадку, которая меня очень удивила. Оказывается, чем меньше шевелишь уголь в топке, тем он лучше горит. То есть, - чем меньше движений, тем больше достижений. После такого открытия, я стал меньше уставать и более уверенно удерживал нужную температуру в системе отопления.

Несмотря на определённые трудности, которые приходится испытывать при устройстве на новом месте, я был рад, что наконец-то нашёл работу и у меня появилась Мурманская прописка. Огорчало отсутствие жилья и слишком маленькая зарплата. Тариф пятого разряда, который мне присвоили при оформлении на работу, был настолько мизерный, что прожить на два дома было очень сложно. Помимо моего пропитания нужны были средства для проживания Вали с Сашкой, которые остались в Пинозере.

Оказывается, северные тарифы были даже несколько ниже, чем, например, в Средней полосе России. Получали значительно больше только те, кто заработал все, так называемые, «Полярки». До 1-го марта 1960 года можно было заработать 10 Полярок, а с 1-го марта, как раз в день моего оформления на работу, две сняли и оставили только восемь. Каждая Полярка увеличивала заработок на 10%, и чтобы получить эту прибавку, нужно было отработать один год. А восемь, соответственно, через восемь лет. У нас выбора не было приходилось с благодарностью принимать то, что мы имели, в надежде на будущее. А как известно, без надежды, как без одежды, и в тёплую погоду холодно, хотя ближняя копейка дороже дальнего рубля.

Дизельная электростанция являлась стратегически важным объектом. Она снабжала электроэнергией все предприятия и жилой фонд Ёнского Рудуправления. В случае её остановки, замирала вся жизнь, как на производстве, так и в быту. В связи с этим, руководители управления были очень частыми гостями на станции, особенно по ночам. Осматривали состояние двигателей, качество выдаваемой в электросеть продукции (напряжение и частоту тока), беседовали на произвольную тему и уходили на покой. В мои дежурства несколько раз заходил, и сам директор рудуправления Татур.

Кроме всего прочего, директор отличался от других, своими габаритами. Если он заходил в здание электростанции, то занимал весь узкий проход и полностью блокировал выход из помещения. В их семействе, не только он один имел такие негабаритные размеры, но и жена тоже была не худенькая. Да и сын, под стать родителям, не страдал худобой. Говорили, что директор с женой весили по 150 килограмм каждый.

В тот год лето выдалось не по северному жаркое, и когда эта семейка залезала купаться в речку, люди шутили, что она вышла из берегов. Директор сильно заикался и усыпал свою речь отборным матом. Его не смущало даже присутствие женщин. Он одинаково разговаривал, как с рабочими, так и с руководителями подразделений. Однажды я был свидетелем одной сцены, которую помню до сих пор.

В Ёне жила одна женщина по имени Ольга, которая без мужа была хронически беременна. Недалеко от конторы Управления собралась небольшая кучка людей, среди которых была, и Ольга на каком-то очередном месяце беременности. Неожиданно к беседующим подошёл директор, приблизился к Ольге, похлопал по её животу ладошкой и выразил своё удивление по поводу её очередной беременности. Причём на это ему хватило всего лишь двух чисто русских слов. Наверняка Ольга сталкивалась до этой встречи с директором и раньше, и поэтому даже не смутилась и ответила на эту реплику, какой-то шуткой.

Я впервые встретился с директором на электростанции, будучи на смене. Проверив работу дизель-генератора, я спустился с горки в котельную. Только успел заправить топку котла очередной порцией угля, как в дверях появились директор с пухленьким подростком. Они, оказывается, совершали вечернюю прогулку и по пути решили заглянуть на электростанцию. Не обнаружив меня там, зашли в котельную. К тому времени, я отработал на новом месте всего несколько смен, и у меня не всё ладилось с котлом. Увидев директора, я подумал, что он зашел, чтобы отругать меня за холодные батареи в его кабинете. И когда здороваясь, он подал мне руку, я был крайне удивлён таким неожиданным началом. А первые слова, произнесённые после приветствия, поразили меня ещё больше. Его интересовало, откуда я приехал, где проживает моя семья, какие у меня успехи на новом месте и т.д.? Вопросы были обыденные, но все они были приукрашены таким отборным матом, что от неожиданности, меня просто поразили. Одно дело услышать подобные слова от простого рабочего, и совсем другое, от руководителя подобного ранга. Впоследствии, я тоже привык к директорскому жаргону, и при встречах, уже не поражаюсь его познаниями народного фольклора.

При оформлении на работу, мне присвоили пятый разряд авансом, и чтобы его подтвердить, нужно было сдать экзамен по устройству дизельных установок, и до этих испытаний, проработать без серьёзных замечаний. Замечаний по электростанции у меня не было, дизельные установки я знал не только теоретически и поэтому, когда меня пригласили 17 мая 1960 года на экзамен, у меня не было сомнений, что я его сдам.

Когда я переступил порог кабинета главного механика Управления, вся комиссия была уже в сборе. Кроме самого главного механика, на стульях, расставленных вдоль стен, сидели: главный инженер, автомеханик, бульдозерист и инженер-экономист Управления. В самом начале, экзамен больше походил на дружескую беседу. Узнав, что я работал на целине, некоторые члены комиссии заинтересовались: на какой технике мы там работали, как оплачивался наш труд, где жили первое время и т.д.? За этими разговорами, как-то незаметно, посыпались вопросы по устройству дизельных установок. Если вначале мне казалось, что экзамен закончится дружеской беседой, то где-то в середине, у меня сложилось впечатление, что меня хотят завалить и присвоить более низкий разряд.

Когда я без запинки ответил на все вопросы, которые касались устройству и техническому обслуживанию дизельных установок, посыпались вопросы, которые должны знать, главным образом, механики и более высокий технический персонал: из каких марок стали изготавливаются те или иные детали дизеля, каким образом получают эти сплавы, какая температура в камере сгорания во время вспышки топлива и т.д. Когда я ответил и на эти все вопросы, главный механик предложил присвоить мне не пятый, а седьмой разряд. Даже экономист не возражал, и мне вручили удостоверение, где было сказано, что мне присвоен 7-й разряд машиниста-дизелиста.

Если до экзамена, я отработал на электростанции все смены без замечаний, то после, спустя какое-то время, в мою смену произошло ЧП, которое могло привести к непредсказуемым результатам. Находясь в котельной, я обратил внимание, на то, что лампочки, висевшие под потолком, начали светить на много ярче обычного. Одна лампочка даже лопнула, и осыпала пол стеклянными осколками. На улице, даже на слух

можно было определить, что дизель работает на повышенных оборотах. На станции, взглянув на приборной доске на вольтметр, я не поверил своим глазам: вместо положенных 400 вольт генератор выдавал на линию 600 вольт.

Это значит, что все включённые в данный момент электроприборы, могли выйти из строя, и могли произойти пожары. Переключив посёлок на запасной дизель-генератор, я стал искать причину, столь необычного поведения, как мне казалось, очень надёжного двигателя. До этого я работал на дизелях, где насос и форсунки были отдельные, а на этом, корабельном, немецком двигателе, каждая форсунка была ещё и насосом, и сама качала для себя топливо. На одной из них, каким-то образом, рейка, соединённая с регулятором оборотов, развернулась в противоположную сторону. Когда регулятор работал на сбавление оборотов, форсунка впрыскивала в камеру сгорания большую порцию топлива. Двигатель развил большие обороты, и генератор стал выдавать на линию повышенное напряжение. После замены насос-форсунки двигатель, как и прежде, стал развивать свои 750 об/мин. и выдавать на линию 400 вольт.

Скрыть эту аварию было невозможно. Во-первых, я отметил это в журнале, а на следующее утро доложил механику. Когда после смены я возвращался домой, то случайно услышал разговор двух мужчин. Один жаловался другому, что у него почему-то, ни с того ни с чего, задымился магнитофон, а у другого сгорел радиоприёмник. Проходя мимо них, я не признался в содеянном, но на душе было тяжёлое чувство вины. Специалисты, расследовавшие этот случай признали мои действия правильными и моей вины не нашли.

Ёна. Улица Приозёрная, рядом с электростанцией

Ёна – посёлок приграничный, но с первого взгляда, он ничем не отличался от таких же населённых пунктов внутри страны. Но это только с первого. Все товарные и пассажирские поезда тщательно проверялись пограничниками. Частенько можно было видеть пограничные дозоры с собаками в лесу вдали от дорог. Иногда и сами дороги перекрывались пограничными нарядами. Как-то в мою ночную смену, ко мне в котельную зашли пограничники с расспросом, не видал ли я в этом районе подозрительного мужчину. Описав его наружность и одежду, в которую он может быть одет, попросили меня, в случае его обнаружения, позвонить по названному телефону. При переходах из котельной на электростанцию и в обратном направлении, я внимательно просматривал окрестности, но за всю ночь не видел не только каких-то подозрительных людей, но даже кошки и собаки. Весь посёлок спал спокойным, мертвецким сном.

Как-то на стадионе приземлился вертолёт, и под конвоем пограничников в него посадили двух нарушителей границы, которые пытались перебраться в Финляндию. Говорили, что они из какого-то Тбилисского научно-исследовательского института. При них, якобы, были обнаружены какие-то секретные документы, которые они пытались переправить через границу.

Потом пограничники охотились за двумя братьями, которые чуть ли ни месяц бродили вдоль границы в поисках бреши. Кончилось всё тем, что один из них всё-таки перешёл границу, а другого удалось поймать.

Ходили всякие байки о том, что были случаи, когда рыбаки и охотники, заблудившись, переходили государственную границу и, поняв, что очутились в другом государстве, незамеченные возвращались назад. Был один анекдотический случай, про который рассказчики уверяли, что это было на самом деле.

Небольшая группа рыбаков, заблудилась в лесу. После нескольких суток скитаний, они встретили в лесу эстонца, который рыбачил на небольшом озерце. Обрадованные скитальцы обратились к нему с вопросом, как дойти до Ковдора. Эстонец, решив их разыграть, сообщил, что они находятся в Финляндии, и ни о каком Ковдоре он ничего не слышал. Единственно, он знает, что за сопкой находится Россия, и если они ползком перевалят её, то пограничники их могут не заметить.

Рыбак по-русски говорил с большим акцентом, чем ещё больше убедил скитальцев в правдивости его слов. Как известно, эстонский и финский языки чем-то похожи. Обрадованные мужички поблагодарили рыбака и поползли по-пластунски на эту сопку. Когда мокрые, уставшие, но довольные, что сумели преодолеть границу незамеченными, они достигли вершины сопки, то увидели в дали какие-то строения. Они были страшно удивлены, что контуры этого населённого пункта, как две капли воды похожи на Ковдор. Приглядевшись, они поняли, что это он и есть. И стало ясно, что рыбак их просто разыграл. Несколько дней они потратили на поиски этого рыбака чтобы «отблагодарить» его за столь остроумную шутку. К счастью, нашли его спустя сколько-то дней, когда прошла большая злоба, и эта встреча прошла без рукоприкладства.

Несмотря на то, что в Заполярье я был не новичок, но северных олений и коренных жителей здешних мест – саамов, впервые увидел в Ёне. Примерно в двух-трёх километрах от посёлка Ёна располагался колхоз с одноимённым названием, где проживали Саами или как их звали ещё в народе Лопари, которые разводили оленей. Работники этого колхоза иногда приезжали в посёлок на оленях в магазин. Интересно было смотреть, как эти низкорослые, рогатые животные с лёгкостью тащат по земле гружёные нарты с седоками, оставляя на земле тонкие и узкие следы от полозьев. Однажды я был свидетелем забавной и даже пикантной сцены.

При подходе к шпальному барaku, я увидел оленью упряжку, на нартах которой барахталась разнополая парочка. Женщина лежала на спине с задранном подолом платья, а молодой парень, стоя на коленях, рылся в её штанах, явно пытаясь что-то найти. Женщина сопротивлялась, судорожно мотала ногами, что-то выкрикивала, но судя по интонации её голоса, это не было похоже на изнасилование. В какой-то момент парень изловчился, одной рукой прижал женщину к нартам, другой выхватил из её штанов какой-то пакет и пьяной походкой отправился прочь. Женщина вскочила, пытаясь задержать парня, смачно выругалась, махнула рукой и, закрыв лицо ладошками, уселась на край нарт и зарыдала.

Ёнские саамы

Глядя на всю эту сцену, я не знал, на что и подумать. Ни на грабёж, ни на изнасилование это было не похоже. По одежде и внешнему виду, без труда можно было определить, что они аборигены и им нет никакого смысла заниматься непристойными делами в чужом посёлке. Да и оленье упряжка подтверждала их происхождение. Всё разъяснилось буквально через несколько минут, когда со стороны вокзала показалась фигура насильника с бутылкой водки в одной руке и пакетом в другой.

Неуверенной походкой, слегка пошатываясь, с выражением счастья на круглом лице, он шёл по направлению к нартам, неся желанную посудину, словно семейную святыню. Завидев возвращающегося парня, женщина вскочила на ноги, поддёрнула подол своего платья, расцвела в широкой улыбке и с радостными восклицаниями бросилась к нему навстречу. Сблизившись, она попыталась вырвать из рук парня бутылку водки, но он, пользуясь своим преимуществом в росте, поднял свою руку с горячим кверху, и словно боевое знамя, донёс её до оленей стоянки. Вместо бутылки, он передал ей пакет, который она тут же спешно засунула в свои штаны, предварительно задрвав подол длинного платья. Отвязав оленя, они удалились в сторону колхоза.

Несколько позже я узнал, что это мать со своим сыном из Ёнского колхоза. Занимаются оленеводством, и оба не прочь выпить. Частенько приезжают в магазин за водкой. Вот таким образом произошло моё первое знакомство с оленями и аборигенами Заполярья.

Из-за маломощного котла и неудачного расположения, котельная явно не удовлетворяла своих потребителей. Руководством Рудоуправления было принято решение, построить новое здание на новом месте, и установить там более мощный отопительный котёл. Плотники из бруса очень быстро соорудили новое помещение, электрики установили необходимое электрооборудование, сантехники проложили трубы до теплоцентрали, осталось установить только котёл и можно приступать к обогреву посёлка. Но прежде чем установить, его ещё нужно было привезти из посёлка Риколатва, за 18 километров от Ёны.

Котёл был крупногабаритный и тяжеловесный, и начальство долго не могло придумать, каким транспортом доставить его до места установки. После долгих раздумий, решили установить его на лист железа, и при помощи трактора, притащить в Ёну. И это не совсем простое дело было поручено мне. Сложность состояла не только в большом весе и габарите груза, но и в дороге, по которой нужно было его протащить. Узкая, каменистая, просёлочная дорога, изобиловала множеством спусков и продолжительных подъёмов, которые нужно было преодолеть с огромной железякой, с большой площадью торможения.

Самый сильный в то время трактор С-80, сравнительно легко взял с места прицепленный к нему толстый лист железа с большим паровозным котлом. Соприкасаясь с дорожными камнями, лист издавал причудливые звуки, ровняя, множественные дорожные бугорки и ямки, и оставляя на земле широкий, ровный след. На месте нашего прохода, качество дороги заметно улучшалось. Трактор, с большой натугой, но вполне успешно преодолевал и все встречные подъёмы, и спуски.

Неприятности появились неожиданно там, где я, например, не предполагал. Мне на целине приходилось таскать грузы волоком на большие расстояния и там, несмотря на то, что почва не каменистая, металлические части, соприкасающиеся с землёй, выходили из строя. Примерно во второй половине пути, я стал замечать, что нагрузка на трактор стала возрастать, а на железном листе стали расти целые кучи земли. После очистки, я обнаружил в листе рваную дыру, через которую земля, во время движения, непрерывным потоком поступала на поверхность листа. После появления второго отверстия с противоположной стороны, земляной поток увеличился, и пока я дотащил эту громадину до посёлка, пришлось несколько раз очищать лист от лишнего груза.

Несмотря на то, что последнюю очистку я произвёл на берегу Сейд озера, у Большого камня, от которого до посёлка оставалось около двух километров, при подъезде к железнодорожному переезду, на листе железа снова громоздилась большая земляная гора. Переезд был охраняемый, и дежурная по переезду не разрешила мне переезжать на противоположную сторону путей до особого на то разрешения. Остановив меня, она ушла к дежурному по вокзалу, а я стал ждать её возвращения. Она не возвращалась так долго, что я уже устал её ждать и подумал, что про меня просто забыли, и занялись какими-то своими делами.

Побродив ещё какое-то время возле трактора, я залез в кабину, включил первую передачу и успешно перемахнул со своим грузом по переезду на противоположную сторону линии. Только успел мой котёл сползти с дощатого переезда на землю, как со стороны станции я увидел двух бегущих людей в железнодорожной форме. Я понял, это по мою душу, остановил трактор и вылез из кабины. Стрелочница, и дежурный по вокзалу, сначала подбежали к переезду, что-то там осмотрели, потом подбежали ко мне, и дежурный, брызгая слюной, начал орать на меня так, словно я совершил террористический акт, и остановил движение всех поездов Советского Союза. Схватив меня за лацканы пиджака, он подвёл меня к переезду и, указав на засыпанные землёй рельсы, сказал, что будет оформлять документы в суд. Они действительно были засыпаны так, словно их и не было там вовсе. Приказав стрелочнице срочно очистить переезд, он разрешил мне ехать дальше.

От переезда до котельной, куда я тащил этот груз, оставалось чуть больше километра, и этот отрезок пути мне показался бесконечным из-за испорченного настроения.

Как потом выяснилось, дежурный по вокзалу не страшал меня, а действительно оформлял материалы. Только благодаря моему начальству, которое встало на мою защиту, этим документам не дали ходу, и дело не дошло до суда.

Примерно таким же способом, как в своё время Пётр 1-й перетаскивал корабли по суше: при помощи брёвен, верёвок, ломиков, домкратов и какой-то матери, мы перетащили привезённый котёл в помещение новой котельной и установили на заранее залитый фундамент. Оставалось установить вытяжную дымовую трубу, смонтировать дымосос, подключить котёл к водопроводной системе, и новую котельную можно было запускать. Вытяжная металлическая труба около тридцати метров длиной была уже изготовлена, лежала возле места установки и ждала своей очереди.

Очередной отопительный сезон был уже не за горами, и Рудоуправленческое начальство по нескольку раз в день появлялось в котельной, с проверкой хода работ. Главный механик, можно сказать, дневал и ночевал там. Частенько наведывался и директор. Едва его грузная фигура переваливала через порог котельной, как тут же всё помещение наполнялось громким громовым голосом. Он задавал вопросы, выслушивал ответы и тут же давал оценки, проделанной работе. Причём отрицательные оценки произносились сплошной нецензурщиной и в повышенных тонах. Подобным тоном, он разговаривал со всеми, невзирая на пол, возраст и занимаемую должность. Все уже настолько привыкли к директорскому фольклору, что просто не замечали этих смачных ярких выражений.

Однажды в самый разгар рабочего дня, едва протиснувшись через широкие двери котельной, он приказал всем собраться у смонтированного котла. Убедившись, что все в сборе, он заявил, что попросил всех собраться для того, чтобы предложить сегодня же установить дымовую трубу на место. День уже перевалил на вторую половину и многие усомнились, что до конца смены можно это сделать. Директор заявил, что прекрасно понимает, что объём работы большой, и потребуется поработать сверхурочно. Если до конца дня, труба будет установлена, то каждый получит по два дня отгула и по два литра спирта на бригаду.

Многим понравилась особенно вторая часть предложения, где говорилось о спирте. Бригадир заявил, что мы согласны, и после ухода директора, мы сразу же приступили к подготовительным работам. Я никогда раньше не видел, как устанавливают подобные негабаритные агрегаты, и мне было любопытно принять участие в незнакомом для меня деле. Оказалось, всё не настолько сложно, как я думал. В начале, приварили электросваркой петли к самой трубе и к тому месту, куда она должна была встать. При помощи лебёдки и трактора, вставили трубу в эти петли. При помощи троса, пропущенного через высокую треногу, трактор легко оторвал трубу от земли и поставил её вертикально. Электросварщик приварил трубу к основанию, и на этом работы были закончены. Несмотря на то, что полярное солнце своими косыми лучами продолжало освещать близлежащие сопки, время приближалось к полуночи. Выполнив первую часть директорского приказа, было принято решение поднять с постели кладовщика, получить обещанные два литра спирта и уже потом выполнить вторую.

Кладовщик уже крепко спал, и долго не соглашался вставать с постели. Но под напором жаждущих получить заработанное немедленно, прямо сейчас, в конечном итоге сдался, с большой неохотой оделся, и под конвоем крепких ребят, отправился на склад. На складе ребят ожидал неожиданный и неприятный сюрприз: вместо обещанных двух, они получили только один литр спирта. Кладовщик заявил, что на складе больше нет его в наличии. Сколько ребята ни шумели, высказывая своё возмущение, кладовщик продолжал утверждать, что спирта больше нет ни грамма. Посланцы до такой степени были возмущены явным обманом, что готовы были поднять с постели и директора, но вернувшись в котельную, несколько поостыли.

На рабочем верстаке, рядом с тисками, на развёрнутых газетах, был накрыт импровизированный стол из «тормозков», взятых из дома на обед, и началось «обмывание» дымовой трубы. Мне, буквально через несколько часов нужно было

заступать на вахту, поэтому я долго не задерживался и ушёл домой, чтобы вздремнуть немного перед сменой, а некоторые товарищи так разгулялись, что где пили там и уснули. Уже придя на смену, мне пришлось их поднимать.

Если со спиртом нас обманули, то вторую часть обещания директор выполнил и нам всем дали по два отгула. У меня до этого была переработка, и появилась возможность съездить в Пинозеро, где жила моя семья. К концу смены ко мне на электростанцию зашёл механик и сказал, что со следующего дня, я могу пойти в отгулы. Я был обрадован и огорчён одновременно. Обрадован тем, что могу увидеться с семьёй, а огорчён, что поезд на Кандалакшу уже ушёл, а следующий пойдёт только на следующий день вечером.

За тот короткий срок, что я здесь отработал, у меня появилось немало знакомых, со многими сложились даже дружеские отношения. В свободное от работы время, частенько к нам в котельную заглядывали два друга железнодорожника, которые работали на паровозе. Один был машинистом, а другой помощником машиниста. И таскали они составы с различными грузами из Ковдора до Кандалакши и обратно. Несмотря на то, что мы работали в разных организациях, наши интересы во многом совпадали, и у нас образовались приятельские отношения. Узнав о моём огорчении, они предложили мне вечером поехать вместе с ними до Пинозера на товарном паровозе. В тот день они должны были везти очередной состав. Я, конечно, с радостью согласился. Нужно было только обхитрить пограничников и незаметно залезть в паровоз.

Как только они осмотрели весь состав и прозвучал прощальный гудок, я с противоположной стороны вокзала, где стоял пограничник ко мне спиной, стремглав вскарабкался на провоз и уселся на скамейку, которую мне предоставили паровозники. Машинист покрутил металлический штурвал, нажал на рычаг, расположенный почти у потолка, паровоз дёрнулся и медленно попятился назад. Подчиняясь очередным движениям машиниста, остановился, дёрнулся вперёд и, распуская клубы горячего пара, с пробуксовкой ведущих колёс, стал медленно набирать скорость, таща за собой состав товарных вагонов.

Я готов был кричать «ура!» от радости, что удалось провезти пограничников, и я еду на целые сутки раньше. Помощник очень часто подкидывал уголёк в паровозную топку, а машинист, сидя с правой стороны кабины, внимательно следил за дорогой извивающейся змеей между сопок и множества озёр. Несмотря на то, что время было ещё не зимнее, и на дворе не стояли морозы, в паровозной кабине было не жарко. Порывы холодного воздуха через открытые окна и дверные проёмы влетали в кабину то с левой, то с правой стороны. В метре от кабины, за стальной дверцей, полыхало пламя ни в одну тысячу градусов, а в кабине было прохладно. Ребята были за работой, и им было не холодно, а я, сидя на низенькой скамейке, в лёгком плаще, замерзал и ловил моменты, когда помощник открывал дверцу топки, чтобы захватить как можно больше тепла. Незадолго до этой поездки, эти ребята пережили страшное крушение, можно сказать, чудом остались живы, и сейчас, словно ничего и не было, с шутками и прибаутками вели очередной состав к месту назначения. Так получилось, что я оказался в числе свидетелей той катастрофы.

Всё произошло ранним утром. В ту ночь, я находился на смене, на электростанции. Примерно в пятом или в шестом часу, я видел, как в сторону Кандалакши прошёл товарный состав. Через какое-то время, после прохода поезда, за озером раздался страшный грохот, который нельзя было сравнить ни с чем, кроме как с крушением. Судя по грохоту, всё произошло совсем рядом, но из-за поворотов железнодорожной линии поезда было не видно.

Я точно знал, что вели этот состав мои знакомые ребята, и поэтому было огромное желание, сию же минуту броситься в сторону непонятного грохота, чтобы в случай надобности, оказать необходимую помощь товарищам. Но бросить электростанцию не мог,

и поэтому, с большим нетерпением ожидал пересменки. Дождавшись, тут же побежал по шпалам в сторону озера.

Преодолев два поворота, которые были прорублены в скале, я увидел несколько вагонов, стоящих на рельсах, как ни в чем, ни бывало. Несколько поодаль виднелся паровоз, развёрнутый по диагонали по отношению к железнодорожной линии, на самом краю насыпи, в нескольких метрах от озера. На насыпи виднелась голова и хвост, а средняя часть состава куда-то исчезла. Только подойдя поближе, удалось обнаружить исчезнувшие вагоны. Это были открытые платформы, гружёные круглым лесом, которые провалились под бывший мост, образовав слоёный пирог. Весь лес, которым они были загружены, валялся в озере. Чтобы узнать о причинах такой грандиозной аварии, я побежал к паровозу, который стоял, зарывшись стальными колёсами в щебёнку, слегка наклонившись на правый бок, в нескольких метрах от воды и попыхивал паром, словно отдуваясь, после тяжёлой, непосильной работы. Уже работала комиссия, производившая расследование причин аварии и в стороне от насыпи связисты, накинув длинные штанги на телефонные линии, сообщали в министерство о происшествии.

Машиниста с помощником я застал сидящих рядом с паровозом, у самой воды. Меня удивил их спокойный вид, и совсем не паническое настроение. На мой вопрос о причине крушения, они ответили шуткой, что их железный конь устал и решил отдохнуть на берегу живописного озера. А перейдя на серьёзный лад, рассказали, что когда отъехали от станции Ёна, то увидели впереди, на берегу озера, какое-то пламя. Подумав о том, что это рыбацкий костёр, с набором скорости поехали дальше. В этом месте дорога имеет два крутых поворота и проходит через скалы, словно в траншее, что сокращает передний обзор.

Преодолев второй поворот, они увидели, что деревянный мостик, перекинутый через небольшую речушку, по которому проложены рельсы и до которого осталось всего несколько десятков метров, объят пламенем. Несмотря на то, что было ясно, что остановить состав уже невозможно, они включили тормоза экстренного торможения и контрпар (это когда колёса паровоза начинают вращаться в обратную сторону), но состав по инерции продолжал двигаться дальше.

Под тяжестью паровоза, горящий мост просел, но не развалился, пропустив через себя паровоз и ещё два вагона. Когда остальные вагоны начали проваливаться, произошёл сильный рывок, в результате которого паровоз сошёл с рельс, врезался колёсами в насыпь и недотянув несколько метров до воды, остановился.

Платформы, груженные лесом, продолжали движение, и одна за другой проваливались под мост, предварительно вышвыривая брёвна у впереди идущих вагонов в озеро. Под мостом образовался слоёный пирог от пустых платформ, а всё побережье озера было завалено брёвнами. У последнего вагона, стоящего на рельсах, прямо на насыпи, с понурой головой, в глубокой задумчивости, сидел кондуктор, сопровождавший злополучный состав. Отвечая на мой вопрос, он ответил, что ничего не помнит, как всё произошло. Запомнил только, что вагон неожиданно встал на дыбы, и раздался сильный грохот. Очнулся, когда уже сидел на насыпи на берегу озера. Сам ли вышел с площадки вагона, или его выбросило, он не помнит. Больше ничего он не мог рассказать. Видя его стрессовое состояние, я не посмел больше донимать его своими вопросами.

По какой причине загорелся мост, так и не выяснили. Возможно, даже и нашли виновников, но нам, жителям так и не сообщили. Для нас, это осталось тайной. После этого пожара, все деревянные мосты ликвидировали. Вместо них установили трубы, для пропуска воды небольших речушек, и засыпали их землёй.

В паровозе не было ни воды, ни туалета. Все естественные нужды экипаж исполнял в тендере, который был загружен углём и технической водой, для паровоза. Загрузив очередную партию угля в раскалённую топку, помощник рассказал мне одну очень интересную историю, похожую на анекдот, которая произошла у них в одну из поездок.

Машинист, сойдя со своего места, вошёл в тендер, спустил штаны и уселся спиной к кабине справлять свою нужду. Помощник, недолго думая подставил под его задницу лопату. И когда машинист, сделав своё дело, стал надевать штаны, помощник незаметно вместе с углём выбросил всё содержимое в топку. Приведя себя в порядок, машинист с изумлением увидел, что, на том месте, где должны были находиться результаты его стараний, ничего нет. Покрутившись на одном месте, он стал ощупывать свои штаны, потом спустил их до самой земли и стал внимательно разглядывать каждую складку брюк и кальсон. Не найдя там ничего подозрительного, он снова натянул штаны на прежнее место, встал и глубоко задумался. Только когда увидел катающего от смеха помощника, понял, в чём дело, и тоже долго хохотал.

Полустанок Калюжный проскочили без остановки, не сбавляя скорости. С правой стороны от насыпи торчали обгорелые сосны от недавнего лесного пожара. Несмотря на то, что на ликвидацию этого огненного буйства были брошены большие людские силы, спасти большие участки леса не удалось. Помимо всего трудоспособного населения Ёны, на ликвидацию пожара были брошены и солдаты.

На этом огромном и страшном кострище, довелось побывать и мне.

Забросили нас туда вечером, на железнодорожной открытой платформе, при помощи дрезины и рассредоточили вдоль небольшого ручья, протекавшего через лес с юга на север. Задымление было такое, что слезились глаза, дышать было нечем. Никакими защитными средствами нас не обеспечили. Когда от дыма становилось невмоготу, приходилось припадать носом к ручью, но и там особого спасения не находили. Перед нами была поставлена задача: не пропустить огонь на противоположный берег ручья. А за ручьём пламя бушевало во всю, стоял сплошной треск и шум, падающих деревьев. На наше счастье, погода выдалась безветренная, и огонь наступал низом. Если бы он перешёл на верховой, то мы не только бы не удержали его при помощи берёзовых веток и лопат, которыми были вооружены, но едва ли и сами успели бы унести свои ноги.

Утром, мы сдали свои позиции солдатам, закопчённые, уставшие, с красными глазами и распухшими носами, вернулись домой. Промелькнувшая станция, и обгоревшие деревья, напомнили мне ещё раз, о той тревожной, огненной, ночи.

Примерно к полуночи, мы подъехали к станции Уполокша, и остановились у закрытого семафора. Здесь необходимо было произвести маневровые работы. Мы очень долго катались по путям станции. К паровозу что-то прицепляли, потом отцепляли. Казалось, этому бесконечному катанию не будет конца. В конечном итоге, разъединённый состав соединили, и мы двинулись дальше без остановок. Ранним утром ребята высадили меня в Пинозере, а сами потащили состав до станции Кандалакша.

Сойдя на землю, я ужаснулся. У меня был такой вид, словно я, отработав смену, вышел из угольной шахты. Лица я своего не видел, но руки и вся одежда были покрыты толстым слоем угольной пыли. Плащ из тёмно-синего превратился в чёрный.

Тётя Поля, открывшая дверь на мой стук, была удивлена моим непотребным видом, и тут же поинтересовалась: где это я так сумел вывозюкаться? Обычно, в эти ранние часы, все ещё спали, но я, своим неурочным появлением, поднял всех на ноги.

Мене тут же предложили переодеться, а мою одежду бросили в стирку. Ночь, проведённая в паровозе, давала себя знать. Уютная, семейная обстановка, меня окончательно разморила, и, едва коснувшись мягкой перьевой подушки, я тут же словно провалился в бездну. Мне казалось, что я проспал какие-то минуты. На самом деле, время приближалось к обеду, и Валя с тётей Полей уже накрывали на стол, тихонько побрякивая посудой. Через какое-то время, с работы пришёл дядя Стёпа, и мы приступили к обеду. Живя в общежитии, я уже отвык от домашней кухни, и с удовольствием уплетал наваристые щи, аппетитные жареные сижки, и румяные свежие пирожки. Утром, видя мой утомлённый вид, мне не задавали никаких вопросов, а во время обеда, и после него, интересовались моей работой, условием проживания в общежитии, перспективой получения жилья.

О работе, и проживании в общежитии, мне было что рассказать, а вот насчёт жилья, сказать было нечего. Предприятие жилищного строительства не вело, а единственное общежитие, было всё занято. Нужно было ждать, когда кто-нибудь съедет и освободит комнату. А когда это произойдёт, никто не знает. Частники не сдавали жильё внаём. Создалось почти безвыходное положение, из которого не было видно просвета. Можно было вырыть землянку и вспомнить целинные земли, или попробовать снять угол, в соседнем посёлке, который расположен примерно в двух километрах от Ёны.

Но там можно было снять именно угол, а не комнату, потому, что все дома были деревенского типа, без перегородок. Фактически, пришлось бы жить в одной комнате с хозяевами. Построить землянку мне вряд ли бы разрешили, оставался только второй вариант. В конечном итоге, мы с Валею решили снять угол в колхозе Ёна, а дальше будем решать вопрос с жильём, по ходу дела.

Несколько дней, проведённых в Пинозере, в семейной обстановке, пролетели как несколько часов, и нужно было снова возвращаться в общежитие, в мужской коллектив, со своими законами, отличными от семейных.

Вернувшись в Ёну, на следующий день, передав электростанцию сменщику, не заходя в общежитие, я тут же отправился в колхоз Ёна, с целью, снять какое-нибудь жильё. Колхоз располагался на берегу озера, где жили оленеводы. В основном, это были коренные жители, так называемые Лопари, а по научному Саами.

Улица в колхозе Ёна

В первых двух домах, мне отказали, сказав, что не могут пустить жильцов из-за малой площади дома. Во втором доме, посоветовали обратиться к хозяйке соседнего дома, которая живёт одна, и может пустить на постой.

Входная дверь соседнего дома была раскрыта настежь, но на мой стук никто не откликнулся. Крикнув несколько раз, и не получив ответа, я вошёл в дом, но никого там не увидел. По единственной комнате бегали куры, которые топали по полу, сидели на столе и скамейке. Постояв у порога, я вышел на улицу, и стал ждать хозяйку у крыльца. Прошло, как мне показалось, уже немало времени, а хозяйки не было видно. Не зря в народе говорят, что ждать да догонять, хуже нет. Ещё говорят, что ждать, не устать, было б чего ждать. А мне было чего ждать, поэтому я продолжал стоять. Возможно, от этой бабульки зависело, как скоро я смогу перевести свою семью из Пинозера в Ёну.

Несмотря на то, что я почти всё время ходил вдоль дома и непрерывно заглядывал во все концы деревни, хозяйка дома появилась для меня совершенно неожиданно. Я даже не мог понять, в какой стороне она была. Увидев меня, она, как мне показалась, даже не удивилась моему появлению и первая поздоровалась. Когда я спросил её, почему она не закрывает дом, уходя так надолго, она ответила, что закрывается только на ночь, а целый день дом стоит открытый.

Узнав о причине моего прихода, она в начале расспросила меня, откуда я приехал? Где сейчас работаю? И где в настоящее время проживает моя семья? Видимо, удовлетворившись моими ответами, сказала, что если меня удовлетворяют эти условия, то она согласна выделить нам уголок в своём доме. Насчёт условий я ей ничего не сказал, а сам подумал, что это всё-таки лучше, чем в землянке. Бабулька оказалась разговорчивая. Она рассказала, что в настоящее время проживает одна. Муж сравнительно недавно умер. Есть у неё сын, который занимается оленеводством и большую часть времени находится на пастбище и живёт в чуме. К матери приезжает не часто, наездами. Напоследок она сказала, что мы можем вселяться хоть завтра.

В отличие от жилья, хозяйка мне понравилась, и я возвращался в общежитие в приподнятом настроении. Пусть даже в курятнике, но наконец-то мы снова будем жить вместе, одной семьёй. Не пугало даже то, что на работу, каждый день придётся ходить далеко. А огорчало, что условия для малого ребёнка были не совсем подходящие. Была надежда, что после нашего вселения, хозяйка не будет пускать кур в дом. Была ещё тревога: согласится ли Валя переселиться в такой курятник? Учитывая то, что на целине нам уже пришлось пережить что-то подобное, я надеялся, что она согласится на переезд. Как говорят: где любовь да согласие - там и двор красен.

Через какое-то время, у меня снова появились отгулы, и я отправился в Пинозеро за семьёй. Как я и предполагал, Валя, без раздумий, согласилась на переезд, и мы, собрав свои пожитки, выехали на новое место жительства. По причине отсутствия денег для оплаты за проживание, решили сразу не вселяться в село к бабушке, а, получив согласие ребят и коменданта, пожить какое-то время в общежитии, хотя это было не очень удобно.

Общежитие чисто мужское, состоящее из одной комнаты, без наличия свободных кроватей. Это очень стесняло Валю, да и спать втроем на одной односпальной кровати было невозможно. Валю с Сашкой я поселил на своей кровати, а сам укладывался на полу на разном тряпье, какое удавалось найти в комнате. На наше счастье, мужички в комнате собрались сознательные, и при надобности, выходили на улицу, давая возможность Вале привести себя в порядок. Вдобавок ко всему, к тому моменту, у нас закончились все деньги. Той мизерной зарплаты, которую я получал, хватило ненадолго, и настал день, когда дома ни крошки хлеба, в кармане ни единой копейки денег, и занять негде. Особенно тяжело было слышать, голодный плач сына, и успокоить его было нечем. Пришлось писать заявление на имя директора, с просьбой, выдать мне промежуточный аванс.

Когда мы совсем было, собрались перебираться в село к бабушке, кто-то из мужичков, проживавших с нами в одной комнате, обратил наше внимание на кладовку, расположенную в основной части барака и предложил переделать её под жилую комнату. Это была каморка полтора метра шириной и примерно четыре метра в длину, превращённая в свалку. Она была полностью завалена различным тряпьем, поломанной мебелью и стеклянной тарой разного калибра. В самом начале, это был когда-то тамбур, для запасного выхода из барака, потом, по каким-то причинам, вместо двери поставили окно, и тамбур превратили в кладовку. Предложение, конечно, было заманчивое, но очень трудно было представить, каким образом мы сумеем поместиться на четырёх квадратных метрах, где нужно будет ещё соорудить печку, поставить кровать, и какое-то подобие столика. По сравнению с бабкиным курятником, здесь мы заимели бы отдельный уголок.

Заручившись разрешением комендантши, мы с желанием поскорей занять свой уголок, приступили к строительству своего жилья. Перетащив весь хлам на помойку, и приведя помещение в божеский вид, мы сразу же переселились в этот чуланчик. Из побочных материалов, я сколотил какое-то подобие кровати, поставив это сооружение на чурбачки, из двух чемоданов соорудили столик, и нашей радости не было границ.

Для полного счастья, нам не хватало только печки, для приготовления пищи, и для обогрева. Зима была не за горами, и нужно было поторапливаться. Я печки никогда не клал, только видел несколько раз, как это делается и поэтому самостоятельно справиться с этим делом не мог. На нашем участке работал один специалист, как говорят: от скуки на все руки. В том числе, он клал и печки. Звали его Саша. Этот Саша с удовольствием согласился сложить печку в нашей коморке.

Я очень быстро раздобыл кирпичи, глину и все премудрости, необходимые для этого сооружения и Саша немедля, войдя в наше положение, приступил к работе. Буквально за два вечера, он сложил печку. И когда осталось только вывести трубу на чердак, и далее на крышу, Саша пропал. Оказывается, у него наступило время очередного запоя, который

повторялся почти ежемесячно. Он жил со своей семьёй в собственном домике, рядом с переездом, из-за которого я чуть было ни попал под суд.

Когда я пришёл к ним в дом, чтобы узнать причину приостановки наших печных работ, Сашка лежал на кровати пьяный, без чувств, а дочка, примерно лет четырнадцать от роду, стояла в углу на коленях, за какую-то провинность. Мне без слов стало всё ясно, и я, без лишних объяснений, развернулся, и вышел вон.

Время шло, Сашка продолжал пить, и к нам не появлялся. Сколько он будет пить, а потом, как он говорил, лечиться, было не ясно. Среди моих знакомых, таких специалистов больше не нашлось, и я решил завершить кладку сам. На первый взгляд очень простая работа, оказалась довольно-таки сложной. Моя труба, которую я клал, валилась то на один бок, то на другой. Когда я её вывел из комнаты на чердак, она уже извивалась, как змея, а мне ещё предстояло вывести её на крышу, и на крыше на какую-то высоту. Несмотря на это, я продолжал кладку, и за два вечера, после работы, моя кривая труба уже торчала из крыши, в ряду других таких же труб, только прямых. Многие, глядя на моё изваяние, предрекали срок жизни моей трубы не более недели, а некоторые и того меньше.

Забегая вперёд, хочу сообщить, что она не развалилась и простояла до дня ликвидации самого барака, ни один десяток лет. Уже живя в Ковдоре, каждый раз, проезжая на поезде через Ёну, я заглядывал в сторону шпального барака, с тем, чтобы убедиться, стоит ли моя труба или уже нет. Несмотря ни на какие прогнозы, она продолжала стоять и служить людям и после нашего отъезда. Когда я завершал кладку, Валя решила посмотреть на мою работу, и оценить её.

В начале я ей показал, как изгибается труба на чердаке. Потом мы поднялись на крышу, чтобы осмотреть, как она выглядит снаружи. Перед этим, прошёл небольшой дождичек, крыша была мокрая и скользкая. Уже после осмотра, когда мы возвращались назад, Валя неожиданно поскользнулась, упала на спину и поехала вниз.

Мне удалось схватить её на самом краю крыши, когда её туфли уже повисли в воздухе. Всё произошло настолько быстро, что ни она, ни я, не успели даже испугаться. Страх пришёл гораздо позже, когда я поставил её на ноги, и мы начали отряхивать её платье от грязи. Не успей я её схватить, трудно было представить, чем бы всё это закончилось. Успокоившись, мы спустились вниз и произвели первое испытание нашей печки. К нашей радости, несмотря на кривизну дымохода, дым сразу же устремился кверху и ровной тонкой струйкой заструился к макушкам сосен, стоящих рядом с баракком. Этот день стал для нас праздником. С появлением плиты отпала необходимость бегать по соседям в поисках печки, чтобы сварить обед, а самое главное, в этой камерке можно жить и зимой. Валя тут же отварила кастрюльку картошки, и мы устроили праздничный ужин.

С появлением печки, нужно было позаботиться и о дровах. Из-за близости леса, за ними не было необходимости ездить далеко. Лес находился не более, чем в двадцати метрах от барака, где немало было валежника, вполне пригодного для топки. Можно сказать, что мы жили почти в лесу. Нередко лесные обитатели, в поисках пищи, приходили к баракку и ковырялись в мусорном ящике.

Однажды поздно вечером, я пошёл выбрасывать в этот ящик мусор. Неожиданно, из него выскочило какое-то существо, и в мощном прыжке перелетело из ящика на близстоящее дерево. Это место освещалось небольшой лампочкой, и поэтому я не успел разглядеть, кто это был. Но мужички потом мне рассказали, что к нам повадилась ходить росомаха. Возможно, это она и была.

Мы с Валею, не свалив ни одного дерева вблизи от жилья, заготовили дров на всю зиму. Несколькими позже, мне удалось раздобыть немножко досок, построить сарай и убрать

все наши дрова под крышу. И так, шаг за шагом, наша жизнь, потихонечку, начала налаживаться. Возможно, в некоторых домах, платяные шкафы имели большую площадь, чем наша жильё. Ширина нашей комнаты соответствовала длине моих вытянутых рук, но мы были довольны, что заимели свою, пусть даже больше похожую на собачью конуру, комнатку.

Не успели мы, как следует порадоваться нашими приятными изменениями, как в нашей жизни объявились новые, не совсем приятные, обстоятельства. На работе нам объявили, что в связи с подключением посёлка к высоковольтной линии, наша электростанция закрывается, и машинисты будут переведены на другую работу. На какую другую, можно было только гадать. В состав рудоуправления входили участки, расположенные в посёлках Риколатва и Слюда, и если отправят работать туда, то снова придётся начинать всё сначала.

22 августа, нашу электростанцию закрыли. Вопреки моим опасениям, меня оставили на том же участке, где я и работал, но только уже в качестве слесаря-монтажника. А проще говоря, слесарем-сантехником. По этой специальности, я никогда не работал, поэтому пришлось вникать во всё заново. Эта бригада обслуживала все трубопроводы, которые находились, как на территории самой Ёны, так и других рабочих посёлках Рудоуправления. Осваивать новую специальность было легко и трудно, одновременно. Легко потому, что коллектив не изменился, все ребята были знакомы, а нелегко по той причине, что я никогда не имел дел с трубами и батареями водяного отопления.

Если раньше, работая в котельной, я гонял по этим трубам горячую воду, то теперь пришлось ознакомиться со схемами, как горячего, так и холодного водоснабжения. И не только на бумаге, но и прощупать каждую трубу в отдельности. Водой и теплом обеспечивался не весь посёлок, а только контора, клуб, гараж, магазин, столовая и дом директора. Причём, проводка труб для тепла и воды в магазин, в столовую и в дом директора, проводилась уже при моём участии. Подводка труб к этим объектам производилась подземным способом, в траншеях. Траншеи не засыпались землёй, а закрывались щитами и только после этого покрывались толстым слоем земли. При таком варианте, была возможность для визуального осмотра целостности труб.

Однажды при таком осмотре, я застрял в траншее. Причём настолько серьёзно, что уже хотели вскрывать её, чтобы вызволить меня оттуда. В одном месте, траншея проходила под дорогой, и проходящий по ней транспорт, сузил её. Когда я дополз по трубам до этого узкого участка траншеи, мне оставалось преодолеть всего несколько метров до выходного люка. Узкий участок представлял собой горловину. В центре сужался, а через примерно полметра расширялся. Протиснувшись, с большим трудом в самое широкое место горловины, и сделав несколько попыток пролезть дальше, я понял, что попал в ловушку и не могу двигаться ни взад, ни вперёд. Вперёд не пускает траншея, а взад фуфайка, которая при малейшем движении собиралась в гармошку и заклинивала меня окончательно. Продолжительные попытки высвободиться из этой ловушки, были безуспешны.

Товарищи, ожидавшие меня, поняли, что со мной что-то случилось и начали кричать в люк. Я ответил, что застрял под дорогой и не могу двигаться ни взад, ни вперёд. Тут же последовали самые различные советы, которые не приводили к успеху. Когда уже начали раскапывать траншею надо мной, я почувствовал какой-то маленький зазорчик между мной и траншеей, потихоньку начал раскачиваться, и каким-то образом выскочил из этого горлышка.

Чтобы вернуться назад, нужно было развернуться, но в этой тесноте сделать это было невозможно. В любом случае, можно было двигаться только вперёд. С большим трудом, мне удалось содрать с себя фуфайку, протолкнуть её через узкое горлышко,

преодолеть это препятствие, и выбраться наверх. Наверху меня встречали радостными возгласами, словно я совершил какой-то героический поступок. Среди товарищей по работе, я был самый щупленький, почему меня и послали проверить именно этот участок. Все остальные, не подходили по габаритам, и пролезть через это горлышко, могли только нагишом.

По этим подземным ходам можно было проникнуть ко всем зданиям Рудоуправления, которые были подключены к тепло и водоснабжению. Однажды при проверке труб под конторой рудоуправления, я заметил люк, который выходил вовнутрь здания. Чтобы удовлетворить своё любопытство, я приоткрыл крышку, и увидел, примерно в двух метрах от себя директора, сидящего за своим рабочим столом. Оторвавшись от каких-то бумаг, директор обратил свой взор в сторону крышки, находившейся почти под его ногами, и наши взгляды встретились. Он смотрел на меня любопытными, прищуренными глазами, а я на него испуганными и с отвисшей челюстью. Вопреки моим опасениям, что на меня сейчас польётся целый фонтан чисто русских изречений, директор углубился в свои бумажки, не проронив ни слова, а я, захлопнув крышку люка, продолжил осмотр труб.

Вскоре, пришлось встретиться с директором снова, но уже не в его кабинете, а в его доме, где он проживал со своей семьёй. Нам было дано задание, провести в этот дом водопровод, и смонтировать водяное отопление. Дом был деревянный, одноэтажный, типовой, одноквартирный, трёхкомнатный, с высоким крыльцом. Директор проживал с женой и сыном, которому было в то время лет 15-17. Особой роскоши в доме не было. Обычная мебель, самые обыкновенные бытовые приборы. Единственно, чем отличался этот дом: наличием телефона, который был в этих местах только у больших начальников. В спальне директора и его жены, стояли две огромные кровати. Я уже писал выше, что они оба были весом далеко за сто килограмм и на обычной кровати, очевидно, не помещались. Работали мы в этом доме несколько смен, и видели директора только по вечерам, когда он возвращался с работы. Жена нигде не работала, и днём была дома вместе с сыном.

Мне запомнился этот дом не потому, что он был директорский, а по той причине, что в этом доме, я вывихнул ногу и проболел две недели. Всё получилось неожиданно и просто. При очередном заходе в дом, с каким-то грузом, я поспешил, неудачно ступил на крыльцо, нога подвернулась, что-то там хрустнуло, и я сел на задницу, взыв от боли. Нога распухла до такой степени, что я не мог, залезть ни в какую обувь. Пришлось познакомиться с здешним фельдшером, который впоследствии чуть ни отправил меня на тот свет. Он был единственный медик - универсал на несколько посёлков, и по всем вопросам, что касалось здоровья, нужно было обращаться только к нему. Больница находилась в Ковдоре, в пятидесяти километрах от Ёны.

Через какое-то время, после излечения ноги, у меня разболелся зуб, и мне снова пришлось идти за помощью к этому фельдшеру. Несмотря на мои утверждения, что зуб можно ещё вылечить, фельдшер настоял на удалении, и мне ничего не оставалось делать, как согласиться. До этого я уже перенёс три операции, а вот зубы ещё не удалял, и не знал, чего это стоит. Я не знаю, в те годы, для обезболивания при удалении зубов, применяли какие-то препараты или нет, но мне он начал удалять без укола. Зуб оказался не простой, и разломился на пять частей. У меня от боли, глаза лезли на лоб, пока он искал зубные осколки в развороченной десне. Я вышел из амбулатории весь мокрый, словно из парилки. К великому сожалению, наши общения на этом не закончились.

В один из дней, у меня разболелся живот, открылась рвота, и я снова отправился в амбулаторию. Фельдшер признал у меня отравление, и прописал очистительную клизму и рвотный порошок. Всего за сутки, я ослаб до такой степени, что с большим трудом передвигал ноги. На следующий день, он порекомендовал продолжить эти же процедуры, несмотря на то, что меня и без порошков рвало в тридцать три струи. Дома, когда я вернулся после приёма, Валя признала у меня аппендицит. Я и в самом деле почувствовал

боль в правой стороне живота. Я тут же развернулся и снова побрёл на приём к фельдшеру. После осмотра, он подтвердил Валину догадку, и выписал мне направление в Ковдорскую больницу.

Поезд туда уже прошёл, а следующий нужно было ждать ровно сутки. Никакого другого транспорта больше не было. Валя, видя, как я мучаюсь, предложила поехать на поезде, который должен был возвращаться из Ковдора, в Пинозеро. Там вызвать «Скорую», и таким образом добраться до Кандалакшской больницы. После некоторых колебаний, я согласился, и вместо Ковдора, мы поехали в противоположную сторону, в Пинозеро. В Пинозере, дядя Стёпа вызвал «Скорую» и меня повезли за тридцать километров по ухабистой дороге в больницу посёлка Зашеек. Каждая кочка отдавалась мне болью в животе, и я чувствовал, что мне становится всё хуже и хуже.

В больнице, после беглого осмотра, хирург приказал сёстрам срочно готовить меня к операции. Мне не разрешили даже стоять, а положили на каталку, и после небольшой подготовки, покатали в операционную. Во время операции, когда добрались до моего аппендикса, хирург даже ахнул. Как он сказал, что ещё бы пара часиков и мой аппендикс лопнул бы. Он спросил, хочу ли я посмотреть на него? И получив от меня положительный ответ, показал обрезок какого-то отростка, толщиной и длиной примерно с большой палец руки, державшийся на кончике длинного пинцета. На возражения ассистента по поводу показа, хирург ответил, что он видит, что больной смотрит на это дело трезво и поэтому ему можно показать предмет, который он носил в своё чреве. Он также удивился, как он не лопнул в машине «Скорой помощи», при проезде по ухабистой дороге?

Пять суток я пролежал с трубкой в животе, куда очень часто что-то заливали. Каждый раз там что-то урчало и бурлило. Хирург, делавший мне операцию, на следующий день ушёл в отпуск, а меня передали другому лечащему врачу. При первой перевязке, этот доктор выразил своё удивление по поводу грубой заделки операционного шва. Он сказал, что меня зашили как поросёнка, после начинки яблоками, перед отправкой в духовку. Медсестра, проводившая перевязку, ободрила меня, сказав, что через какое-то время шов выровняется, да и под рубашкой его не видать. К счастью, всё закончилось благополучно, и мы с Валею вернулись в Ёну, в свою коморку.

Вот так фельдшер чуть ни отправил меня на тот свет. Валя, своей настойчивостью спасла мне жизнь. Если бы аппендицит тогда лопнул, то при отсутствии подходящей клиники и надлежащих специалистов, никакое чудо меня не спасло бы.

Отбив какое-то время на больничном, я был выписан на работу на так называемый «лёгкий труд». Фактически, на участке, связанном с металлом, батареями и трубами самых разных размеров, такой работы не существовало. Даже некоторые инструменты, которыми производились определённые рабочие операции, имели немалый вес. Самый ходовой инструмент Клупп-Дуплекса, для наружной нарезки резьбы на трубах, был для меня противопоказан, но, несмотря на это, пришлось поработать и им.

Однажды, мастер объявил, что нашей бригаде предстоит одна халтурка, на которой мы можем неплохо заработать. Но для этого нужно будет поехать в посёлок Риколатва, который расположен в 18 километрах от Ёны. Водить нас туда каждый день не будут, и поэтому, жить придётся там до завершения работ. Отрываться от семьи, и жить в полевых условиях, не очень хотелось, но поправить своё материальное положение было не лишним.

Посёлок расположен на берегу небольшого озера, обрамлённого небольшими пологими сопками, поросшими негустым смешанным лесом. Одна сопка выделялась своей высотой и в отличие от других, поросших деревьями до самых макушек, на вершине была покрыта мхом. Ягель толстым слоем покрывал её вершину, и шагать по нему было мягко и

приятно, словно по роскошному дороговому ковру. Словно сторожевая башня, она возвышалась над своими сёстрами, охраняя покой этого тихого, таёжного края. Узнав о том, что высота этой сопки 600 метров от уровня моря, в один из обеденных перерывов, я решил покорить эту вершину.

Риколатва

Мне казалось, что от места нашей работы до её макушки рукой подать. Достав свои «тормозки», все уселись пообедать, а я начал восхождение, надеясь через короткое время вернуться назад. Вопреки моим ожиданиям, по прошествии немалого количества времени от начала моего восхождения, до макушки сопки было ещё очень далеко. Меня предупреждали, что в горах, как и на море, кажущаяся близость объекта очень обманчива, но мне всё не верилось.

Мне казалось, раз предмет хорошо виден, значит, он рядом. Шагая вверх по густому ягельному ковру, я с каждым шагом убеждался в своих заблуждениях. Макушка сопки приближалась, но очень медленно. Судя по времени, обеденный перерыв подходил к концу, а я всё не мог достигнуть своей цели. Чем ближе я подходил к вершине, тем шире раздвигался горизонт. Показались озёра, которые не были раньше видны и белоснежные шапки Хибинских гор. С южной стороны едва угадывалась тонкая струйка паровозного дыма, петлявшая между сопки.

Судя по времени, и зная расписание поездов, можно было предположить, что это пригородный поезд Пинозеро – Ковдор движется в нашу сторону и находится где-то в районе 25-го километра. По прямой, это не менее сорока километров от этой сопки и это значило, что я взошёл на значительную высоту. С высоты почти птичьего полёта, открылась красочная панорама бесконечной гряды лесистых сопки, голубизна множества озёр и небольших речушек. Под косыми лучами заполярного солнца, прикрытая лёгкой дымкой, представшая картина завораживала и словно магнитом притягивала взор на открывшуюся панораму. Было огромное желание стоять и любоваться не яркой, скромной, но по-своему красивой, какой-то таинственной и загадочной картиной.

Судя по времени, обеденный перерыв давно закончился, и мне пора было срочно спускаться к подножью горы, где предстоял наш фронт работы. А работа была не совсем

обычная: проложить воздуховод высокого давления от компрессорной до штольни, где добывали слюду. Обычно мы монтировали трубы для воды и отопления в здания, а здесь для сжатого воздуха и под землю, в штольню. Впервые я вступил под землю в этом посёлке, и посмотрел, в каких условиях работают шахтёры. До этого видел только в кино. В этих недрах залегала слюда высокого качества, по названию Мусковит, которая широко использовалась в радио и оборонной промышленности. Долгое время эти выработки были в подчинении НКВД, и являлись секретными. Говорят, в старину, этой слюдой стеклили окна в домах, настолько она качественна и прозрачна.

Проработали мы в Риколатве около месяца и нам действительно, как и обещали, заплатили хорошие деньги. Нам их хватило, чтоб рассчитаться с долгами и что-то позволить себе в питании. На оставшиеся деньги я подарил Вале электрическую швейную машинку, о которой она давно мечтала.

Наша жизнь в Ёне постепенно налаживалась. Мы приловчились к тем скромным денежным доходам, которые я получал и к очень скромному нашему жилищу. Первое время, наши соседи по бараку, проявляли удивление, по поводу того, каким образом мы сумели на пяти квадратных метрах соорудить печку, да ещё найти места для жилья? Квадратных метров действительно было катастрофически мало. Спать на импровизированной кровати приходилось втроём. Повернуться с боку на бок, не разбудив спящего рядом, было невозможно. Чтобы выйти из комнаты в коридор одному, приходилось выходить всем, или забираться на кровать, уступая место выходящему.

О месте для стола, не приходилось и думать. Вместо него мы использовали два чемодана, установленные буквой Т. Пока Валя готовила что-то на плите, мы с Сашкой выходили в коридор барака, на улицу, или сидели на кровати, до конца варки. Но как говорить: в тесноте да не в обиде. Между собой мы жили мирно, в надежде на лучшее будущее, и как мне казалось, даже счастливо. Не зря говорят, что человек счастлив, когда работе рад и в семье лад. В семье действительно был лад, а вот работе, честно говоря, я не совсем был рад. К великому сожалению, в жизни чаще всего приходилось делать не то, что хотелось, а то, что надо. Даже существует такая пословица, в которой говорится, что человек становится личностью не тогда, когда он делает то, что хочется, а тогда, когда делает то, что надо.

Народ в бараке подобрался добрый, честный, дружный и общительный. Такое соседство с добрыми, честными и порядочными людьми, во многом скрашивало и облегчало нашу не совсем благоустроенную жизнь. Не зря говорят, что при выборе нового места жительства, надо выбирать не дом, а соседей. Комнатные двери закрывались только на ночь. Днём можно было входить без стука в любую комнату, как домой. Не считалось зазорным, занять у кого-нибудь краюшку хлеба, соли или какого-то другого недостающего дома продукта. При особой надобности куда-то отлучиться, любой сосед мог посидеть с ребёнком. Иногда даже уходили в лес за ягодами или за грибами, без боязни за оставшихся дома детей.

Мы в дружеских отношениях были со всеми жильцами барака, но ближе всех сошлись с Александром и Полиной Беловыми. Наши дети: Александр и Виктор были одногодки, и почти сразу же, после знакомства, нашли общий язык, и подружились на долгие годы. Иногда, в хорошую погоду, мы все вместе ходили на прогулку. В той части посёлка, где располагалась воинская часть, была сооружена из досок танцевальная площадка, где по вечерам проходили танцы. Наши ребяташки, видя, как танцуют взрослые, хватали друг друга в охапку, выходили на край площадки и словно два медвежонка, плотно прижавшись, друг к другу, с серьёзными лицами начинали медленно кружиться на одном месте, топая короткими ножками. Зрелище было препотешное. Многие посетители танцплощадки, с умилением и с улыбкой на лице, наблюдали за этой забавной парочкой, стараясь не спугнуть молодых и потешных танцовщиков.

Посёлок Ёна. Барак Шпальный. Я с Сашей (слева) и Витей.

Кроме танцевальных способностей, у ребятшек появился интерес к пению. С не меньшим интересом можно было слушать в их исполнении кусочки различных песен, как детских, так и взрослых. Особенно забавно Сашка исполнял песенку про маленькую ёлочку, которой холодно зимой. В начале куплета он что-то бормотал на своём непонятном языке, а когда доходил до слов: «...весело, весело встретим новый год», словно заезженная патефонная пластинка, начинал многократно повторять: «Ой, веселё, ой, веселё ...» При этом, в такт начинал топтать ножкой и прихлопывать в ладошки. Ещё ему нравилась песенка про огонёк, которую он мог петь очень долго, совмещая пение с какой-нибудь игрой. Частенько, во время игры, можно было слышать его голос, напевающий одно единственное слово из этой песни: «Анянёк, анянёк», и далее какое-то непонятное бормотание.

Беловы – Александр и Полина (фото 80-х годов)

Полина Белова работала в клубе киномехаником, а её муж Саша шофёром на машине ГАЗ-51. Однажды Саша так подшутил, что чуть ни сделал меня инвалидом, а мог и вообще убить. По каким-то своим делам, он подъехал на рабочем ГАЗике домой к шпальному барaku. А когда он стал отъезжать, я поехал вслед за ним на велосипеде.

Дорога шла под горку, и я развил скорость не менее 40 км/час, стараясь не отстать от Сашкиной машины. Увидев в зеркале заднего вида, что я не отстаю, он резко тормознул и я, не ожидая такого манёвра, ударился о борт и полетел вместе с велосипедом под машину. Услышав удар и грохот, Сашка выскочил из кабины и, увидев меня, распластавшегося под задним мостом, с испуганным видом бросился ко мне на помощь. Убедившись, что я отделался небольшими ссадинами и шишкой на лбу, успокоился, извинился за злую шутку и отправился по своим делам. Мне же пришлось какое-то время отсидеться на ближайшем пенёчке, прежде чем продолжить свой путь. Получилось, как в той присказке: кошке шутки, а мышке слёзки.

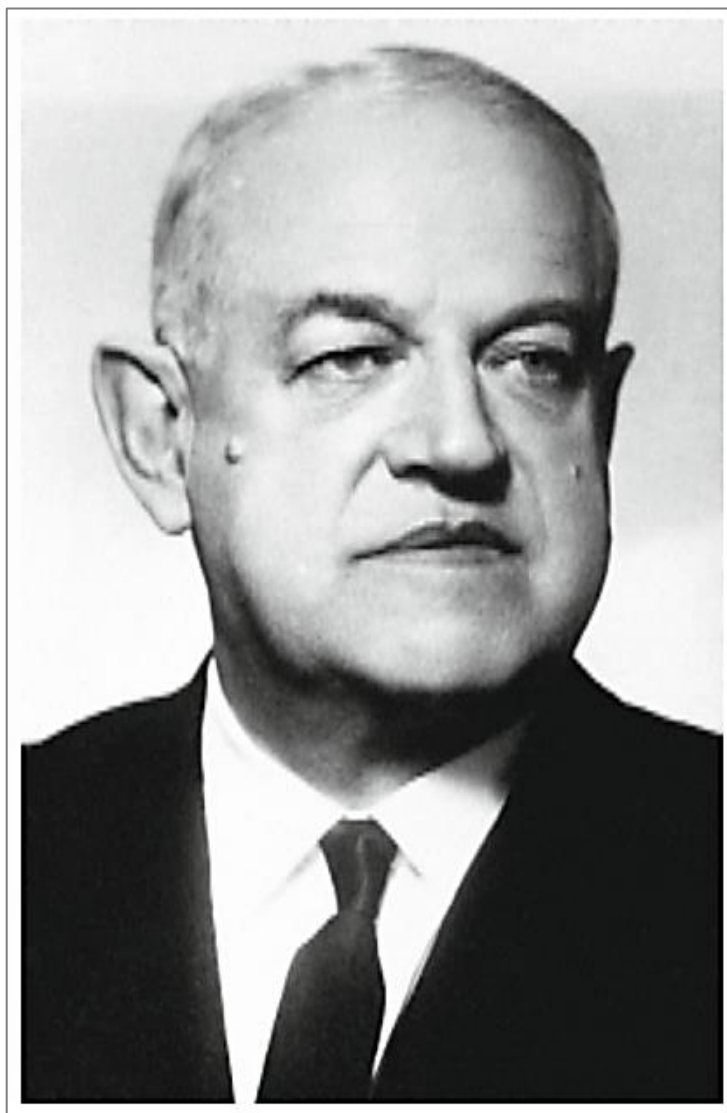
Время шло, мы уже начали привыкать к новому месту жительства. У нас уже появились друзья, с которыми мы начали дружить семьями и все знаменательные события отмечать вместе. Но продолжали жить всё в том же маленьком чуланчике, размером с собачью будку. Из барака никто выезжать не собирался, а другого жилья не было. Такая перспектива нас не устраивала, и заставляла подыскивать другую работу.

В Ёне. Александр Белов (фото начала 70-х)

В Рудоуправлении строительства жилья не планировалось, а буквально рядом, в несколько десятков километров от Ёны, разворачивалась грандиозная стройка нового города, и мощного комбината по добыче железной руды. Дядя Стёпа, по своим каналам узнал, что Ковдорской геологоразведочной партии требуется машинист на шурфопроходческий агрегат.

В один из дней, он заехал за мной, и мы поехали с ним снова в Ковдор, в ту же ГРП, в которой были в прошлой нашей поездке. Нас принял всё тот же начальник геологоразведочной партии, Осипов Серафим Сергеевич.

С.С. Осипов,
*начальник Ковдорской ГРП,
Лауреат Ленинской премии*

Прежде чем ответить на наш вопрос: примет меня на работу или же нет, он устроил мне самый настоящий допрос, словно принимал меня не в геологоразведочную партию, а в Коммунистическую. Пришлось подробно рассказать всю свою биографию, со дня рождения до последних дней. Его особенно заинтересовали и насторожили мои переезды по стране, и увольнения с прежних мест работы. Выслушав мои рассказы, и внимательно просмотрев мою Трудовую книжку, которую я предусмотрительно взял в отделе кадров Рудоуправления, он наконец-то сказал своё: да.

Радостный и возбуждённый я вернулся в Ёну, и почти сразу же начал оформлять перевод в Ковдорскую ГРП. Со стороны руководства Ёнского Рудоуправления, возражений о моём переводе не последовало, на все формальности ушло считанное количество дней, и второго января, получив в отделе кадров Трудовую книжку, я отправился в Ковдор.

Огорчало только то, что геологоразведка предоставляла мне только общежитие, но в обозримом будущем обещала выделить и комнату. Одно это вселяло надежду на то, что когда-то мы всё-таки займем своё жильё и заживём по-человечески. А пока мне пришлось переехать в Ковдор одному, а Вале с Сашкой остаться проживать в Ёне.

Ковдор.

Ковдор встретил меня крепким морозцем и слабым ветерком. Нахлобучив поглубже кроличью шапку, и подняв воротник полупальто, я отправился по узкой тропинке, протоптанной по толстому льду озера, в сторону посёлка. Полярная ночь не закончилась, и с южной стороны всё небо было окрашено багровым цветом. Долгожданное солнце ещё не появлялось на горизонте, но своими лучами уже освещало облака, и очерчивало силуэты пологих сопок. Сосны, ели, и небольшие берёзки, окружавшие небольшой посёлок, укрытые белым покрывалом, отсыпались в зимней спячке, после короткого, полярного лета.

Поднимаясь по тропе на противоположный высокий берег, я мысленно пытался представить, как сложится наша жизнь, в этом небольшом, таёжном, заполярном, рабочем

посёлке. Впереди показались несколько каменных двухэтажных домиков и небольшая улочка деревянных одноэтажных барачных, сколоченных из свежих неокрашенных досок. На следующей улице, за бараками, можно было слышать голоса строительных рабочих, возводивших корпуса двухэтажных четырёх квартирных домиков из бруса. С южной стороны посёлка, на одной из сопок, где намечалось строительство мощного железорудного карьера, отчётливо слышались удары канатно-ударного бурового станка, и слабо светились фары 25-тонных самосвалов. Несмотря на мороз, посёлок жил и продолжал трудиться.

Тропка, протоптанная в глубоком снегу, привела меня на Парковую улицу, состоящую из школьного здания, двух небольших каменных домиков и здания побольше, где располагался на первом этаже промтоварный магазин.

Улица Парковая. 1959 год

Продавцом этого магазина работала моя сестра Фаина, туда я и отправился в первую очередь. К тому времени, она окончила Мурманскую торговую школу по специальности продавца промышленных товаров, по окончании которой была направлена на работу в Ковдорский ОРС. Нас с сестрой, война разлучила на долгие годы. С 1942 по 1960 годы, мы жили в разных семьях, в разных детских домах, в разных областях Союза. Несколько лет вообще не знали о местонахождении друг друга. Только Ковдор соединил нас надолго.

Расстались мы детьми в Башкирии, а встретились вполне взрослыми людьми, пройдя через суровые смутные годы. Я уже был женат и имел сына, а Фаина на тот момент была не замужем. Она жила в общежитии, в одном из барачных на улице Кирова с одной девочкой, тоже работницей ОРСА. За неимением жилья, я на первое время поселился у них.

К моему приходу, начальника геологоразведочной партии Осипова Серафима Сергеевича не оказалось на месте, и меня приняла начальник отдела кадров, она же секретарь начальника ГРП, Алексеева Маргарита Николаевна. Эта миловидная, аккуратно одетая, среднего роста и средних лет женщина, очевидно, была предупреждена о моём приходе, потому что, стоило мне назвать свою фамилию, и она без лишних вопросов взяла мои документы и начала оформлять меня на работу. В моей Трудовой книжке появилась

запись: «- 03.01.1961г. Зачислен машинистом шурфопроходческого агрегата по четвёртому разряду». Устно, меня предупредили, что этот разряд мне присвоен авансом, и чтоб его подтвердить, нужно будет сдать экзамен квалификационной комиссии.

16 апреля 1961 года такая комиссия, при Ёнской экспедиции состоялась, и я успешно подтвердил присвоенный мне ранее четвёртый разряд машиниста ШПА – 2А.

Работа машинистом ШПА-2А

Почти все агрегаты, смонтированные на этой машине, кроме компрессора, мне были знакомы, и поэтому я сдал этот экзамен без каких – либо проблем.

На следующий же день, после зачисления меня в геологоразведку, я приступил к новой работе. В тот год, геологоразведочная партия производила оконтуривание слюдяного месторождения, примерно в пяти километрах от посёлка, и добираться до рабочего места нужно было пешком.

Шурфопроходческий агрегат, на котором мне предстояло работать, состоял из вагончика на колёсах, внутри которого были установлены: дизель, генератор, компрессор, пускатели и различные электрощитки. С наружной стороны, стрела с лебёдкой, к тросу которой прицеплялась кованая бадья, для подъёма горной массы из шурфа. Горный участок, куда я был зачислен, занимался проходкой разведочных шурфов, глубиной до 25 метров. Кроме того, проходкой разведочных канав и котлованов.

Начальником участка был опытный со стажем горняк, эстонец, Рейнберг Эдгар Карлович. Это был энергичный, неугомонный, всё время что-то изобретающий, строгий и требовательный человек. Говорил он по-русски хорошо, но с большим акцентом. Как известно, Ковдор – город пограничный. Однажды, из-за его акцента, пограничники приняли его за финского нарушителя границы. Когда он очень сердился, то переходил на эстонский язык, и самым страшным ругательством было для него слово: «Курат». В переводе на русский, насколько мне известно, это означает чёрт. Несмотря на то, что у него жена была русская, он до конца своей жизни, так и не отделался от акцента.

В его характере сочетались, казалось бы, взаимоисключающие черты. Он мог быть спокойным, добродушным, понимающим, справедливым, в то же самое время вспыльчивым, жёстким и даже жестоким. Однажды, за какую-то провинность, он чуть ни побил одного проходчика. Если бы их не разняли, то он наверняка намял бы ему бока. Проходческая бригада состояла из шести или семи человек. Один или два проходчика загружали бадью в забое, стволовой следил за ходом бадьи по стволу шурфа при спуске и подъёме, машинист ШПА-2А осуществлял спускоподъемные операции, два проходчика производили обработку поднятой из забоя породы. По мере надобности, в забой опускался взрывник, и взрывал пробуренные шпуры.

Сами шурфы представляли собой горную выработку округлой формы, диаметром два метра. Через каждые, примерно, три метра проходки, в шурф вставлялись два стальных кольца, скреплённые между собой круглыми, двадцатимиллиметровыми стальными, трёхметровыми прутьями. В промежутки, между горной породой и кольцами, вставляли доски, толщиной 40 мм. Следующие три метра, забой сужали, и опускали кольца меньшего диаметра, и таким образом, проходили шурф до проектной глубины. Несмотря на такое мощное крепление, были случаи, когда порода сминала стальные кольца и прутья в лепёшку, а толстые доски превращала в труху. Однажды мне довелось быть свидетелем, как всё это происходит.

По каким-то причинам, руководство Ёнской геологоразведочной экспедиции решило забрать у нас ШПА – 2А и передать другой геологоразведочной партии. В результате чего мы, машинисты этого агрегата, остались не у дел, и нас перевели в проходчики. Очутиться впервые под землёй или в глубокой яме, ощущение не из приятных. Каждый камешек, упавший сверху, каждое потрескивание крепи, настораживает, и вызывает чувство страха. Кажется, что земля – матушка, в отместку за вторжения в её недра, даванёт, и замурует нас в этой сырости, заживо.

Буровая переносная установка Ковдорской ГРП

В одну из смен, когда мы работали в забое с опытным проходчиком Колей белорусом, мне показалось, что крепь потрескивает не так, как в прошлые смены, а несколько сильнее. Шурф проходил через пльвун, и пространство между досками и стенками шурфа, заметно уплотнялось. От такой коварной породы, можно было ожидать любых, самых неожиданных, сюрпризов. Своими опасениями, я поделился с Колей, на что он только посмеялся надо мной, сказав, что новичкам, всё время кажется, что доски не выдержат и всё сейчас рухнет. Тут всё рассчитано! Никакая порода не может сломать доску, сороковку. Я ему, как опытному проходчику поверил, продолжил работу, а чувство тревоги не покидало меня, и продолжало терзать душу.

Время приближалось к полудню, и я уговорил Николая подняться наверх и пообедать. Посмотрев на часы, он немножко помедлил, но согласился. Шурф был ещё не глубокий, около десяти метров и мы, поднявшись по подвесной железной лестнице, уселись трапезничать рядом с горной выработкой. Не успели мы опустошить свои «тормозки», которые принесли из дома, как под землёй, откуда мы только что вылезли, раздался страшный скрежет, шум и треск ломающихся досок. Земля под нашими ногами вздрогнула, и устье шурфа приобрело неопределённую форму. Подбежав к шурфу, мы

увидели вместо выработки округлой формы десятиметровой глубины, неглубокую ямку, со смятыми железными кольцами и торчащими из земли, переломанными досками.

От всего увиденного, у меня побежали по спине мурашки. Я представил себе, что бы с нами было, если бы я не уговорил Колю вылезти из шурфа, пообедать. Коля, увидев всё это, зачем-то снял шапку, бросил её на землю и смачно выругался. На мою реплику, о том, что у меня был не ложный страх новичка, как он предполагал, а реальная опасность, он не ответил, только посмотрел на меня какими-то ошалелыми глазами, и сев на траву, тупо уставился в землю. Потом все говорили, что мы родились в рубашке.

При подобном обвале, произошедшем в геологоразведочной партии, располагавшейся недалеко от Кандалакши, два проходчика погибли. Очевидцы рассказывали, что эти два парня были раздавлены породой до такой степени, что их тела были плоские как блины. Наш аварийный шурф был заброшен, и мы произвели «зарезку» нового, в другом месте.

Но это всё было потом, а во время моей работы на ШПА-2А машинистом, я чуть было ни покалечил проходчиков, находящихся в это время в забое.

Чтобы бадья, после загрузки в забое породой, шла по стволу шурфа ровно, без раскачки, её сначала нужно было «оторвать» от земли на несколько сантиметров, а после того, как проходчики уравновесят её, поднимать. За ходом бадьи, обычно следил стволовой, который, стоя у устья шурфа, подавал сигналы машинисту. В ту злополучную смену, всё шло как всегда: проходчики грузили в забое породу, я при помощи лебёдки вытаскивал гружёную бадью на поверхность, разгружал её и опускал пустую в забой.

В очередной раз, после получения сигнала из забоя, о начале подъёма, я всё сделал, как положено, и после небольшой паузы, начал подъём. Несмотря на то, что от стволового никаких тревожных сигналов не последовало, через несколько секунд после начала подъёма, произошёл сильный рывок троса, и послышались тревожные крики из чрева шурфа. Выскочив из кабины, и заглянув в шурф, я увидел валяющиеся в забое доски, которыми было обшито лестничное отделение.

Как ни странно, проклятья, сыпавшиеся из забоя в мой адрес, меня даже обрадовали. Это говорило о том, что все живы, и никто не пострадал, а всё остальное, уже не имело особого значения. Это уже считалось чрезвычайным происшествием, и этот случай расследовался руководством ГРП. Проходчикам просто повезло, что доски пролетели мимо их. При падении сверху, какого-либо предмета, в шурфе бежать некуда, вся надежда только на то, что он пролетит мимо.

Виновным был признан стволовой, который не заметил раскачки бадьи. Его тут же перевели на другую работу. Вдобавок ко всему, у него было слабое зрение, и он плохо видел вдаль.

Однажды произошёл случай, который очень трудно предусмотреть заранее. Один из проходчиков, находясь в забое, пробивал шпур для закладки взрывчатки, а другой в это время наверху обшивал досками устье ствола. У одного гвоздя, при забивки его в доску, отвалилась шляпка, с большой скоростью полетела вниз и вонзилась в плечо проходчику, работавшему в забое. Рана была не очень серьёзная, но человеку пришлось оказывать медицинскую помощь.

При помощи шурфов, которые мы проходили, геологи определили, что мы напали на очень богатое месторождение слюды флогопита. Впоследствии, это месторождение заняло по запасам первое место в мире. Для более точного определения количества

залегания слюды на данном участке, было принято решение заложить разведочную шахту глубиной 144 метра.

Первоначально, проходку ствола шахты производили при помощи экскаватора, прицепив к нему, вместо ковша, огромную стальную, кованую бадью. В одну из смен, трос, на котором висела бадья, порвался, и доверху гружёная бадья полетела вниз, где работали проходчики, и почти на половину своей полутораметровой высоты вонзилась в землю. На счастье, здесь тоже обошлось без жертв. И что примечательно: именно на этом месте, мы проходили тот шурф, на котором бадьёй вырвали доски и чуть ни покалечили своих проходчиков. Видимо, Хозяйка слюдяной горы, таким образом, выказывала своё недовольство нашим вторжением в её владения. К счастью без жертв.

Проходчики ГРП (начало 70-х) в центре Морозов Ю.А.

На этих шурфах был ещё один случай, который чуть-было ни закончился трагически. На Ковдорском массиве, все породы, в основном, скальные и каждый метр проходки приходилось проходить при помощи взрывчатки. При помощи кувалды, ломика или шлямбура, пробивалось в земле необходимое количество шпуров. Взрывник заряжал эти шпуры необходимым количеством взрывчатки, поджигал бикфордовы шнуры, залезал в бадью и выезжал на поверхность. Практиковалась вот такая технология взрывных работ.

В одну из смен, где машинистом был мой сменщик дядя Саша, взрывник, забрав с собой необходимые материалы для взрыва, залез в бадью и опустился в шурф. Зарядив около десятка шпуров, он крикнул, что сейчас будет поджигать бикфордовы шнуры, чтобы машинист приготовился вывезти его из шурфа. Получив подтверждение, что его поняли, он поочередно поджог все шнуры, залез в бадью и дал команду на подъём. Дядя Саша включил лебёдку, и в это время, как назло, заглох двигатель. Чтоб его завести, нужно какое-то время, а бикфордовы шнуры неумолимо продолжали приближаться к заряженным шпурам со скоростью один сантиметр в секунду. Взрывник кричал, метался по забою и крыл всех матерными словами. Перерезать шнуры, было уже поздно.

Лестницы, которая по правилам техники безопасности должна была висеть сверху, не было. Когда взрывник понял, что до взрыва остаются секунды и сверху ему уже никто не поможет, он вскочил в бадью, ухватился руками за трос и полез по нему, как по канату,

вверх. Глубина шурфа была пять - восемь метров, и он до взрыва успел добраться до верха.

Взрывы начались сразу же, как только он отцепился от троса. Все были в шоке, от случившегося, и в то же самое время, поражены ловкостью взрывника, который за считанные секунды, сумел выпорхнуть из шурфа по двенадцатимиллиметровому тросу. Через несколько дней, когда Толя успокоился (так звали взрывника), его просили повторить проделанный трюк, на что он только отмахивался. Он и сам недоумевал, как ему это удалось сделать. Подобные случаи подтверждают суждения о том, что человек не полностью использует способности, которые в нём заложены. Не зря в народе говорят, что пока гром не грянет, мужик не перекрестится. После этого случая, стали постоянно опускать в забой подвесную лестницу.

Спустя какое-то время, дядя Саша, который был за машиниста в той смене, повесился, не оставив никакой записки. Причём покончил он с жизнью необычным, оригинальным способом: привязал верёвку с петлёй к спинке кровати с наружной стороны, лёг на пол, накинул петлю на шею и задохнулся. Было подозрение, что его кто-то задушил, а потом инсценировал самоубийство. Эти подозрения основывались на том, что когда его обнаружили, петля на шее была затянута не туго. При таком натяжении, задохнуться невозможно. В то же самое время говорили, что при наступлении смерти, он мог вытянуться и ослабить петлю. Так до конца этот случай и не был разгадан.

На горном участке работали одни мужчины. Что постарше, на канавах, а помоложе на шурфах. Несмотря на тяжёлый и небезопасный труд, ребята, во время работы, умудрялись порезвиться и подшутить друг над другом. Молодость давала о себе знать. Следует отметить: в геологоразведку приходили, в основном, люди одержимые и с хорошо развитым чувством юмора.

Все вскрываемые породы геологоразведочными канавами и шурфами, геологами тщательно зарисовывались, и документировались. В конце каждой смены, геолог измерял глубину проходки, и зарисовывал вскрытые породы. Обычно, геологи приходили задолго до окончания смены, и коротали время в вагончике, стоящим рядом с шурфом. Там был столик, скамейки для сидения и железная печка, топившаяся дровами.

Однажды геолог, Богомаз Леонид Петрович, пришёл на шурф, как всегда, пораньше, разлёгся в вагончике на скамейке у раскалённой печки, и уснул. Ребята заметили это, и решили над ним подшутить. Залезли на крышу, положили большой кусок снега на дымовую трубу и, между делом, стали наблюдать, чем всё это закончится. Дым начал заполнять вагончик, а Леонид Петрович так и не просыпался. Уже клубы дыма начали просачиваться через различные щели, а геолог продолжал смотреть сладкие сны. Столь долгое сновидение всех начало тревожить. Все понимали, что эта шутка может обернуться трагедией. Когда все поняли, что шутка не удалась, и было принято решение срочно открыть трубу и вывести спящего, дверь неожиданно с шумом распахнулась, и из вагончика, вместе с клубами дыма, согнувшись в три погибели, вылетел Леонид Петрович. Ступив на снег, он выпрямился, протёр глаза и, увидев на трубе комок снега, погрозил кулаком в нашу сторону. Все думали, что он устроит скандал, но он посмеялся вместе со всеми, и на этом всё закончилось.

Шурфы и канавы вскрывали всё новые и новые массивы с богатым содержанием флогопита и вермикулита. Местами попадались отдельные пласты таких размеров, что вызывали удивления даже геологов. В одном из шурфов, мы раскопали слюду около метра в длину, и почти полметра толщиной. Геологи стояли над душой и умоляли проходчиков вытащить этот пласт из шурфа целиком с наименьшими потерями, с тем, чтобы отправить его в Ленинград, в геологический музей. С большим трудом, и с наименьшими потерями, это удалось сделать, и этот пласт был отправлен в музей Ленинграда. Ещё одна посылка

была отправлена знаменитому авиаконструктору Туполеву. Жжёный вермикулит, при малом весе, является отличным звуко- и теплоизолятором, что для авиации является очень ценным материалом.

К сожалению, не все горные выработки удавалось пройти до плановой глубины. Иные шурфы разрушали пльвуны, а в некоторых был такой приток воды, что насосы не в состоянии были с ними справиться. Один шурф, помню, начал водоточить чуть ли ни с первых метров зарезки. Примерно до двадцатиметровой глубины наши насосы ещё как-то справлялись. Проходчики, стоя в воде по калено, в прорезиненных гидрокостюмах, умудрялись пройти за смену сколько-то сантиметров проходки. А на отметке двадцать пять, вода стала поступать в забой в таком количестве, что наши насосы не в силах были с ней справиться. Это место для геологов оказалось настолько интересным, что они, несмотря ни на что, не желали закрывать этот шурф.

Из какого-то ленинградского научно-исследовательского института, заказали экспериментальные глубинные насосы. Приехавшие инженеры со своим детищем, не смогли откачать поступающую воду, и шурф, на глубине двадцати пяти метрах, пришлось всё-таки закрыть. Его не засыпали несколько лет, в надежде на то, что со временем найдётся средство откачать воду и появится возможность пройти ещё несколько недостающих метров. Такого механизма так и не нашлось, и шурф самоликвидировался.

В 1961 году исполнилось шесть лет, как я был связан с дизельными установками, и считал, что уже знаю все их болячки. Но случай, произошедший с дизелем на ШПА-2А, опроверг моё мнение.

В одну из смен, неожиданно, из выхлопной трубы вырвался столб пламени, и полетели в разные стороны раскалённые огненные искры. Даже когда я заглушил дизель, из выхлопной трубы продолжал извергаться огненный фонтан с метр высотой и раскалённые искры разлетаться по всему лесу. Причём пламя вылетало с таким напором и шумом, словно из-под газовой горелки. Кругом был ягель, и была опасность лесного пожара. К счастью, пожара удалось избежать, и огненный фонтан также неожиданно прекратился. С таким явлением, я встретился впервые и долго не мог понять причину его появления. Разгадка оказалась совсем простой: в выхлопной трубе скопилось много сажи, и при нагреве она загорелась. Вот так я узнал ещё про одну болячку дизельных двигателей.

При моём зачислении в Ковдорскую ГРП, место в общежитии мне дали не сразу, а спустя примерно неделю. Всё это время, мне пришлось пожить в общежитии, в комнате, где жила Фая. Это был барак по улице Кирова, половина которого было занято под общежитие, а вторую половину занимала библиотека. Напротив, этого барака был расположен продуктовый магазин, который все называли: «Деревяшка».

Геологоразведочное общежития располагалось в низеньком, дощатом домике, с низким потолком и засыпными стенами. При строительстве, в качестве утеплителя, был использован шлак, который засыпался между досок. Со временем шлак уплотнился, образовались пустоты, и холодный воздух беспрепятственно гулял по комнате. Вода, стоящая в вёдрах замерзала до такой степени, что прежде чем до неё добраться, нужно было кружкой пробить в ведре лунку. Небольшая плита, стоящая в углу, быстро остывала и поддерживала относительное тепло, только пока топилась. Стоило ей погаснуть, как тут же морозный воздух начинал заполнять комнату. Условия жизни были почти такие же, как на целине в палатке. С той только разницей, что помещение было дощатым и вместо керосиновой лампы под потолком висела электрическая. А все удобства были также во дворе.

Посёлок геологов, был расположен в западной части озера Ковдора, напротив горы, где производилась нарезка будущих горизонтов рудника «Железный». На покатом берегу кроме нескольких жилых домиков с такими же засыпными стенами, была контора, кернохранилище и материальный склад. Здесь же находилась метеостанция, и домик воинской части, где расположились связисты, обслуживавшие какую-то очень важную линию.

Ковдорская ГПП в начале 60-х

Геологоразведочные партии, словно меха от гармони, которые то растягивают до предела, то сжимают до минимума. То набирают работников, то сокращают. Поэтому, основной контингент жителей посёлка, был мужской. Семейных жителей было мало, по причине, частых сокращений штатов и отсутствия капитального жилья. Геологоразведка относилась к Севера-Западному геологическому управлению СЗТГУ, которое располагалось в Ленинграде, поэтому, среди работников, было немало Ленинградцев.

Большинство геологов, оканчивали Ленинградский университет. Многие учились у знаменитых геологов, которые, в своё время, открыли крупные месторождения полезных ископаемых.

Так, например, Борис Васильевич Афанасьев, учился у знаменитого геолога, который открыл Ковдорское месторождение железных руд, преподавателя Ленинградского университета, Кошица Константина Михайловича. У многих геологов, семьи жили в Ленинграде, а они в геологоразведочной партии. Исключением составляли семьи, где муж и жена оканчивали одно учебное заведение и по одной специальности. Рядом с нашей временкой проживала геологиня, Валя Андреева, которая какое-то время была семейная, и проживала с мужем. В один из дней, когда муж выразил недовольство приготовленным щам, она вылила ему эту похлёбку на голову, и тоже стала одинокой. После этого действия, ей пришлось выбить раму, и выскочить из окна на улицу.

Возможно, из-за отсутствия каких-то увеселительных учреждений, и изобилия озёр и различных речушек, многие жители увлекались рыбалкой и охотой. Будущий город, строился в некогда дремучем лесу, можно сказать, в краю непуганых зверей. Нередко, лоси среди бело дня, посещали окраины посёлка, а зайцы в ночное время забирались в мастерские. Куропатки совсем не боялись людей, и частенько, пробираясь по лесу к своим рабочим местам, мы гоняли их вокруг деревьев, словно домашних куриц. Глухари, словно вороны, сидели по деревьям и безбоязненно допускали до себя людей буквально на несколько метров.

Несмотря на то, что мы проходили геологоразведочные шурфы и канавы при помощи взрывчатки, частенько можно было видеть вблизи наших выработок росомуху, которая спокойно разгуливала по лесу. Однажды геолог, Валя Андреева, придя к нам на шурф, чтобы задокументировать пройденные метры проходки, сказала, что только что видела в лесу крупную кошку, которая поразила её своими размерами. При возвращении со смены, когда мы увидели на снегу следы огромных лап, стала ясно, что это была не кошка, а росомуха. Узнав об этом, Валя страшно испугалась и заявила, что если бы она знала, что дорогу переходит не кошка, а росомуха, то умерла бы со страху, прямо на месте. Эта встреча обошлась без крови, и Валентина Ивановна дожила до пенсии, в благополучии и полном здравии.

Каких-либо нападений хищников на геологоразведчиков зафиксировано не было, но несчастные случаи с другими людьми были. Однажды на озере Гирвас, нашли рыбака с распотрошёнными внутренностями. При обходе контрольной полосы, на одного из пограничников, росомуха прыгнула с дерева, но напоролась на штык, что и спасло солдата. Из наших, один пострадал на рыбалке, но не от зверей, а возможно, от людей. Поговаривали, что он любил проверять чужие сети, и Лопари якобы утопили его. Но это были только разговоры, а следственные органы не обнаружили следов преступления. Мне довелось принимать участие в похоронах этого рыбака и присутствовать на его поминках. Таких поминок, которые были в тот раз, я больше нигде не встречал. Все упились до такой степени, что даже забыли, по какой причине они собрались за столом и в конце этого застолья, сначала запели, а потом перешли в пляс. Причём инициатором этого веселья выступила вдова, которая запела частушки, а потом стала вешаться на шею мужикам. Расставались с объятьями и со слезами на глазах, но не из жалости к утопшему, а от умиления друг к другу.

Прошло не так уж много времени со дня моего устройства в геологоразведочную партию и отдельного проживания с семьёй, но мне казалось, что прошла целая вечность. Осипов Серафим Сергеевич, каждый раз, при моём обращении к нему, обещал выделить нам комнату, и каждый раз предлагал подождать ещё немножко. И это «немножко» превращалась в бесконечность. Валя продолжала жить с сыном в Ёне, а я в Ковдоре. Встречались мы только по выходным дням. Такая жизнь нас обоих тяготила, но из-за отсутствия жилья, я не мог их перевести в Ковдор. Из Ковдора в Ёну можно было добраться поездом или попутной машиной. Машины в том направлении ходили очень редко, основным транспортом оставался поезд.

Однажды я на поезд опоздал, и мы с товарищем по работе, с Лебедевым Алексеем, решили дойти до Ёны пешком, с надеждой на попутные машины. У него там жила мать, и он тоже по выходным дням ездил домой. Время было уже зимнее, и мы, в соответствии с погодой, были одеты в тяжёлую, зимнюю одежду, не очень пригодную для пешего хода. Вначале шли по дороге, параллельно идущей с железнодорожным полотном. Не дождавшись попутки, решили перейти на железку и идти по шпалам. Там не было снежных переёмов, и дорога была прямой. Но ходьба по линии, тоже не составила большого удовольствия. Расстояние между шпалами было такое, что приходилось или семенить, или идти прыжками, перескакивая через шпалу. Пройдя не более десятка километров, мы

заметно устали, а нам нужно было преодолеть ещё не менее двадцати. Ещё не наступила Полярная ночь, но день был уже совсем короткий.

Лёша Лебедев

Стало ясно, что до Ёны нам придётся идти в полной темноте и доберёмся мы туда ближе к утру. Впереди ещё был посёлок Куропта, до которого оставалось километров семь не более, и мы рассчитывали там немножко передохнуть, прежде чем пойти дальше. Вышли мы в этот путь в хорошем настроении, с разговорами и смехом, но постепенно причин для смеха становилось всё меньше и меньше, и в конечном итоге, пропало желание даже разговаривать. Усталость давала о себе знать. Примерно в пяти километрах от Куропты, мы услышали гудок тепловоза, а вскоре увидели состав из товарных вагонов, который двигался в сторону Ковдора. Мы уступили дорогу поезду, но он неожиданно стал тормозить, и когда примерно половина состава прошло мимо нас, остановился. Мы с Лёшкой, стоя на обочине по колени в снегу, недоуменно переглянулись. Вначале я думал, что мне показалось, но потом я чётко услышал, что кто-то, со стороны тепловоза, выкрикивает моё имя.

Оказалось, что мой хорошо знакомый машинист, с которым я, когда-то ездил на паровозе в Пинозеро, пересел на тепловоз, думал, что мы с Лёшкой идём в Ковдор и, желая нас подвести, остановил состав. Узнав о том, что мы идём в противоположную сторону, посоветовал нам дойти до Куропты и подождать там их возвращения. Состав, с набором скорости, продолжил свой путь в сторону Ковдора, а мы с Лёшей побрели по шпалам в сторону Куропты. Часа через два, сидя на железнодорожном вокзале, мы услышали шум приближающегося поезда и ещё примерно через час мы были уже в Ёне.

Проживание в землянке.

Окончательно убедившись, что от геологоразведки если я и получу жильё, то не очень скоро, я начал искать другие варианты, чтобы перевести семью в Ковдор. Мне кто-то подсказал, что один товарищ построил землянку в лесу примерно в километре от посёлка, но сейчас там не живёт. Посоветовали у него узнать, возможно, он пустит нас туда пожить. Я тут же разыскал этого товарища. Он сказал, что получил комнату в бараке, возвращаться в землянку не собирается и разрешил нам её занять.

Фактически, это была полуземлянка, врытая в гору. Три стены и крыша были земляными, а одна стена дощатая с маленьким оконцем и входной дверью. Ниже, по южному склону горы, была вырыта ещё одна землянка, в которой постоянно жил Миша – конюх. Вокруг был только лес, с шумящими на ветру соснами, толстый слой снега с заячьими следами и тишина, прерываемая редким, зычным, вороньим криком. Нижняя землянка была расчищена от снега, и к ней вела узкая полусасыпанная тропа, а до верхней, где предстояло нам жить, пришлось добираться по колени в снегу. Входная дверь была засыпана снегом почти полностью, и чтобы войти в землянку, пришлось основательно поработать руками и ногами. Площадь землянки составляла примерно 12м². Метра четыре в длину и три в ширину. Стены и потолок обиты досками и оклеены газетами. Газеты во многих местах отклеились, свисали с потолка и пузырились на стенах.

С левой стороны от входа была сложена из кирпича маленькая печурка с металлическим верхом, позволяющим на плите готовить пищу. Солнечный лучик, весеннего солнца, едва пробивался через маленькое оконце, отражаясь на задней стене землянки ярким пятном. Этот единственный световой источник не в состоянии был осветить всё помещение, и в землянке стоял полумрак, с едва различимыми контурами плиты, и свисающими с потолка обрывками газет. Разглядывая это мрачное сооружение, расположенное в лесу вдали от посёлка, по соседству с диким зверьём, меня терзало сомнение: согласится ли Валя переехать в такую глухомань. В Ёне помещение хоть и было чуть больше платяного шкафа, но там были рядом люди. В Ковдоре же, в мои ночные смены, ей придётся оставаться одной с сыном в лесу, а днём, за каждой мелочью отмерять километры до посёлка.

В первый же выходной, я отправился в Ёну с тем, чтобы обсудить наши дальнейшие действия. Обсудив все вопросы за и против, мы решили перебираться в Ковдор, в надежде на то, что в землянке будем жить не вечно, и когда-нибудь получим настоящее жильё. Самое главное - будем жить вместе, одной семьёй. Знакомый шофёр, проживавший в Ёне, согласился перевести нас на ЗИС-151, и на следующее утро, мы уже ехали по узкой извилистой дороге, в сторону Ковдора.

Дорога, словно змея, петляла между сопок, обходя болота, пересекала по временным мосткам небольшие речушки, по множеству переездов железную дорогу, идущую из Пинозера в Ковдор. Примерно через час, проскочили посёлок лесорубов Куропту, а через два, проехав дамбу, проложенную через озеро Ковдору, миновали посёлок Ковдор и направились в сторону леса, на наше новое место жительства.

При подъезде к землянке, едва машина свернула с дороги, как тут же завязла в снегу и забуксовала. Это было неприятным сюрпризом. До землянки мы не доехали метров пятьдесят, и таскать вещи вручную по такому снегу, занятие было не из приятных. На наше счастье, эти машины могли ходить не только по твёрдой дороге, но и по рыхлому снегу. Пробуксовав немного, шофёр задним ходом выгнал машину на дорогу, открыл краники в кабине и спустил воздух с баллонов. Колёса всех трёх мостов, стали похожи на лыжи. На этих лыжах, машина очень легко преодолела сугроб, и мы подъехали к самым дверям землянки.

Разместив наш небогатый скарб, мы зажгли свечу, растопили печку дровами, припасёнными мной заранее, и уселись на деревянный топчан, оставленный нам в наследство от прежнего хозяина этого жилища. Жильё было примитивное, без самых элементарных удобств, расположенное в безлюдном лесном массиве, но мы были счастливы, что снова вместе и снова заживём одной семьёй. В народе говорят, что где любовь да согласие – там и двор красен. Как потом выяснилось, наш сосед Миша-конюх, в своей землянке появлялся очень редко, и фактически, мы были единственными жителями в этом районе леса. Что-то вроде Робинзонов, или отшельников.

Посёлок был не более, чем в полутора километрах, но его не было видно и не слышно из-за леса. Первое время жить в таких условиях было жутковато, но потом привыкли. Мы просто стали не замечать тех неудобств, которые нас окружали. Привычка - не рукавичка, не повесишь на спичку. Несмотря на то, что за время существования посёлка, каких бы то ни было случаев бандитизма не было зафиксировано, работая в ночную смену, когда Валя с сыном оставались одни, меня не покидало чувство беспокойства. В голову лезли всякие мысли, которые помимо моей воли, воспроизводили самые кошмарные картины, которые могли произойти за моё отсутствие. Я успокаивался только тогда, когда вернувшись утром с работы, обнаруживал их живыми и в полном здравии.

Торговые точки и все объекты, так называемые соцкультбыта, находились в посёлке, и поэтому нам приходилось каждый день бывать там. Даже воду мы брали из колонки, которая находилась на ближайшей к нам улице.

После безлюдного леса, где кроме завывания ветра и шума деревьев, раскачивающихся на ветру, да редкого карканья ворон, ничего не было слышно, посёлок казался центром цивилизации. По вечерам, на улицах появлялись прохожие. Нередко можно было услышать игру гармоний и пение частушек под двухрядку. Особенно весёлая была улица Гоголя, где располагались общежития строителей и работников Рудоуправления.

В свободное от работы время, мы закрывали своё жилище на висячий замок и отправлялись в посёлок. После длинной, Полярной ночи, приятно было прогуляться по лесной дорожке, под лучами яркого, весеннего солнца. В такую погоду, наше лесное одинокое жилище не казалось таким одиноким и затерянным, среди вековых сосен.

Мы, Сашку пускали в автономное плаванье, и он, семена своими короткими ножками, умудрялся не только не отстать от нас, но и, набрав на дороге несметное количество камней, побросать их на встречные лужи. При ослаблении нашего внимания, он смело вбегал в эти проталины и, громко смеясь, начинал топтать ногами так, что брызги фонтаном разлетались в разные стороны. В посёлке, ему нравилось бегать по мосткам, которыми были обложены некоторые улицы.

Посёлок, если не считать несколько каменных двухэтажных домиков, почти весь состоял из деревянных, одноэтажных, барачков. Двухэтажные деревянные, четырёх квартирные дома из бруса, ещё строились на улицах Строителей и Новой. Проходя мимо новеньких домов, ещё пахнувших свежим тёсом, мы с завистью смотрели на занавешенные окна, на прохожих, встречающихся на улицах посёлка. Нам даже не верилось, что когда-нибудь, и мы будем жить в этих домах, с занавесками на окнах, по соседству с колонкой, магазином, и живыми людьми, за стенкой. Насладившись людским общением, заполнив свою авоську необходимыми продуктами, в так называемой Деревяшке, и набрав в колонке воды, сколько могли унести, отправлялись на свою «дачу».

Магазин «Деревяшка» на углу улиц Новой и Кирова

Валя, не захватила того времени, когда мы на целине жили в палатках и землянках, а вот в Заполярье её тоже не миновала эта участь. Пришлось и ей хлебнуть почти солдатской, нелёгкой, жизни, когда для солдата - что ни куст, то хата.

Несмотря на то, что двадцатый век перевалил уже на вторую половину, горные работы геологоразведчиков, мало чем отличались от работ горняков 18 века. Те же лом, кувалда, кайло и лопата, были основными инструментами горнорабочих. Для откачки породы, при проходке шурфов, применялся вороток, который исправно служит до сих пор в деревнях, для добычи воды из колодца.

Шурфопроходческий агрегат ШПА–2А, на котором мне пришлось поработать вначале, машинистом, был как исключение, и был, пожалуй, единственный на всё геологоразведочное управление. Для проведения буровзрывных работ, шпуры бурились при помощи ломиков или шлямбуров, которые загонялись в скальную породу при помощи кувалд. Разница была только во взрыв материалах. Раньше взрывали при помощи пороха, а мы пользовались аммонитом, аммоналом, динавтолитом и т.д. В шурфах, для освещения, применялись карбидовые лампы. Мне они чем-то напоминали ленинградские блокадные коптилки.

Первые дни, я с ужасом смотрел, как не только взрывники, но и все горнорабочие, слишком вольно обращались со взрывчаткой. При перегрузках, с ящиками обращались так, словно там была не взрывчатка, а кирпичи. В сырую погоду, использовали её для разведения костров. Когда я впервые увидел, как взрывник высыпал целую упаковку взрывчатки в костёр, меня охватил тихий ужас. Меня удивило, что не произошло никакого взрыва. Через какое-то время, я делал то же самое, без какого-то чувства страха.

Нередко, взрывник вечером получал на складе взрывчатку, ночевал с ней дома, а утром, с этим мешком появлялся на участке. А если объём взрывных работ был большой, то привозил её на лошади, во вьючных мешках. Обычно, на одном участке работало несколько бригад горнорабочих, которые занимались проходкой шурфов и геологоразведочных канав, с помощью взрывчатки. Взрывник, разносил или развозил взрывчатку по всем бригадам, выделял необходимое количество, выложив пачки, под какой-нибудь кустик, и отправлялся на базу, или под такой же кустик, спать. Каждый горняк был не только проходчиком, но и неофициальным взрывником. Мы не только научились обращаться с взрывчаткой, но и свободно определяли, сколько нужно заложить её под определённый вид породы, взрывать с «прострелкой» или без неё, с выбросом, или просто для рыхления.

Самостоятельно определяли, на какое расстояние отходить при проведения взрывных работ. Бывало, что и ошибались, но на наше счастье, всё оканчивалось благополучно. Особенно памятный день, когда мы взрывали котлован. Котлован отличается от канавы, значительно большей площадью вскрытия коренных пород от осадочных. Соответственно, взрыв производится на выброс, на большой площади, большим количеством взрывчатки. В пробитые шпуры, и в специально приготовленные ниши, мы зарядили тысячу килограмм взрывчатки. Чтобы все заряды сработали одновременно, схему смонтировали не бикфордовым шнуром, а детонирующим. При определении разброса горной массы, мы не учли, что взрыв производился на сопке, на некоторой высоте, да и мощность заряда была для нас не привычна и поэтому, залегли сравнительно близко от эпицентра взрыва. Из-за мелкого залегания зарядов, раздался взрыв оглушительной силы, многократно превышающий взрывы на руднике «Железный», где одновременно взрывали не по одной, а десятками тонн взрывчатки.

Земля вздрогнула, целый фонтан камней взметнулся к небу, и чёрной тучей «отпал» направился в нашу сторону. Через несколько секунд, мы услышали тупой удар о землю, словно кто-то ударил по ней обухом топора, и словно по щучьему велению, примерно в

десяти метрах от нашей лѐжки, появилось огромное сухостойное дерево. Его сорвало с места взрыва, пронесло по воздуху несколько десятков метров и воткнуло в землю так, словно оно здесь и росло. Несмотря на то, что к тому времени у нас у всех, уже был наработан какой-то опыт по взрывным работам, при виде прилетевшего дерева, у многих пробежали мурашки по спине. Когда наступило время взрывать точно такой же котлован, то мы убежали уже чуть ли ни за километр от места взрыва.

Оказалось, что этот взрыв ощутили не только мы и жители посѐлка, у которых дребезжали в окнах стѐкла, но и радиолокаторщики, которые располагались недалеко от места взрыва. На следующий день, к нам на участок пришѐл офицер, с заявлением о том, что от наших взрывов у них расшатываются фундаменты радиолокаторов. Наш мастер пообещал убавить мощность зарядов, но через какое-то время, мы произвели точно такой же взрыв, и почти на том же месте. Но офицера мы больше не видели. За время работы в ГРП, мне ещё не раз довелось побывать, во время взрывов, в опасной зоне.

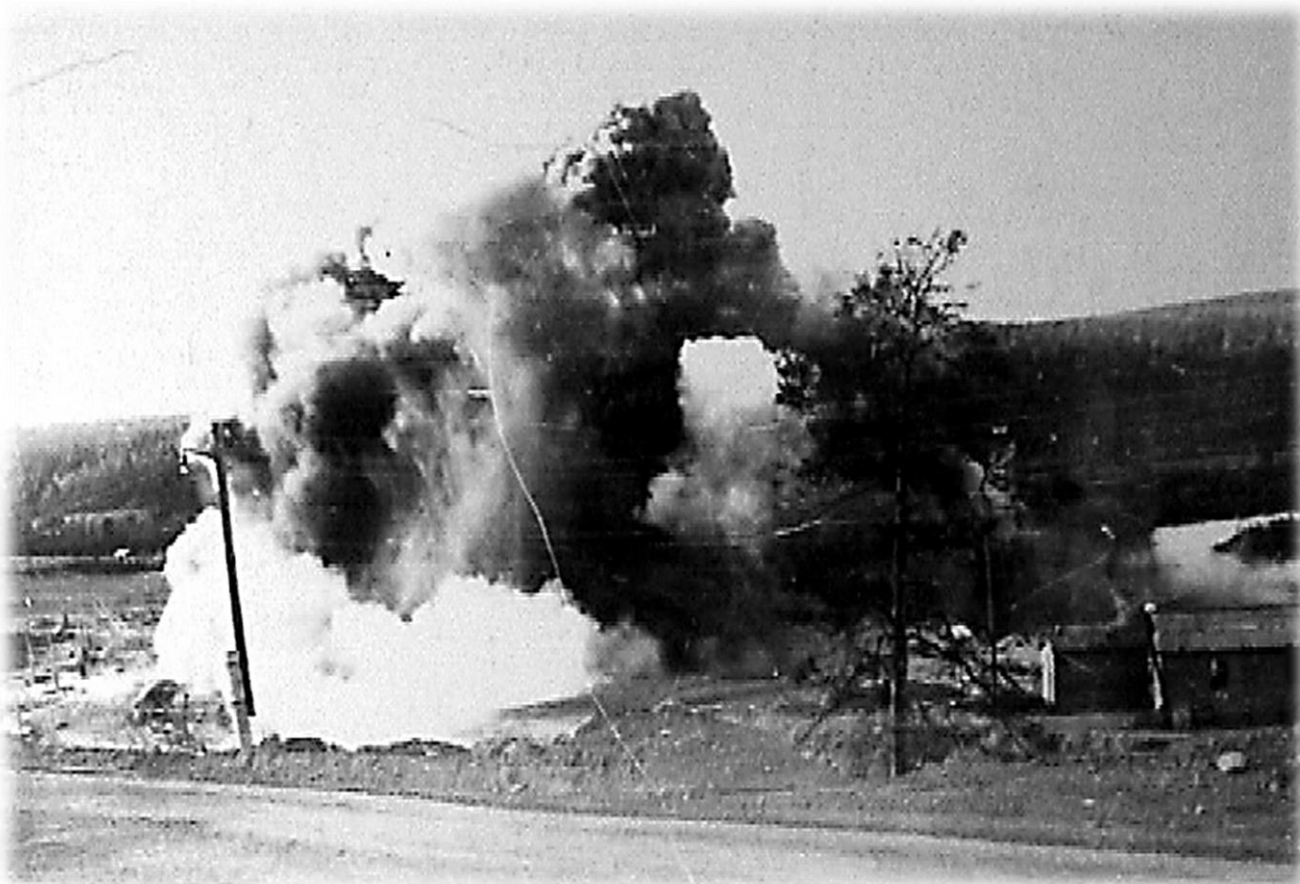
В один из дней, когда я уже работал электриком, и не имел ни каких дел с взрывчаткой, я сидел на столбе, и вворачивал крючья для электролинии. Я обратил внимание, что, примерно в десяти – пятнадцати метрах от меня, взрывник заряжает шпур взрывчаткой. Я подумал, что он меня видит и о начале взрыва предупредит. Вопреки моим ожиданиям, взрывник засыпал в шпур взрывчатку, затрамбовал его породой, тут же поджег бикфордов шнур и с криком: «поберегись», скрылся в кустах. На мои крики, он не реагировал и продолжал быстро удаляться вглубь леса, предупреждая об опасности голосом и свистком. Мне прекрасно было видно, как движется огонѐк по бикфордовому шнуру, приближаясь к заряду. Пока я взывал о помощи, он приблизился на такое расстояние, что бежать куда-то уже было бессмысленно. Я уже не успел бы даже спуститься со столба на землю.

Прижав голову к столбу, я с опаской стал ожидать взрыва. Толщина столба была такова, что прикрывала только центральную часть головы, а нос и затылок торчали наружу. Если при взрыве, камни полетят в мою сторону, то столб полностью защитит меня не сможет. Несмотря на то, что я видел, как догорали последние сантиметры шнура, взрыв для меня прогремел неожиданно. Я вздрогнул, закрыл глаза, плотно прижался к влажному столбу и застыл в ожидании каменной бомбѐжки. Открыл глаза и расслабился только после того, как услышал, что последний камень вернулся на землю и мне больше ничего не угрожало. На сей раз, мне повезло, что вся порода пролетела мимо меня. Взрывник, заметил меня только после взрыва, и очень удивился: каким образом я тут очутился.

В тот раз меня спасло, что взрыв был небольшой мощности, а вот в следующий раз, если бы я не успел выйти, из зоны отпала породы, то от меня остался бы один блин.

Один из наших буровых участков, находился примерно в десяти километрах южнее посѐлка. Чтобы добраться туда, нужно было проехать через один из горизонтов рудника «Железный». Каждую субботу, там производили взрывные работы, и взрывали заряды не килограммами, в отличие от нас, а десятками и более тонн. В связи с тем, что посѐлок был расположен в непосредственной близости от карьера, нередко в половине домов после взрыва вылетали стѐкла, а камни долетали до окраины посѐлка.

Однажды один из таких камешков, проломил крышу одной мастерской, и упал между рабочими, сидевшими кружком возле обогревательного «козла». Всѐ произошло настолько неожиданно и быстро, что они даже не успели испугаться. Только потом, разглядывая дыру, проделанную пришельцем, чесали затылки и мотали головами. Все понимали, что могло бы произойти, пролети этот камешек несколько левее или правее.

Взрыв на руднике «Железный» (фото 60-х годов)

В одну из суббот, на руднике был, как обычно, взрывной день, но пока шла подготовка к взрыву, дорога была открыта, и я свободно проехал на мопеде через горизонт, на южный участок. Окончив работу, я снова сел на свой мопед, и поехал назад, на базу. При подъезде к карьеру, меня никто не остановил, и я, подумав, что всё ещё ведутся подготовительные работы, смело въехал на горизонт. Не проехав и половины уступа, я услышал боевой сигнал сирены. Это говорило о том, что прямо сейчас будет произведён взрыв. Ещё не доехав до конца горизонта, я увидел, как какие-то люди машут мне руками и призывают увеличить скорость. Скорость я увеличить не мог потому, что и так ехал на полную одну лошадиную силу моего мопеда, но только поравнялся с ребятами, которые стояли в оцеплении, как тут же раздался мощнейший взрыв. Земля задрожала, небо потемнело, и послышался оглушительный грохот, падающих с неба камней. Меня долго пытали, каким образом я сумел проскочить на горизонт через оцепление? О том, что там никого не было, мне не хотели верить.

Горизонт, после взрыва, был неузнаваем. Дорога, по которой я ехал, была полностью завалена разнокалиберными камнями. Если бы я въехал на неё минутой позже, то был бы полностью погребён под этими камнями.

Через небольшой промежуток времени, я с буровой бригадой, снова попал под взрыв, но уже по вине старшего бурового мастера, Бачева Алексея Петровича. Буровая вышка стояла на ремонте на одном из горизонтов, почти в центре карьера. В связи с ремонтом, помимо основной бригады, в ней находились слесари-ремонтники и я, в качестве электрика. Мы знали, что в карьере в этот день будут производиться взрывные работы. Мы даже видели взрывников, которые заряжали блок ниже нашего горизонта, но работали спокойно, в надежде на то, что нас предупредят, когда нужно будет уходить. Даже когда прозвучал сигнал боевой тревоги, мы не заволновались, предполагая, что это просто проверка работы сирены.

Но когда многотонную буровую вышку подбросило как мячик, и копёр закачался словно маятник, а с верстака полетели запчасти и инструменты, мы сразу поняли, что про нас забыли, и оставили под взрывом. Ощущение было неопишное. Примерно с секундной задержкой, все бросились искать спасенье от камней, которые могли залететь в нашу сторону и свободно пробить дощатую крышу. К счастью, «отпал» промахнулся примерно на сто метров, и мы отделались испугом. Прилетевший на буровую, после взрыва, старший буровой мастер долго извинялся перед нами за то, что не сумел вовремя вывести нас в безопасное место. Хорошо, что всё обошлось без жертв и этот случай удалось скрыть от большого начальства. В противном случае, старшего мастера могли бы судить.

Работа проходчиком шурфов и канав.

Я уже писал, что при оформлении на работу в ГРП, я был зачислен машинистом шурфопроходческого агрегата. Но после передачи этой машины в другую геологоразведочную партию, был переведён в проходчики. Справедливости ради следует сказать, что это труд не из лёгких, требующий, прежде всего определённой физической силы. К сожалению, я таковой не обладал, и поэтому, первое время, мне было не сладко. Ситуация была похожа на целинную, когда я работал землекопом и так выматывался, что еле добредал до палатки. С непривычки, целый день помахать кувалдой, кайлом и лопатой в скальной породе, которую ещё нужно было метнуть из канавы на трёхметровую высоту очень нелегко. К тому же, как, оказалось, работать лопатой, тоже надо уметь.

Однажды на бровку моей канавы присел уже не молодой, опытный проходчик, дядя Коля. Он, и ещё несколько старичков, были из Ленинграда, и каждое лето приезжали на заработки в геологоразведочные партии. И такой образ жизни, они вели уже не один десяток лет. Несмотря на свои уже немолодые годы, их никто не мог опередить по проходке канав. Работали они размеренно, неспешно, без суеты. По своей схеме производили взрывные работы на выброс. Не забывали лишний раз передохнуть и пообедать у костра. И как результат: в конце месяца у них оказывалось больше наработано кубов, чем у молодёжи. Обычно, про таких специалистов говорят, что на этом деле они собаку съели.

И вот этот дядя Коля, понаблюдав какое-то время за моими действиями: как я выкидываю породу из канавы, обратился ко мне, как мне показалось, со странным вопросом: «Генка, как ты думаешь: тебя надолго хватит при такой работе?». Не поняв сути вопроса, я попросил объяснить, что он имеет ввиду. Он мне разъяснил, что я неправильно работаю лопатой, поэтому быстро устаю, и в конечном итоге, могу заработать кучу болячек. Я, конечно, посмеялся над его замечанием и ответил, что как бы я ни работал этим инструментом, всё равно, придётся черпать больше, и кидать подальше. Он мне ответил, что как раз в черпанье, и есть главный секрет.

Загружать лопату нужно через колено, используя ручку в качестве рычага, что значительно облегчает эту операцию. В результате этой подсказки, я меньше стал уставать и заметно больше зарабатывать. С тех пор прошло много лет, но и сейчас, когда мне приходится брать в руки лопату, я с благодарностью вспоминаю дядю Колю, великого труженика и мастера своего дела. Благодаря ему, я пришёл к выводу, что на свете не существуют простых дел. В каждом деле имеется свой секрет, только нужно его разгадать и проявить смекалку.

Кроме канав и шурфов, нам иногда приходилось проходить и котлованы, где необходимо было зачистить большую площадь до коренных пород. Несмотря на то, что в данных проходках, взрыв производится на выброс, даже при удачном взрыве, остаётся много породы, которую нужно перекидать вручную. Однажды, соседняя с нами бригада, после взрыва, не стала зачищать котлован вручную, а договорилась с бульдозеристом, который, в неурочное время, освободил котлован от взорванной породы, а проходчики целый месяц загорали и собирали грибы и ягоды. В данном случае, вовремя проявленная смекалка, дала возможность бригаде хорошо заработать, отдохнуть, заготовить на зиму ягод и грибов. Для приличия, они каждый день появлялись на участке, разводили костёр, кипятили чай и разбредались по своим делам. Они, может быть, посидели бы и подольше, но комары и мошки не позволяли сидеть долго без движения.

Однажды взрывник, успев прямо с утра где-то хорошо «накушаться», раздал нам привезённую взрывчатку и, отойдя на безопасное расстояние, завалился в кусты на отдых. Мы обнаружили его только вечером, когда после смены выходили на дорогу к машине. Он был искусан насекомыми до такой степени, что мы узнали его только по одежде. Лицо его настолько округлилось, словно он за несколько часов поправился на десяток килограмм. Рот скривился, а вместо глаз едва угадывались две узенькие щелки. С трудом, приведя его в чувство, мы помогли ему взобраться в кузов машины, который был покрыт брезентовым тентом и почти до самого верха загружен ящиками с керном с буровой, которая работала рядом с нами. Несмотря на усталость, каждый раз, при возвращении домой, в кузове машины стояла возбуждённая обстановка. Вспоминали свежие смешные истории и случаи, давно минувших дней. Даже события, которые могли закончиться трагически, вспоминались и рассказывались с большим чувством юмора. На сей раз, всё внимание было обращено на взрывника, а точнее на его мячикообразную физиономию.

До самого Старого Ковдора, в кузове стоял гомерический смех. На одном из поворотов, уже при подъезде к посёлку, машину неожиданно занесло, она резко наклонилась на правый борт, остановилась и заглохла. Тут уж было не до смеха. Машина стояла с таким наклоном, что при малейшем толчке, она могла перевернуться и покатиться под уклон в овраг. При таком исходе, все те камешки цилиндрической формы, «керны», аккуратно сложенные в плоские ящики, перемололи бы всех нас в муку. Так как нас, такая перспектива никого не устраивала, мы начали потихоньку, по одному, покидать машину. На этом месте, дорога круто почти под 90 градусов поворачивала влево, и чтобы не столкнуться со встречной машиной, наш шофёр съехал с дороги, и угодил под крутой уклон. Кончилось всё тем, что при помощи буксира, машину вытащили на дорогу, и мы благополучно доехали до посёлка.

На следующий день, прерванный смех, связанный с искусанным взрывником продолжился. Как он потом рассказал: когда он после смены вошёл в комнату, жена с испуганными, выпученными глазами уставилась в его сторону и дрожащим голосом спросила: «А вам кого?». Только когда Толя (так звали взрывника) «обласкал» свою жену чисто русскими словами, она поняла, что это её муж явился после тяжёлой смены домой.

Условия работ на шурфах, после того, как у нас забрали шурфопроходческий агрегат ШПА–2А, заметно ухудшились. А для меня, особенно. При помощи этого агрегата, который вырабатывал электричество, и сжатый воздух, многие работы удавалось механизировать. Теперь пришлось переходить на дедовский метод проходки. Вместо перфоратора, шпур для взрывчатки стали бурить при помощи ломика и кувалды. Породу качать обычным колодезным воротком. Вентилировать забой, после взрыва, стволом листовенного дерева, который гоняли взад – вперёд по стволу шурфа. Освещать забой, карбидовой копилкой. Ухудшилась безопасность проходчика, находящего в забое. При механизированной проходке, диаметр шурфа позволял разделить выемку на две половины.

Буровая вышка Ковдорской ГРП

В одной из них монтировалось лестничное отделение и служило укрытием для проходчиков во время движения бадьи по стволу шурфа. При проходке ручной, ширина шурфа не позволяла этого сделать, и каждый камешек, сорвавшийся сверху, молотил по согнутой спине проходчика. При случае обрыва грузёной бадьи, спасти могло только чудо. На площади чуть больше 1м² укрыться от неё было негде. Сознывая это, мы надеялись на прочность троса и на кованое ведро, которое висело на нём. Особенно часто, мы стали травиться газами, которые оставались в породе после взрыва. Во-первых, «берёзовая вентиляция» была малоэффективна, и не способна полностью очистить забой от газов, а во-вторых, большое количество его оставалось во взорванной породе, и во время откачки её на-гора, газ снова заполнял узкое пространство забоя. Случаев отравления было немало, но до летальных исходов не доходило. Мне несколько раз довелось надышаться этого «аромата» под самую завязку, после чего приходиться в себя, лёжа на земле, подле шурфа.

Должен сказать: ощущение, не из приятных. Голова становилась пьяная, ноги подкашивались, руки повисали словно плети, а сердце набирало бешеные обороты. Испытав впервые такое чувство, я не сразу понял, что отравился и какое-то время продолжал работать. Но когда стало темнеть в глазах, и подкашиваться ноги, я сообщил наверх о своём состоянии. Мне было предложено немедленно вылезать наверх. Встав одной ногой в присланную за мной бадью, и уцепившись дрожащими руками за стальной трос, я с большим трудом выбрался на поверхность. Едва перевалив за ограждение шурфа, я очень долго валялся на земле, приходя в себя. По неопытности, похоже, я нахлебался этого газа во много раз больше нормы. При повторном отравлении, при первых же признаках, я вылезал на поверхность, и через небольшой промежуток времени, снова был в забое.

Исчезновение шурфопроходческого агрегата, почувствовали даже опытные проходчики, за плечами которых сотни метров проходки шурфов разных глубин. А для меня, это явилось переходом на другую специальность. Было не просто, после относительно тёплой и светлой кабины, где не дуло и не капало, где не скрипела крепь от чрезмерного давления породы, очутиться под землёй в забое. Первое время, каждый камешек, прилетевший сверху, скрип крепёжной доски казались предвестниками обвала. Казалось, что сейчас стенки шурфа сомкнутся между собой и погребут тебя заживо в этом сыром и глубоком безмолвии. Я раньше только слышал, что из глубокого колодца можно увидеть звёзды на небе даже днём. Работая на шурфах, когда глубина переваливала примерно за десять метров, я убедился в правдивости этих слов. На такой глубине, температура воздуха, как зимой, так и летом почти одинакова. Зимой, полностью открытый

шурф не промерзал глубже пяти метров. В морозные дни приятней было работать в забое, чем наверху.

Несмотря на то, что я фактически стал работать в забое на шурфах, а по документам продолжал числиться машинистом шурфопроходческого агрегата. Медицинская комиссия меня не пропускала на подземные работы по зрению. Казалось бы, какая разница, кем я числюсь на бумаге. На самом деле, разница была заметная. Мне были не положены льготы по вредности: увеличенный ежегодный отпуск, уход на пенсию в 45 лет. Мне была не положена та спецодежда, которая выдавалась проходчикам. Я пользовался дежурной. Я, так же, как и все сменами сидел в забое, не ведая какая погода наверху, травился газами, но никакие средства защиты для здоровья мне были не положены.

Если на работе у меня произошли изменения – я из машиниста шурфопроходческого агрегата превратился в проходчика, то в быту всё было без перемен. Мы всё так же продолжали жить в лесу в землянке. Получалось так, что я работал и жил под землёй. Земля–матушка нас кормила и укрывала своим покрывалом. За это короткое время, мы настолько привыкли к этому небольшому кусочку леса, что он уже не казался нам таким таёжным и диким, как в первые дни нашего проживания здесь. В погожие весенние дни, когда стали появляться в лесу первые проталины, мы чаще стали вылезать из своей земляной норы и радуясь яркому солнцу, прогуливаться по лесным полянкам. Ночью ещё подмораживало, а днём, снег с солнечной стороны начинал чернеть, становился какой-то ноздреватый, словно поеденной оспой и постепенно превращался в воду.

Вскоре, по пологому склону, со стороны леса, в сторону озера, зажурчали робкие ручейки. С каждым днём водяной поток возрастал, и настал момент, когда мимо наших землянок, потекла настоящая, шумная река, угрожая затоплению наших жилищ. Несколько ниже нашего жилища, начала образовываться большая лужа, которая всё ближе и ближе подступало к Мишиной землянке. Мы знали, что он там не живёт, и поэтому, не очень беспокоились за него. Но, в один из вечеров, Миша неожиданно появился на пороге нашей землянки с чемоданом в руке. На наш вопрос: что случилось? Он ответил, что поругался с той женщиной, у которой он жил всё это время.

Хотел перебраться в свою землянку, а её затопило так, что чемоданы и многие вещи были на плаву. Так, как ему больше некуда пойти, он просил пустить его к нам пожить, на время паводка. С нашей стороны, возражений не было, и он часть своих вещей перетасил в нашу землянку. Сказав, что вечером придёт к нам ночевать, он ушёл в посёлок. Видимо, он уладил свои дела с любовницей, не пришёл на ночлег ни в тот, ни в другие вечера. Через несколько дней, он перенёс свои вещи снова в свою землянку, и мы его больше не видели. А не видели потому, что в нашей жизни произошли неожиданные изменения.

Самовольный захват комнаты в бараке.

Моя сестра Фаина, проживавшая в основном посёлке, частенько после работы приезжала к нам на велосипеде. В один из памятных вечеров, она приехала с известием о том, что нашла для нас свободную комнату в бараке. Знакомая ей комендантша, дала ключи с условием: если эту комнату никто не востребует в ближайшие два-три дня, то она останется за нами. Мы не знали, как реагировать на это сообщение: радоваться или печалиться. С одной стороны, очень хотелось поскорей выбраться из землянки в людскую гущу, а с другой, самовольный захват жилья, мог обернуться большими неприятностями. После долгих колебаний и обсуждений, и Фаиных убеждений, что всё будет нормально, мы решили рискнуть.

Фаина Чикунова (справа) с подругой Ириной

Это была маленькая комнатка, в бараке, по улице Кирова, площадью 8м². Длинной, примерно, три метра, и чуть поменьше шириной. В углу стояла маленькая печурка. Одинокое оконце выходило во двор. Из двух чемоданов соорудили столик, поставив один на другой буквой Т. Ватный матрас, расстеленный на полу, днём заменял нам стулья, а ночью кровать. Первое время обедали, словно цыгане, сидя на матрасе подле чемодана, лежащего на полу с кастрюлей супа и алюминиевыми мисками, и ложками.

Перебравшись в эту коморку, нас одолевало двойное чувство: радости и тревоги. Радости, потому, что у нас над головой снова настоящая, а не земляная крыша, нас окружают живые люди, а не лесные звери, не нужно бежать за каждой мелочью за тридевять земель, всё рядом. Тревогу вселяла неизвестность, чем всё это закончится? Посёлок только строился, каждый метр жилья был на счету. Наверняка, эту комнатку кому-то уже выделили, и при встрече с законным владельцем, нам нечего будет сказать в своё оправданье.

Первые дни, мы сидели на матрасе тихо, как мышки, вздрагивая при каждом стуке в дверь. Как я и предполагал, ждать пришлось не долго. Прошло всего несколько дней, и в один из вечеров, мы только успели отужинать, как на пороге появилась молодая женщина. Открыв дверь со словами: «А здесь уже кто-то живёт?!» - она уставилась на нас удивлёнными глазами. «А кто вам дал эту комнату? Её выделили мне» - сказала она. Я ответил, что никто не давал, и мы въехали самовольно. «А где вы жили до этого?» «В лесу, в землянке» - ответил я. «Да-а-а-а!?» - удивлённо протянула она. «Оказывается, ещё люди в землянках живут!?» С этими словами она медленно открыла дверь, и с озадаченным видом вышла в коридор. Несколько дней, мы с тревогой ждали каких-то санкций, но шли дни за днями, и всё было тихо. Окончательно убедившись, что эта женщина не будет ставить вопрос о нашем выселении, мы подали документы комендантше на прописку, и были официально прописаны.

Вот тут-то уж нашей радости не было предела. Для нас, это был настоящий праздник. Даже не верилось, что мы теперь сможем жить по-человечески, как все люди. Неважно, что в тесноте и со всеми удобствами во дворе. Зато в посёлке, а не в лесу. Сразу же начали благоустраивать своё жилище. Раздобыли необходимую мебель, навели в комнате порядок. Валя повесила на окно занавеску. Маленькая комнатка сразу преобразилась, стала уютной, и казалось, что нам теперь не надо больше никакой другой. Кроме изобретения мебели, у меня сразу же появились и другие хозяйственные заботы. Не за горами была зима, и нужно было позаботиться о дровах, и о сарае, для их хранения.

Заготовка дров в Ковдоре (фото из архива Ковдорского краеведческого музея)

Снабжением населения дровами никто не занимался, и поэтому нужно было самому навалить в лесу деревья, найти транспорт, чтобы привести эти брёвна домой и около дома превратить в дрова. Несмотря на то, что многие домашние работы приходилось делать по вечерам, перекидав до этого на работе за смену ни один десяток кубов горной массы, весь этот труд не был в тягость, и всё это делалось легко и с удовольствием потому, что все эти дела были направлены на улучшение наших бытовых условий. А эти условия изменились кардинально. После тихого хвойного леса, где лишь ветер шумел в хвое, да изредка ворон нарушал своим гортанным криком лесную тишину, за нашими стенами зазвучали людские голоса, которые не смолкали с раннего утра до позднего вечера.

Наша комнатка находилась в большом коридоре, у входных дверей, и тонкие барачные переборки позволяли услышать шаги всех входящих и выходящих из дома. А когда мужички выносили стол и начинали забивать «козла», или отмечать какое-то торжество, то было ощущение, что мы тоже там участвуем с самого начала и до позднего конца. Зато для ребятишек было полное раздолье. Длинные, во всю длину барака коридоры, позволяли им носиться по всему дому не только пешком, но и на велосипедах. Нашему Сашке шёл уже пятый год, и по всему было видно, что ему нравится наше новое место жительства. У землянки он гулял один, и какое-то ограниченное время, а здесь с друзьями с утра до вечера, с перерывами на обед и ужин, и независимо от погоды во дворе.

В бараке проживало двадцать семей, и все жили между собой очень дружно. Но однажды мужички, будучи в изрядном подпитии, что-то не поделили между собой и возвели такую бучу, что весь барак был поставлен на уши. А когда жёны бузотёров кинулись их мирить, коридор стал походить на встревоженный пчелиный улей. Враждующие стороны махали кулаками, громко выкрикивали угрозы, адресованные друг другу и жёнам, вцепившимся в их тела. Мужья, вырываясь из объятий жен, кричали, жены, преграждавшие им дорогу, визжали, зеваки, выскочившие из комнат на шум, громко выкрикивали какие-то советы. Все жители барака сбежались в большой коридор, образовав шумную толкучку. Маленькие ребятишки тут же разбежались со страху по своим комнатам, а что постарше, забились по углам за спины взрослых и с любопытством наблюдали за происходящими событиями.

В самый разгар заварухи, когда весь барак стал сотрясаться от сильного шума и беспорядочного топота десятков ног, в комнату «влетел» с широко раскрытыми, испуганными глазами Сашка. На наш вопрос: что случилось, он показывал пальцем в сторону коридора, и вместо ответа только мычал. Было такое впечатление, что он пытался что-то сказать, но был не в силах разжать слипшиеся губы. После этого дня, мы стали замечать, что он всё больше и больше стал заикаться. Такую картину, он увидел впервые в своей жизни, и она, очевидно, здорово встряхнула его детскую неокрепшую нервную систему.

Следует заметить, что такие разборки между семейными жителями барака были крайне редко. В основном, отношения между собой, были товарищеские, нередко даже дружеские. Двери в комнаты закрывались только на ночь, а днём вход был свободен. Не считалось зазорным сходить к соседям и «стрельнуть» щепотку соли, коробок спичек, или краюшку хлеба. Некоторых бараки сдружили на многие годы. Живя уже в благоустроенных отдельных квартирах, люди продолжали ходить друг к другу в гости и отмечать все семейные знаменательные даты и общие государственные праздники.

Классический барак серии «К-7»

После переселения из лесной землянки в посёлок, мне стало работать на много спокойней. Во-первых, я знал, что моя семья теперь находится среди людей, а во-вторых, у меня не стало ночных смен, и каждый вечер мы были вместе.

После моего перевода из машинистов в проходчики, мне пришлось поработать в разных бригадах и на разных работах. После аварийного шурфа, где мы с Колей белорусом чудом остались живы, я ещё какое-то время поработал на канавах, а потом мы с Юрой Морозовым стали работать на проходке шурфов. Это был чудесный человек, среднего роста, коренастый, круглолицый, чернобровый, черноволосый. В чертах его лица было что-то мусульманское. Да и отчество у него было: Ахмедович.

Несмотря на то, что жизнь потрепала его основательно, Юрий Ахмедович казалось, никогда не унывал, и с ним было работать легко, и я бы сказал даже весело. За какие-то грехи (он не рассказывал) на сколько-то лет, он был упрятан за решётку, и отбывал наказание на Колыме, на золотых приисках. Казалось бы, эти годы должны были отпечататься в его душе чёрным пятном, но он каждый раз вспоминал о них с юмором, и

много рассказывал юмористических историй из тех мест. Освободившись из мест, не столь отдалённых, он женился, у них родилось двое детей.

Как-то нам с Юрием Ахмедовичем дали задание перебраться с Северного участка на Восточный, на так называемую «Медвежку», (сейчас недалеко от этого места стоит телевизионная вышка) и пройти там шурф. Взгромоздив на себя ломы, кувалду, кайло, лопаты и взрывчатку, утопая в снегу почти по колена, мы отправились осваивать новый для нас участок. Когда распаренные, словно в парилке, от тяжёлой дороги и увесистого груза, добрались до отметки, то были озадачены. На том месте, где нам нужно было «зарезать» шурф, по всем признакам, была медвежья берлога. После долгого совещания, мы решили взорвать её.

Проделали в снегу небольшую воронку, по нашим предположениям по центру берлоги, и заложили в неё двухкилограммовую пачку взрывчатки. На всякий случай, если медведь окажется живым и пойдёт на нас, изготовили две самодельные гранаты. От взрывной волны многие деревья лишились снежного покрывала, которым они были покрыты толстым слоем. С места взрыва высоко в небо, взметнулись какие-то палки и куски древесины. Какое-то время, мы ещё сидели в засаде, вслушиваясь в лесную тишину, держа наготове две «гранаты». Когда мы, с большой опаской, подошли к предполагаемой берлоге, то увидели там разбросанный по сторонам валежник и куски густого ягеля. Насторожённость перешла в громкий смех, и мы долго смеялись над своей мнительностью. Говоря серьёзно, наша настороженность была основана не на пустом месте. На этой сопке часто видели медведей и не зря её именовали «Медвежка». На наше счастье, проработав на этом участке не один день, мы ни с одним из них ни разу не встретились. Возможно, мы распугали их ежедневными взрывами.

Справа Ю.А. Морозов (Г.Н. Чикунов в центре)

В те годы, взрывные работы проводились не только на горных выработках, нередко взрывчатка применялась и на строящихся объектах. А стройка велась кругом, не только в посёлке, но и его окрестностях. Те организации, которые не имели права производить взрывные работы самостоятельно, договаривались с предприятиями, имеющими такие права. Однажды мы были свидетелями, как наш взрывник производил взрыв рядом с

опытной вермикулитовой фабрикой. Взрыв нужно было произвести совсем близко от строящегося здания. Корпус фабрики сиял новыми недавно вставленными стёклами и был почти готов для эксплуатации. Я не знаю, кто и как рассчитывал мощность взрыва, но взрывная волна была такой силы, что в этом корпусе не осталось целым ни одного стекла в окнах.

Это были цветочки, по сравнению с тем, что вытворял рудник «Железный», когда началась добыча руды. Посёлок возвели, чуть ли ни на бровке карьера. Поговаривали, что в Союзе, это единственный населённый пункт, построенный так близко от карьера. Взрывы производились на сопке фактически выше поселковых крыш, и заряды исчислялись не килограммами, а десятками тонн. Почти после каждого взрыва, рудник организовывал бригаду стекольщиков, по восстановлению остекления в домах посёлка, а в дальнейшем и города.

После Медвежки, мы с Юрием Ахмедовичем снова перебрались на Северный участок, где прошли несколько шурфов. Из всех пройденных, особенно запомнился пятнадцатиметровый, который проходил в сплошной скале. Долбили мы его целый месяц, пока дошли до проектной отметки. Несколько часов уходило только на то, чтобы при помощи кувалды, ломика или шлямбура пробить в скале несколько шпуров для взрывчатки. Взрывы производили только с «прострелкой», и всё равно, удавалось разрыхлить в забое всего несколько сантиметров горной породы. Это был единственный шурф, который мы прошли все пятнадцать метров без крепления.

Работа электриком.

Однажды мне передали, чтобы я, после смены, обязательно зашёл к начальнику ГРП, Осипову Серафиму Сергеевичу. Меня это несколько озадачило: я ничем не отличился и не проштрафился. Обычно по пустякам к нему не приглашали. Я уже подумал, что мне всё-таки выделили комнату, которую так давно обещали. Каждый раз мне говорили, что я стою, первый в очереди. Но стоило только освободиться какой-то комнатухе, как туда сразу же вселяли геолога, как нужного специалиста, а я снова оставался первым. Только потом понял, что я действительно первый, но только с заду. И, шагая после смены в контору, я подумал, что может быть, наконец-то, очередь дошла и до первых, стоящих в заду?

В кабинете, кроме начальника ГРП, находился главный механик, Никифоров Виктор Сергеевич. Это был молодой человек, среднего роста, с аккуратными усиками, приятной наружности, недавно окончивший институт и направленный после окончания в Геологоразведочную партию. Серафим Сергеевич усадил меня на стул, стоящий у стены, рядом со своим столом, и стал расспрашивать, как мне работается в горном цеху у Рейнберга Эдгара Карловича, где я работал в то время? При этом он вертел в руках Трудовую книжку. По бумажке, приклеенной к корочке, я успел прочесть свою фамилию. Я отвечал на все вопросы и не как не мог понять, куда он клонит? Ходили слухи, что в ближайшее время, намечается сокращение штатов, и я подумал, что меня хотят сократить.

Окончив допрос, Серафим Сергеевич отложил в сторону Трудовую книжку, и наконец-то раскрыл секрет моего приглашения. «Мы пригласили вас – сказал он – чтобы предложить перейти на работу электриком». Я ожидал чего угодно, но только ни этого. Я никогда этим не занимался, и для меня эта специальность была покрыта тёмным мраком. Работая на дизельных электростанциях, я всегда удивлялся, каким образом электрики разбираются в такой куче проводов? Когда они открывали щит управления, я всё время вспоминал Аркадия Райкина, который в одной интермедии, глядя на телевизионную схему,

говорил: «Батюшки, сколько проводов-то и все в разные стороны». Я ответил, что электриком никогда не работал и в этом деле не разбираюсь совсем. «Я даже не знаю, как правильно подключить лампочку» - сказал я. «Ничего страшного – ответил Серафим Сергеевич – научишься».

Гл. механик ГРП Никифоров В.С., Чикунев Г.Н., Смирнов А.А., Осипов С.С.

От неожиданности, я даже не знал, что сказать. Моё молчание, видимо, было воспринято как знак согласия, и Серафим Сергеевич, посмотрев на меня и, сказав: «Вот и договорились» - пригласил в кабинет Маргариту Николаевну, которая исполняла обязанности начальника отдела кадров. Когда она вошла, он протянул ей мою Трудовую книжку со словами: «Оформите Чикунова Г.Н. с 7-го сентября учеником электрика по 4-му разряду».

И так я стал с 7-го сентября 1962 года электриком. Выйдя из кабинета и направляясь в сторону дома, я не знал радоваться мне или печалиться. А вот Валя, узнав о моём переводе, очень расстроилась и стала меня упрекать за то, что я согласился поменять специальность. Её пугала высота, на которой мне придётся работать и электричество, которого она очень боялась. Пришлось её долго убеждать, что эта специальность ничуть ни хуже и не лучше многих других.

На следующий день я, как зачисленный в механический цех, уже не пошёл на сопку, а явился утром в механическую мастерскую, где получали наряды на работу токари, слесари, в том числе и электрики. Несмотря на то, что я до этого работал в другом цеху, как геологи говорят: «в поле», знакомиться с рабочими механического цеха мне не пришлось потому, что коллектив ГРП был небольшой, и мы все хорошо знали друг друга. Штат механического цеха состоял из 11 человек. Бригадиром этого коллектива был Иванов Владимир Петрович, с которым мы были знакомы ещё с пятидесятых годов.

Они в то время жили в Пинозере, были большими друзьями с моими родственниками Левшаковыми, и я, будучи в отпуске, несколько раз бывал у них в гостях. Мои тётушка с дядюшкой, крестили их детей, и они считали себя даже родственниками. Володя, или как

его звали все: Петрович, был талантливейший металлист. Отлично разбирался в технике, мог работать почти на всех металлообрабатывающих станках. Бригадир он был не освобождённый, вместе со всеми принимал участие в ремонтах самой различной техники и почти каждый месяц, умудрялся столько подать рационализаторских предложений, что премиальные за их внедрение, иной раз, превышали его основной заработок. Одним словом, как многие про него говорили: «мужик башковитый».

До моего прихода, электрик на всю геологоразведку был один: Коля Калитин. С моим приходом, нас стало двое. Несмотря на небольшие размеры геологоразведочной партии, электрическое хозяйство было немалое. Это, прежде всего посёлок ГРП, со всеми домами, уличным освещением и электрической подстанцией. Мастерская, с металлообрабатывающими станками. Гараж, лаборатория, кузница, кернохранилище и т.д. Основная же работа электриков находилась в поле, по обслуживанию горного оборудования и буровых станков. Все механизмы постоянно передвигались с одной точки до другой, и вслед за ними нужно было монтировать электролинии. Прежде чем смонтировать новые, чаще всего приходилось демонтировать старые. На лесных участках провода подвешивали на деревьях, в болотистых, где столбы было поставить невозможно, на временных треногах.

В связи с большим количеством электролиний, за смену много времени приходилось проводить на деревьях, столбах или на треногах. У меня получилось так, что я из-под земли, вознёсся над землёй. Следует сказать, что надземные работы мне дались значительно трудней, чем подземные. Я долго не мог освоить лазанье на когтях. Причём, что интересно: наверх я забирался свободно, почти с первого раза, а вот при спуске, когти никак не хотели цепляться за столб, и мне приходилось просто сползать вниз на пузе, в обнимку со столбом. Со столба ещё можно сползти, таким образом, а с дерева, этот метод не подходил из-за коры, которая цеплялась за одежду. Для лазания по деревьям на когтях, нужно иметь определённый опыт. Одно дерево может быть толщиной почти с оглоблю, а следующее, в два обхвата, а когти, обычно, рассчитаны на какой-то один размер.

В своё время, я сравнительно легко сдал экзамены и получил права тракториста, прочитав всего один раз книгу по его устройству. А вот первый ежегодный экзамен по технике безопасности, который я сдавал 29 декабря 1962 года, я сдал с большим скрипом. Причём, сдавать пришлось в посторонней организации. В ГРП не было человека, наделённого такими правами. Мне нужно было за три месяца изучить талмуд объёмом в 268 страниц под названием: «Правила технической эксплуатации и безопасности обслуживания электроустановок промышленных предприятий». Чтобы разобраться во многих пунктах и понять, что к чему, нужно было уже иметь какой-то опыт работы по этой специальности, а я, за этот срок, успел только освоить золотое правило электриков: «Не протягивай руки, а то протянешь и ноги». Проще говоря: прежде чем что-то потрогать в электроустановках руками, убедись в отсутствии в этом месте напряжения. И ещё я освоил, что опоры иногда имеют привычку падать.

Мы как-то с Колей монтировали очередную электролинию, примерно с километр длиной. Большую часть проводов закрепили на деревьях, а вместо концевой опоры пришлось ставить треногу. Обычно натяжку и фиксацию проводов мы производили на концевой опоре, а на промежуточных только крепили к изоляторам. В данном случае, получилось так, что натяжку всех пролётов нужно было делать на треноге. Николай так и собирался это сделать, а у меня было какое-то предчувствие, что эта опора не выдержит столько пролётов и при натяжке проводов обязательно рухнет на землю. Я поделился своими опасениями с Николаем, но он попытался меня убедить, что мои опасения напрасны, и что в его практике такого не было.

Временная опора под электропроводку.

Мы долго дискутировали на эту тему, но я его всё-таки убедил, и мы начали натягивать линию с противоположного конца. Натяжение трёх проводов тренога выдержала, а когда начали натягивать четвёртый, она приподняла одну свою ногу, покачалась, как бы раздумывая стоять или падать, и рухнула наземь, ослабив все ранее натянутые провода. От всего увиденного, у нас зачесались затылки. Трудно даже представить, что бы с нами было, если бы один из нас, в это время, находился наверху? При падении, тренога сложилась и могла переломать кого-то из нас, как пруттик. Не зря говорят, что история повторяется. В данном случае моя интуиция спасла нас от травмы, как в своё время на шурфе, который обвалился.

Падение в обнимку с треногой, мне удалось избежать, а вот парашютировать со столба и лететь к земле вместе с ним всё-таки довелось. Иногда зимой, ставили сырые, свежоошкуранные опоры. И при сильных морозах, они покрывались толстым слоем льда. При сильном обледенении, когти не проламывали образовавшийся панцирь и скользили по столбу, словно коньки на катке. В шестидесятые годы, зимы были холодные и частенько морозы опускались ниже отметки - 40⁰. В один из похожих дней, мне довелось работать на линии, с новенькими столбами. Подойдя к столбу и надев на валенки, кустарно изготовленные в кузнице массивные когти, прицепив к монтажному ремню электрический кабель, я полез наверх. Прокалывая при каждом шаге ледяной панцирь, я благополучно добрался до изоляторов. Но не успел протянуть до них руку, как пулей полетел вниз, больно ударившись ногами об землю. Толстый, тяжёлый электрический кабель, привязанный к поясу, увеличил скорость падения, и удар получился жёсткий.

Готовая к работе буровая вышка, ждала напряжения на той линии, которую я пытался подключить, и поэтому, много времени на раздумье у меня не было и, переведя дух, я снова полез на этот столб. И снова полетел вниз, едва добравшись до нижних изоляторов электролинии. Мне удалось добраться до верха и закрепить там кабель только с третьей попытки. Не зря говорят, что Бог троицу любит. На моё счастье столб был без пасынка, иначе всё могло бы закончиться гораздо печальней. Но здесь, я летел вдоль столба, и монтажный пояс оказался моим спасителем. А при очередном, похожем эпизоде, этот же пояс чуть ни сыграл обратную роль.

Часто так получалось, что на одной линии было подключено несколько буровых вышек. При переключении одной из них, чтобы не останавливать все остальные, приходилось работать под напряжением. Мало того, что это не безопасно, но и являлось грубейшим нарушением Правил техники безопасности. Находясь на столбе между проводов под напряжением 400 вольт, нужно было укрепить и подключить электрический кабель или вырезать освободившуюся часть электролинии.

Как-то я получил задание демонтировать освободившуюся часть электролинии и смонтировать её на другом участке. Переезжала только одна буровая вышка, а все остальные продолжали бурение. Следовательно, эту операцию нужно было произвести под напряжением, без остановки всех остальных. Я залез на столб, благополучно обрезал нижний провод, за ним третий и второй, но только перекусил первый верхний, как вместе со столбом полетел вниз. Не долетев до земли несколько сантиметров, столб остановился. Всё произошло настолько быстро, что я не успел даже испугаться. В данном случае, если бы я не был пристёгнут к столбу монтажным поясом, то можно было бы попытаться спрыгнуть с него. А расстегнуть его за какие-то секунды не реально. На моё счастье, столб не долетел до земли. А если бы долетел, то кроме удара об землю я мог бы получить ещё удар и электрический от проводов, которые были под напряжением и которые очутились бы подо мной.

Если на сей раз обошлось без дегустации электричества, то буквально через небольшой промежуток времени пришлось попробовать его, можно сказать, на зуб.

Очень часто мы работали на чужих линиях. Иногда нам выделяли отдельный фидер на подстанции, или позволяли подключиться к действующей линии. В тот памятный день, мы получили разрешение запитать нашу линию от магистрали вермикулитового карьера. Перед тем как залезь на столб, чтобы подключить кабель, мы зашли к руководству карьера, договорились о времени отключения линии. В назначенное время, мы линию обесточили, повесили плакат: «Не включать работают люди» и я, прицепив к монтажному поясу кабель, полез на столб. Дойдя до верха опоры, укрепился, как следует, и начал подключать кабель. Подключив одну жилу кабеля к верхнему проводу линии, я начал разворачиваться, нечаянно коснулся подбородком линейного провода и получил электрический удар в голову. Я не сразу понял, что произошло.

Включившиеся в карьере прожектора подсказали, что линию кто-то включил. Когда я сообщил Николаю, что линия под напряжением, он мне не поверил, сказав, что сам лично отключал её. Он кинулся выяснять причину, а я стал думать, как мне выбраться из проводов, находящихся под напряжением, между которых я находился. Спустившись вниз, я тоже подключился к разбирательству происшедшего инцидента. Несмотря на то, что этот случай относился к разряду чрезвычайных и в некоторых случаях виновные могли подвергнуться уголовному преследованию, начальник участка встретил нас в хорошем настроении и с улыбкой до самых ушей. На наш вопрос: кто подал напряжение на линию?

Начальник ответил, что думал, что мы уже закончили работу и включил линию, чтобы осветить карьер. На вопрос видел ли он плакат «Не включать работают люди» на ручки включения рубильника? Он ответил, что видел, просто подумал, что мы забыли его снять. Вот такие «грамотные» начальнички встречались иной раз на наших производствах, которые не знали даже самых элементарных правил по технике безопасности. Даже самый рядовой электрик знает, что снять плакат и включить линию имеет право только тот человек, который его вешал и выключал напряжение. Меня спасло только то, что столб оказался сухой. Я отделался ожогом бороды, которая вскоре зажила. Наши начальники предлагали нам подать на виновников ЧП в суд, но мы не согласились. Не хотели портить отношения. Нам очень часто приходилось обращаться к ним за каждой мелочью в качестве просителей, а если бы дело довели до суда, то мы не смогли бы приблизиться к ним на пушечный выстрел.

Говоря о квалификации руководящих работников, мне вспоминается один забавный случай. Как-то мне сообщили, что одна буровая вышка стоит из-за отсутствия электроэнергии. Забрав необходимый инструмент, я тут же отправился на участок. Заменяя на подстанции, которая находилась на территории шахты примерно в километре от буровой, два предохранителя, я отправился на буровую вышку. Ещё издали увидел бурового мастера, прогуливающего по лесной поляне. Это было первым признаком, того что на буровую электроэнергия так и не поступила. Поравнявшись с ним, я убедился, что моя догадка подтвердилась. «Как же так – сказал я – я же заменил на подстанции два предохранителя и подал напряжение на линию». На что буровой мастер на полном серьёзе ответил, что электролиния очень длинная и электричество после моего включения просто не успело ещё дойти до буровой. Если следовать его теории, то я преодолел расстояние от подстанции до буровой со значительным превышением скорости света. Не дожидаясь, когда электричество преодолеет километровое расстояние, я отправился вдоль линии на поиски повреждения.

Обычно, работники, работающие на открытом воздухе в сильные морозы, не работали. Им эти дни, согласно закону, активировали с пятидесяти процентной оплатой. Но на нас, электриков и буровиков этот закон не распространялся. На буровиков потому, что они работали под крышей, и у них под боком топилась железная печка, где можно было отогреть носы и руки. А мы, электрики, должны были снабжать их электроэнергией и обеспечивать бесперебойную работу бурового электрооборудования. У нас, к сожалению, никаких печек не было и нам приходилось довольствоваться тем, что Бог даст. А у Бога, как известно, погодное меню самое разнообразное и поэтому приходилось работать под проливным дождём, в сильные морозы и непроглядные метели. При сильном ветре деревья раскачивались и рвали провода наших линий. Приходилось, не ожидая затишья лезть наверх и устранять неполадки.

Зимой, от дерева до дерева добираться ползком, чтобы не утонуть в снежном сугробе. Я помню, как-то раз, при строительстве почти километровой электролинии, почти в сорокаградусный мороз, я слез с очередного столба, и при попытке закинуть цепь от монтажного пояса за воротник, накинул её на голую шею. Цепь моментально прилипла и примёрзла к шее. Отдирать пришлось её вместе с кожей. В такие морозы, пожалуй, трудней всего было монтировать кабельные линии, состоящие из множества соединительных коробок. Иногда часами приходилось простоять на коленках в снегу, соединяя множество коротких кабелей в одну линию.

Монтировать приходилось голыми руками, которые прилипали к металлу. Чтобы окончательно не превратиться в сосульку, приходилось заниматься различными физическими упражнениями, а руки натирать снегом и засовывать в меховые рукавицы. И что интересно: я заметил, что после такой процедуры они, приобретая цвет гусиных лап, долго не мёрзли. Иногда на листе железа, я разводил небольшой костёр, привязывал к листу моток проволоки и при помощи этой петли перетаскивал этот живительный огонёк от коробки до коробки. При таком очаге, здорово не вспотеешь, но нос и руки погреть можно.

В один из осенних дней пришлось узнать, что такое ледяной дождь. До этого я даже не знал, что существуют и такие дожди. С утра, как обычно бывает в эти месяцы, пошёл холодный, морозящий дождь. Но необычным оказалось то, что наши фуфайки вместо того что бы намочить, стали покрываться ледяным панцирем. За короткий промежуток времени, мы все стали выглядеть словно сосульки, покрытые толстым слоем льда. При движении, лёд на складках одежды лопался, осыпался и снова намерзал. Из-за отсутствия поблизости какого-либо укрытия, пришлось продолжать работу до конца смены.

Да и летом бывали дни больше похожие на осень. В 1965 году почти всё лето небо было затянуто густыми, тёмными тучами, которые ползли настолько низко, что задевали за сопки. Почти ежедневно моросили надоедливые дожди, очень часто переходящие в

продолжительные ливни. Несмотря на непогоду, план по бурению никто не отменял, а соответственно и работы по постройке электролиний. В такие дни, даже кратковременное нахождение под открытым небом без защитной крыши над головой, было безумием. От избытка влаги болота распухли, дороги превратились в сплошное месиво. Кроме тех струй, которые щедро изливались с небес, все предметы настолько намокали, что при малейшем прикосновении к ним, разбухала от влаги вся одежда.

И вот в эти промозглые дни, из-за невыполнения месячного плана по бурению разведочных скважин, нужно было срочно построить протяжённую линию на новый участок. В добавок ко всему, передовой буровой бригаде, вышка которой уже стояла на новой точке, не хватало сколько-то погонных метров для установления рекорда по бурению, за установление которого им грозила приличная премия. Когда мне сказали, что в эти дни нужно срочно построить линию, я не поверил. Я подумал, что это шутка. Обычно задания на работу мне давал главный механик ГРП Никифоров Виктор Сергеевич, а на сей раз меня пригласили в кабинет начальника, где Серафим Сергеевич Осипов разъяснил мне создавшуюся обстановку с планом и попросил, несмотря на неблагоприятные погодные условия, в кратчайшие сроки дать напряжение буровой вышке на новом участке. Для спасения от потоков воды, низвергающихся с прохудившегося неба, было дано высочайшее распоряжения, выдать мне со склада два прорезиненных плаща.

К тому времени, мой наставник, Коля, уже уволился, и все электрические установки легли на мои плечи. Для ускорения строительства, мне выделили бригаду парней, которые выполняли наземные работы, (прорубка просеки, установка треног на болотистых участках, подготовка проводов для подъёма на опоры) а все верхолазные работы были мои. Выданные мне плащи только на первый взгляд спасали от влаги. Толи от пота, толи от конденсата, к концу смены вся одежда была мокрая насквозь. А брюки, от соприкосновения с деревьями и столбами, на которых пришлось работать, намокали почти сразу, и вода струйками постепенно вливалась в резиновые сапоги и образовывала там хлюпающее болото. За смену, я промокал до такой степени, что вечером, придя домой, я мог раздеться только с помощью Вали, которая с трудом отрывала с меня бельё, плотно прилипшее к мокрому телу.

На жилой площади 8 м^2 нелегко было найти место для просушки такого количества мокрой одежды. Саму одежду за ночь удавалось как-то провялить, а плащи утром приходилось надевать почти такими же, в каких я приезжал вечером. Валя боялась за меня, что я долго не выдержу таких адских условий и заболелю. К счастью, всё обошлось, и я, за всё время не чихнул даже. К намеченному сроку мы эту злополучную линию все-таки построили, и буровики получили свою заработанную премию. Несмотря на то, что на собрании, где чествовали передовиков, про нас даже не вспомнили, но мы чувствовали себя тоже участниками поставленного рекорда по бурению.

Несмотря на то, что после ухода Николая, на меня возложили все электрические работы по ГРП, зарплаты не прибавили нисколько. Осипов Серафим Сергеевич объяснил это тем, что у нас электрических работ по пятому разряду нет, и вышестоящая организация не разрешает повышать зарплату. И я за 108 руб. стал обслуживать единолично: семь, а в иные месяцы и девять буровых вышек, электрооборудование горного цеха, буровые станки, работавшие в шахте, лабораторию, мастерскую, гараж, посёлок, подстанцию, уличное освещение. Буровые вышки были разбросаны по окружности за несколько километров от города. Одно время одна буровая бурилась даже в самом городе.

Если скважины были глубокие, то на буровой я бывал не каждый день, а только по случаю какой-то неисправности. А на мелких корректировочных скважинах, когда глубины были в пределах 80 – 90 метров, приходилось иной раз перевозить одну и ту же буровую дважды за смену. Для это нужно было построить новую линию, или продлить старую. Отключить буровую на старом и подключить на новом месте. Когда несколько буровых

вышек перешли на бурение мелких скважин, я почти круглые сутки висел на деревьях словно обезьяна. Домой забегал только перекусить и снова возвращался в лес, чтобы подготовить линию для следующей перевозки. Дежурной машины, которая перевозила бы меня с одного участка на другой, не было и чаще всего все эти расстояния приходилось преодолевать пешком с полным комплектом инструментов за плечами.

Со временем, я приобрёл велосипед с моторчиком, который значительно ускорил моё появление в нужном месте. Моё транспортное средство так понравилось начальству, что оно планировало снабдить всех геологов подобными машинами. Неофициально мой велосипед был зачислен в штат ГРП и я, как и все машины предприятия стал, ежедневно заправлялся бензином на местной заправке. При малейшей неисправности, мне оказывали всестороннюю помощь в ремонте мопеда. И буровики почувствовали, что я стал появляться на буровой, на много быстрее, при появлении у меня личного транспорта. Буровой мастер Геннадий Каргашин по этому поводу даже написал статью в местную газету «Рудный Ковдор» от 24.10.64 года под заголовком: «Рабочий Геннадий Чикунов», где назвал мой мопед Коньком Горбунком. С его лёгкой руки это прозвище прочно прилипло к моему мопеду и все его называли именно так и не иначе.

Рабочий Геннадий Чикунов

Выбрасывая сизый дымок, мчится по лесным дорогам велосипед. Размеренно трещит мотор, и лес вокруг наполняется гарью бензина. Это электрик геолого-разведочной партии Геннадий Чикунов спешит на своем «коньке-горбунке» к буровым установкам, что разбросаны в приковдорской тайге.

Нужный человек электрик. В брезентовой куртке, опоясанный широким монтажным ремнем, с плотно набитой инструментами полевой сумкой на боку неожиданно и очень кстати, словно из-под земли, появляется он на разных участках. Его лицо пылает жаром трудового подъема. Невысокий, худощавый, а работает — залюбуешься. Нахлобучив изрядно помятую фуражку так, чтобы ветер не «выжимал» слезы, Геннадий с такой ловкостью и подвижностью орудует инструментом и управляется с поющими проводами, словно танцует. Обнимая по временам высокий столб и соединившись блестящей цепью, Геннадий вкладывает весь жар своего сердца в любимое им дело. Создается впечатление, будто по тугим проводам пойдет не электрический ток, а чувство личной заботы электрика о своих людях, о государстве. И запоет мотор гимн труду...

«Жар-электрик», называют

Геннадия бурильщики. Это значит умелый рабочий, которому все по плечу. А механик геолого-разведочной партии Виктор Сергеевич Никифоров очень определенно отзываясь о нашем рабочем: «Когда Чикунов на участке, я спокоен».

Геннадий умеет сочетать труд на производстве с бытовыми делами по дому. Он также находит время и для повышения общеобразовательного уровня. Окончил восьмилетку, думает учиться дальше.

Когда же на поселок опускаются сумерки, рабочий как на праздник спешит туда, где сегодня намечено проводить политическую информацию. Там он с увлечением разъясняет товарищам, какие события произошли в мире за последнее время, что делается в нашей стране. Он не прочь помочь таким же рабочим как и сам.

Кандидат в члены партии Геннадий Иванович Чикунов любит трудиться, гордится своими товарищами, сам занимает место в первых рядах и ведет за собой товарищей. И если коллектив разведчиков недр одерживает производственные победы, в этом большая заслуга и простого советского рабочего Геннадия Чикунова.

Г. КАРГАШИН.

Буровой мастер геологоразведочной партии.

Несмотря на такую загруженность, с меня никто не снимал ответственность за работу других электроустановок. Немало хлопот причиняли ребятишки, которые постоянно из рогаток били лампочки на столбах уличного освещения. Приходилось даже организовывать отряды по поимке вандалов. Каждый раз, после успешной облавы и проведения воспитательных мероприятий с рогаточниками и их родителями, отстрел прекращался, но через какое-то время возникал вновь. Завхоз, Артёменко Надежда Никитична, еле успевала закупать в магазине лампочки для уличного освещения.

На горном участке хотя и преобладал ручной труд, но иногда применяли и некоторые механизмы с электроприводами, которые тоже нужно было обеспечить электроэнергией и устранять неисправности, в случае их появления. Таких механизмов было немного, но очень часто приходилось посещать их из-за каждой мелочи. Мне особенно запомнился один из таких случаев, когда мне пришлось срочно заканчивать одну из работ, чтобы запустить остановившийся конвейер на одном из шурфов. Вся неисправность состояла в том, что они (горняки) перегрузили электроустановку, и у них сработала защита. Чтобы возобновить работу, нужно было подождать несколько минут, чтобы реле защиты остыло, нажать кнопку на пускателе и продолжать работу. А они, не дожидаясь срабатывания реле, нажали несколько раз на пусковую кнопку и, не добившись результата, стали подавать сигнал СОС. Просидели несколько часов, в ожидании моего приезда. Когда я приехал к ним и запустил конвейер одним движением пальца, они уставились на меня словно на какого-то волшебника.

Когда я им объяснил причину остановки и показал, что нужно делать при подобных случаях, у них от удивления широко раскрытые глаза и стали серьёзными. Подобный случай был не единичный, когда в моё отсутствие какой-то механизм останавливался, а при моём появлении неожиданно начинал работать. Некоторые рабочие говорили, что электричество просто боится меня.

На том месте, где мы, когда-то проходили шурф и наткнулись на богатейшее месторождение флогопита, Ковдорский ГОК стал пробивать ствол разведочной шахты. Когда были нарезаны штольни на глубине 90 и 144 метра наша ГРП начала там бурить горизонтальные разведочные скважины. Для обслуживания шахтных буровых станков был принят на работу в ГРП ещё один электрик. Но однажды он серьёзно заболел, и его функции были переданы мне. В тот период мне приходилось работать над землёй, на земле и под землёй. Я слезал со столба, что-то ремонтировал на земле и спускался в шахту под землю. Однажды в шахте на глубине 144 метра мне довелось услышать такую тишину, какую на поверхности земли услышать невозможно. Подключив силовой кабель буровой вышки, я слез со столба и отправился в сторону шахты. В шахте на 144 горизонте мне нужно было подключить буровой станок.

В ту смену шахтёры качали породу на 90-м горизонте, а на 144-м никто не работал. Сменный мастер зарегистрировал меня в сменном журнале, выдал мне каску, шахтёрскую лампу, позвонил лебёдчице, чтобы опустила меня на 144 горизонт, стволовой проверил мои карманы на наличие спичек, и я ступил в клеть, которая только что подняла на-гора с 90-го горизонта две вагонетки с породой. Спускание в клетки в шахту очень похоже на свободное падение в тёмную бездну. Клеть летит вниз с такой скоростью, что появляется чувство невесомости. Кажется, что сейчас ноги оторвутся от пола, ты повиснешь в воздухе, прольёшь головой крышу, а клеть продолжит своё падение уже без тебя.

При приближении к девяностому горизонту, скорость заметно снизилась, а после прохождения, снова возросла, и клеть снова полетела вниз ещё на 54 метра. Через несколько секунд скорость заметно стала снижаться, клеть плавно остановилась и прочно встала на упоры. Сойдя с клетки, и сообщив при помощи звонка лебёдчице о своём прибытии на горизонт, я отправился по тёмному штреку к буровому станку, который мне нужно было подключить. Освещение было только у ствола, а весь штрек был погружён в

такой густой мрак, какой может быть только в подземелье. При выключенном светильнике, который был прикреплен к моей каске, не было видно даже вытянутой руки. При помощи шахтёрской лампы, я быстро нашёл буровой станок, подключил его и вернулся к стволу. Нажал на кнопку звонка и стал ожидать клеть, чтобы выехать наверх.

Время шло, а клеть так и не появлялась. Я позвонил ещё раз, через некоторое время ещё несколько раз, но результат был всё тот же. Вместо звука спускаемой клетки, я слышал оглушительную подземную тишину, которую невозможно услышать на поверхности земли. Единственным нарушителем была водная капля, которая с размеренным интервалом, словно хронометр, громко шлёпалась в лужу и являлась контрастом здешней тишине. Шумный, и освещённый, в обычные дни, тёмный горизонт, выглядел каким-то загадочным и даже угрожающим. Находиться в одиночку под землёй на такой глубине, когда наверху не реагируют на твои звонки, мягко говоря, не очень-то приятно. Убедившись, после многократных звонков, что про меня просто забыли, я решил выбираться наверх самостоятельно по лестницам, проложенным по шахтному стволу.

Уже на первых ступенях маршевых лестниц, меня встретил сильный водопад, который изливался сверху. Потоки воды изливались не единым потоком, а множеством ручейков, как из душа. Поднявшись всего на несколько метров, я промок до нитки, и мне стало ясно, что под таким душем, в своей спецодежде, мне даже до 90-го горизонта не пройти, и я вернулся назад. Судя по времени, дневная смена шахтёров подходила к концу, а меня не вывозят наверх. Я снова начал звонить в надежде на то, что меня всё-таки услышат, но время шло, а сверху не было слышно никаких телодвижений. От создавшего, в прямом смысле, безвыходного положения, я был в отчаянье и ходил взад-вперёд возле шахтного ствола в глубоком раздумье. Когда до конца смены оставались какие-то минуты, я ясно услышал в верхней части ствола звуки очень похожие на приближающуюся клеть. И я не ошибся.

Через несколько секунд в сетчатую загородку плавно опустилась долгожданная клеть и из неё вышли два шахтных электрика. Увидев меня, они словно окаменели и уставились на меня, как на какое-то приведение. Переведя дух, они набросились на меня с вопросом: «Как я тут очутился?». Они знали, что на этом горизонте, не ведутся ни какие работы, а о моём присутствии их не предупредили, и поэтому моё явление стало для них неожиданным сюрпризом. Они тоже были в недоумении, почему, несмотря на мои сигналы, меня столько времени продержали на горизонте. Проверив работу концевых выключателей в зумпфе, они поехали наверх и прихватили меня с собой.

Пульт управления шахтными лебёдками на ГОКе «Ковдорслюда»

Лебёдчица, к которой мы пришли вместе со сменным мастером для выяснения причины моего заточения, объяснила, что мои звонки воспринимала за сигналы с 90-го горизонта и поэтому не присылала клеть на 144-й. Всё это, конечно, звучало слишком неправдоподобно, вроде сказки для детей младшего возраста. Невольно возникает вопрос: а как она различает сигналы, когда работы ведутся одновременно на двух горизонтах? Мастер сделал вид, что поверил ей, а мне спорить было некогда, потому, что нужно было подключить буровую вышку, которая стояла в лесу примерно в километре от шахты.

Геологоразведочная партия из времянок, которые располагались на берегу озера, постепенно перебралась в бревенчатые дома. Контора, посёлок и производственные помещения, были построены в некотором удалении от берега. В связи с новостройками, находилась для меня работа и в посёлке. В жилых домах устанавливал электросчётчики, проводил электропроводку. В новой лаборатории, кроме освещения, монтировал лабораторное электрооборудование, при помощи которого геологи определяли содержание и качество различных минералов. Для крепления прокладываемого кабеля, я применял жестяные пластинки, которые почти всё время носил в кармане фуфайки. Там же у меня находились гвозди разных размеров, болты.... Одним словом, целый склад самых различных крепёжных материалов.

Однажды на работе у меня порвалась в этой фуфайке пуговица. Я её положил в карман, а дома попросил Валью пришить на место, сказав, что, оборванная пуговица находится в кармане. Валя, не подозревая, что у меня там не просто карман, а целый склад нужных мне вещей, смело сунула туда руку, громко вскрикнула от боли, и быстро вытащила её оттуда с окровавленными пальцами. Пришивать пуговицу мне пришлось самому. После этого случая, она боялась моих карманов хуже огня.

Мой рабочий день был фактически не нормирован. Меня могли вызвать на работу в любое время суток, как в будние, так и в праздничные дни. Как-то в один из первомайских праздничных дней, у нас были гости, и мы немножко выпили. После ухода гостей, Валя начала мыть посуду, а я прилёг на диван и тут же уснул. Через какое-то время в дверь постучали, и на пороге нашей барачной комнаты появился механик нашей ГРП, Фёдоров Валентин Николаевич, с сообщением о том, что посёлок геологов в этот праздничный день находится без света.

Для устранения аварии мне требуется срочно выйти на работу. Валя сказала, что я сплю и разбудить меня невозможно потому, что я пьяный. Валентин не поверил и начал меня трясти за плечи. На эти толчки, я никак не реагировал не потому, что был мертвецки пьян, просто даже малые дозы алкоголя действовали на меня как сильное снотворное. Видя, что меня действительно не так-то просто разбудить, он попросил у Вали стакан с водой. Когда Валя подала ему стакан, он влил часть жидкости мне в ухо. Я проснулся от сильной боли и тут же вскочил на ноги. Было такое впечатление, что кто-то залез в черепную коробку и начал там размешивать мозги. Очнувшись, и увидев Валентина, я сразу понял, что где-то что-то случилось, и мой праздник закончился.

Посёлок действительно сидел без света. Праздник был в самом разгаре, и многие жители жаждали послушать по приёмникам и посмотреть по телевизору праздничные концерты, а тут, как назло, пропало электричество. Многие жаждущие с ликованием встретили моё появление в посёлке и предлагали даже свою помощь в устранении аварии. К счастью, авария была не сложной, которую удалось быстро устранить и дать напряжение посёлку. Некоторые товарищи на радостях пытались затащить меня к себе домой, чтобы выпить за праздник и за успешное устранение аварии. Я с благодарностью от всех приглашений отказался и вечером был уже дома.

В 1962 году мы почти закончили так называемое оконтуривание флогопитового месторождения, и часть буровых вышек было переброшено в Ковдорский ГОК, на рудник

«Железный» и на южный участок, что примерно в 8 и 10 километрах от посёлка. Когда я добирался до южного участка на мопеде меня почти каждый раз на одном и том же месте встречал зайчишка. Стоило мне доехать до ручейка, как этот забияка вылетал из высокой травы, перебежал мне дорогу и скрывался в кустах на противоположной стороне. Причём я ездил не по расписанию, а в разное время и, несмотря на это, редкий день он не пересекал мне дорогу.

Складывалось такое впечатление, что зайчишка сидел в засаде в ожидании моего проезда, чтобы поиграть со мной в догонялки. Глядя на него, мне иногда вспоминался казахстанский лисёнок, который ложился в свежераспаханную борозду и не убегал с неё до тех пор, пока до тракторной гусеницы оставалось несколько метров. А когда мы выскакивали из кабины, он не убегал прочь, а как собачонка начинал играть с нами, бегая зигзагами по пашне.

Скважины на новом участке оказались радиоактивны, и поэтому геофизики стали изучать и документировать мощность излучения на каждой буровой. На разных скважинах и на разных глубинах она была везде разная, но были места, где приборы геофизиков просто зашкаливали. Приборы работали не на автономном питании, а требовали электрического подключения извне. В связи с этим мне приходилось принимать участие почти при всех замерах радиоактивности. Я подключал к электросети и отключал геофизические приборы.

Прежде чем приступить к замерам, геофизики производили настройку и проверку своих приборов по радиоактивному эталону, который всегда возили с собой в свинцовом футлярчике. Сам эталон напоминал крупную монету округлой формы. Однажды с геофизиком по фамилии Яцук, (имя не помню) мы приехали на буровую для очередного замера. Я как обычно подключил его приборы к электросети, и чтобы не терять зря время, стал проводить профилактический осмотр электрического оборудования буровой.

Между делом, я обратил внимание, что Яцук что-то рассказывая буровому мастеру, вдруг стал колотить руками по своим карманам, явно желая там что-то найти. Вывернув карманы брюк наизнанку, он смачно выругался и, сев на деревянную скамейку рассмеялся каким-то нервным смехом. На наш вопрос: что случилось? Он ответил, что забыл дома радиоактивный эталон для настройки приборов.

Машина, которая привезла нас на буровую ушла, а бежать домой пешком за десять километров нет никакого смысла. Если производить замеры без настройки, то можно получить неверные данные. Яцук посидел какое-то время в раздумье, а потом спросил: нет ли у кого-нибудь из нас часов со светящимся циферблатом? У меня как раз были на руке часы «Кама» с чёрным циферблатом и светящимися в темноте цифрами. Об этом я и сообщил геофизику. Он страшно обрадовался и попросил меня дать ему их на несколько минут. Поднеся мои часы к датчику дозиметра, он усомнился в показании прибора и только после нескольких замеров выразил удивление мощности радиоактивного излучения.

Узнав, что я ношу их уже более пяти лет, посоветовал, как можно скорей избавиться от них или соскоблить фосфорное напыление, которое было нанесено на стрелки и цифры часов. Ещё он сказал, что его эталон, который он забыл дома, значительно меньшей мощности, помещён в свинцовый футляр, и он за пользование им получает пять дней отпуска за вредность. «А кто тебе платит за потерю здоровья?» - задал вопрос он мне.

Дома, после работы, я потратил почти целый вечер на уничтожение того, чем раньше очень дорожил. Мне нравилось, что в темноте можно было видеть который час, без дополнительного освещения. На следующий день, при повторной проверке, приборы отметили излучение в пределах нормы.

Обычно при замере, радиоактивности какого-то предмета, геофизики делают поправку на излучение внешней среды. Яцук рассказывал, что во время испытания нашей водородной бомбы на Новой земле, он работал на Урале. После произведённого взрыва, у них внешняя среда настолько изменилась, что отказали все геофизические приборы, и пришлось все работы приостановить на долгое время.

На новом участке, вместо деревянных копров впервые применили металлические, конструкции главного инженера ГРП Смирнова Альберта Александровича. Новые копры требовали значительно меньшего времени для монтажа и демонтажа и на саму перевозку буровой, на новую точку. Их можно было устанавливать под любым углом, что дало возможность бурить не только вертикальные скважины, но и наклонные тоже. Появилась возможность устанавливать на них концевые выключатели, которые не позволяли поднять буровой снаряд выше дозволенного. При деревянных копрах нередко были случаи, когда буровой мастер поднимал колонну выше необходимой нормы и сбрасывал трос с блока, подвешенного наверху треноги. Туда можно было взобраться только на когтях, и эту операцию приходилось выполнять тоже мне. Для прочности, эти треноги изготовлялись из очень толстых брёвен. Наши когти не были рассчитаны на такую толстую древесину, и такую высоту приходилось преодолевать на цыпочках, рискуя в любую секунду сорваться вниз.

Фрагмент стенда в Ковдорском краеведческом музее.

Обычные стандартные когти заводского изготовления нам не подходили потому, что у нас опоры были разнокалиберные: от толщины чуть больше оглобли до дерева в два обхвата. Поэтому мы работали на когтях местного изготовления. Изготавливал нам их, и не только их, кузнец самородок Шабович И.М. (имя, к сожалению, не помню). Про таких мастеров обычно говорят, что он от скуки на все руки. Он мог из любого, самого завалывшегося куска металла, сделать такую конфетку, что залюбуешься. Когда я ему рассказал, что когти, которые он выковывает, подходят не ко всем опорам, он мне сделал универсальные, позволяющие смело работать на любых столбах и деревьях. А буравчики, при помощи которых я сверлил отверстия на опорах для крючьев, несколько не уступали заводским, а по прочности даже превосходили их. Родился Шабович в Польше, в районе, который после войны перешёл в введенье Белоруссии. До войны, их семейство содержало свою кузницу, в которой Шабович и начал работать с отцом, будучи ещё подростком.

После войны, их частную кузницу закрыли, и они с отцом перешли на работу в различные государственные организации. Когда он появился в ГРП, ему уже было где-то около пятидесяти. Несмотря на уже не очень молодой возраст, он имел несколько жён. Одна законная, с которой он жил в Ковдоре, вторая в Ленинграде, третья в Белоруссии. Может быть, были и ещё где-то, но нам он рассказывал только про этих трёх. Причём, что интересно, законная жена знала о существовании этих женщин и никак не реагировала. С законной он жил в рабочие месяцы, а со сторонними жёнами встречался во время отпуска. Однажды запланированная встреча с запасными жёнами у него не состоялась, и он чуть было не погиб.

В один из дней мы проводили его в отпуск, пожелав доброго пути и тёплых встреч с запасными жёнами. Не прошло и двух суток, как он явился перед нашими глазами какой-то весь помятый с синяками под глазами и с забинтованной обритой головой. Все были страшно удивлены таким его необычным непотребным видом, зная его отрицательное отношение к алкоголю. Обычно такие дорожные травмы получали товарищи, не равнодушные к горячительным напиткам.

Я как-то встретился в Кировском аэропорту с одним таким товарищем, которого провожала вся семья. До отлёта нашего самолёта, мне довелось с ним поговорить. Он рассказал, что живёт он в Кировске. Несколько попыток самостоятельно добраться в отпуске поездом до места отдыха, оканчивались неудачей. Отпускных денег хватало доехать только до Апатитов. Поэтому его семейство решило отправить, его на сей раз, самолётом. Здесь его отправят, а в Ленинграде встретят. Деньги тоже переслали родственникам, которые его должны встречать.

А Шабович и рядом не стоял с таким товарищем, и поэтому вдвойне было не понятно, почему он доехал только до Кандалакши. Оказалось, что всему виной привокзальный туалет, в котором произошёл этот банально-печальный случай, который остановил дальнейшее путешествие Шабовича. Когда до прихода поезда, оставались какие-то минуты, он зашёл в привокзальный туалет. За ним вслед зашли два солдата. Что было дальше, он не помнит. Очнулся на полу от страшной головной боли, без шапки и с пустыми карманами. Радовало только то, что документы были целы. Иначе пришлось бы добираться домой через пограничную комендатуру. Не зря в народе говорят, что нету худа без добра. Вот так, в том году нашему кузнецу не удалось побывать в своём гареме. Забегая вперёд, могу сказать: этих солдатиков вычислили, судили и осудили за содеянное на сколько-то лет. Шабович несколько раз ездил в Кандалакшу, сначала на опознания, а потом и в суд.

В те годы добраться до Ковдора без паспорта, даже местному жителю было не просто. Граница, как тогда говорили, была на замке. И попасть даже в приграничную зону «без ключа» честному человеку было почти невозможно. С поезда, пограничники сопровождали его до комендатуры под конвоем, как какого-то шпиона-диверсанта и

освобождали только после тщательной проверки. Однажды в этом мне довелось убедиться.

Мой дядя Степан, проживавший в Пинозере, сообщил нам, что такого-то числа по производственным делам будет в Ковдоре и ненадолго зайдёт к нам. В означенный день я поехал на вокзал, чтобы встретить его. По прибытию поезда, я долго стоял на платформе, стараясь угадать, в каком вагоне он приехал и разглядывал выходящих пассажиров, чтобы не пропустить его. Уже вышли почти все пассажиры, а дяди Стёпы всё не было видно. Наконец в вагонном дверном проёме показался пограничник с автоматом, за ним дядя Стёпа, а сзади ещё два вооружённых пограничника. Я тут же окликнул дядю Стёпу и бросился к нему. Он сделал несколько шагов в мою сторону, но по оклику пограничника остановился, что-то крикнул мне своим осипшим голосом и пошёл в окружении пограничников к их машине, которая стояла подле вокзала.

У пограничников я узнал причину столь грозного церемониала встречи моего дядюшки. У него, оказывается, именно в этот день закончился срок действия пропуска. Несмотря на мои просьбы, отпустить его до отхода поезда к нам, чтобы пообедать перед обратной дорогой, продержали его всё это время в комендатуре, после чего отвезли на вокзал, посадили в поезд и отправили обратно. В то время мы жили от комендатуры примерно в пятистах метрах, но ему так и не удалось побывать у нас. Возможно, в те годы у пограничников были все основания с такой строгостью охранять наши границы. Кроме наземных нарушителей, которые пытались перейти границу, встречались и воздушные.

Одно время рыбаки и охотники стали находить в лесах, какие-то странные предметы. Иногда видели в небе воздушные шары, медленно летящие по ветру со стороны Финляндии. Из печати стало известно, что это не просто какие-то детские шарики, а самые настоящие взрослые, напичканные разведывательной аппаратурой. Но, видимо, воздушные шары приносили недостаточно информации и заинтересованные стороны пускали вход более мощную технику. Иногда можно было слышать по радио, о нарушениях нашей государственной границы самолётами иностранных государств. Одно дело слышать об этих нарушениях по радио, и совсем другое, увидеть самому.

Однажды, при возвращении с работы домой еще, не доходя до посёлка, я заметил вдали низко летящий самолёт. Меня это очень удивило и заинтересовало. Во-первых, в связи с близостью государственной границы, в районе Ковдора, ни военные, ни гражданские самолёты не пролетали никогда. Во-вторых, удивила высота полёта. Было такое ощущение, что он того и гляди заденет какой-нибудь предмет и рухнет на землю. Если бы ни его необычная тёмная окраска и отсутствие опознавательных знаков, то этот самолёт можно было бы признать за пассажирский.

Внешне он был очень похож на наши рейсовые самолёты, используемые в те годы Аэрофлотом. Дальнейшее поведение этой машины вызвало не меньшее удивление и любопытство. Появившись с Севера-Западной стороны, он очень низко и медленно пролетел над карьером, потом над фабрикой, железнодорожной станцией, над посёлком, и с набором высоты и скорости на форсаже удалился в ту сторону, откуда и появился.

Примерно минут через пять, с Юго-Восточной стороны появились два краснозвёздных «Мига», спешащих вдогонку странному самолёту. Глядя на всё это, я подумал, что наши военные проводят какие-то ученья. Через небольшой промежуток времени, я случайно встретился с одним знакомым солдатом, который служил на Сопке, где были установлены радиолокаторы, которые обязаны засекать любые воздушные цели, приближающиеся к нашим границам. Он как раз и рассказал, что никаких учений не было. Было самое настоящее нарушение государственной границы.

Самолёт пересёк границу на предельно низкой высоте и наши радиолокаторы не засекли его. Обнаружили только когда он, с набором высоты, не таясь, стал уходить назад. В связи с близостью границы, на этот манёвр ему потребовалось всего несколько секунд полёта. На следующий же день на сопку прилетел Командующий авиации и, как сказал солдат: у многих офицеров «полетели» звёзды с погон. Кстати говоря, мне довелось видеть и тот вертолёт, на котором прилетал на Сопку Командующий.

Болезнь Сашки.

Но это всё дела государственного масштаба, а спустившись с небес на грешную землю, я должен заметить, что наша жизнь напоминала морскую тельняшку: за белой полосой появлялась тёмная и наоборот. Не успели мы в полной мере нарадоваться нашим переселением из леса в посёлок, как в наши души вселилась очередная тревога. Всё чаще Сашка стал жаловаться на боли в животе, а потом в кале появилась кровь. Какое-то время мы пытались вылечить его народными средствами, а когда увидели, что различными настоями и клизмами его болячка не исчезает, обратились к врачу.

Саша Чукунов 1961г.

В то время больница только строилась, а приём больных проводился в типовом бараке, приспособленном для медицинских нужд. Из-за отсутствия необходимой диагностической аппаратуры, точный диагноз не был установлен, а выписанные медикаменты не дали положительного результата. Болезнь прогрессировала. При повторном обращении в поликлинику, нас направили в районную больницу, которая находилась в районном центре в городе Кировске.

В то время легче было добраться до Ленинграда, чем до нашего районного центра. Каких-либо других дорог кроме железной не было. И прямого сообщения тоже. Шесть часов мы добирались на пригородном поезде до Пинозера, часа два иной раз и больше ждали в Пинозере пассажирского, через три часа неспешной ночной езды добирались до станции Апатиты, потом тридцать километров на автобусе и примерно через 12-14 часов не спавшие и уставшие, мы добирались до больницы в Кировске. После такой дороги, даже здоровый становился больным.

Несмотря на то, что больница носила статус районной, здание которое она занимала, было не на много лучше нашего Ковдорского. Почти такой же барак, только несколько большего размера. Кировские врачи поставили диагноз: полип на прямой кишке. Излечение возможно только после хирургического вмешательства. Это значило, что на операцию нужно было снова приезжать в Кировск. В Ковдоре был свой хирург и народная молва гласила, что он успешно оперировал даже сердечников, но из-за низкого статуса больницы, бóльшую часть операций старались делать в Кировске. Этим хирургом был главный врач Ковдорской больницы, грузин по национальности Думбадзе (имя и отчества не помню).

Это был волевой и строгий человек. При нём медицинский персонал больницы ходил по струнке. Все помещения блистали чистотой. Во дворе уже новой больницы появились скульптуры. Однажды я был невольным свидетелем, как этот главный врач, отчитывал за какую-то провинность, медицинскую сестричку. Она вся была пунцовая и тряслась, как осиновый листок на осеннем ветру. Мне её даже было жалко, но я, к великому сожалению, ничем не мог ей помочь. В те годы, посёлок был небольшой, и все новости быстро распространялись среди населения.

Прослышав о том, что Думбадзе успешно провёл несколько довольно-таки сложных операций, мы обратились к нему насчёт Сашки. Он внимательно выслушал нас, просмотрел медицинские справки, которые нам выписали в Кировске и сказал, чтобы мы никуда не ездили, эту операцию можно сделать и в Ковдоре. Через несколько дней, Валю с Сашкой положили в больницу, а через два дня сделали ему операцию.

Саму операцию он не мог слышать, а вот после операции вёл себя просто героически. Операция была на прямой кишке, и поэтому пять дней ему нельзя было, ничего есть. Все эти дни ему смачивали губы водой и подкармливали глюкозой. Мы очень тревожились, как он переживёт пятидневную голодовку. Вопреки нашим опасениям, за все эти дни, он ни разу не попросил, есть, несмотря на то, что соседи по палате всё время что-то жевали и распространяли по всему помещению соблазнительные запахи.

На наше счастье, операция прошла успешно без каких-либо осложнений. Вскоре нашего главврача, как отличного специалиста, и классного организатора, перевели в районную больницу и тоже на должность главного врача. Он там тоже заслужил отличную репутацию, неоднократно избирался районным и областным депутатом, был вхож ко всем руководителям, как районного, так и областного ранга. Дослужился до звания «Заслуженного врача РСФСР».

Спустя много лет, до нас дошла весть о том, что бывший наш главврач Думбадзе, который делал Сашке операцию, вовсе никакой не врач. У него диплом об окончании мединститута оказался фальшивый. Это известие нас повергло в шок, и вызвало удивление и неверие в распространённый слух. Каким образом не врач мог делать довольно-таки непростые операции? В те годы, по общественным делам, я сравнительно часто ездил в командировки. В одну из таких командировок, я ехал в одном вагоне с женщиной, которая несколько лет работала с Думбадзе, до самого его ареста, и она подробно рассказала, как всё было на самом деле.

В Кировске, а потом и в Апатитах он заимел такой авторитет, что стал творить недозволенные вещи, без оглядки на закон. Местное начальство закрывало глаза на его действия, а иногда даже помогало. В то время машину купить было не так-то просто, многие стояли в очереди по нескольку лет, а ему выделяли «Волгу» почти к каждому отпуску. Он уезжал в Грузию на машине, там её продавал, и на поезде с хорошими деньгами возвращался домой. И так несколько лет подряд. Были у него и другие противоправные дела, а попался он на мелочи. Как говорят: жадность фраера сгубила. Будучи главврачом, в руках которого находились финансы, выделяемые на нужды больницы, он начал выписывать ведомости на мёртвых душ и получать за них деньги. Об этих художествах кто-то сообщил в Райком партии.

При расследовании, подтвердились не только эти факты, но выплыли и многие другие. В том числе и такие, что он не кончал никакого мединститута, и диплом якобы выданный ему Тбилисским мединститутом – фальшивый. При проверке выяснилось, что в списках абитуриентов, он значился, а среди окончивших этот институт, его не было. После вступительных экзаменов, он был зачислен в институт, но не закончил его. За какие-то провинности был, судим и сколько-то лет провёл в лагерях, заключённых.

В это же время, в этих лагерях сидели какие-то крупные светила от медицины. Его, как студента мединститута определили в бригаду медиков. На зоне, так же, как и на воле, люди иногда болеют и труд медиков тоже востребован. Лагерные годы не прошли даром. Думбадзе за этот срок, общаясь с опытными профессорами, приобрёл знаний по терапии и хирургии не меньше, чем в институте. Под профессорским надзором сделал немалое количество различных операций. Так что, выйдя на свободу, он уже имел какое-то представление, что такое медицина.

Суд лишил его всех званий и регалий, которых у него к тому времени было предостаточно. Вот так, бывший наш «врач» поменял шикарный костюм на арестантскую робу, а золотые перстни и кольца на наручники.

А всё-таки Сашку он вылечил. И, не смотря на такой криминальный шлейф его биографии, многие в Ковдоре его вспоминали с благодарностью и уважением.

Приезд Марины в Ковдор.

Прописавшись по новому месту жительства, мы сообщили наш новый адрес своим родственникам и друзьям и через какое-то время стали получать письма. В одном из своих писем Валин отец написал, что их дочка, а Валина сестра, Маня заканчивает седьмой класс. В связи с тем, что в деревенской школе восьмого класса нет, не можем ли мы куда-нибудь пристроить её в Ковдоре? Школа в посёлке уже существовала, и никаких ограничений в приёме там не было. Была проблема с жильём. Пришлось задуматься: каким образом, мы разместимся вчетвером на восьми квадратных метрах в бараке. Если вычесть метры, которые занимала печка, то жилой площади было и того меньше. В надежде на то, что нам всё-таки когда-нибудь дадут жильё большей площадью, мы отписали отцу чтобы, отправляли Маню к нам. Сдав экзамены в школе за 7-й класс, она приехала.

Вечером, после радостной встречи, прежде чем уложиться на ночлег, мы несколько раз измерили площадь пола матрасом, чтобы рациональнее расположить постели. При всех вариантах, свободного места для тропинки никак не выкраивалось, и решили, что в случае надобности, будем шагать аккуратно прямо по постелям, стараясь не наступать на спящего.

Имя Маня звучало как-то по-деревенски и первое время мы её звали Марусей, а потом, с чьей-то лёгкой руки, она у нас стала Мариной. После замены имени, Валя сшила ей несколько простеньких платьиц городского фасона и Маня, из деревенской девчонки превратилась в городскую Марину. Приглашая её в Ковдор, мы думали, что она пойдёт в школу в 8-й класс, но, сколько бы мы её ни уговаривали, она настаивала на том, чтобы мы устроили её на работу.

Марина Белова

В посёлке шла интенсивная стройка, как жилых домов, так и корпусов промышленных предприятий. Казалось бы, при таком размахе строительства, работу найти не сложно.

На деле оказалось, что несовершеннолетнюю девчонку, без специальности нигде брать не решались. Всем нужны были взрослые специалисты. Когда мы уже начали отчаиваться, кто-то нам подсказал, что на почте требуется телефонистка на междугородный коммутатор. Когда мы туда обратились, её приняли без разговора. Оформили сначала ученицей, а через короткое время, она стала работать самостоятельно. И так, в нашем полку прибыло. Теперь наши барачные 8м² вместе с печкой мы стали делить на четверых.

Забегая вперёд, могу сказать: Марина быстро освоилась на новом месте, вышла замуж за солдата-срочника пограничных войск. После демобилизации Щукина Евгения из армии, они поженились, у них в Ковдоре родилась дочка Ольга. В конце шестидесятых они из Ковдора уехали.

*Щукин Евгений с дочкой Олей, Марина Щукина (Белова)
и Чикуновы Валентина, и Геннадий*

Обучение в вечерней школе.

Как я уже писал ранее, нас, воспитанников детских домов, военного и послевоенного времени, держали в детских домах до пятого класса, после чего отправляли в ремесленные (РУ), в фабрично-заводские училища (ФЗУ) или прямо на производство в качестве учеников. Если воспитанники ремесленных училищ за два года успевали закончить семилетку, то все остальные пускались в свободное плавание и продолжали учебу, если позволяли условия. Из Ленинградского детприёмника, меня направили на завод, где пришлось осваивать азы производства и самостоятельной жизни, а вот для продолжения повышения общеобразовательного уровня, условий почти не было.

Перейдя на работу электриком в Ковдоре, я стал ощущать нехватку знаний. Несмотря на то, что условия для учёбы за эти годы не улучшились, я решил пойти учиться

в вечернюю школу. Живя в бараке, на жилой площади 8м², у меня фактически не было места даже для выполнения домашних заданий. Поздно вечером, когда я возвращался из школы, вся площадь пола была занята под спальные места. Письменные работы приходилось выполнять на полу на коленке. Если появлялась необходимость, взять какой-то предмет на расстоянии далее протянутой руки, то приходилось шагать чуть ли ни по головам спящих. Для освещения, пришлось смастерить светильник мощностью чуть больше карманного фонарика, чтобы не мешать отдыхающим.

1-го сентября 1961года я был зачислен в 6-й класс Ковдорской вечерней школы, которая располагалась в одном из барачков по улице Кирова, почти напротив продуктового магазина «Деревяшка». В класс было зачислено более тридцати учащихся самого разного возраста. Разница в возрасте между некоторыми учениками достигала до двадцати и более лет. Кому-то война не дала окончить школу, а кто-то в дневной не захотел учиться и перешёл в вечернюю. Бóльшую часть составляли ученики мужского пола. Из женского, несколько девчонок. Кроме рабочих из разных организаций посёлка, были служащие, и даже руководители среднего звена. Так, например, в восьмом классе учился начальник тогдашней милиции.

Мой тринадцатилетний разрыв между школами, давал о себе знать. Много было забыто до такой степени, что я не всегда на уроках понимал, о чём идёт речь. Особенно тяжело мне давался русский язык и раньше, а после стольких пропущенных лет, были забыты почти все правила и исключения. Это стало наглядно видно после первого же диктанта, который был проведён вскоре после начала учебного года. Я его написал на единицу. Страницы моего диктанта были почти сплошь красные от учительских поправок. Я умудрился наделать кучу ошибок не только в каждом предложении, но даже в некоторых словах ни по одной. Стало ясно, что придётся вспоминать все правила, чуть ли ни с первого класса.

С 1-го сентября моя жизнь стала походить на марафонца, преодолевающего длительную и напряжённую дистанцию. После напряжённой работы под открытым небом, я прилетал домой, быстренько ужинал, хватал сумку с книгами и бежал в школу. Очутившись в тепле, после дня, проведённого на морозе, постоянно тянуло в сон, и стоило приложения немалых сил, чтобы преодолеть это состояние и сосредоточиться. Вечером, когда мои домочадцы укладывались спать, я возвращался из школы, забирался в свой угол и часов до двух ночи, под дружный храп спящих, при слабом лучике самодельного светильника, разложив учебники и тетрадки на полу, повышал свой общеобразовательный уровень. В шесть утра, я уже был на ногах, в восемь, получив задание на предстоящую смену, отправлялся на участок текущих работ.

В школе, никаких скидок не делали, ни на мороз, ни на усталость, ни на недосыпание, ни на плохое настроение.... Наш классный руководитель, Ефимова Валентина Николаевна, могла отчитать любого ученика за неуспеваемость или плохую посещаемость, невзирая на возраст. Обычно перед тем, как отчитать прогульщика уроков, она говорила: «Я вижу тебя последнее время в классе, как солнышко в Мурманской области». После этих слов, если не было уважительных причин, прогульщик получал по полной программе. Ученикам – малолеткам доставалось ещё и от родителей, которых извещали о проступке их чада.

В нашем классе обучались два Владимира и оба Кузнецовы. Только отчества у них были разные. Оба уже были женаты и оба имели детей. Чтобы как-то их различать, Валентина Николаевна присвоила им номера: Кузнецов первый и Кузнецов второй. Однажды один из них не выдержал этой нумерации, и заявил протест, мотивируя это тем, что подобным образом отмечали людей только в концлагерях. Ссылка учительницы на то, что даже некоторые императоры кроме имён имели номера, не успокоили Владимира, и она стала их именовать: Кузнецов слева и Кузнецов справа.

В 1972 году Ковдор был объявлен Комсомольско-молодёжной стройкой. И как на всех подобных стройках, очень часто были перебои в торговле с алкоголем. Но когда он появлялся, то в магазине творилось самое настоящее столпотворение. В очередях толпились и толкались не только часто выпивающие, но и все язвенники и трезвенники. Пролезть к прилавку без очереди, было почти невозможно.

У особо страдающих и жаждущих, стоять в очереди не хватало терпения, и они поднимали своего компаньона почти до потолка и бросали в сторону прилавка, прямо на головы стоящих в очереди. И этот летун, приземлившись на головы впереди стоящих, бросал коллективные деньги на прилавок продавщице, затаривался бутылками и, сияя от счастья, выбирался к своим собутыльникам. Частенько, на обратном пути этот товарищ получал немало тумачков, но это его не огорчало. Ради этой охапки бутылок, которые он крепко обнимал своими руками, можно было перетерпеть подзатыльники, пенки и нелестные выражения, высказанные чисто русскими словами в свой адрес.

Я уже писал, что вечерняя школа находилась напротив деревянного магазина, так называемого «Деревяшка». У одного из наших одноклассников, в этом магазине работала какая-то родственница. В один из вечеров, придя в школу, он по секрету нам шепнул, что сейчас в магазин привезут вино. И предложил: пока в посёлке об этом мало кто знает, собрать в шапку деньги и через его родственницу, приобрести необходимое количество бутылок. Это предложение было встречено на «ура», шапка почти моментально была заполнена необходимым количеством «бумажек», и небольшая классная делегация, во главе с инициатором этой затеи, в ускоренном темпе, понеслась через дорогу в магазин.

Возвращение добытчиков было встречено ликованием и радостными возгласами. Принесённые бутылки почти мгновенно были разобраны одноклассниками и расставлены по партам. Ещё не успели мы разобраться со своими бутылками, как раздался звонок на первый урок, и почти сразу же в класс вошла Валентина Николаевна. Едва переступив через порог, она, не доходя до учительского стола, плотно прижала к груди, принесённые с собой тетрадки и классный журнал, и вместо обычного: «Здравствуйте», тихо произнесла: «Что это такое?».

Положив на стол свою поклажу, выпрямилась и уже своим обычным голосом громко приказала: «Немедленно уберите со столов эти бутылки. Вы, очевидно, забыли, где вы находитесь». Все схватились за свои покупки и судорожно стали искать место, куда их пристроить. Многие второпях, не найдя им подходящего места, поставили на пол возле своих ног. Немного успокоившись, некоторые так увлеклись выполнением классных заданий, что начали заваливать свои бутылки ногами набок, которые с шумом выкатывались из-за столов в центр класса. Каждое такое падение вызывало неудержимый смех. Одним словом, этот урок был сорван, и наше поведение разбиралось на классном часе, где нам всем здорово попало.

Примерно через месяц, наш класс заметно «похудел». Некоторые товарищи, не выдержав навалившейся нагрузки, бросали школу. К таким беглецам наведывались учителя домой и на производство, где они работали и уговаривали вернуться. Кто-то поддавшись учительскому давлению, возвращался, а кого-то не удавалось убедить, и мы их больше не видели.

В ГРП был один буровой мастер, которой просто «издевался» над учениками вечерней школы. Когда мы шли в школу, он всегда спрашивал: «А вы куда направились?» Мы отвечали: «В школу». В таких случаях он говорил: «Правильно! Дураков учить надо». А когда узнавал, что кто-то из учеников бросил школу, то всегда говорил: «Правильно! Дуракам там делать нечего». В том и другом случаях мы оставались в дураках.

Несмотря на большой объём работы на производстве, где приходилось вертеться, как белке в колесе, и не совсем благоприятные бытовые условия дома, я продолжал заниматься в школе. Хотя каждый вечер шёл туда почти, как на каторгу. После многочасового висения на столбах и на деревьях, при неблагоприятных погодных условиях, было желание растянуться на мягком матрасе и, согревшись, храпнуть минут шестьсот для пробы, а тут надо было бежать в школу, и что-то рассказывать из заданного на дом.

Классный час в Ковдорской вечерней школе. (Г.Н. Чикунов отмечен стрелкой)

Первое время казалось, что долго такой нагрузки я не выдержу, но постепенно стал втягиваться, и по многим предметам стал получать троечки, а иногда и четвёрки. Для меня это было большим достижением. На одном из классных часов, меня даже похвалили, несмотря на то, что я в отличники ещё не пробился. Услышать такую оценку от классного руководителя было приятно, а вот второй вопрос этого собрания меня вовсе не обрадовал. После короткого обсуждения и единогласного голосования, несмотря на мой самоотвод, меня избрали старостой класса. Мои возражения и доказательства почти не слушали. Все голосовали единогласно не потому, что увидели у меня какие-то организаторские способности, просто каждый был рад, что назвали не его фамилию. Вот так я заработал на Севере свой первый «портфель», не подозревая, что впереди меня ждёт ещё не один.

1-го марта 1961 года я заработал первую «Полярку», и моя зарплата увеличилась на 10%. Вместе с районным коэффициентом стал получать около 150 рублей, но нам этого явно не хватало. После переезда на новое место, каждый раз приходилось начинать почти с нуля. Брли с собой не более того, что могли увезти, а всё остальное приходилось продавать, отдавать или просто бросать. Подрастающий сын, каждый год требовал обновки потому, что ежегодно вырастал из старых штанишек. Да и Северный климат требовал немало тёплой, добротной одежды.

Устройство Вали на работу.

Где-то в середине мая, к нам пришла моя сестра Фая с радостным сообщением о том, что детскому садiku, который прямо от нас через дорогу, требуется няня. Она разговаривала с заведующей, которая сказала, что может взять Валию на эту должность и вместе с ней принять в этот садик нашего сына Сашку. Лучшего варианта для нас просто нельзя было и придумать. Не откладывая в долгий ящик, Фая с Валею быстренько сбегали к заведующей и та, просмотрев Валину Трудовую книжку, без лишних слов, тут же подписала заявление.

25-го мая 1961 года, она собрала утречком Сашку, и они ушли в садик. С выходом Вали на работу, наша месячная зарплата выросла на 63 рубля. С первого взгляда вроде бы и не на много, но учитывая те цены, которые существовали в те годы на продукты и коммунальные услуги, эта прибавка для нас была очень заметна.

Несмотря на то, что Саша впервые оказался вне дома, в таком многолюдном коллективе, изменения в своей жизни перенёс вполне спокойно потому, что Валия стала работать нянечкой в их группе. Как дома он был с мамой, так и в садике, мама была рядом.

Детский садик «Теремок» (начало 60-х г.)

Переезд в 18 м² комнатку по ул. Строителей.

Через какой-то промежуток времени, Валею на работе сообщили, что ей садик выделяет 18 метровую комнату в бараке по улице Строителей, 7 комната, 2. Этот момент, вообще можно было приравнять к какому-то великому празднику. К тому времени, Валина сестра Марина перебралась от нас жить в общежитие и 18 метров на троих вместо 8 на четверых казались роскошью. Как только Валею вручили ключи, мы в тот же вечер побежали смотреть наше новое жильё. По сравнению с нашей восьмиметровой, новая комната нам показалась огромным залом. У нас даже не было столько мебели, чтобы её обставить. Пришлось сразу же покупать стол, табуретки, кровать, оттоманку.

Это была угловая комната площадью 18 м². Часть комнаты была отгорожена дощатой перегородкой, на площади которой была сложена плита, и этот уголок назывался кухней. Барак был типовой и состоял из двадцати комнат. Комнаты отделялись одна от другой тонкими деревянными перегородками, покрытыми с двух сторон сухой штукатуркой. Обустроиваясь на новом месте, я на кухне прибил к стенке шкафчик для посуды хорошими длинными гвоздями.

На следующий день к нам заявился сосед, проживающий за этой стенкой с вопросом: «Вы для какой цели прибили гвоздь в моей комнате? Я пробовал вешать шапку, она на нём не держится, и штаны тоже сваливаются». Всё это он говорил с юмором, без какой-то злобы. Я не сразу понял, о каком гвозде идёт речь. Только придя к нему в комнату, убедился, что один из моих гвоздей, действительно торчал в его стене. Гвоздь я, конечно, убрал. На прощанье, он в шутливой форме попросил, чтобы я брал гвозди покороче, особенно когда буду вбивать их напротив его кровати, чтобы не прибить его к стене. Я, естественно, пообещал. Мы пошутили, посмеялись и на этом инцидент был исчерпан.

Валентина на крыльце нашего барака по ул. Строителей

После замены обоев и покраски пола, мы сразу же переехали на новую для нас жилплощадь. Первое время не могли нарадоваться теми просторами, которые появились у нас в этой комнате. Я теперь мог делать уроки не на полу, как до этого, а на кухонном столе. За этим же столом, мы стали обедать, а не на чемодане, как в землянке и в восьмиметровке. Да и спать стали на кроватях, а не на матрасах, разложенных на половых досках. Валя развесила на окна занавесочки, постелила на кухонный стол красивую клеёнку, застелила кровать покрывалом, я поставил на загородку лампу дневного света, и наше жилище стало походить на уютное гнёздышко.

С наступлением зимних холодов, к нашей радости стала примешиваться горечь. Несмотря на то, что барак был сравнительно молодой, в сильные морозы его стены промерзали насквозь. Так как наша комната была угловая, две стены выходили на улицу, при сильном похолодании под кроватью образовывались сосульки. Приходилось печку

топить два раза в сутки, а на ночь включать электро-духовку. Со стороны улицы, я стал засыпать стены снегом по самые окна, что в какой-то степени уменьшило количество сосулек. Температура в комнате напоминала слоёный пирог: на полу была Арктика, а наверху Африка. Народная мудрость рекомендует держать ноги в тепле, а голову в холоде, а у нас было всё наоборот. Босой ногой простоять долго на полу было невозможно.

Нам явно везло с соседями. Вот и в этом бараке народ подобрался в основном дружный, спокойный, трудолюбивый и компанейский. С некоторыми, мы стали друзьями и встречались ещё долго, живя уже в других местах. Так, например, с Борисом Евтушенко из первой комнаты, мы дружили до самой его смерти. К сожалению, судьба отвела ему слишком мало дней, и он ушёл из этой жизни совсем молодым. Его родители погибли во время войны, и он воспитывался в грузинской семье.

Однажды вернувшись из отпуска, он привёз из Грузии бутылочку двадцатипятилетнего вина. В один из вечеров, мы её распили. Ничего подобного ни до, ни после, мне пробовать не доводилось. Вкус – необыкновенный. Долго дружили с Адасонами, Кузнецовыми. Кузнецовы вперёд нас получили квартиру в благоустроенном каменном доме, и мы, какое-то время, ходили к ним мыться в ванной. А Адасоны наоборот, ходили к нам, когда мы переехали в каменный дом.

В те годы, основная масса людей жила в бараках, и все ходили мыться в общую городскую баню. Иногда приходилось стоять в очередях часами, чтобы попасть помыться. Работало сразу два отделения: мужское и женское. За время ожидания можно было послушаться множество интересных рассказов и анекдотов, а иногда стать зрителем целого концерта. Однажды мне довелось быть зрителем одного из таких представлений.

kovdorekit.ucoz.ru

Один из клиентов, прихватил с собой в баню так называемого «мерзавчика». После нескольких заходов в парилку, и неоднократного прикладывания к вожделенному сосуду, ему стало настолько весело, что он даже забыл, где находится и зачем сюда пришёл. Стал бродить по залу, приставать к присутствующим с нелепыми вопросами и какими-то рассказами, о своих былых подвигах. Не найдя среди мужчин подходящего собеседника, и получив несколько шлепков по голому заду, он направился в служебную дверь, ведущую в женское отделение.

Войдя в моечную, заполненную голыми женщинами, он громко крикнул: «Бабы, вставайте в очередь...» Женщины, при виде в своей моечной голого мужика, повели себя по-разному, но большинство так закричали, что было слышно в мужской моечной. Довольный своей выходкой, этот мужик вернулся в мужское отделение, какое-то время ещё покуражился и пошёл в раздевалку. Одна женщина запомнила этого субъекта, быстренько помылась и по служебному телефону вызвала милицию. При выходе, этого товарища повели под белы ручки в милицейскую машину и целых пятнадцать суток не давали похмелиться.

Во всех бараках, в которых нам довелось пожить, все жители настолько доверяли друг другу, что уходя из дома за водой, дровами или в магазин, не закрывали свои комнаты на ключ. В связи с таким обычаем, у нас было два комических случая.

Однажды я ушёл на колонку за водой, дома никого не было, и я, как водится, не стал закрывать дверь на ключ. Когда вернулся, на кухне у нас уже сидел какой-то человек. Можно сказать, даже лежал. Он сидел на табуретке, а голова была положена на руки, которые были сложены кренделем на столе. Я дотронулся до его плеча, но он никак не среагировал. Только после того, как я начал его трясти так, что его голова вместе с руками стала ползать вдоль стола, он поднял голову, посмотрел на меня мутными ничего не видящими глазами и изрёк пьяным, заплетающимся языком: «А ты кто такой? И что тебе здесь нужно? Я пришёл к Ивану, а ты что здесь делаешь?» На мои объяснения о том, что я здесь живу, и никакого Ивана здесь нет, он никак не реагировал. Положив снова голову на скрещённые на столе руки, он заявил, что сейчас придёт его друг Иван и вышвырнет меня отсюда, как собаку. Пришлось насильно оторвать его от стола, вывести в коридор и закрыть дверь на замок.

Через какое-то время произошёл точно такой же случай, с той только разницей, что обнаружила такого же «товарища» Валя. И он не сидел за столом, как в первом случае, а лежал на кухне на полу. Хорошо, что я вошёл в комнату почти вслед за ней, и этот «друг» долго не сопротивлялся.

Но это всё были случайно заблудшие люди, допившиеся до потери сознания, и не в состоянии ориентироваться в пространстве. Забегая немножко вперёд, мне вспоминается один случай, когда два друга, ещё в состоянии что-то соображать, долго искали квартиру своего товарища. Этот товарищ был семейный и жил на пятом этаже каменного дома. В этих домах уже и днём держали свои квартиры взаперти.

Они подошли к дому, где, как они предполагали, их друг должен проживать, и долго вспоминали, в каком подъезде его квартира. Вспомнив, поднялись на пятый этаж, нажали на кнопку звонка одной из квартир, и к ним вышла бабуля с вопросом: «Вам кого?» «А мы пришли к Миргородскому» - ответили они. Получив ответ о том, что в этой квартире никакой Миргородский не проживает, они спустились во двор, отсчитали от края дома нужный подъезд, поднялись на пятый этаж, нажали кнопку звонка, и к ним вышла опять та же бабулька с таким же вопросом. Они снова спустились во двор, снова поднялись на пятый, снова позвонили в квартиру. Когда открыла дверь всё та же бабулька, они тут не выдержали и набросились на неё с претензией: «Почему ты везде живёшь, а наш Миргородский нигде не живёт?»

Это были хотя и неожиданные, но в конечном итоге безобидные посетители. Вместе с тем, в это же время появился какой-то «крот», который по ночам подбирал ключи к нашим замкам, пытаясь проникнуть в комнаты. Не совсем понятно, какую цель он преследовал, зная о том, что жильцы в это время находятся дома и их кровати расположены рядом с дверью. Только в многокомнатной квартире спальня может располагаться вдали от прихожей, а в бараке, прихожая, кухня, комната, и спальня, располагались в одном флаконе.

Впервые мы узнали, о существовании этого «крота», когда у нас среди ночи ключ, вставленный в дверной замок вдруг упал на пол, а в коридоре, после его падения послышался топот ног, убегающего человека. Когда я открыл дверь, и заглянул в коридор, то там уже никого не было. Как говорят: «Жить в соседях - быть в беседах». При разговорах с соседями выяснилось, что этот субъект пытался подобрать ключи и к другим комнатам. Многие стали предлагать самые различные способы, чтобы изловить этого возмутителя спокойствия.

Я, как электрик, решил проучить его при помощи электрического тока. Уже начал было приводить свой план в действие. Достал необходимый длины электрический провод, металлический коврик. К ключу я планировал подключить фазу, а к коврику нулевой провод. Если, стоя на занулённом коврике, вставить ключ в замочную скважину, то попадёшь под напряжение. Хорошо, что до завершения своего плана, я встретил людей, хорошо знающих Уголовный Кодекс, которые мне разъяснили, к чему может привести меня это моё «изобретение». Из-за отсутствия желания очутиться за решёткой, пришлось отказаться от этой идеи. А так хотелось отучить этого ночного «гостя» от ночных визитов в чужие комнаты. Однажды один из жильцов, чуть было не поймал этого крысятника, когда он в очередной раз пытался подобрать ключи к его двери. Этот товарищ гнался за ним по ночным улицам, но стервятник сумел скрыться и больше в нашем бараке не появлялся.

На сей раз всё обошлось без жертв. Но спустя какое-то время, в нашем бараке произошло трагическое событие, которое потрясло не только жителей нашего жилища, но и всех здравомыслящих граждан, как посёлка, так и всего района. В одной из комнат, расположенной в так называемом большом коридоре, проживала молодая семья с трёхлетней дочкой. Жена работала прорабом на стройке, а муж там же, но только по какой-то другой специальности. В один из дней, жена с утра ушла на работу, а Юрка (так звали мужа) по какой-то причине остался с дочкой дома. Когда жена вернулась, то увидела дома ужасную картину. Юрка, с окровавленным лицом, лежал на кровати, а маленькая дочка, вся в крови и с откусанным ухом, в своей кроватке, мёртвая. И что удивительно: в это время, рядом с их дверью, мужики играли в домино и ничего не слышали.

Если учесть, что девчужке было нанесено несколько десятков ранений различной тяжести, то она могла кричать, но мужики заявляли, что никаких криков не было. Всё тельце было искувано зубами. Юрку, вполне естественно, сразу же арестовали и увезли в Кировск. Через какое-то время, под усиленной охраной его привезли в Ковдор, на суд. Судя по количеству охранников, можно было предположить, что приговор будет суровый.

Клуб «Искра», где проходил суд, был заполнен зрителями до отказа. Казалось, что сюда пришли все жители посёлка. Когда судья зачитала приговор, где было сказано, что подсудимый приговаривается к смертной казни, Юрка даже ухом не повёл. Он настолько был внешне спокоен, словно речь шла не о нём, а о ком-то другом. Когда его выводили из зала, то он даже улыбался и посылал приветы своим знакомым и бывшим сослуживцам. Привезли его на суд на грузовой машине. Меня особенно поразило, как после суда двое охранников взяли его за плечи и ноги, раскачали и бросили в кузов машины, словно мешок с картошкой, даже не открыв заднего борта. Юрка, возможно, рассчитывал на какое-то снисхождение, но через несколько месяцев, начальник милиции, который тоже учился в вечерней школе, на одном из перекуров сообщил, что пришла бумага с уведомлением о

том, что такого то числа, такого то месяца, приговор приведён в исполнение. Так что Юра напрасно улыбался.

Прошло не так уж много времени, как в посёлке произошло ещё одно убийство. Около столовой, на улице Кирова, убили солдата срочной службы. Но здесь всё было настолько засекречено, что мы ничего так и не узнали: кто его убил, и чем закончилось это дело. Меня удивило только то обстоятельство, что солдат очень долго лежал на земле укрытый каким-то брезентом и рядом не было никакой охраны. Можно было, ради сокрытия улики, совершить с трупом всё что угодно.

Посёлок строился, и многие улицы для прокладки подземных коммуникаций были перекопаны канавами, которые очень подолгу не закапывались. Одна из таких канав проходила почти через всю улицу Строителей, где мы в то время жили. Однажды в утренние часы, когда честной народ спешил на работу, в канаве, рядом с нашим баракком был обнаружен труп молодого парня. Впоследствии было установлено, что этот молодой человек, под хорошим подпитием, ночью, провалился туда, не смог выбраться и в конечном итоге замёрз. Вот так, наряду с ростом посёлка, начало расти и поселковое кладбище.

Обычно я брал на работу с собой так называемый «тормозок» и обедал прямо в лесу. А в тот памятный день, у меня появилась возможность пообедать дома. Войдя в коридор барака, я почувствовал запах горелой резины и почти сразу увидел, как под потолком длинного коридора, по проводу электропроводки движется огонь, пожирая изоляцию.

Пожар, видимо, только начался потому, что провод обгорел не более метра своей длины. К счастью, сухие потолочные доски ещё не успели воспламениться, хотя от пламени до них было всего несколько сантиметров. Находясь на работе, я всегда носил с собой в кармане пассатижи с изолируемыми ручками. Понимая, что стоило только загореться потолку, и потушить барак было бы очень сложно, я выхватил из кармана инструмент и перекусил горящий провод. В данном случае, промедление было смерти подобно. Пламя почти тут же погасло. Не зря в народе говорят, что вор что-то украдёт, но хоть стены оставит, а пожар не оставит ничего. Можно сказать, что меня в тот день сам Бог послал домой на обед, чтобы спасти наше общее небогатое жилище.

ул. Парковая, начало благоустройства

Переезд Левшаковых из Пинозера в Ковдор.

Дядя Стёпа Левшаков, справа моя сестра Фаина, слева её подруга Ира.

Не зря в народе говорят, что на одном месте даже камень мхом обрастает. Переехав в Ковдор, мы стали обрастать родственниками. Помимо моей сестры Фаины, которая уже жила здесь, к нам приехала Марина, через какое-то время из Пинозера переехали в Ковдор моя тётушка с мужем, дядей Стёпой Левшаковым.

Дядя Стёпа устроился в ЦТТ (цех технологического транспорта) Ковдорского ГОКа в качестве плотника. По одной из своих специальностей, он был столяр-краснодеревщик. Из-за отсутствия свободного жилья, их поселили прямо в гараже, где стояли двадцати пятитонные самосвалы МАЗ-525, работающие в карьере. Сам гараж находился с Западной стороны посёлка, на месте впадения реки Верхняя Ковдора в озеро. На правом берегу речушки находилась небольшая деревушка, комендатура и пятая застава пограничников. Несмотря на то, что речушка была мелководна, в ней было столько рыбы, что некоторые умельцы умудрялись ловить её прямо руками.

Даже редкие сегодня сиги в речке Ковдорке водились в неимоверном количестве, и на смой обычной, хвастливой байке рыбака, чаще всего, улов измерялся вёдрами, а не штуками.

Приезд в Ковдор Вити Белова.

Виктор Белов на пороге роддома

Аня и Виктор Беловы

Через какое-то время, мы получили письмо от Валиных родителей с вопросом: нельзя ли у нас устроить на работу её брата Витю? Вполне естественно, мы ответили, что можно, и отправили ему вызов для получения пропуска для въезда в погранзону. Месяца через полтора, он был уже у нас и почти сразу же устроился на работу на рудник «Железный» в качестве грейдериста. На руднике свободных мест в общежитии не было, и Виктор поселился у нас. Таким образом, наша семья снова возросла до четырёх человек.

Рождение дочки.

19 августа 1963 года у нас родилась дочка Татьяна. На сей раз нам не пришлось искать транспорт, чтобы добраться до роддома. Это заведение находилось в бараке на нашей же улице, примерно в сотне метров от нашего дома. 18 числа я отвёл туда Валю, а 19 августа мне показали в окошко какой-то свёрток с розовой мордочкой и сказали, что это моя дочка. Роды прошли без осложнений, если не считать того, что дочка родилась с пуповиной, обёрнутой вокруг шеи. Как известно, такие роды часто заканчиваются летальным исходом для ребёнка, но к счастью, врачи сработали оперативно, и наша дочка осталась жива.

С рождением дочери нас уже стало пятеро. Те 18 м² жилой площади, которые при переезде нам казались необъятными стали даже малы. Пришлось немножко поразмыслить, чтобы разместиться всем на ночлег. Помог опыт, который мы успели приобрести, проживая на 8 м² площади с таким же количеством душ. С появлением дочери, закончилась и наша спокойная жизнь. Она почти сразу же отказалась от груди и почти круглые сутки рыдала как заведённая. Никакие соски, укачивания, и убаюкивания на неё не действовали.

Валентина с дочкой Таней 1965 год

Врачи, при неоднократных осмотрах, продолжали утверждать, что ребёнок здоров и развивается нормально, а почему всё время плачет, затрудняются сказать. Я целый день находился на работе, вечером в школе, после школы до полуночи сидел за выполнением домашних заданий и все домашние заботы легли на плечи Вали. Только в выходные дни я старался разгрузить её как можно больше. Особенно тяжело было по ночам. Я засыпал почти мгновенно, как только голова касалась подушки, или что-то её заменяющее, и разбудить меня можно было только при помощи пушки. Плач Татьяны на меня не действовал, и когда Вале становилось невмоготу, она расталкивала меня, и я в полусонном состоянии пытался успокоить ревущую дочку.

В отличие от меня, Виктор не мог уснуть и частенько, устав от детского плача, срывался и начинал кричать на Валу, чтобы она успокоила Татьяну соской. Никакими сосками её невозможно было успокоить почти полгода. Только ближе к весне постепенно стала успокаиваться: стала подольше спать, получше есть и вскоре почти перестала кричать без причины.

Вступление в кандидаты КПСС.

В один из дней, в мастерскую, где мы получали по утрам наряды на предстоящую работу, зашла секретарь начальника ГРП Алексеева Маргарита Николаевна с сообщением о том, что меня хочет видеть начальник. Меня это очень удивило потому, что Серафим Сергеевич обычно не приглашал к себе в кабинет по пустякам. Направляясь в сторону конторы, я подумал, что в его домике, где он проживал с женой что-то случилось с электричеством, и на всякий случай прихватил с собой сумку с инструментом. До того дня в канторе, а тем более в кабинете начальника я бывал очень редко.

При случайных встречах, Серафим Сергеевич обычно отвечал на мои приветствия кивком головы. А на сей раз, стоило мне только переступить порог кабинета, как он встал из-за стола, подошёл ко мне, подал руку и усадил на стул рядом со своим креслом. Это меня очень удивило и насторожило. Начал он разговор с восхищения погодой, которая стояла в те дни на дворе. Его восхищали те узоры, которые нарисовали сорокоградусные морозы на деревьях и ближайших к конторе кустах. Я не разделял его восхищений потому, что на эту красоту я целыми днями смотрел не из окна тёплого кабинета, а в холодном лесу, с высоты деревьев и электрических опор.

Потом он поздравил меня с рождением дочки, которой к тому времени уже исполнилось полгода. Долго расспрашивал: где мы сейчас живём, здорова ли жена, как чувствуют себя дети? Спросил, можно ли будет зайти к нам в гости? Я отвечал, и никак не мог понять, к чему все эти расспросы. Только когда он спросил о моём отношении к КПСС, всё стало ясно и понятно. Я понял, что меня сватают в партию. Я ответил, что отношение моё к КПСС положительное, но о вступлении я как-то ещё не задумывался. Он предложил мне подумать, тем более что мне хотят дать рекомендации заслуженные люди и назвал фамилии этих товарищей.

Оказалось, что такое предложение поступило не только мне, но и непосредственному моему начальнику, главному механику, Никифорову Виктору Сергеевичу.

Первичная партийная организация приняла решение о принятии нас в Кандидаты членов КПСС, и через какое-то время мы поехали в Апатиты. В отличие от первичной партийной организации, где все были на виду и лишних вопросов не задавали, на партбюро Управления вопросов было задано немало. Не всем товарищам понравилось, что мой отец во время войны пропал без вести, и что я в своё время покинул целинные земли. Тем ни менее, за принятие меня в кандидаты проголосовали единогласно. На этом партбюро Виктор Сергеевич тоже был принят, и через короткий промежуток времени, мы снова поехали, но уже в Кировск, в Кировский Райком партии.

Эта организация шуток не любила и некоторым товарищам устраивала там настоящий экзамен. Мы были свидетелями, когда двоим товарищам, было отказано в приёме. Почему отказали мужчине, я уже не помню, а женщине задали вопрос: поедет ли она на работу в колхоз, если туда её направит Райком партии? Она ответила: «Ни за что на свете». На этом разговор с ней был закончен. Виктор Сергеевич не сумел ответить про государство Занзибар, с которым наша страна только начинала какие-то отношения. Несмотря на это, он был принят единогласным голосованием. Меня кроме биографии ни о чём больше не спросили. Позже я узнал, что партия была заинтересована принять в свои ряды, как можно больше рабочих, поэтому к нам особо не придирались. И так, мы с Виктором Сергеевичем с марта 1964 года стали кандидатами в члены КПСС.

Серафим Сергеевич слов на ветер не бросал и в один из вечеров пришёл к нам в барак посмотреть, как мы живём. Пробыл у нас очень недолго. Перед уходом заявил, что комнатка, конечно, маленькая, но чистенькая. Валя действительно содержала комнату в чистоте, и это заявление не было просто комплиментом вежливости. Кровати заправлены, все вещи аккуратно сложены и развешены на своих местах, чистая посуда расставлена в стенном шкафчике. На окнах чистые занавески. Пол заслан толстыми самоткаными половиками, присланными Валиными родителями. Кухонный стол покрыт чистой красочной клеёнкой. Следует отметить, что в этот день мы вообще никого не ждали и приход Серафима Сергеевича был для нас большим сюрпризом. Мы знали, что он обещал зайти, но что зайдёт обязательно, не очень-то верили и поэтому не прихорашивали к этому дню своё жилище.

Первое партийное поручение.

После получения Кандидатской книжки, на первом же партийном собрании, я получил первое партийное поручение: каждую среду в Красном Уголке проводить политинформацию для работников ГРП. Это мероприятие было новое не только для меня, но и для самой партийной организации и поэтому, я даже не представлял, что я должен информировать, где брать материал. Самое главное, к тому времени, я ещё не имел опыта выступлений на публике, и это меня очень пугало. Высказанные мною на партийном собрании по этому поводу опасения не были приняты во внимание, и это решение было утверждено.

Это было первое поручение, и я тогда даже не мог предположить, что через короткое время, у меня будет столько различных поручений, что это первое будет казаться мелочью. От основной работы, вечерней школы и семейных обязанностей, меня никто не освобождал, и на выполнение партийных поручений требовалось время. Я стал чем-то походить на свадебную лошадь, у которой голова в цветах, а спина в мыле. Кроме того, как староста класса, я ходил по баракам и интересовался, почему тот или иной ученик не посещает школу, а как член Народной дружины, принимал участие в патрулировании по улицам посёлка.

Благодаря тому, что в те годы подписные издания стоили буквально копейки, почти каждая семья выписывала по несколько газетных и журнальных изданий. У многих каждый вечер почтовые ящики были забиты битком. Почтальоны с толстыми сумками на ремне походили больше на носильщиков, чем на работников связи. Почти у каждого в квартире или в комнате были установлены радиоточки, которые целыми днями сообщали слушателям зарубежные, союзные и областные новости. Каждый мог, не выходя из дома, узнать обо всех новостях, происходящих в мире, стране и в области.

С большими помехами, но уже можно было посмотреть одну телевизионную программу. При такой осведомлённости очень трудно было чем-то заинтересовать слушателей, тем более, что все новости я узнавал из тех же источников. На первых порах, я брал газеты, отмечал интересные, на мой взгляд, события, произошедшие за неделю, и зачитывал эти статьи собравшимся в Красном уголке слушателям политинформации. Я прекрасно понимал, что все эти события недельной давности никого уже не интересуют, но какими-то другими данными, я в то время не располагал. Все делали вид, что внимательно слушают, а на самом деле, каждый сидел и думал о чём-то своём, блуждая полусонными глазами по потолку и стенам небольшого помещения.

Политинформация на участке

Электрослужбы рудника «Железный».

Со временем Райком партии стал нам, политинформаторам, изредка «подкидывать» интересные материалы, которые не публиковались в средствах массовой информации. Много интересного стала публиковать новая газета «Аргументы и факты», которая ещё не была в массовой подписке, иногда удавалось «выудить» что-то интересное из эфира по радиоприёмнику, и у слушателей постепенно появился интерес к политинформациям.

Стали даже задавать вопросы, на которые я не всегда сразу мог дать ответы. В таких случаях, приходилось искать источники информации, чтобы правильно на них ответить. Являясь рабочим, и каждый день, находясь в рабочих коллективах, я прекрасно знал интересы своих товарищей. И каждый раз, готовя материалы к очередной политинформации, стал стараться найти ответы на возникавшие в коллективах вопросы. Все эти новаторские мероприятия, заметно повысили интерес слушателей.

Не успел я, как следует освоиться с первым партийным поручением, как на очередном перевыборном профсоюзном собрании, меня избирают заместителем председателя Разведкома. Несмотря на мой самоотвод по причине того, что я почти не знаю устава профсоюза и по этой причине не могу замещать председателя, собрание проголосовало единогласно за моё избрание. Теперь вдобавок ко всему, я стал, обязан участвовать на всех заседаниях профсоюзного комитета.

Почти сразу же, после перевыборного собрания, председатель Разведкома, Богачёв Николай Яковлевич ушёл в отпуск, и вся профсоюзная работа легла на мои плечи. Я еле дождался его возвращения.

*ГРП президиум профсоюзного собрания.
Слева направо: Чикунов Г.Н., Богомаз Л.П., Богачёв Н.Я., Смирнов А.А.*

Избрание председателем Разведкома.

Не зря говорят: «Чем дальше в лес – тем больше дров». Через год, на очередном профсоюзном собрании, меня избирают уже председателем Разведкома. Побыв заместителем те два месяца, которые председатель был в отпуске, я понял, насколько нелегка и неблагодарна эта должность. Не зря говорят, что профсоюзный работник находится между молотом и наковальней. Проще говоря: между начальством и рабочим коллективом. Не всегда интересы этих двух сторон совпадали, и в таких случаях профсоюзу, а председателю в первую очередь, приходилось испытывать определённое давление с двух сторон. Для этого, особенно председателю, нужно было хорошо знать законы, особенно КЗОТ. (Кодекс законов о труде). Уже, будучи избранным председателем, о КЗОТе я имел самое смутное представление, из-за чего, на первых парах, нередко попадал в неприятные положения.

Не прошло и пару месяцев после приёма дел у бывшего председателя Разведкома Богачёва Николая Яковлевича, как я получил документ из прокуратуры о том, что мы нарушаем такой-то закон и нам рекомендовано немедленно исправить положение. У одной работницы ГРП закончился Трудовой Договор, и она решила уволиться, а начальник её заявление не подписал. Эта работница, зная о том, что при окончании Трудового Договора предприятие не имело права её задерживать, обратилась в прокуратуру, которая незамедлительно прислала в адрес администрации и профсоюзной организации грозное письмо, с требованием выполнить определённый пункт КЗОТа.

После этого случая, мне пришлось со всем вниманием обратиться к изучению законов о труде. Вскоре Мурманский ОБЛСОВПРОФ (областной совет профсоюзов) организовал

недельные курсы для председателей профсоюзных организаций области по изучению Трудового Законодательства. Проучившись на подобных курсах несколько раз в Мурманске, потом в Апатитах и в Ленинграде, я стал меньше попадать в неприятные истории.

Познав законы, мы, члены Разведкома, чаще стали не соглашаться с какими-то решениями администрации предприятия, что приводило начальство к раздражению. Несколько раз Осипов Серафим Сергеевич приглашал меня на беседы, где пытался внушить мне, что у профсоюза и администрации единые задачи и поэтому нам надо жить дружно. К сожалению, не всегда так получалось. Особенно много разногласий было по поводу увольнения работников по инициативе администрации.

В отличие от промышленных предприятий, где состав работников не менялся годами, геологоразведочные партии очень часто, словно меха гармошки, то расширялись, то сокращались. Во время сокращения штатов, ни один работник не мог быть уволен без согласия профсоюзной организации. Такие увольнения проходили очень болезненно, как для самого увольняемого, так и для администрации и Рудкома. Приходилось очень тщательно изучать семейное положение каждого кандидата на увольнение.

К сожалению, не всегда предложения администрации совпадали с решением Рудкома и на этой почве возникали конфликты, особенно по поводу увольнения любителей выпить. Администрация предлагала уволить, а мы выступали против увольнения и давали этому выпивохе шанс встать на правильный путь. Бывали случаи, когда человек действительно «брался за ум» и исправлялся, но были и такие, которые не оправдывали наше доверие, и при повторном разборе, мы были вынуждены давать согласие на его увольнение. В первом случае можно было услышать слова благодарности провинившегося и недовольство администрации, а во втором, всё наоборот.

Простому обывателю могло показаться, что первичная профсоюзная организация кроме сбора профсоюзных взносов ничем больше не занималась. На самом деле, дел хватало. Нужно было избрать и организовать работу общественных инспекторов по технике безопасности. Держать под контролем обеспечение работников спецодеждой. Организовать соцсоревнование между бригадами. Через определённые промежутки времени провести подведение итогов и поощрить победителей. Распределить поступившие путёвки в дома отдыха, санатории, в пионерские лагеря и путёвки в зарубежные поездки. Оформить больничные листы. Если у кого-то рождался ребёнок, поздравить родителей и выделить деньги для приобретения подарка. Тут же вставал вопрос об устройстве этого ребёнка в детские ясли.

Эти вопросы решались нелегко, потому, что геологоразведка своего садика не имела, и каждый раз приходилось договариваться со сторонними организациями, о выделении места. Взамен проводили какие-то ремонтные работы или снабжали садик различными строительными материалами.

Так, например, в 1967 году, мы с большим трудом устроили в детский садик всего 3 ребёнка, а в 1968 после того, как мы провели электромонтажные работы в одном из садиков, и снабдили садик дефицитной краской, нам удалось устроить уже 29 ребятшек разного возраста. Причём, электромонтажные работы пришлось проводить мне. Необходимо было выделить деньги и организовать посещение к заболевшему работнику. Перед Новым годом отправить гонца в Ленинград за подарками, которые потом вручали всем детям на Новогодней ёлке. Помню, на одном из заседании Разведкома развернулась дискуссия на тему: до какого возраста детям вручать подарки. В конечном итоге приняли решение: вручать подарки всем детям на новогодней ёлке со дня рождения до окончания школы.

Не забывали и женщин. В праздник 8-го Марта вручали им цветы и различные скромные подарки. Особенно нелегко было весной в Заполярье раздобыть живые цветы, но каждый раз нас выручали школы, которые выращивали их в своих пришкольных теплицах. Но тоже не бескорыстно. Эту любезность, приходилось оплачивать какими-то работами или выделять школе те же краски, которые в то время были в большом дефиците, или какие-то строительные материалы.

Праздничное награждение женщин-передовиков
в центре – С.С. Осипов, начальник Ковдорской ГРП, справа – Г.Н. Чикунов

Женщины, в основной своей массе были благодарны нам за то внимание, которые мы им уделяли. Но если одной попадался менее дорогой подарок чем другой, то можно было услышать неприятные слова в наш адрес. Чтобы как-то разнообразить быт геологоразведчиков организовывали спортивные секции, коллективные выезды на рыбалку, за ягодами, культпоходы загород, вечера отдыха типа «Огонёк». В 1966 году у нас была только одна секция: лыжная, а в 1967 уже работали: волейбольная, лыжная, стрелковая, городошная и легкоатлетическая.

Иногда приходилось «копаться в чужом белье»: восстанавливать в чужой семье прерванные супружеские отношения, предлагая дебоширу угомониться, прекратить пить и восстановить мирные супружеские отношения в семье. Такие рейды были крайне неприятны, но общественный долг обязывал это делать.

В работе с детьми, мы не ограничивались одними подарками к Новому году. По инициативе Осипова Серафима Сергеевича, организовали пионерский отряд, в который вошли почти все дети работников ГРП и назвали его «Комаровец» в честь погибшего космонавта СССР. Рядом с конторой очистили площадку от кустарника, укатали катком, который я пригнал с одной строительной организации, и соорудили детскую спортивную площадку с пьедесталом почёта, на котором вручали победителям различных игр и спортивных соревнований шоколадные медали.

Очень остро стоял вопрос с жильём. Геологоразведка если и строила жильё, то только типа времянки. Министерство Геологии средств на строительство жилья капитального не выделяла, ссылаясь на то, что геологоразведочная партия расположена

на территории города и должна сама изыскать средства на долевое строительство, совместно с градостроительной организацией.

Потребовалось несколько лет, чтобы убедить вышестоящее начальство изменить своё решение. Даже мне, будучи избранным в вышестоящие профсоюзные организации, пришлось неоднократно ставить этот вопрос в своих выступлениях перед руководством министерства. Однажды Министр Геологии А.В. Сидоренко посетил нашу ГРП и его внимание в числе других, было обращено на неудовлетворительные жилищные условия работников ГРП. К нашей радости, наконец-то он пообещал рассмотреть этот вопрос на коллегии Министерства. В конечном итоге, деньги были выделены, и было построено несколько квартир в капитальном пятиэтажном доме. Выделенных денег на строительство целого дома не хватало, и поэтому вошли в долю и построили дом совместно с Ковдорским ГОКом.

Как говорится: «Лиха беда начало». С избранием председателем Рудкома, количество «портфелей» стало возрастать. Через короткий промежуток времени, меня избирают в Групповой профсоюзный комитет геологоразведчиков Кольского полуострова, расположенный в Апатитах при Кольском РАЙГРУ, а затем в профсоюзный комитет Северо-Западного Геологического Территориального Управления, который располагался в Ленинграде при СЗТГУ. Помимо поручений профсоюзных комитетов, куда я был избран, я должен был присутствовать на всех заседаниях этих организаций. А это очень частые командировки то в Апатиты, то в Ленинград. При этом, от основной работы электрика меня никто не освобождал.

Я продолжал обслуживать все электроустановки ГРП, учился в вечерней школе, и семье нужно было уделять должное внимание. Нагрузка была запредельная. Однажды у нас появился представитель ЦК профсоюза с проверкой работы нашей профсоюзной организации. Долго беседовал со мной, после чего за несколько дней обошёл все буровые станки, все шурфы и каналы, где работали буровые и горные рабочие, пообщался с жителями посёлка и уехал без ознакомления нас с результатами проверки. Единственно, он сказал, что ему понравился клуб и та работа, которая в нём проводилась. Через несколько недель пришла бумага из ЦК, где говорилось, что-такого-то числа на заседании Президиума Центрального комитета профсоюза рабочих геологоразведочных работ, работа нашей профсоюзной организации была признана удовлетворительной, а мне, как председателю, была объявлена благодарность.

Должен признаться, что эту бумагу читать было приятно. Не часто приходилось получать благодарности от столь высоких организаций. От непосредственных, более низких профсоюзных руководителей, доводилось получать и выговора. Особенно памятен выговор за несвоевременную сдачу годового финансового отчёта. Мы получали 45% отчислений от профсоюзных взносов, и каждый квартал должны были отчитаться в произведённых расходах. Поквартально, мы отчитались вовремя, а годовом отчёте никак не сходился дебет с кредитом. Уже давно прошли определённые сроки, а мы с казначеем никак не могли сверстать годовой отчёт. У нас получалась то недостача, то излишки. Началось с того, что в один из вечеров, когда я разбирался после смены с профсоюзными бумагами, ко мне в кабинет с испуганным видом и с какими-то бумагами в руках «влетела» казначей, с ошеломляющим сообщением о том, что в нашей профсоюзной кассе недостача.

В те годы за такие нарушения наказывали очень строго, вплоть до судебного разбирательства. Когда я подключился к разбору наших финансовых документов, то у нас получились излишки. Те и другие суммы были настолько мизерны, что было желание вложить свои деньги и завершить злополучный отчёт. Но этого, к сожалению, делать было нельзя и, несмотря на поджимающие сроки, пришлось докапываться до истины до конца.

В 60-е годы – управление Ковдорской ГРП.

31 декабря, люди уже начали готовиться к празднованию Нового года, а мы продолжали ковыряться в своих бумагах и выслушивать бесконечные звонки с угрозами из Апатитов от вышестоящего профсоюзного председателя Богомаза Леонида Петровича. Когда мы уже совсем запутались и пришли в отчаянье, вдруг неожиданно моя партнёрша соскочила со стула и радостно провозгласила, что она поняла причину, почему наш отчёт не сходится. В тот год в стране произвели замену денег, и она в одном месте производила расчёты новыми деньгами, а в другом старыми. В результате получился такой винегрет, что разобраться было почти невозможно. Когда мы стали считать свои доходы и расходы в одной валюте, то всё сошлось до копейки. Хотя и с большим опозданием, годовой отчёт был отправлен по адресу, а я получил взыскание от председателя группового комитета профсоюза Кольского РАИгру Богомаза Леонида Петровича.

Летом 1960 года была завершена разведка Ковдорского месторождения вермикулита и геологи принимают решение, что теперь следует заняться флогопитом. Вся техника и все силы были переброшены на Северо-Западный участок предполагаемого месторождения. И первые скважины показали, что на глубине 100-150 метров от поверхности земли залегают огромные залежи слюды флогопита. После детальной разведки было определено, что данное месторождение превосходит все известные на тот момент мировые залежи этого минерала.

После успешной защиты месторождения в Государственном комитете по запасам, было принято решение о выдвижении кандидатов на соискание Ленинской премии. В 1966 году за открытие и разведку Ковдорского месторождения флогопита были удостоены Ленинской премии: Сидоренко Александр Васильевич – академик, Министр геологии СССР; Голуб Юрий Михайлович – заместитель начальника производственного управления Министерства геологии СССР; Никитин Пётр Михайлович – начальник Северо-Западного геологического управления; Терновой Владимир Иванович – главный геолог Ковдорской ГРП; Осипов Серафим Сергеевич – начальник Ковдорской ГРП; Сулимов Борис Иванович – старший геолог Ковдорской ГРП; Сухачев Алексей Иванович – директор Ковдорского ГОКа.

В те годы эта премия составляла семь тысяч рублей, так что каждому Лауреату досталось по одной тысяче.

За открытие и разведку флогопитового месторождения несколько рабочих были удостоены Государственной премии в размере 100 рублей. В их число попал и я. В то время моя зарплата была чуть больше полученной суммы. Для получения данной премии было оформлено и отправлено в Москву целая куча различных бумаг и характеристик. После полугодового рассмотрения, мы получили эти деньги.

Лауреаты получали свои награды в Москве. Вручал им эту премию Академик Келдыш. Как потом рассказывал Осипов Серафим Сергеевич, на банкет, который они устроили в одном из ресторанов Москвы, Келдыш прийти отказался, сославшись на большую занятость.

Вернувшись в Ковдор, Осипов, Сулимов и Сухачев решили ещё раз «обмыть» свои награды в Ковдорском ресторане. На этот банкет были приглашены в том числе: Никифоров Виктор Сергеевич как парторг Ковдорской ГРП и я, как председатель Разведкома. В самом начале этого торжества, официантка ресторана немножко попортила настроение участникам банкета. У старшего геолога Сулимова Бориса Ивановича была привычка морщить лицо и выворачивать губы. В такие минуты, он очень походил на нетрезвого человека. Когда старшая официантка, Мария Николаевна вышла из своей коморки и, увидев Бориса Ивановича с такой гримасой, категорично заявила, что обслуживать нас не будет потому, что среди нас сидит пьяный.

Все были настолько удивлены таким заявлением, что Сухачев Алексей Иванович даже вскочил со своего стула, удивлённым взглядом осмотрел всех сидящих и, не увидев не трезвых за столом, приказал немедленно обслужить нашу компанию. В те годы главным застройщиком в городе, да и в районе был Ковдорский ГОК и директор комбината фактически был выше председателя горсовета. Даже горсовет не мог решить многие вопросы без Сухачева потому, что основные средства находились у комбината.

Услышав такое приказание, Мария Николаевна несколько смутилась и начала накрывать наши столы. Бориса Ивановича, произошедшая сцена заметно покорибила, на какое-то время он перестал гримасничать, а успокоившись, продолжил в том же духе.

Следует отметить, что в Ковдорской геологоразведочной партии подобрался, в своей основе, дружный, честный, талантливый и трудолюбивый коллектив, во главе с прекрасным организатором, и талантливым геологом, Осиповым Серафимом Сергеевичем.

Это был уже не очень молодой, с большим жизненным опытом человек, всю свою жизнь посвятивший геологии. Говорили, что в своё время, где-то на Севере, он возглавлял коллектив, состоящий в основном из заключённых. Видимо там он приобрёл огромный опыт, только по внешним признакам определять характер и деловые качества человека.

Уже, будучи председателем Разведкома, мне доводилось иногда присутствовать при беседах Серафима Сергеевича с соискателями рабочего места в ГРП. Некоторым товарищам он не давал добро на оформление, несмотря на то, что этот человек имел специальность необходимую коллективу. Как-то на одной из таких бесед, когда он отказал одному молодому человеку в приёме на работу, на мой вопрос: почему он принял именно такое решение? Он ответил, что по поведению, по внешнему виду и по тому, как он говорит, он определил, что этот человек не подходит для наших работ.

Инженерную группу возглавлял симпатичный, спокойный, уравновешенный, талантливый, сравнительно молодой Смирнов Альберт Александрович. По его предложениям было внедрено немало различных новшеств, которые значительно облегчили труд буровиков и горняков, и повысилась производительность труда. Так, например, по его предложению деревянные треноги были заменены на металлические мачты, которые стали крепиться прямо на буровой вышке, что значительно повысило технику безопасности и значительно сократило время на перевозку буровой вышки на новую точку.

Чикунев Г.Н., Смирнов А.А., Сулимов Б.И., Осипов С.С., Никифоров В.С.

Однажды Альберт Александрович показал мне ружье, на котором было выгравировано, что данное оружие было изготовлено по личному заказу Геринга. Обработка стволов была настолько идеальна, что в них можно было смотреться как в зеркало. На мой вопрос: где он его раздобыл? Он так и не ответил, сказав, что это – тайна.

После ухода Серафима Сергеевича на пенсию, Альберт Александрович возглавил Ковдорскую ГРП. К сожалению, он рано ушёл из жизни.

Главным механиком ГРП был молодой, недавно окончивший институт и работающий по направлению учебного заведения, Никифоров Виктор Сергеевич. При переводе меня электриком, мой непосредственный начальник. Это был худощавый, среднего роста, чернявый с небольшими усиками, очень подвижный, трудолюбивый человек. Он очень гордился, что имел звание инженера, но в то же самое время не гнушался самой черновой работы. Бывали смены, когда за один день я не в состоянии был выполнить все работы, он хватал когти и лазил вместе со мной по столбам и по деревьям при постройке электролиний. Во время моего отпуска, он из главного механика превращался электриком и полностью выполнял все электромонтажные работы. Мы с ним настолько сдружились, что однажды по его предложению даже выпили на брудершафт. Благодаря такой дружбе с непосредственным начальником, несмотря на большую нагрузку, работать было легко. Я всегда был уверен, что в трудную минуту, я получу как физическую, так и моральную поддержку.

Когда его перевели в Апатитский Райком партии инструктором, он хотел и меня «перетащить» туда, но меня спасло то, что я не имел среднего образования. При одной из встреч, он рассказал, что моя кандидатура даже рассматривалась в Райкоме, но не прошла по вышеупомянутой причине, о чём он очень сожалел.

Немалую роль в открытии и разведке мировых запасов полезных ископаемых, сыграл старший, а в дальнейшем главный геолог ГРП Сулимов Борис Иванович. Каждую ночь почти до утра не угасал свет в окошке его небольшой комнатке во времянке. Всё это время, он рисовал какие-то чертежи и схемы и вёл какие-то расчёты.

Упомянутый мной ранее начальник горного участка Рейнберг Эдгар Карлович, хорошо знавший горное дело, всё время что-то мастерил и совершенствовал. Немало различных приспособлений было внедрено в производство, которые значительно облегчили труд горняков, но один из его агрегатов не только не облегчил, а наоборот, всячески утяжелил работу шурфопроходчиков. Вместо воротка, который обычно применялся при проходки шурфов, он изготовил какое-то подобие подъёмного крана, где кроме поднимаемой бадьи нужно было прокрутить вручную кучу шестерён. Мы какое-то время помучились с этим изобретением, а потом отказались от этого агрегата.

Рейнберг Эдгар Карлович

С бригадиром мастерской Ивановым Владимиром Петровичем, мы были знакомы ещё до того, как я устроился в геологоразведку. Работая в Ленинграде, я иногда приезжал в гости к моим родственникам в Пинозеро, где проживала в то время семья Ивановых. Моя тётушка крестила их детей, и они с моими родственниками были кумовьями и часто ходили, друг к другу в гости. Вполне естественно, находясь в это время в Пинозере, я тоже ходил вместе с ними к Ивановым.

В Ковдорской ГРП, мы встретились с Володей снова, но уже в качестве сослуживцев. Он работал слесарем по ремонту оборудования и в то же самое время являлся бригадиром слесарей. Это был, прежде всего, слесарь-универсал. Он мог работать на всех металлообрабатывающих станках, какие были установлены в мастерской. Он не просто отработывал свои положенные восемь часов, а к любому делу подходил вдумчиво и творчески. Иногда его премия за рационализаторские предложения превышала его месячную зарплату. Он всё время находился в поиске, что-то изобретая и усовершенствуя. Одним словом - от скуки на все руки.

Насколько дорожили геологи своей честью можно судить по самоубийству Амахина Леонида Тимофеевича. Лёня, несмотря на свой молодой возраст, считался одним из талантливейших геологов ГРП. Он внёс заметный вклад в разведку Ковдорских месторождений. Был очень скромн, дисциплинирован, и умеренно пьющим человеком. Но однажды по какой-то причине напился так, что не мог выйти на работу. На следующий день, протрезвев и осознав, что совершил непоправимый проступок, который чернит его репутацию и затрагивает его незапятнанную честь, он взял и повесился. Может быть, кто-то и посмеётся над его поступком, но это показывает, насколько люди того времени свою честь ценили дороже жизни.

Почти каждое лето приезжали в Ковдор студенты Ленинградского университета, геологического факультета на практику. Несколько лет руководителем этих групп была О.М. Римская-Корсакова – доцент Ленинградского университета. Ольга Михайловна не только руководила этими студентами, но продолжала заниматься исследовательской работой на Ковдорском месторождении. Она начала изучать Ковдорский массив ещё в довоенные годы, и, работая преподавателем, продолжала заниматься научной работой. Соприкасаясь с этой женщиной по работе, меня каждый раз удивляла её простота в общении с окружающими, эрудиция, умение общаться с людьми любой категории от учёного до алкоголика. В то же самое время, в неторопливом, мягком голосе, неторопливых, спокойных движениях угадывался твёрдый и решительный характер волевого человека.

Долгое время я думал, что Ольга Михайловна прсто однофамилица знаменитого композитора. Но однажды меня послали работать в домик, где она жила. Восстановив повреждение в электропроводке, мы с ней разговорились, и она сказала, что Римский Корсаков её родной дед. У неё был отличный, по тем временам, японский транзисторный радиоприёмник. Я как-то набрался нахальства и спросил у неё: не сможет ли она продать мне это чудо техники. На что она ответила, что это подарок внука, а подарки, как известно не продаются. Внук купил его в Японии, во время одной из командировок.

Таким вот образом, я познакомился с легендарной, для нашего города Ковдора, личностью – О.М. Римской-Корсаковой. Позже она удостоилась звания «Почётный гражданин города Ковдора», вместе с А.И. Сухачевым, В.И. Терновым и А.В. Косарчуком, заслуженным строителем.

О.М. Римская-Корсакова, её студенты и А.А. Смирнов возле управления ГРП

Лабораторию возглавляла жена директора Ковдорского ГОКа, Попова Галина Сергеевна. По сути дела, это была не просто лаборатория, а небольшой научно исследовательский институт, со своим штатом, с набором различных приборов и станков. Главной задачей лаборатории было разработка методов обогащения разведанных месторождений полезных ископаемых, определение их запасов, качества и мест применения, как в промышленности, так и в быту. Разведать какое-то месторождение ещё недостаточно. Нужно ещё доказать, что оно нужного качества, в достаточном количестве и может где-то использоваться. Так, например, долгое время специалисты придирались к качеству Ковдорского флогопита. Лаборатории пришлось изрядно поработать, чтобы доказать, что качество не только не хуже, но по некоторым параметрам даже превосходит знаменитые месторождения. Галина Сергеевна много часов провела за пультом кенотрона, испытывая тонкие пластинки флогопита на пробой высоковольтным электрическим током.

Мне частенько доводилось работать в этой лаборатории потому, что осветительная аппаратура, грохота, тигли, сепараторы, станки по обрезке слюды на различные фрагменты и многие другие агрегаты требовали постоянного технического обслуживания. Как-то меня заинтересовало: почему у Галины Сергеевны и Алексея Ивановича разные фамилии, хотя они являлись законными мужем и женой? На мой вопрос, Галина Сергеевна ответила, что они с Алексеем Ивановичем заканчивали один и тот же институт, по одной и той же специальности, и знали, что скорей всего придётся работать на одном предприятии. По Советским законам, супруги не имели право работать под началом один от другого. Чтобы не вызывать в таких случаях подозрений, при регистрации брака было принято решение, фамилии не менять. Галина Сергеевна не стала Сухачевой, а осталась при девичьей фамилии, - Попова.

Витя, (Валин брат) устроился на работу на рудник «Железный» в качестве грейдериста. Он не только успешно справлялся с возложенной на него работой, но и после смены успевал с начальником участка съездить на грейдере на рыбалку и на охоту. Один раз, при очередной такой поездке, они утопили в болоте свою машину по самую раму, и пришлось посылать на подмогу бульдозер.

Виктор, какое-то время переписывался с Хохловой Анной Фёдоровной, которая работала учительницей в деревне на его родине. По всему было видно, что дело шло к свадьбе. И доработав до отпуска, он поехал на родину и привёз уже Белову Анну Фёдоровну в Ковдор. Таким образом, количество родственников в Ковдоре продолжало увеличиваться. Аннушка, как мы потом её начали звать, сразу же влилась в наш родственный коллектив. Все её полюбили за мягкий, спокойный, уравновешенный, характер. Она никогда не выносила свои невзгоды и переживания на люди. При любых неприятностях оставалась улыбчивой и общительной, всем своим видом заряжая окружающих своим оптимизмом. Несмотря на то, что на её долю выпало немало неприятностей, окружающим казалось, что над её головой всегда светит яркое солнце, а все невзгоды проходят мимо неё.

В Ковдоре, она продолжила работу в школе с учениками младших классов. Вскоре у них родился сын Юрка, который после окончания военно-морского училища трагически погиб в автомобильной катастрофе. В Ковдоре, Виктор вначале получил комнату в бараке, а потом квартиру в каменном пятиэтажном доме, где прожив очень короткое время, они уехали в Осташков, где проживали Анины родители. Там родился у них ещё один сын: Игорь. В последствие, вначале умирает Виктор, а потом погибает Юра.

После выхода замуж моей сестры Фаины за Карпова Николая, число наших родственников возросло ещё на одного человека. Это был выходец из Беларуси, чуть выше среднего роста, худощав с густыми чёрными волосами на голове, с взрывным характером. Он старался не пропустить ни одной возникавшей драки, где принимал самое активное участие и почти всегда выходил победителем. В одно и то же время, он мог быть мягким, сговорчивым, и покладистым, а также суровым, мстительным и беспощадным.

В мае 1962 года у них родился сын Валерка, и через небольшой промежуток времени они уехали на Украину, в Кривой Рог. Николай частенько прикладывался к водочке и считал, что виноваты в этом его многочисленные друзья, которые каждый раз находят причины для очередной выпивки. Желая убежать подальше от крепко споенного коллектива, он решил уехать подальше и начать жизнь «с чистого листа». Сбежать от самого себя не удалось, и Коля допился на новом месте до «Белой горячки». Вдобавок ко всему начал погуливать. Не выдержав такой жизни, Фаина уже с двумя детьми (5.08. 66 года в Кривом Роге у них родилась дочь Елена) вернулась в Ковдор.

**Фаина Карпова, Николай Карпов
и их дети: Лена и Валера (Кривой Рог)**

В нашем полку опять прибыло. Но на этом увеличение количества наших родственников не ограничилось. Примерно в 1965 или в 1966 году мы получили очередное письмо от Валиных родителей, где они сообщали, что вернулся со службы их сын Володя и ему нужно подыскать какое-нибудь местечко, чтобы не остаться на всю жизнь в колхозе. Город ещё всюду строился, и подыскать работу было не очень сложно. Так появился в Ковдоре и Володя. Он устроился на работу на буровой участок рудника «Железный», где проработал до самой пенсии. Женится на Маше Туевой. У них родились две дочери: Ольга и Лена.

***Ковдор: Чикунов Г.Н., Белова Мария, Белова Аня,
Белов Владимир, Белова Марина***

В городе, как и по всей стране, велась непримиримая борьба с пьянством и с различными нарушениями общественного порядка. В помощь милиции на каждом предприятии были созданы народные дружины. Такая дружина была и в ГРП, которая работала успешно и неоднократно признавалась лучшей в районе. Каждый раз, по утверждённому графику, мы патрулировали с красными повязками не только по улицам, но и бывали во многих неблагополучных семьях и злчных местах посёлка. Особенно сложно было разбираться с семьями, где процветало пьянство. Сплошь и рядом наблюдались случаи, когда жёны пьяных и буйных мужей вызывали милицию, а потом отказывались писать заявление о побоях.

В связи с этой борьбой, были и анекдотичные случаи. На одной из улиц посёлка, барак стоял на одной стороне улицы, а туалет на противоположной. И чтобы воспользоваться этими «удобствами» нужно было перейти через дорогу. Один мужичок, после обильного ужина и нескольких стаканчиков «Столичной», решив воспользоваться удобствами напротив, ступил на дорогу. Проходивший по улице милиционер, заведя появившегося на дороге нарушителя общественного порядка, схватил его за шиворот и оттащил в отделение милиции. Жена задержанного, прождав какое-то время, кинулась искать потеряшку. После безуспешных поисков в туалете, близстоящих бараках и соседних

канавах, на поиски подключились соседи и близкие друзья. Когда после безрезультатных обследований всех предполагаемых мест, где мог бы находиться пропавший, жена обратилась в милицию с заявлением, то ей сказали, что её мужа уже нашли, и он находится на нарах в вытрезвителе. После этого случая, нетрезвые мужички этого барака стали ходить в туалет с большой опаской, как в разведку.

Видимо, от количества задержанных на улице нетрезвых людей определялось качество работы милиции, потому, что очень часто доставлялись в отделение люди, слегка выпившие и спокойно шагавшие по улице по своим делам.

Во время нашего дежурства, мы стали свидетелями одного забавного случая, когда пьяный милиционер тащил в отделение совершенно трезвого гражданина. На наши предложения отпустить задержанного, милиционер никак не реагировал и продолжал тащить молодого мужчину в сторону милиции. Нас это всех возмутило, и мы решили последовать за ними. В отделении, дежурный отпустил задержанного, а молодого милиционера при нас распоясал и затолкал в камеру. Мы были рады, что на сей раз справедливость восторжествовала. Возможно, после нашего ухода он его выпустил, но после этого случая, мы с этим милиционером больше не встречались.

Народная дружина Ковдорской ГРП на дежурстве.

Несмотря на большую загруженность на работе и несметное количество общественных «портфелей», четвёртого июня 1964 года, после трёхлетнего обучения в вечерней школе, я успешно сдал экзамены за восьмой класс. Если просто сказать, что учиться было трудно, это значит, что ничего не сказать. Днём нужно было работать, зарабатывать деньги на прожитьё, а для повышения своих знаний оставался только вечер и ночь. На сон оставалось не более трёх-четырёх часов в сутки. Иногда, при срочных перевозках буровых станков на новые точки и аварийных случаях, приходилось работать и ночью. В таких случаях приходилось пропускать школьные занятия, а потом навёрстывать упущенное.

В полученном аттестате красовались: три – 5, четыре – 4 и три - 3. Это был далеко не «Красный диплом», но если учесть, с какими знаниями я пришёл в школу и в каких условиях учился, то смело можно сказать, что все эти три года прошли для меня не напрасно и за это время я приобрёл какие-то знания, которые очень пригодились в дальнейшей жизни. За эти три года я настолько втянулся к такому образу жизни, что решил продолжить обучение и дальше. Строящимся предприятиям района нужны были мастера различных специальностей, и вечерняя школа начала обучать таких специалистов. Помимо Аттестата о среднем образовании, стали вручать Диплом, о присвоении звания Мастера определённой специальности. Обучение шло по программе техникума. За два года получить сразу два Диплома было очень заманчиво, и я, без долгого раздумья, подал документы для зачисления в девятый класс.

Несмотря на то, что прошли более шестнадцати лет с тех пор, как я уехал от тётки Жени и за это время у неё уже выросли свои дети, она продолжала опекать меня своей заботой и вниманием. В 1963 или в 1964 году, когда она уже жила в Котласе, всё бросила и приехала к нам, чтобы посмотреть, как мы устроились на новом месте. В те годы проехать в Ковдор было не просто. Во-первых, нужно было оформить пропуск, который выдавался по вызову, приглашающей стороны. Да и добраться до Ковдора можно было только с пересадками. Несмотря на это, она преодолела все эти неудобства и добралась до нас.

Погостив короткое время, осталась довольна нашей жизнью, и стала собираться в обратную дорогу. Помимо поезда, из Ковдора в Ленинград можно было добраться самолётом. 45 минут на АН-2 до Кировска, а оттуда всего за два часа на ИЛ-14 до Ленинграда. Вместо полутора суток, на всю дорогу уходило всего несколько часов. Чтобы сократить время пребывания в дороге, мы стали уговаривать тётку Женю ехать до Ленинграда не поездом, а лететь самолётом. Какое-то время она и слушать не хотела о самолёте, ссылаясь на боязнь высоты. «Стоит мне увидеть, что земля уже далеко, так сразу же у меня сердце разорвётся» - говорила она. В конечном итоге, её удалось уговорить. Я взял на её имя билет, и в указанный в билете день поехал на автобусе провожать её до нашего аэропорта.

Десять километров нужно было добираться автобусом. Время было зимнее, дороги от снега не чистились, и проезжая часть напоминала корыто. Встречные машины взбирались на борта этого корыта и разъезжались с большим креном, с небольшим зазором между кузовами. Я сел в автобусе на заднее сиденье с левой стороны, а тётку Женю усадил справа. Уже за посёлком, мы встретились с самосвалом, который двигался в противоположную сторону. При сближении, обе машины взобрались на борта дорожного корыта и, не снижая скорости, с большим креном, стали разъезжаться. Крен был настолько велик, что я почти лёг на левый борт автобуса. Неожиданно, автобус дёрнулся, словно его кто-то схватил за заднее место, тут же раздался скрежет металла, в салон полетели осколки стекла, и мимо моего виска пролетела какая-то изогнутая, толстая железка. Я еле успел отскочить от неё в сторону.

В корпусе машины образовалась сплошная щель, начиная от водительской кабины до самого конца автобуса. При сближении, одна из машин на несколько сантиметров соскользнула вниз со снежного уклона и крюк заднего борта самосвала, пробил левое боковое стекло, и очутившись в салоне автобуса, разорвал ему весь левый борт.

Так получилось, что с левой стороны у самого борта сидел я один, и после этой аварии, все пассажиры, как по команде повернули свои головы в мою сторону, чтоб определить, жив я или нет. Всё произошло настолько быстро, что я даже не успел испугаться. Осыпанный осколками стекла, я сидел в полуметре от образовавшейся дыры, и с изумлением смотрел на рваные детали, торчащие по всему салону автобуса. Мне повезло, что я успел быстро среагировать и вовремя отскочить в сторону. Пролетевший по

салону крюк, прошёл как раз на уровне моей головы. Стоило мне замешкаться на какое-то мгновение, и всё могло бы кончиться печально. Все пассажиры тогда говорили, что я родился в рубашке. Больше всех, конечно же, испугалась за меня тётя Женя, которая тут же бросилась в мою сторону и стала оглядывать меня со всех сторон. Убедившись в моей невредимости, она бросилась ко мне на шею, крепко обняла и громко разрыдалась. Уже, сидя в самолёте, она грустно улыбалась и продолжала вытирать глаза носовым платочком.

Ковдорский аэропорт

Проводив самолёт, я и еще несколько человек провожающих, сели в рваный автобус, и Алик Кузнецов повёз нас обратно.

С семьёй Кузнецовых мы были соседями по бараку. Они жили в комнате №1, где когда-то жил Боря Евтушенко, а мы в комнате №2, и двери наших комнат располагались напротив друг друга. У них, как и у нас, было тоже двое детей: сын Юра и дочка Наташка. Как правило, в те годы соседи жили между собой очень дружно. Не считалось зазорным забежать по-соседски за щепоткой соли, за горбушкой хлеба, за каким-нибудь советом или просто поделиться какой-нибудь новостью.

Наши комнаты были угловые и в зимнее время стены промерзали до такой степени, что под кроватями висели глыбы льда. На полу босиком было стоять невозможно. Приходилось переминаясь с ноги на ногу. При жарко натопленной печи, температура в комнате была не однородна, а располагалась какими-то слоями: до пояса был экватор, а ниже - Северный полюс. За ночь, в комнатах так настывало, что вода в ведре покрывалась сверху тоненьким льдом, и прежде чем выпить нужно было кружкой или каким-либо другим предметом пробить в образовавшемся льду небольшую лунку.

Каждое утро приходилось прикладывать немало усилий, чтобы заставить себя вылезти из-под тёплого одеяла. В выходные дни, приходилось сразу же бежать в сарай за дровами и затоплять печку, а в будние быстренько одеваться, отводить детей в садик и бежать на работу, оставляя высушенную комнату. Даже после раскалённой с вечера плиты до красна, теплей, утром не становилось. Стоявшие в те зимы тридцати и более градусные морозы, к утру не оставляли в комнате и следа от вечернего тепла. По ночам, во время

сна, дети частенько раскрывались, простывали и очень часто болели. Нужно было искать какой-то выход. В конечном итоге, он был найден.

В нашем универмаге появились в продаже электрические духовки, и за короткий срок, они все были распроданы. Кто-то приобрёл их для приготовления пищи, а мы и многие другие жители бараков, для обогрева своих жилищ. По утрам вставать стало на много приятнее, но за ночь, этот аппарат сжигал столько энергии, что побуждал задуматься о целесообразности его дальнейшего применения. Но как говорить: «Голь на выдумки хитра». Многие нашли способы отключения электросчётчиков, и стали на ночь их отключать, а утром, перед уходом на работу, возвращать в исходное положение. Наши соседи, Кузнецовы, тоже спасались от холода подобным способом. Местные руководители, очевидно, пронюхали, о подобном методе спасения жителей бараков от холода и стали проводить выборочные, неожиданные, проверки работы счётчиков.

Однажды в нашу комнату не вошла, а можно сказать влетела Кузнецова Лида, жена Алика Кузнецова. Она улыбалась, но улыбка у неё была, какая-то не естественная, больше похожая на унылую гримасу. Щёки и уши горели ярким румянцем. По всему было видно, что она чем-то очень встревожена. На наш вопрос: «Что случилось?» она рассказала, что вечером Алик отключил счётчик и включил на всю ночь электрическую духовку. Утром очень торопился на работу, и забыл всё вернуть в исходное положение.

Как назло, в этот день нагрянули с проверкой электрики, и без труда обнаружили отключенный счётчик. Вполне естественно, закатили грандиозный скандал, стали уже оформлять протокол. Вначале Лида растерялась и не знала, как реагировать на всё случившееся. На все Лидины слёзы, просьбы, и уговоры, электрики никак не реагировали. Спасла положение бутылка водки, которая, на счастье, оказалась на тот момент дома. Стоило этой бутылке перекочевать из шкафчика в карман электриков, как тут же, ранее написанный акт был разорван, брошен в топку топившейся печи и обе конфликтующие стороны, разошлись удовлетворённые по своим делам. Электрики, обмывая удачную проверку, а Лида к нам, с последними новостями.

В тот момент в посёлке наблюдался вино-водочный дефицит, и каждая бутылка водки ценилась дороже золота. Видимо поэтому, электрики безоговорочно пошли на сделку, а Лида, так дешёво отделалась.

До этого, в посёлке было зафиксировано несколько подобных случаев, которые были подвергнуты огласке, и виновные были оштрафованы на крупные суммы. Большинство из оштрафованных попались на распилке дров. Длительные, морозные зимы, и тонкие дощатые стены бараков, требовали немало дров. Для их заготовки приходилось тратить много времени и сил. Чтобы как-то облегчить и ускорить эту работу, многие стали применять электрические пилы. Добиться официального разрешения на подключение этих агрегатов к электросети было непросто, и поэтому, многие подключались к электросети самовольно. Прodelать эту работу скрытно было почти невозможно, поэтому, такие нарушители попадались намного чаще, чем жители, отключавшие электросчётчики.

Но все эти меры по борьбе с расхищением государственной электроэнергии, как правило, ни к чему не приводили. Просто народ не считал эти действия преступлениями, а рассуждал бесхитростно и наивно: «Всё кругом народное, всё вокруг моё». Тащи всё необходимое в дом, в семью, по мелочам конечно, и, главное – не попадайся.

Ковдорские типовые 2-х этажки

Город продолжал строиться. Почти все бараки были введены в строй. Завершалось строительство деревянных двух-этажек на улицах: Парковой, Новой, Строителей, и на так называемом Шанхае. Поднимались ввысь каменные пятиэтажки в микрорайоне. Работники Ковдорского ГОКА, треста «Ковдорстрой» стали постепенно переселяться из деревяшек в каменные дома со всеми удобствами. Выделялись квартиры и более мелким организациям, но совсем незначительно.

Наш сосед, Алик Кузнецов, после описанной мной аварии перевёлся из автобусного парка в Ковдорский ГОК и через короткое время, получил квартиру в микрорайоне, в каменном доме. Несмотря на то, что квартира была на пятом этаже и комнаты проходные, они испытывали неопишемую радость. В те годы, переселенцы из бараков такие мелочи просто не замечали.

Самое главное: в квартирах было тепло, светло, из кранов бежала горячая и холодная вода, отпадала необходимость каждое утро стоять в очереди на морозе, чтобы попасть в туалет, каждую субботу стоять в очереди по два часа, чтобы помыться в бане.

Одним словом, менялся весь уклад жизни. Несколько раз, мы всей семьёй помылись в их ванне, и тоже ощутили разницу между барачной и квартирной жизнью, в благоустроенном доме. Мы с Валею работали в таких организациях, которые своих домов не строили, и какой-то надежды получить такое же жильё, мы не имели. Оставалось только радоваться за других, и надеяться на какое-то чудо.

Не смотря на то, что мы уже привыкли к барачной жизни, но всё равно хотелось пожить в квартире со всеми удобствами. Как говорится: «Всякая пташка хлопочет - своего тёплого угла хочет».

Улица Строителей в начале 70-х

В сентябре 1965 года, я снова пошёл в вечернюю школу, с надеждой через два учебных года получить аттестат о среднем образовании. На первых порах всё шло так, как и должно было быть. По всем предметам я получал только положительные оценки, меня снова избрали старостой класса. Некоторые мои тетради висели на школьной выставке, как образцовые. Казалось бы, живи и радуйся. Перед Новым годом, в школе начались контрольные работы, в профсоюзных организациях годовые отчёты. Я уже писал выше, как из-за путаницы казначея Разведкома, где я был председателем, мы никак не могли сверстать годовой финансовый отчёт.

Видимо, из-за чрезмерной психической нагрузки, мои нервы не выдержали, и у меня приключился приступ. Валя была на работе, Таня в садике, а мы с Сашей были дома. С утра всё было как всегда, а ближе к полудню, появилось ощущение, будто мои мозги в голове кто-то начал размешивать. Я уже не мог стоять на ногах, и словно пьяный качался из стороны в сторону. Появилась тошнота. Я послал Сашку за Валею в садик, где она работала, а сам завалился на кровать, и с испугом стал ждать развязки. Ничего подобного раньше со мной никогда не было, и поэтому я не знал, что это такое? Сколько времени продлится? И чем всё это может закончиться? К счастью, к Валиному приходу, мне стало значительно лучше, и через небольшой промежуток времени, я встал на ноги.

На следующий день утром, придя на работу, я рассказал, о странном приступе непосредственному своему начальнику, Никифорову Виктору Сергеевичу, а он, выслушав мой рассказ, тут же потащил меня в кабинет Осипова Серафима Сергеевича, где мне пришлось снова повторить своё повествование. Обладая огромным жизненным опытом, Серафим Сергеевич, очевидно, знал, что это за болячка и чем она может кончиться потому что, не долго, раздумывая, он тут же снял телефонную трубку, набрал какой-то номер, и после нескольких приветственных слов, дружески попросил срочно обследовать мою персону всеми врачами поликлиники.

Все врачи-специалисты, кроме терапевта, определили, что заболеваний по их специальности у меня никаких нет. А терапевт сказала, что приступ произошёл от большой перегрузки нервной системы. И если бы я, во время приступа потерял бы сознание, то

могло бы закончиться всё очень плачевно. Я мог бы остаться инвалидом на всю оставшуюся жизнь. По моим понятиям, я был бы что-то вроде Иванушки Дурачка.

Врач посоветовала немедленно бросить школу, и все общественные нагрузки. Получив медицинскую справку с такими рекомендациями, я надеялся, что меня тут же освободят от председательства Разведкома, а там, само собой, отпадут и другие поручения. К сожалению, мои надежды не оправдались. Серафим Сергеевич, после внимательного изучения предоставленной мне справки, посоветовал отдохнуть пару недель во внеочередном отпуске и годик от школы. О том, чтобы передать профсоюзные дела моему заместителю и полностью отстраниться от этих дел, он не стал даже слушать.

После того приступа, у меня появились постоянные головные боли. Стоило мне попытаться поглубже вникнуть в какой-нибудь прочитанный текст, как боли усиливались. При таком состоянии здоровья, продолжать обучение в вечерней школе, было бессмысленно и даже опасно. В один из вечеров, я как обычно отправился в школу, но не в класс, а в кабинет директора. Директриса школы Таран (имя и отчества я, к сожалению, не помню) посоветовала мне не бросать школу, а после небольшого отдыха продолжить учёбу. Я так и сделал: пропустил примерно с десяток учебных дней и снова сел за парту. За время моего отсутствия, по всем предметам все ушли так далеко, что я даже перестал понимать, о чём идёт речь. Все мои попытки наверстать упущенное, не увенчались успехом, только усилились головные боли, и я решил отложить обучение до следующего года. Очень жаль было расставаться с одноклассниками, с которыми за три учебных года мы очень сдружились и стали близкими друзьями.

Когда через год, я пришёл снова в девятый класс, мои товарищи уже были в десятом, а летом следующего года все успешно сдали экзамены и вместе с аттестатом зрелости получили и дипломы об окончании школы мастеров. Некоторые получили на производстве должности мастеров, а в последствии даже стали инженерами. Ну а мне, получить среднее образование, так и не довелось. Недоучившись до конца учебного года всего тридцать учебных дней, я снова почувствовал себя очень плохо, и школу пришлось бросить навсегда.

За три учебных года, отличником я не стал, но за это время по всем предметам имел положительные оценки. Директор школы и классный руководитель, Ефимова Валентина Николаевна, долго уговаривали меня доходить эти оставшиеся учебные дни, чтобы закончить девятый класс, обещая всяческую помощь, но я решил, что справка об окончании девятого класса мне ничего не даст, и на этом закончились мои университеты. Я долго переживал, о случившемся, но что-то изменить было уже выше моих сил.

Шёл восьмой год нашего проживания в Ковдоре, но мы всё также продолжали ютиться в 18м² угловой комнатке, в бараке. В посёлке росло количество каменных, благоустроенных домов, и он всё больше приобретал облик города. За это время немало наших знакомых переехали в благоустроенные квартиры, а наши перспективы были слишком призрачны. Геологоразведке, где я работал, деньги на строительство капитального жилья только обещали, но не давали. Садику, где работала Валя, такое жильё выделяли, но в таких мизерных количествах, что надежды на получение были ничтожны.

За эти годы мы настолько привыкли к барачным стенам, что они уже казались родными. Особенно, когда приобрели телевизор, и когда я поставил поверх перегородки, отделяющей кухню от комнаты, лампы дневного света, жизнь стала, в прямом и переносном смысле, светлей и веселей. Особых причин для унынья и не было. Работай и жильём, мы были обеспечены, Таня ходила в садик, Саша в школу и были здоровы. В семье был мир и согласие.

Однажды, придя с работы, я обратил внимание на то, что моя Валентина, как обычно хлопоча у плиты, была необычайно возбуждена. Она ловко и как-то весело орудовала кухонной утварью, быстро перемещалась по маленькой кухоньке, и какая-то загадочная улыбка не сходила с её лица. На мой вопрос: «Как дела?» Она ответила, что всё нормально, и стала накрывать на стол. Только за столом, она сказала, что у неё есть очень хорошая новость. Заведующая детским садом, Печникова Екатерина Ивановна, сказала, что садику выделили одну квартиру и её планируют дать Вале.

Если через несколько дней профсоюзный комитет одобрит это решение, то ей выдадут ключи. Это сообщение прозвучало для меня, как гром среди ясного неба. Несмотря на то, что окончательного решения ещё не было принято, но появился какой-то лучик света в конце туннеля. Те несколько дней, до заседания профкома, мы прожили как на вулкане, а когда Валя пришла с ключами от квартиры в руках, нашей радости не было предела. Узнав, что выделенная нам квартира под номером 100 расположена во втором доме микрорайона, мы сразу же побежали туда, чтобы посмотреть на наше новое жильё, но подъезды в доме были закрыты, и мы вернулись в барак ни солоно хлебавши.

Детские ясли «Малышок» (слева – Печникова Е.И.)

На следующий день двери открыли, и мы смогли воочию убедиться, что это не сон, и что после двенадцатилетних скитаний по квартирам, землянкам и баракам, мы можем проститься со всеми барачными «прелестями». Мы ходили по пустой квартире, как по музею, внимательно разглядывая красивые, светлые обои, сверкающий свежей краской глянцевый пол, батареи отопления, которыми не пользовались с момента отъезда из Ленинграда. Не могли наглядеться на белоснежную ванну с двумя кранами, из которых лилась горячая и холодная вода.

Квартира состояла из прихожей, двух комнат, небольшой кухоньки, туалета и ванной. На кухне была сложена плита, которая топилась дровами. Так что совсем от дров, мы не отделявались, но это нас не расстраивало, потому, что этим добром у нас был забит целый сарай. Забегая вперёд, могу сказать, что дровяной печкой мы пользовались недолго, и совсем скоро её разобрали и перешли на электроплиту. Дом был готов не полностью, а только половина строения. Во второй половине ещё велись отделочные

работы. Как только открылись подъезды, так почти сразу же к ним стали подъезжать машины со скарбом новосёлов. У всех приезжих чувствовалось приподнятое, праздничное настроение. Со всех концов можно было слышать шутки, прибаутки и громкий смех. Основная масса переселенцев ждала этого дня ни один год, и поэтому, этот день был для них действительно праздничным.

Переезд из барака в благоустроенную квартиру, это не просто смена адреса, а смена всего уклада жизни. Отпадала необходимость каждое утро бежать в сарай за дровами, чтобы согреть остывшую за ночь комнату, на колонку за водой, чтобы потом, после использования, нести помойное ведро обратно на улицу. Да и баня теперь появилась своя. При желании, можно было мыться хоть каждый день, не дожидаясь субботы, и без очереди. И не бежать домой из бани с мокрой головой по морозу. Такое переселение, можно сравнить с переездом из деревни в город.

Валя с Сашей и Таней побежали в барак упаковывать наши пожитки, а я отправился искать машину для их перевозки. Искать долго не пришлось. Шофёр, одной из машин, которая разгружалась у соседнего подъезда, без разговору согласился перевезти и наши вещи. Мебели у нас было немного, поэтому, через короткий промежуток времени, машина с нашими вещами уже стояла у подъезда, и мы таскали их на пятый этаж. Когда затащили в квартиру диван и поставили его на место, то услышали кошачье мяуканье.

Нас это очень удивило. Дело в том, что перед отъездом, мы решили, что свою кошечку мы не возьмём с собой в квартиру, а оставим в бараке у одной из наших соседок. Мы думали, что кошка, привыкшая гулять на улице, с пятого этажа не сможет найти туда дорогу. Видимо почуяв это, она залезла в диван, и молчала до самого переезда на новое место. Несмотря на то, что мы не хотели брать её с собой, мы были рады видеть её в нашей новой квартире. Пока мы разбирались с мебелью в большой комнате, неожиданно из маленькой раздался громкий, непонятный, угрожающий рёв. Когда мы вскочили туда, то увидели стоящую у окна Татьяну, которая прижавшись к стене, и плотно прижав руки к груди, смотрела широко раскрытыми испуганными глазами на ревуший репродуктор, который валялся на полу и дымил. Оказывается, она перепутала розетки и подключила радио в электросеть. Таким образом, наш переезд был ознаменован басистыми фанфарами и дымным фейерверком.

Наши опасения насчёт кошки оказались напрасны: она очень быстро освоилась на новом месте. Нашла дорогу на улицу и обратную до квартиры. Самое интересное было в том, что когда её стали мыть в ванной, она спокойно стояла под душем, словно делала это всю свою жизнь. К хорошей жизни, даже животные привыкают очень быстро.

Но однажды ей эти водные процедуры не понравились, и она начала кричать так, словно её резали. Услышав такой истошный, крик мы тут же бросились к ванной комнате и увидели такую картину: из крана бежала вода, на дне ванны стояла на половину намыленная кошка, над ней стояла Татьяна, и пыталась постирать её, словно какую-то тряпочку. Кошка яростно сопротивлялась, пытаясь вырваться из цепких Таниных рук, издавая при этом душераздирающие жалобные вопли. Но Таня крепко держала кошку за шею и хвост, пытаясь согнуть её тело в дугу. Татьяна объяснила свои действия тем, что хотела просто постирать её, а она почему-то стала плакать. После освобождения из плена, кошка долго не вылезала из-под дивана, а Татьянины руки почти сплошь были усеяны глубокими ссадинами и царапинами от кошачьих когтей.

Слева дом №2 в Микрорайоне – новый адрес семьи Чикуновых.

Не успели мы в полной мере насладиться всеми прелестями нашей новой квартиры, как какие-то «доброжелатели» по ГРП распустили слух, что получили мы её незаконно, по какому-то блату. Некоторые даже говорили, что мы её купили, тогда, как в то время, как правило, квартиры не продавались. Председателю профкома пришлось многократно доказывать и показывать документы заинтересованным товарищам, что Валя получила эту квартиру законно, после четырёхлетнего стояния в очереди. Даже выводы райисполкомовской комиссии, занимавшейся этим делом, не убедили некоторых персон, и эта сплетня ещё долго блуждала по городу.

Как я уже писал выше, что к нам, в Ковдорскую ГРП приезжал с инспекторской проверкой представитель ЦК профсоюза геологоразведочных работ, и что работа нашего Разведкома на заседании Президиума была признана удовлетворительной. После того, как моя фамилия прозвучала в Москве, там было принято решение, на предстоящем съезде выдвинуть мою кандидатуру в члены ЦК профсоюза геологоразведочных работ.

Об этом мне сообщили в Ленинграде, при очередной командировке в СЗТГУ. В случае избрания, я не освобождался от ранее возложенных на меня обязанностей. Кроме командировок в Апатиты и Ленинград, пришлось бы мотаться по всему Кольскому полуострову, где были расположены геологоразведочные партии с инспекторскими проверками, а потом ещё в Москву на различные собрания, заседания и съезды. Это известие меня несколько не обрадовало, а наоборот, очень огорчило. У меня различных поручений и так было предостаточно, а очередная добавка, меня окончательно выбила бы из колеи.

Меня никто не освобождал от основной моей работы электрика, за которую я получал деньги. И все общественные поручения тоже требовали вложения определённого труда и немало нервов и личного времени. Все мои неоднократные попытки избавиться хотя бы от части различных «портфелей» и поручений, ни к чему не приводили, и выход из создавшегося положения напрашивался только один: увольнение. Да и уволиться было тоже не так-то просто. При моём статусе, по закону, начальник не имел права подписывать моё заявление на увольнение без разрешения председателей профсоюзных комитетов РАЙГРУ и СЗТГУ, где я был избран членом этих организаций.

Надежды на то, что такое разрешение будет получено, были минимальны, и поэтому нужно было искать какой-то выход. В июле месяце, у меня заканчивался Трудовой договор, который все жители Заполярья заключали в те годы по месту работы. По условию этого Договора, работник не имел права уволиться до истечения срока, указанного в этом документе. По истечении пяти лет, он имел полное право уволиться или перезаключить договор на следующую пятилетку.

Я решил воспользоваться этим положением, написал заявление на отпуск, с последующим увольнением по окончании договора, и отнёс его секретарю начальника, Алексеевой Маргарите Николаевне. Заявление я отнёс утром, перед началом рабочей смены, а ближе к полудню мне сообщили, что меня срочно вызывают к начальнику ГРП.

В то время бывший начальник, Осипов Серафим Сергеевич, уже уволился в связи с уходом на пенсию, а на его место заступил, бывший главный инженер, Смирнов Альберт Александрович. Когда я вошёл в кабинет, Альберт Александрович сидел за своим рабочим столом, разбирая какие-то бумаги, а на краю стола лежало моё заявление.

Мне, как председателю Разведкома, очень часто приходилось бывать в этом кабинете по профсоюзным и производственным делам, но на сей раз я сразу понял, что разговор пойдёт по поводу моего увольнения, и не ошибся. При моём появлении, он взял со стола моё заявление, внимательно прочитав, положил его на прежнее место и, повернувшись в мою сторону, заявил: «Ты прекрасно знаешь, что я не могу тебя уволить без разрешения вышестоящих профсоюзных организаций, членом которых ты являешься». Я ответил, что этот закон я знаю хорошо, но в данный момент, я увольняюсь по окончании Договора, где действует уже другой закон. По нему, меня не вправе задержать уже никто, даже те же профсоюзные организации.

Мы долго спорили по этому вопросу, но в конечном итоге Альберт Александрович подписал моё заявление. В начале июня я ушёл в отпуск, но уже с Трудовой книжкой в кармане, где было записано: «03.07.69 г. уволен по окончании Трудового договора». Моему ликованию не было предела. Было такое впечатление, словно с моих плеч свалилась много килограммовая гиря.

Предварительно я уже договорился в Ковдорском ГОКе о том, что после окончания моего отпуска, они меня примут на работу на рудник «Железный» помощником машиниста экскаватора, мы всей семьёй уехали на отдых.

Однажды, уже работая на руднике «Железном», я шёл по Парковой улице, а мне навстречу шагал Смирнов Альберт Александрович. Увидев меня за несколько десятков метров, он начал размахивать кулаками, направленными в мою сторону и что-то кричать. Слов было не разобрать, но по всему было видно, что это были не слова приветствия. Поравнявшись со мной, вместо приветствия, он потряс кулаком около моего носа и изрёк: «Ну, ты меня и подвёл!» Я получил нагоняй и от начальства в Апатитах и в Ленинграде за то, что подписал твоё заявление на увольнение. Никакие мои объяснения там не пожелали даже слушать».

У Альберта Александровича был мягкий характер и, несмотря на угрожающие жесты и грозные слова, в его добрых глазах не было зла. После короткого разговора, мы расстались друзьями. К этому человеку я проникся симпатией почти сразу же, как только он появился в нашей геологоразведочной партии. В начале, в качестве главного инженера, а впоследствии начальника Ковдорской ГРП. Мне он был симпатичен за доброжелательные, мягкие, деловые обращения с подчинёнными. Это был симпатичный, деловой, спокойный, доброжелательный человек и талантливый инженер. По его предложениям было внедрено немало различных агрегатов и приспособлений, которые

значительно повысили производительность на бурение разведочных скважин и облегчили труд буровиков. Очень жаль, что он так рано ушёл из жизни. Светлая ему память!

Рудник «Железный».

Вернувшись из отпуска, я тут же отправился на приём к начальнику рудника В.Г. Мелик-Гайказову, за направлением для оформления на работу в отделе кадров. Когда я вошёл в его кабинет, у его рабочего стола сидели на стульях два (как я потом узнал) начальника участка, и о чем-то очень громко разговаривали. Стоило мне открыть входную дверь и спросить разрешение на вход, как они тут же замолчали, и как по команде повернулись в мою сторону. Вячеслав Георгиевич, увидев меня почему-то заулыбался, разрешил мне войти и, обращаясь к руководителям участков, заявил: «Полюбуйтесь, пожалуйста! К нам уже рабочие с Доски Почёта идут». Этим заявлением он меня несколько обескуражил. Как мне показалось, эти два начальника просто впились в меня своими любопытными глазами.

*Вячеслав Георгиевич Мелик-Гайказов, главный инженер
Ковдорского ГОКа в 1971-1973 г.г.*

В тот момент, мои портреты действительно висели на Досках Почёта кроме Ковдора в ГРП, ещё и в Апатитах и в Ленинграде на улице Герцена, возле Северо-Западного геологического Управления. Но откуда об этом было известно Вячеславу Георгиевичу? Очевидно, обо мне уже наводили справки в ГРП. Если это действительно так, то следует ещё раз отблагодарить Смирнова Альберта Александровича за то, что он не наговорил на меня всяких пакостей, с тем чтобы мне отказали в приёме на работу. В те годы, такие случаи мне были известны. Городок был небольшой, предприятий, раз, два и обчёлся. Человек, получив отказ о приёме на работу во всех организациях, возвращался с поклоном на прежнее место.

После непродолжительной беседы, мне вручили направление, и я помчался в отдел кадров, где в мою Трудовую Книжку внесли очередную запись: «**14.07.69г. принят на рудник «Железный» помощником машиниста экскаватора по 5-му разряду**». Несмотря на то, что с экскаватором я был знаком только визуально, меня приняли сразу по пятому разряду, но предупредили, что этот разряд нужно будет подтвердить, через два месяца, в учебном комбинате, на специальной комиссии.

Карьер, и многие работники рудника «Железный», мне были давно знакомы. Наша ГРП продолжительное время проводила геологоразведочные работы, в том числе и на территории рудника и мы, со многими работниками соприкасались по производственным делам. С кем-то контактировали в быту. Многие, при встрече, приветствовали нас словами: «Привет, разведка!» Какое-то время, приказом директора ГОКА, наша ГРП даже числилась цехом комбината. Одним словом, коллектив, в общих чертах мне был знаком, а вот с горной техникой пришлось знакомиться основательно.

Внешний вид того же экскаватора, я видел почти каждый день, а как он выглядит изнутри, я представлял очень смутно. Всего за два месяца, мне нужно было изучить эту громадину и на предстоящей комиссии выложить свои знания. Экскаватор ЭКГ- 4,6 по тем временам был самым большим, и самым мощным отечественным, карьерным экскаватором. Большегрузный карьерный самосвал, загружался за три приёма. Три ковша и БЕЛАЗ с полной загрузкой отправлялся в рейс. А если учесть, что это руда железная, и в некоторых забоях содержание железа доходило до 70%, то три ковша уже имели весьма солидный вес, и машины шли с большим перегрузом.

Карьер рудника «Железный» в начале 70-х.

В день оформления, я получил на складе летнюю спецодежду, шкафчик в АБЗ (в административно-бытовом здании) и на следующий день с утра, вышел на работу. Начальник экскаваторного участка, Абрамов Вячеслав Михайлович объяснил, что на стажировку мне отводится всего одна смена, и в этот же день с нуля часов, я должен выйти в ночную смену уже не стажёром, а помощником машиниста экскаватора на экскаватор №7, где машинистом был Даниленко Виктор.

С Виктором, я был немножко знаком и поэтому, услышав эту фамилию, очень обрадовался. Приятней делать первые шаги на новом месте под началом уже знакомого человека. Мне было известно, что до рудника он работал в милиции, но по каким-то причинам уволился. Мне, он даже был чем-то симпатичен. Стройный, высокий, с правильными чертами лица, со здоровым чувством юмора. При встречах, производил приятное впечатление. Но это при встречах. На работе, кроме этих черт, мне довелось узнать и другие черты его характера. Не зря китайцы говорят, что если хочешь узнать человека, поставь его над собой начальником. В процессе работы, все его негативные стороны характера обязательно вылезут наружу. На смене, машинист являлся начальником, и помощник машиниста обязан был выполнять все его распоряжения.

15 июля 1969 года в 8-часов утра, я впервые переступил через порог машинного отделения экскаватора в качестве стажёра. Всего за одну смену нужно было ознакомиться со всеми обязанностями помощника машиниста, чтобы через шестнадцать часов приступить к этой работе уже самостоятельно. Поднявшись по металлической лестнице, словно на второй этаж здания, меня, как электрика удивило количество электродвигателей и генераторов различного размера, мощности и напряжения. Не меньшее удивление вызвало и количество точек смазки, которые должны были производиться ежесменно и которые, по правилам техники безопасности, разрешалось смазывать только при неработающем экскаваторе. Сразу же бросалось в глаза какая-то двусмысленность.

За время пересменки смазать все точки было невозможно, потому, что почти сразу же начинали подходить БЕЛАЗы под погрузку, и простои машин по вине экскаваторных экипажей не приветствовались. В то же самое время, если помощника машиниста заставляли за смазочными работами во время работы экскаватора, то наказывали, как тогда говорили, на всю железку. При такой ситуации, помощник каждую смену оказывался в положении общеизвестного былинного героя, который, при ходьбе налево коня терял, а направо ещё что-то. А экипаж, при работе строго по Правилам, получал нагоняй за простой БЕЛАЗов, а с другой стороны помощник мог быть травмирован работающим экскаватором, отвалившимся «kozyрьком» с забоя, или лишён премии за нарушение правил техники безопасности.

Ранее, наблюдая за работой экскаватора со стороны, мне казалось, что он очень плавно набирает горную массу из забоя в ковш, спокойно разворачивается и выгружает содержимое в кузов машины. Оказалось, что это совсем не так. При загрузке ковша, он содрогался, как в лихорадке, а иногда подпрыгивал, словно мячик, или, вернее как слон. На первый взгляд безобидные, постоянные вращения, не все могли переносить безболезненно. Некоторых так «укачивало», что вызывало рвоту, как при морской качке.

В карьере был один машинист, который проработав на экскаваторе около десяти лет, так и не привык к этим вращениям. Погрузив какое-то количество машин, он «вылетал» на лестничную площадку и изрыгал наружу содержимое своего желудка. Все эти манипуляции многотонной машины очень мешали производить внутри экскаватора, какие-либо работы. Приходилось работать одной рукой, а второй держаться за соседние предметы. Некоторые забои были настолько пыльные, что временами машинист не видел даже ковша своего экскаватора. В таких случаях, приходилось работать в марлевых повязках, которые за короткий срок меняли свой цвет: из белых становились чёрными.

Все детали, из которых был собран экскаватор, имели солидный вес. Даже такие относительно небольшие, как зубья, которые устанавливались на ковше, весили по 120 кг. каждый, а гусеничный трак 200 кг. А более крупные детали, измерялись тоннами. Всё это ощущалось при проведении ремонтных работ.

Ознакомившись с условиями своей новой работы, я даже приуныл. На первых порах мне показалось, что к таким условиям привыкнуть невозможно. При посменном графике,

работать приходилось как днем, так и ночью, в воскресные дни и в праздники. Люди за праздничный стол, а ты на работу. Люди в кровать, а ты в карьер. За все те три года, которые мне довелось поработать на экскаваторе, я так и не привык спать днём после ночной смены. Иной раз валялся в кровати по 12 часов, а заснуть так и не мог. В такие смены я шёл на работу как пьяный, меня мотало из стороны в сторону. Кто-то мне подсказал, что чтобы уснуть, нужно после смены выпить стаканчик вина. Первое время я действительно стал спать, но не успел, как следует нарадоваться, как мне, и эта «микстура» не стала помогать. Я пил вино, но сна не было.

Работа и в самом деле была вредная и опасная: сквозняки, пыль, вибрация, из-за мощных электрических установок, очень сильные электромагнитные поля. В связи с вынужденными нарушениями правил техники безопасности, приходилось иногда попадать в очень неприятные ситуации. Хорошо, когда всё хорошо заканчивалось. Были случаи даже с летальным исходом. У меня тоже были такие случаи, при воспоминании которых даже сейчас по спине бегут мурашки. Но об этом потом.

Машинист экскаватора, на котором мне пришлось стажироваться, был небольшого роста, худощавый, курносый, в возрасте 40-45 лет и очень подвижен. Складывалось такое впечатление, что он всё время куда-то спешит. И говорил он скороговоркой на каком-то северном диалекте, на каком обычно говорят жители вологодской и архангельской областей. Войдя на экскаватор, он чуть ли ни бегом залез на площадку, расположенную на стреле экскаватора, что-то там поделал и, промолвив скороговоркой, чтобы мы не забыли смазать там, пока экскаватор стоит, опорный механизм и плоскости рукояти, залез в кабину и стал внимательно изучать Журнал сдачи и приёма смен. Убедившись, что мы там всё сделали и спустились со стрелы на землю, он тут же включил «пятимашинник», заехал в забой и стал готовить горную массу к погрузке.

Через несколько минут появились БЕЛАЗы, машинист начал их загружать, а мы с помощником приступили к смазке ходовой части экскаватора. Помощник, примерно моего возраста, оказался работающим, общительным, деловым и с чувством юмора товарищ. Он работал на экскаваторе уже второй год, готовился сдавать экзамены на машиниста, и вполне естественно, знал свои обязанности основательно. Узнав, что мне на стажировку дали всего одну смену, очень удивился и рассказал, что он в своё время стажировался две недели.

Все смазочные работы проводил я, а помощник только показывал точки смазки, и какое количество требовалось ввести. На целине я уже был знаком со смазочными работами, только производили мы такую смазку шприцом или нагнетателем, а здесь, для этих целей был изготовлен специальный аппарат по имени «шарманка». По сути, это было ведро с четырьмя ножками, с привёрнутым масляным насосом к днищу, дужкой сверху для переноски этого агрегата и шлангом со специальным наконечником, по которому поступала смазка из «шарманки» к смазываемым точкам. Чтобы создать давление в шланге, необходимо было крутить ручку шестерёнчатого насоса. По аналогии с музыкальным инструментом, где извлечение звуков производится вращением ручки, этот смазочный агрегат называли «шарманкой».

По окончании всех необходимых работ, мы с помощником перебрались в кабину. Он уселся на кожух радиостанции, стоящий на полу с правой стороны кабины, а я встал за креслом и стал с любопытством наблюдать за работой машиниста, который очень чётко оперировал рычагами и педалями управления. Повинуясь его командам, экскаватор очень плавно опускал громадный ковш в забой, набирал по самые борта горную массу и выгружал содержимое прямо по центру кузова БЕЛАЗа. Причём очень чётко совмещал различные операции. Пока экскаватор разворачивался от самосвала до забоя, ковш успевал опуститься вниз и к концу разворота своими зубьями вонзиться в горную массу.

Было видно, что за рычагами он сидит уже не один год. При разговоре, он рассказал, что этим ковшом он может не только грузить машины, но и закрывать спичечные коробки. Когда я переспросил что это такое, то он рассказал, что среди машинистов считается высшим пилотажем, когда ковшом экскаватора, машинист закрывает раскрытый коробок спичек, поставленный на камень. В дальнейшем мне довелось быть свидетелем подобных соревнований, и мне пришлось убедиться, что такой филигранной точностью владели не все машинисты, хотя у многих стаж работы был довольно-таки солидный. Это был действительно высший пилотаж. Многотонным ковшом закрыть хрупкий коробок не повредив его.

Однажды на одном экскаваторе произошёл, можно сказать, анекдотический случай, о котором говорил и смеялся весь рудник. Во время ППР (планово-предупредительного ремонта), когда все экипажи экскаватора работали в одну смену, машинисты решили устроить подобное соревнование. Когда три машиниста показали свои способности, четвёртый заявил, что он может закрыть не только коробок, но и крышку карманных часов. У одного из машинистов оказались в наличие карманные часы «Молния», которые в те годы были очень популярны, и не всегда их можно было купить. Многие переделывали их даже на наручные.

Не выявив победителя в первом туре, в самый разгар спора, владелец «Молнии» выложил свои часы на камень, на котором только что закрывали коробок, открыл крышку и предложил этому машинисту доказать свои способности на деле. Машинист смело подвёл ковш к камню, прицелился, аккуратно, пяткой ковша закрыл крышку часов, и так придавил часы, что камень, на котором они лежали, развалился на несколько частей. У всех присутствующих, от удивления широко раскрылись рты и глаза. Какое-то мгновение царила мёртвая тишина, разразившаяся гомерическим смехом. Хохотали все, кроме владельца часов и виновника этого веселья.

Через несколько дней, во время пересменки, когда мы сидели на экскаваторном участке в ожидании автобуса развозившего нас по экскаваторам, один помощник машиниста, с какой-то усмешкой спросил меня: «Ну и как тебе работается с Даниленкой?». Я ответил, что пока всё нормально. От него я узнал, что с Виктором, ни один помощник не мог проработать больше месяца. Все, под разными предлогами сбегали от него, как чёрт от ладана.

Не сразу, а постепенно, я тоже убедился в справедливости слов этого помощника. Помимо этого, меня ждал и ещё один сюрприз, но на этот раз более приятный. Оказалось, что на этом же экскаваторе работал помощником машиниста мой одноклассник по вечерней школе Локтин Иван. Мы вместе с ним заканчивали в вечерней школе восьмой класс. Он работал в другой смене. Наша смена меняла их и так получалось, что я во время пересменки принимал экскаватор у Ивана. Иван, на первых порах, как человек уже с опытом указывал мне на самые «узкие» места на экскаваторе, на что необходимо было, во время смены обращать самое пристальное внимание.

Виктор Даниленко, встретил меня с распостёртыми объятиями. По всему было видно, что он был доволен, что меня назначили к нему помощником. В тот момент наши чувства были обоюдными. Я тоже радовался, что попал к знакомому, хорошему человеку. И это чувство не покидало меня определённый промежуток времени. Но после каждой рабочей смены его стало вытеснять чувство обиды, досады, разочарования и сожаления, что я попал к этому машинисту. Даже за одну отработанную смену на другом экскаваторе, я почувствовал разницу отношений машинистов к своим помощникам. В первом случае, где я стажировался, машинист относился к помощнику, как к товарищу по работе, не выказывая своё начальствующее превосходство. Виктор же, не предлагал, что-то сделать, а приказывал. Причём, очень часто высказывал недовольства к проделанной работе. Я первое время думал, что действительно по неопытности делаю всё не так, как нужно, и

терпел. А потом убедился, что это просто придирки. Однажды на наш экскаватор заглянул главный энергетик рудника, Березин Николай Кузьмич. Осмотрев состояние агрегатов, он выразил удовлетворение чистотой работающих машин и порядком в кузове экскаватора.

Буквально в ту же самую смену, Виктор напустился на меня с упрёками за то, что я развёл грязь и не слежу за чистотой. Говоря это, он подвёл меня к компрессору, засунул руку, в какую-то щель и показал мне палец, испачканный машинным маслом. Таких труднодоступных мест на экскаваторе было немало, и навести там порядок, можно было только при помощи специальных приспособлений. Так как таких средств не было ни на одном экскаваторе, уборку там производили только во время проведения ремонтных работ. Тут уж я не выдержал, и мы с ним даже поцапались. Я помню, привёл ему слова Н.С. Хрущёва, сказанные в одном из своих выступлений о том, что даже у самой чистоплотной хозяйки, при желании, можно найти грязные места.

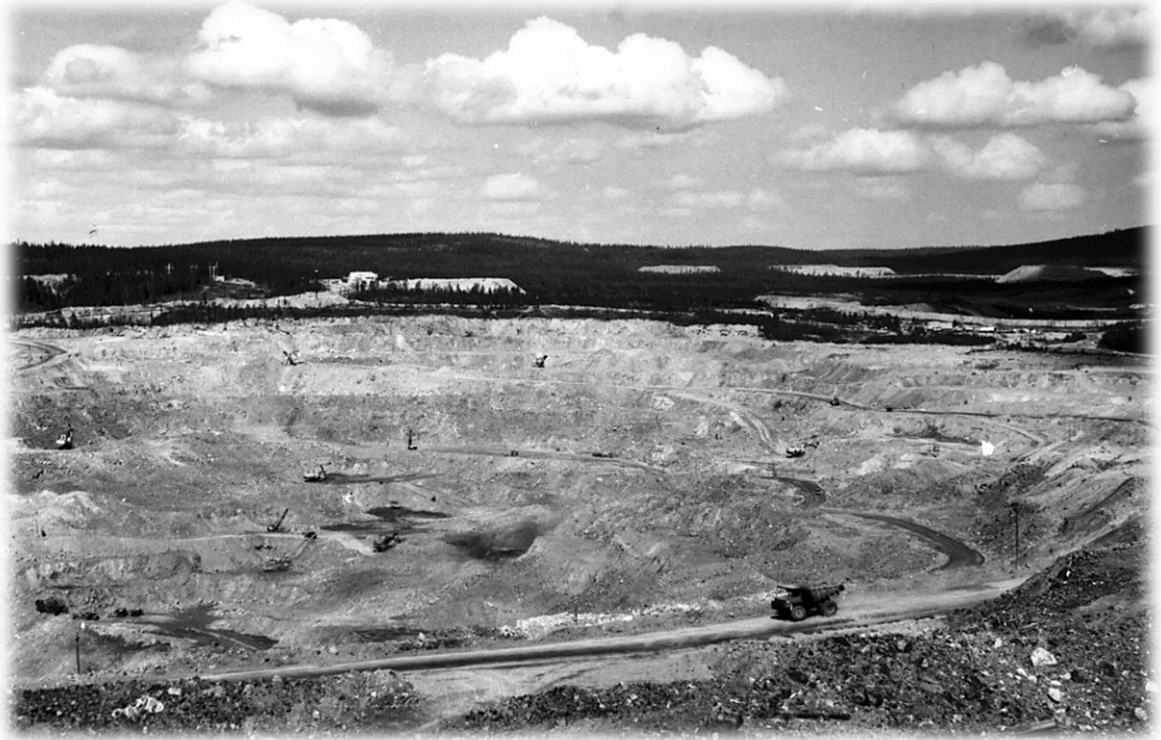
Виктор курил, но никогда не имел своих сигарет. Зная это, отправляясь на работу, я всегда брал с собой курева из расчёта на двоих. И ещё что примечательно: стоило у него появиться желанию закурить, он тут же подавал три сигнала, (три сигнала – вызов помощника.) невзирая на то, что я иной раз в это время занимался с кабелем, вдали от экскаватора. Я, думая, что произошла какая-то поломка, бросал недоделанную работу и стремглав летел к экскаватору. На свой вопрос: «Что случилось?» К своему удивлению получал ответ ласковым голосом: «Давай закурим». Но стоило ему только раскурить сигарету, а мне присесть на своё место за креслом машиниста, как тут же приятельский тон менялся на командный и, он отправлял меня на то место, откуда я только что прибежал.

По аналогии общеизвестной пословицы, можно сказать, что плох тот помощник, который не мечтает стать машинистом. Все работающие машинисты, когда-то были помощниками. Чтобы сесть за рычаги такой мощной и дорогостоящей машины, нужно уже иметь маломальский опыт управления ею. И такой опыт нарабатывается за время работы помощником. В не очень сложных и опасных забоях, и когда интервалы между машинами были большие, машинисты допускали помощников до рычагов и обучали их работе в забое и с машинами, приходящими под погрузку.

На участке было немало помощников, которые работали за рычагами не хуже некоторых машинистов. Как правило, такие машинисты были заинтересованы иметь в своей смене толковых помощников. Во время работы они менялись местами и имели возможность перевести дух, а в ночные смены и вздремнуть какое-то время. Строго по правилам техники безопасности такие замены запрещались, но начальство «закрывало глаза» на такие нарушения потому, что при таких заменах готовились опытные кадры машинистов. Помощник, после сдачи экзамена, тут же садился за рычаги экскаватора, и его не надо было стажировать. Но среди машинистов были и исключения, когда они боялись допускать помощников до рычагов. К таким исключениям можно было отнести и Виктора Даниленко.

За год работы, отработанный под его началом, он уступил мне своё кресло всего несколько раз, на очень короткое время. В результате чего, я не сумел приобрести необходимого опыта по управлению экскаватором. Зато я приобрёл огромный опыт по выпрыгиванию и запрыгиванию на лестничную площадку, во время работы экскаватора. Только перейдя на работу на другой экскаватор, я понял, что многие операции, которые мне приходилось делать, можно было производить, не вылезая в забой. Так, например, прежде чем сдать назад, Виктор посылал меня проверить, как лежит кабель, чтобы не раздавить его. Другие машинисты разворачивали поворотную платформу назад, проверяли состояния кабеля и если он не мешал предстоящему манёвру, отъезжали назад, не трогая помощника. Во время работы иногда экскаватор начинал переваливаться с боку на бок, как, например, стол или стул на неровном месте. В таких случаях Виктор отгонял экскаватор назад, я вручную закидывал неровности камнями, после чего он заезжал на

старое место и продолжал работу. Если экскаватор продолжал качаться, эта операция повторялась иногда по нескольку раз за смену. Если учесть, что каждый камешек содержал 40-70% железа и если учесть его удельный вес, то очень легко представить, сколько физических сил требовалось на выполнение этих операций. Другие машинисты выполняли эту операцию при помощи ковша, не применяя физической силы помощника. Просто отъезжали назад, ковшом выравняли неровности и после заезда на старое место, продолжали спокойно работать.

Карьер рудника «Железный» КГОКа в 70-е годы.

Иногда, по производственной необходимости, мне приходилось временно поработать на других экскаваторах с другими машинистами. В такие смены, я просто отдыхал. Не приходилось кидать камни под гусеницы, по пустякам лишней раз выпрыгивать и запрыгивать на экскаватор. Да и приятельские отношения со стороны машинистов, создавали спокойную, рабочую обстановку. Не зря говорят, что всё познаётся в сравнении. Сравнивая рабочие смены, отработанные с Виктором и с другими машинистами, я всё больше приходил к выводу, что мне надо переходить на другой экскаватор. Какое-то время, я ещё колебался, но после того, как на нашем экскаваторе вначале погиб помощник машиниста, а через какое-то время меня чуть не расчленили на отдельные фрагменты, все мои сомнения улетучились.

О смерти помощника я узнал в поликлинике, когда сидел в очереди на приём к врачу. В тот день наш экскаватор был остановлен на планово-предупредительный ремонт. Я тоже должен был присутствовать в эту смену на ремонте, но в связи с тем, что у меня ночью поднялась высокая температура, вынужден был обратиться к врачу. Погибший помощник, приходился каким-то родственником председателю профкома комбината, Треничеву Анатолию Васильевичу. Он совсем недавно устроился на рудник и в связи с тем, что работал в другую смену, я с ним даже не успел познакомиться.

Вернувшись после больничного на работу, от товарищей я узнал, что этот парнишка приехал в Ковдор из какого-то колхоза, какой-то южной области. До Ковдора он ни с какой техникой дел не имел и, очевидно, об устройстве экскаватора и о том, что он является машиной повышенной опасности, имел самые смутные представления. В разгар ремонтных работ, когда все сосредоточились на проблемных особо изношенных

механизмах, этот молодой помощник, ради любопытства, залез под экскаватор, открыл лючок высоковольтного отсека, схватился рукой за токопроводящую шину, которая была под напряжением шесть тысяч вольт, и был убит наповал.

По правилам ТБ этот лючок должен был быть закрыт, но по каким-то причинам оказался без замка. Ребята, когда обнаружили погибшего, на этот лючок замок повесили и все хором стали утверждать, что он висел там всегда, а помощник погиб, от какой-то другой причины. Но когда следователи обнаружили следы от обгоревших пальцев погибшего на шинах токоприёмника, то отпираться стало бесполезно.

Со мной произошёл случай на грани жизни и смерти на таком же ремонте, на этом же экскаваторе и с тем же экипажем. Ремонт подходил к завершению, все участники ремонта сгрудились возле стоящего на земле экскаваторного ковша и подводили итоги проделанной работы. Старший машинист, Алексей Иванович Савиных, или как мы его просто звали Лёша, объявил, что все запланированные ремонтные работы закончены, осталось только смазать экскаватор, проверить ещё раз работу всех механизмов и со следующей смены можно приступать к погрузке горной массы в БЕЛАЗы.

Мой машинист, Даниленко Виктор, дал мне задание смазать подшипники головных блоков. Я надел монтажный пояс, взял шприц, заправленный солидолом, и взобрался на стрелу. На самой макушке зацепился монтажной цепью за спицу большого колеса, через который проходит трос поднимающий ковш. Прополз бочком по узенькой площадке до центра головного блока и начал смазывать подшипник. Площадка, на которой я лежал, настолько была узка, что большая часть моего тела висело в воздухе; меня удерживала на стреле только цепь, пропущенная через спицу большого колеса. Только я успел сделать шприцом несколько качков, как услышал, что кто-то включил пятимашинный агрегат и колесо, за которое я был прицеплен, дёрнулось. Я не сразу поверил своим ушам и глазам. Если кто-то вздумает поднять ковш и колесо, за которое я был прицеплен, начнёт вращаться, то очень трудно даже представить, на сколько кусков я буду расчленён.

Я в начале хотел было продолжать смазку, надеясь на то, что все слышали, когда Виктор давал мне задание и все знали, что я наверху. Но в следующее мгновение, я понял, что если я не успею освободиться от колеса головного блока, то всё может кончиться печально. Я начал отползать от края стрелы и в то же самое время кричать в толпу, стоящих рядом с экскаватором ремонтников, но меня никто не слышал. Только я успел проползти узкую площадку, выдернуть монтажную цепь из колеса, и оно начало вращаться. Стоило мне замешкаться на какие-то секунды и случилось бы то, о чём страшно даже подумать. Но на этом опасность не миновала. Трос, который поднимает ковш, очутился у меня между ног и мог меня сбросить со стрелы.

Мне ничего не оставалось делать, как взгромоздиться на трос, который был несколько выше и который держал стрелу. Сидя на тросах, как ворона на проводе, я продолжал кричать, но меня никто не слышал. Только когда я бросил в толпу рукавицу, все обратили на меня внимание и все хором закричали Алексею, который сидел в кабине за рычагами, чтобы он прекратил подъём ковша. Я обратил внимание, что за эти несколько секунд, колесо, за которое я был прицеплен, успело сделать почти пол-оборота.

Меня удивила реакция Алексея Савиных, когда он выскочил из кабины и уставился на меня широко раскрытыми, ошалелыми глазами. Задрав кверху лицо, он буквально выдохнул: «Ты как там очутился?» Я на работе ругался очень редко, но тут не выдержал и выложил сверху в его лицо весь свой словарный запас чисто русских крепких слов. По правилам техники безопасности, при таких работах, которую выполнял я, на приводе включения главных двигателей должен был вывешен плакат с надписью: «Не включать – работают люди». Виктор, дав мне задание, этого не сделал. В результате, моя дальнейшая

жизнь висела на волоске. Не зря говорится, что все пункты Правил по технике безопасности написаны человеческой кровью. Стоит произойти где-нибудь какому-то ЧП, как тут же появляется в Правилах очередной пункт.

Савиных А.И.

Все экскаваторы, работавшие в то время в нашем карьере, были изготовлены на заводе «Уралмаш» и на всех стрелах большими буквами, вылитыми из металла было написано: «УЗТМ», что означало: «Уральский завод тяжёлого машиностроения». Экскаваторщики расшифровывали эту маркировку по - своему: «Уходи, здесь твоя могила». На самом деле работы в карьере относятся к работам повышенной опасности, но всё было не настолько мрачно и страшно, как гласила расшифровка экскаваторщиков. Но всё-таки были случаи, когда люди гибли, получали серьёзные травмы или после чрезвычайных ситуаций, чудом оставались живы.

Бывали случаи, когда во время проведения взрывных работ не все заряды взрывались и ликвидировать «отказы» приходилось при помощи экскаваторов. Мне приходилось неоднократно вытаскивать из забоя большие куски взрывчатки и относить после смены на стол начальнику участка. Нередко приходилось видеть, как и другие машинисты и помощники, во время пересменки, несли невзорвавшиеся болванки в контору. В основном, все ликвидации проходили без происшествий, но одному машинисту не повезло. Взрывник Решетняк не смог точно определить местоположение отказа и во время черпания горной массы из забоя, взрывчатка взорвалась и тяжело травмировала машиниста. В Мурманске его, можно сказать, собрали по частям. Какое-то время он ещё пожил, но в конечном итоге, мы его всё-таки схоронили.

По различным причинам, даже после проведения взрывных работ, в забое оставались огромные, многотонные камни, так называемые негабариты. Некоторые были настолько увесисты, что экскаватор не мог их поднять и даже удержать. В таких случаях эти камешки срывались вниз, и словно снаряды, выпущенные из пушки, крушили всё, что попадалось на их пути. Однажды такой снаряд разворотил всю кабину машинисту Серикову Юрию. Кабина была превращена в блин, а Юрий уцелел только потому, что, несмотря на свою тучность, (в то время он весил не менее 150-180 килограмм.) он сумел перемахнуть через спинку кресла, которая была высотой метра полтора. Когда он сидел в этом кресле, эта спинка была выше его головы. Некоторые товарищи, ради хохмы, предлагали ему подать заявление для регистрации рекорда в Книгу рекордов Гиннеса. Ему и самому не верилось, что он сумел преодолеть такую высоту с положения сидя. Экскаватору потребовался длительный ремонт, а Юра отделался испугом.

Юре на сей раз повезло, а вот одному начальнику смены не очень. Его БЕЛАЗ раскатал в такой блин, что даже не знали, как его схоронить. БЕЛАЗ сдавал назад, а начальник, при попытке перебежать на противоположную сторону, был раздавлен.

Один самосвал, в нашу ночную смену, при разгрузке вскрыши на отвале, свалился вниз, и летел несколько сот метров, кувыркаясь и переворачиваясь, словно детская игрушка. Шофер потом говорил, что его спас козырёк кузова, который не позволил раздавить кабину при падении.

Один БЕЛАЗ при обгоне, слегка задел боком УАЗИК, и эта машинка, ростиком значительно ниже колеса БЕЛАЗа, пролетев по воздуху двенадцать метров, приземлилась на нижнем горизонте. К счастью, шофёр и пассажиры отделались лёгкими испугами и небольшими ссадинами. Им повезло, что машина не перевернулась, а приземлилась на колёса.

Кроме таких крупных происшествий, которые невозможно было скрыть, случались и более мелкие, в результате которых, люди получали различные травмы, так называемой лёгкой и средней тяжести. Помню, как-то мы меняли трос на одном экскаваторе. Точных размеров этого троса я уже не помню, это где-то примерно с руку толщиной. Прежде чем вставить в барабан новый, нужно было выколотить оттуда старый. А вот он-то долгое время не желал вылезать из насиженного места.

Один из нас «лупил» кувалдой по клину, который был вставлен в паз, а другой, на противоположной стороне барабана, тянул за трос, пытаясь выдернуть его оттуда. Трос долгое время сопротивлялся, а потом, совершенно неожиданно, вылетел из паза со скоростью пули и своим размочаленным концом ударил по лицу товарища, тащившего его из барабана. Удар был настолько силен, что на правой щеке образовалась сквозная дыра. Обращаться к медикам этот товарищ отказался и об этой травме никто так и не узнал. Когда после травмы он закурил, чтобы сделать затяжку, приходилось ему образовавшуюся дыру закрывать рукой. Иначе, из-за подсоса воздуха через эту рану, затяжка не получалась.

Худо-бедно, с Виктором Даниленко я проработал до своего отпуска. Как потом говорили ребята: побил мировой рекорд по продолжительности. Я уже писал, что с ним все помощники до меня не могли проработать более месяца, а я проработал целый год.

Абрамов В.М.

Когда я вернулся из отпуска, начальник участка, Абрамов Вячеслав Михайлович, с улыбкой на устах и с хитринкой в глазах спросил меня: «Ну что, к Даниленке пойдёшь работать, или к другому машинисту тебя определить?». Я ответил, что с меня хватит. Пусть кто-нибудь другой с ним поработает. Он заулыбался, немножко подумал и сказал, что закрепляет меня за машинистом Петром Курчановым. Он в настоящее время работает без помощника. «Ты согласен?» - спросил он меня. Я не мог не согласиться.

Мы с семьёй Курчановых почти девять лет были соседями, когда жили в бараке. Наши дети дружили между собой. С Петром мы не были друзьями, просто общались по-соседски. Часто встречались на крылечке и беседовали на различные темы, когда выходили покурить. Он мне даже чем-то нравился. Несмотря на то, что наши вкусы и увлечения во многом не совпадали, но мы с ним были примерно одногодки, одинакового роста и в чём-то наши характеры были, похожи. Он был не суетлив, спокоен, малоразговорчив, не придирчив, не

злопамятен и справедлив. Кроме всего прочего, Пётр был злостный курильщик. Что бы он ни делал, у него всё время висела на губе сигарета. Представить его без неё было почти невозможно. Было такое впечатление, что он с ней и родился.

У меня сложилось впечатление, что Пётр воспринял известие о моём зачислении в его экипаж, без возражений, и мы с ним очень быстро сработались. После того, как Пётр ввёл меня в курс дела, в мои дела он больше не вмешивался. Он сидел за рычагами, а я занимался смазкой агрегатов и следил за исправностью и чистотой механизмов. Мне даже самому было удивительно, что я за смену стал успевать проделать все необходимые работы, и у меня ещё появилось время для отдыха. Чаще всего, это время я проводил за рычагами.

У Даниленко, я за целый год не научился управлять экскаватором, а Курчанов уже через неделю доверил мне рычаги. В ночные смены, мы стали подменять друг друга и у нас появилась возможность даже подремать немножко. Обычно Петя грузил машины до 24 часов, после чего брал в руки свою фуфайку и со словами: «Теперь ты повоюй с ними», уходил в кузов спать. Если я справлялся с погрузкой и машины у меня не простаивали, то грузил машины часов до трех, а то и больше. А если у экскаватора начинала образовываться очередь, то я будил Петра, и он очень быстро отправлял их в рейс.

Сказывалось отсутствие практики. Если он на один цикл тратил определённое количество времени, то у меня на эти же операции уходило в два, а то и в три раза больше. Работая рычагами и педалями, после выгрузки ковша, Пётр (как, впрочем, и все машинисты) одновременно производил сразу три операции: разворачивал платформу, опускал ковш и при помощи напора подбирал ковш под себя. И все эти операции производились на повышенных скоростях.

Я же первое время, все эти операции производил отдельно и на пониженных скоростях. Я однажды, загруженный ковш поднял ниже необходимой высоты и при развороте, так ударил ковшом по БЕЛАЗу, что он подпрыгнул как мячик и шофёр чуть не вылетел из кабины. Он выскочил из машины, что-то кричал, долго размахивал кулаками, бил зачем-то своей ладонью по своей ширинке, потом покрутил пальцем у виска, сел в машину и уехал. Потом я как-то, загрузил другую машину на один бок. Шофер, отъехав на несколько десятков метров, прибежал к экскаватору и тоже высказал мне всё то, что он обо мне думает. До этого, я даже не подозревал, что я такой ничтожный человек.

С Виктором Даниленко, мы оказались в разных сменах. При встречах в раскомандировочной, он называл меня не иначе, как предателем. За год работы, он уже привык ко мне и не хотел брать в помощники никого другого. Мне говорили, что он просил начальника участка вернуть меня к нему, но Вячеслав Михайлович не согласился, и я продолжил работать с Курчановым. С Петром мне работать было легко и свободно, но один раз он чуть было не сделал из меня отбивную.

В тот день, смена началась как всегда, и ни что не предвещало беды. Я смазал все подшипники на стреле, Петя приступил к погрузке БЕЛАЗов, а я начал смазывать ходовую часть экскаватора. В ту смену погрузка была левосторонняя. Машины вставали под погрузку с левой стороны экскаватора, а направо, Пётр перетаскивал из забоя негабариты и складывал их как кубики друг на друга. В ту смену, их оказалось в забое столько, что вся правая сторона была завалена ими. Предупредив Петра, что я буду работать справа, я взял «шарманку» и начал смазывать подшипники ходовой части экскаватора. Смазав примерно половину катков, я решил перекурить. Оставив «шарманку» с солидолом у гусеницы, я отошёл в безопасное место, сел на камешек и закурил.

Только я успел раскурить сигарету, смотрю, Петя несёт на зубьях ковша огромный негабарит и кладёт его аккуратно на покатый камень рядом с моей шарманкой.

Неожиданно, эта многотонная скальная глыба скатывается с камня как с горки, сминает мою шарманку в лепёшку и ударяется о гусеничную звёздочку с такой силой, что экскаватор даже качнуло. От всего увиденного, мне как-то стало не по себе. На миг я представил, что было бы со мной, если бы меня не приспичило покурить. Негабарит угодил именно в то место, где я должен был смазывать звёздочку. Пётр объяснил, что он думал, что я уже закончил смазку, а во-вторых, не ожидал, что этот негабарит съедет вниз, словно по склону горы.

Вот так, в очередной раз мне довелось побывать у края черты. Я даже не мог представить, что через короткий промежуток времени мне придётся побывать там ещё раз.

В зимнее время верхний слой забоя замерзает, и когда экскаватор забирает породу снизу, основная масса горной породы осыпается, а самый верхний слой не разрушается и в конечном итоге, нависает над забоем козырьком. Образуется какое-то подобие крыши, которая в любую минуту может рухнуть вниз и натворить немало бед. Машинисты стараются вовремя разрушить эти нависания, но при высоте уступа 12 метров, не всегда удаётся это сделать. Ковш просто не достаёт до этого козырька. В таких случаях приходилось работать с опаской и ждать, когда этот козырёк отвалиться сам. По правилам, в таких забоях, если помощник находится в опасной зоне, машинист должен прикрыть его ковшом. Когда была такая возможность, они так и поступали. Но когда подруливали к забою одна машина за другой, этот ковш требовался для других более важных дел.

В одну из зимних студёных смен, когда стояли трескучие морозы, когда многие стальные детали экскаватора не выдерживали такого охлаждения и ломались под нагрузкой словно спички, мы работали в забое с высоким содержанием железа. Из-за сильных морозов, макушка забоя промёрзла глубоко. Несмотря на то, что под ней образовались глубокие пустоты, она не рушилась, и массивной крышей нависла над экскаватором. Неоднократные попытки сломать этот козырёк, чтобы управляемо спустить его вниз, ни к чему не приводили, и мы продолжали работу на свой страх и риск. Пока я смазывал ходовую в передней части экскаватора близко от забоя, Пётр прикрывал меня ковшом, а дальше я работал без прикрытия в надежде на то, что в случае чего этот козырёк если и слетит сверху, то меня уже не достанет.

**На фото я с машинистом экскаватора,
который погиб при взрыве «отказа»**

(к сожалению, не вспомнил его фамилию)

Когда я крутил ручку «шарманки», стоя на четвереньках, неожиданно почувствовал, что меня кто-то легонько толкнул в заднее место и в следующее мгновение справа от меня, сзади экскаватора раздался глухой хлопок, и земля под моими ногами слегка вздрогнула.

С первого взгляда я не сразу понял, что это за предмет и откуда он тут взялся. Он напоминал огромное колесо с рваными краями, около пяти метров диаметром, и около метра толщиной. Когда ко мне подбежали шофера, стоящие под погрузкой и Петя, развернув экскаватор в мою сторону и, высунувшись из форточки, спросил, всё ли со мной в порядке, только тогда я понял, что это за колесо. Этот козырёк всё-таки отвалился, прокатился рядом со мной и упал сзади экскаватора. Что было бы со мной, прокатись он несколькими сантиметрами левее, не трудно было представить. Когда его начали убирать, то экскаватор не смог его поднять целиком. Пришлось его перекаптовывать, как если бы это делали вручную. Каков был общий вес этой «лепёшки» трудно сказать, но экскаватор грузоподъёмностью в несколько десятков тонн не сумел перенести её целиком на другое место.

Прошло более трёх лет, как я стал работать на экскаваторе. За этот промежуток времени пришлось поработать со многими машинистами. После ухода от Даниленко Виктора, я довольно-таки сносно освоил управление экскаватором, и машинисты без опаски стали доверять мне рычаги. С некоторыми из них, после приёмки смены, мы менялись ролями: он выполнял мою работу, а я грузил машины. Кроме практических знаний, за этот период мне удалось дважды прослушать лекции и сдать экзамены на курсах повышения квалификации при учебном комбинате.

Пора было подумать о приобретении квалификации машиниста экскаватора. Я приобрёл необходимую литературу, и дома после работы стал потихоньку готовиться для поступления на курсы, которые должны были начать свою работу в марте. Механическую часть экскаватора я знал неплохо. За три года, во время проведения ремонтных работ, со многими агрегатами пришлось познакомиться практически. А вот с электрической частью, дела обстояли значительно хуже, несмотря на то, что у меня уже был семилетний опыт работы в электроустановках в геологоразведке. Здесь электрические машины были совсем другие и значительно сложнее. На предстоящих курсах хотелось ликвидировать пробелы в своих знаниях и основательно разобраться в многочисленных обмотках электродвигателей экскаватора.

В 1973 году, почти сразу же после новогодних праздников, всех экскаваторщиков отправили на медицинскую комиссию. Такие комиссии мы проходили ежегодно и поэтому очередной приказ, о медицинском освидетельствовании, не вызвал никаких вопросов. Нам не часто доводилось собираться всей сменой вне работы и поэтому, при таких сборищах все расслаблялись и перед дверями врачебных кабинетов сыпались шутки, прибаутки, переходящие в неудержимый смех. После грозных предупреждений медицинского персонала, у дверей наступала временная тишина, а через короткий промежуток времени смех возобновлялся. Примерно 90% экипажей состояли из молодёжи, которые не могли сидеть и стоять степенно в ожидании своей очереди. Некоторые даже, будучи на приёме у врача, не могли обойтись без шуток.

К некоторым врачам, где нужно было раздеваться, впускали сразу по два, три человека. Пока одного осматривал врач, другой раздевался. Однажды в кабинете у такого врача произошёл забавный случай, который развеселил всех присутствующих. После осмотра всех деталей, расположенных в передней части голого тела пациента, врач дала команду повернуться к ней задом, согнуться и раздвинуть ягодицы. Только успел этот товарищ выполнить все указания врачихи и выставить все прелести задней стороны своего организма, как тут же услышал поспешный приказ: «Отойдите, отойдите подальше!». Пациент со словами: «О, Боже! И здесь техника безопасности!» - не разгибаясь, сделал шаг вперёд, удалив свою задницу почти на полметра, которая до этого почти упиралась в

коленки врача. После этих слов даже врач сменила серьёзное выражение лица и рассмеялась. А о стоящих в коридоре товарищах и говорить не приходится. Когда они об этом узнали, то в коридоре разразился долго не смолкающий смех.

Оказалось, что январская медицинская комиссия 1973 года была не только очередной, к которой мы все привыкли, а проводилась так же на основании постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР № 842 от 12.12.72 года и Министерства Чёрной металлургии СССР № 860 от 25.12.72 года. Говоря простым языком, в Постановлениях предписывалось усилить требования к состоянию здоровья работников карьеров. Предлагалось в том числе, убрать с экскаваторов всех плохо видящих и плохо слышащих.

Понятно, что после выхода в свет этих постановлений, мне нужно было забыть навсегда о курсах машинистов, и подыскивать новое место работы. В отношении меня, медицина, вела какую-то двойную бухгалтерию. Когда я пытался устроиться на какую-то работу, мне говорили: «Вам туда нельзя, вы – инвалид». А когда я говорил: «Тогда оформляйте мне инвалидность», мне говорили: «С таким заболеванием вам инвалидность не положена». Из-за моего искусственного левого глаза, по медицинским показаниям мне разрешалось работать только сторожем или дворником.

Кроме меня, непригодными к работе на экскаваторе были признаны ещё несколько человек. Среди них не только помощники, но и машинисты. По существовавшему в то время закону, нас всех должны были трудоустроить. После того, как нас отстранили от работы на экскаваторах, нас всех по одному стали приглашать в кабинет к начальнику рудника и предлагать новую работу. Кроме меня всех перевели на участок по ремонту экскаваторов. А мною заинтересовался главный энергетик рудника Березин Николай Кузьмич.

Мы с ним часто соприкасались во время моей работы ещё в геологоразведочной партии. Когда велись геологоразведочные работы на территории рудника или рядом с ним, мы подключались к рудничным электролиниям. И все согласования к подключению вели с Николаем Кузьмичом. У нас с ним сложились ещё в те годы добрые, товарищеские, отношения. Как-то мы с ним встретились, когда я уже работал на экскаваторе, и он предлагал мне перейти на работу электриком, но я тогда не согласился. Когда он узнал, что меня отстранили от работы на экскаваторе, то сразу же обратился к начальнику рудника с предложением, перевести меня на участок Электрослужбы.

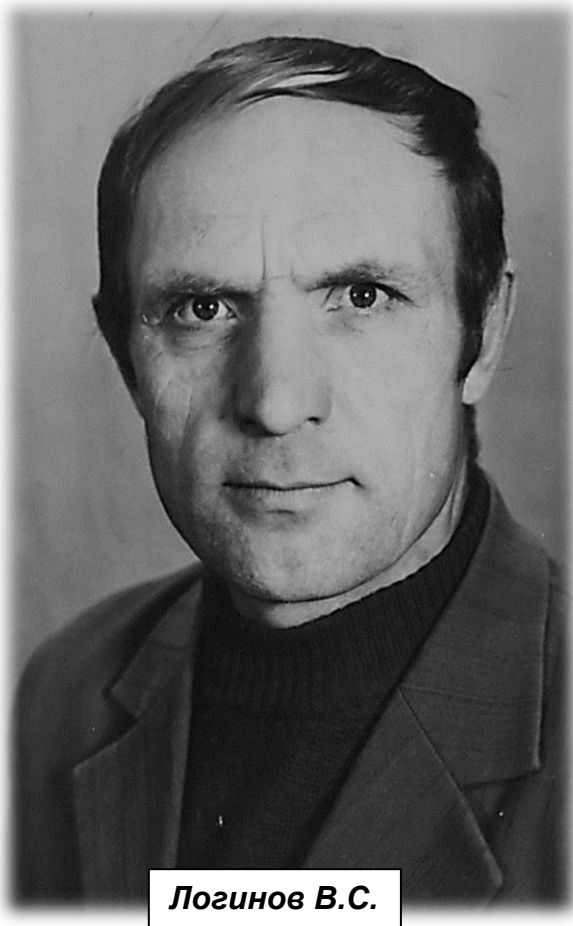
В тот момент я уже был внесён в список ремонтников экскаваторов. Когда меня пригласили в кабинет начальника, где сидел и Николай Кузьмич, и предложили перейти на участок электрослужбы в качестве электрика, я тут же согласился. Согласился не потому, что мечтал туда попасть, а просто у меня не было выбора.

С этим участком, я был знаком ещё со времени работы в ГРП. Мне частенько приходилось у них кланчить различные детали и запчасти к электроустановкам. Они были обеспечены материалами намного лучше, чем мы, и поэтому нам частенько приходилось обращаться к ним с просьбами. Они настолько привыкли видеть нас в роли нищих, что когда я только появлялся на пороге мастерской и ещё не успевал открыть рот, как тут же слышал: «Нету, нету». Даже не поинтересовавшись, что мне нужно на сей раз. Так что, с электрослужбой и с коллективом, я был знаком уже не один год. Мы частенько соприкасались и во время моей работы на экскаваторе. Так в моей Трудовой книжке появилась новая запись: *«Переведён электриком 01.03.73 года. На основании пост. ЦК КПСС, СМ СССР, № 842 от 12.12.72 года. МЧМ СССР № 860 от 25.12.72 года. После перетарификации установлен 3-й разряд эл. слесаря рудника.»*

Электрослужба.

Мастерская электрослужбы находилась на краю одного из горизонтов карьера. Сравнительно небольшая площадка, расчищенная от леса и горной массы, вплотную упиралась в вышележащий горизонт, на котором ещё сохранились остатки бывшего леса. Основная добыча железной руды велась на более глубоких горизонтах, а здесь ещё красовались белоствольные берёзки и вечнозелёные хвойные деревья. По периметру площадки располагались деревянные, одноэтажные, временные постройки, в одной из которых находилась мастерская, а остальные использовались, как склады по хранению запасных частей для ремонтируемого электрооборудования. На свободную от построек площадку завозилось оборудование, подлежащее ремонту.

В обязанность электрослужбы входило: постройка высоковольтных электролиний в карьере, подключение экскаваторов и буровых станков к этим линиям, разделка и ремонт высоковольтных кабелей, освещение карьера, ремонт высоковольтного оборудования таких как: ЯКНО (устройства для подключения экскаваторов к высоковольтным линиям), РВНО (устройства для распределения высоковольтной электроэнергии по уступам карьера), КТП (комплектные трансформаторные подстанции). Кроме того, все электроустановки, находящиеся в АБЗ (административно-бытовое здание). Рудник шествовал над пограничными заставами; непосредственно за электрослужбой была закреплена пограничная застава №5. Туда частенько приглашали электриков для проведения различных электроремонтных и монтажных работ. Всю эту разнообразную работу выполнял небольшой коллектив электриков под руководством Логинова Виталия Семёновича.

Логинов В.С.

Это был широкоплечий сибиряк высокого роста, с пудовыми кулачищами, с медвежьей силой и громовым голосом. Мне особенно запомнился объём его руки. Когда он угощал семечками, то его горсточка равнялась примерно моим трём. В таких случаях, приходилось подставлять шапку, или какую-то другую ёмкость. При рукопожатии, моя рука полностью утопала в его руке. О его силе по руднику ходили легенды. Он мог переносить огромные тяжести на большие расстояния.

Однажды произошёл интересный случай. Электрики, размонтирующие электролинию, не могли на одной опоре вывернуть металлический крюк, на который наворачивается керамический изолятор. Лазили на этот столб по очереди, пытались применить кувалду и различные приспособления, но крюк не трогался даже с места. Виталий Семёнович, видя, что ребята что-то забуксовали на одном месте, подъехал к ним, чтобы узнать, в чём причина задержки. Когда ему сказали, что вся задержка в крюке, он не поверил, надел когти, залез на опору и одним махом выломал злополучный крюк вместе с мясом. Когда он сбросил его на землю, то электрики не сразу поверили, что это именно тот крюк, который они не могли выкрутить даже кувалдой, а убедившись, были поражены.

Обладая голосом огромной силы, он мог подавать команды с больших расстояний, перекрывая рёв карьерных машин.

Во время соревнований по поднятию тяжестей, никто в городе не мог с ним потягаться. Как все сильные люди, он был очень спокойным и уравновешенным человеком. Влезал в драки только для успокоения и примирения дерущихся. Но однажды пришёл на работу с огромными синяками на лице, чем удивил всех присутствующих. Сколько ни пытались узнать у него, кто ж наставил ему таких фонарей, но он только ухмылялся и отшучивался. Он не прочь был иной раз заложить за воротник, причём в больших количествах. Очевидно, какой-то смельчак выбрал как раз такой момент, когда Логинов был, как следует, перегружен и не мог уже махать руками. После ухода на пенсию, он решил подработать немного простым электриком и во время монтажных работ на электролинии упал вместе со столбом и чуть не разбился.

Бригадиром в мастерской был участник войны, бывший москвич, Гуков Вилен Осипович. Во время Великой Отечественной, он принимал участие в боях на знаменитом и легендарном «Невском Пятачке» (это почти рядом с моим домом, где я родился), и практически в первых боях был тяжело ранен и комиссован по ранению. Его отец, как рассказывал Вилен Осипович, был главным прокурором Узбекистана и погиб во время землетрясения в Ташкенте.

В отличие от Логинова, Гуков был полной противоположностью: чуть выше среднего роста, худощав и очень вспыльчив. Даже по мелочам, он иногда входил в ярость, и в таких случаях желательно было не входить с ним в контакт до окончания приступа. Постепенно успокаиваясь, начинал ходить взад-вперёд, словно маятник, поскрипывая своими резиновыми сапогами, которые не снимал ни зимой, ни летом.

Мастерская не была приспособлена для ремонта крупногабаритных агрегатов, поэтому все ремонтные работы производились на открытом воздухе, на площадке рядом с мастерской. При таком соседстве, была возможность в сильные морозы забежать в помещение и отогреть ооченевшие руки. При ремонтных работах, не все операции можно было производить в рукавицах, а без них, руки буквально прилипали к металлу, и кожа на них всё время шелушилась.

Помню, как-то в сильный мороз, я лежал на снегу под КТП и «забританивал» многожильный алюминиевый провод. Нужно было каждую жилку уложить в свой ряд, и сделать это можно было только голыми руками. Смотрю, приближается к мастерской главный энергетик рудника Березин Николай Кузьмич. Несмотря на свой небольшой рост, он всегда ходил очень быстро, а тут он не шёл, а передвигался рысцой, держа руки в карманах и спрятав нос в телогрейку. Поравнявшись со мной, и увидев меня, лежащего на снегу, он изумлённым дрожащим голосом воскликнул: «Геннадий, ты там ещё живой?» Я ответил, что со мной всё в порядке, а он стремглав влетел в мастерскую и долго отогревался у раскаленного до красна «козла».

Помещение мастерской не отапливалось, и единственным источником тепла был «козёл», который не в состоянии был обогреть всю мастерскую, но, в непосредственной близости от него можно было отогреть душу. В такие дни, мы выскакивали на ремонтную площадку, словно в космос и, промёрзнув основательно, прибегали к спасительному «козлу», как утопающие к спасательному кругу, отогревшись, возвращались к побелевшим от мороза агрегатам.

Численность электрослужбы за те 16 лет, которые мне довелось там отработать, оставалась почти неизменной: это где-то в пределах 35-40 человек. Кто-то приходил и уходил, а основной костяк продолжал работать. Основной состав был мужской, но в июле 1972 года в электрослужбу пришли из училища три молоденьких девчонки, три сварщицы:

Ганиева Неля, Катугина Тоня, Черепанова Валя. Неля очень увлекалась фотографией, и после окончания, какого-то учебного заведения, ушла работать в редакцию газеты, а Тоня с Валею проработали в мастерской очень долго.

Наиля Ганиева (фотокорреспондент газеты «Рудный Ковдор» 1970г.

С агрегатами, которые мне предстояло ремонтировать, я был знаком только визуально. Во время работы на руднике в составе геологоразведочной партии, а потом во время работы уже на руднике в качестве помощника машиниста экскаватора, я сталкивался с ними ежедневно. Я хорошо знал их внешний вид, а представление о внутреннем устройстве было приблизительным. Пришлось снова, в который уже раз, «влезать» в техническую литературу, на работе закреплять эти знания практически, а потом подтверждать эти знания на экзаменах, в учебном комбинате.

Несмотря на то, что я уже имел стаж работы электриком и допуск для работы в электроустановках, пришлось снова сдавать экзамены по Правилам техники безопасности и по Правилам технической эксплуатации. У меня раньше был допуск на установки до 1000 вольт, а здесь все агрегаты были выше 1000 вольт, и нужно было иметь допуск на это напряжение. Высшей группой допуска была пятая. Я сначала сдал на третью, а через некоторое время на четвертую группу. Пятую обычно имели руководители производства.

Постепенно я не только изучил устройство эксплуатируемых агрегатов, но и стал подавать рационализаторские предложения по их усовершенствованию и более безопасной эксплуатации. К сожалению, не все мои предложения одобрялись с первого раза, а некоторые встречались в штыки.

Все наши электрические высоковольтные установки были передвижные, устанавливались на металлические сани и перетаскивались при помощи трактора с места на место. Во время буксировки по пересеченной местности, корпуса электроустановок деформировались и двери, закрывающие высоковольтные ячейки плотно не закрывались.

При таких дефектах эксплуатировать установки запрещались, и эти агрегаты везли к нам на ремонт. Как-то во время ремонта ЯКНО с такой неисправностью, мне пришла в голову одна идея, как ликвидировать такую деформацию. Когда я начал воплощать эту идею в металле, Гуков Вилен Осипович запретил мне заниматься этой «ерундой».

Несмотря на запрет, я продолжал экспериментировать. В ответ на моё непослушание, он пожаловался начальнику участка. Когда я рассказал Логинову свою идею, он её одобрил и разрешил оборудовать одну ЯКНО моей блокировкой. Идея оказалась простой и очень надёжной. Эта ЯКНО ни разу не поступила к нам в мастерскую с прежним дефектом.

Целесообразности и внедрения в производство ещё одной своей идеи мне пришлось доказывать более полугода. Здесь были противники более высокого ранга.

Каждая жила высоковольтного кабеля кроме экрана имела ещё графитовое покрытие, которое при изготовлении концевых разделок снималась при помощи ножей. Эта операция очень кропотливая, трудоёмкая, требующая большого навыка и аккуратности в работе. Стоит в каком-нибудь месте прорезать резиновую оболочку больше, чем нужно и этот кабель через короткое время снова оказывался в ремонте. Я как-то обратил внимание, что если кабельную жилу аккуратно обжечь бензорезом, то графитовая оболочка выгорает, а резиновая остаётся в целости и сохранности. Причём, времени уходит на эту операцию значительно меньше, чем ножом.

При проведении экспериментов на кабельных обрезках выяснилось, что отличные результаты получаются только тогда, когда бензорез работает в режиме «резка». Графит сгорает, а резиновая оболочка остаётся невредимой. Все эти эксперименты, мы проводили вместе со сварщиком, Катугиным Николаем.

Когда я подал предложение применить этот метод при разделке кабелей, меня посчитали каким-то ненормальным, аргументируя это тем, что огонь и резина – вещи не совместимые. «Если резина побывает в огне, то она потеряет свои изоляционные свойства и кабели один за другим начнут выходить из строя» - говорили мне. Тогда я на свой страх и риск разделал несколько кабелей огневым способом, пометил их и отправил в карьер. Каждое утро, разбирая кабели, привезённые на ремонт, я искал свои экспериментальные и не находил.

Примерно через месяц, один такой появился, но с другими повреждениями. Хотя повреждение было в другом месте, я размотал концевую разделку и убедился, что она находится в идеальном состоянии. С резиной на жилах ничего не случилось, значит моя задумка прошла испытание на практике.

Когда к нам в мастерскую поступил молодой мастер, я рассказал ему про свою идею и сознался, что самовольно запустил в работу несколько кабелей и что они уже несколько месяцев продолжают работать. Он посоветовал мне снова подать рационализаторское предложение, обещая поддержку, со своей стороны.

После вторичного рассмотрения, мне разрешили запустить в производство несколько кабелей с шестимесячным испытательным сроком. Короче говоря, кабели испытание выдержали, предложение было принято, и мы с Колей Катугиным получили за него денежные вознаграждения. С того дня, на всех кабельных концевых разделках я, графитовое покрытие на жилах, снимал только бензорезом. И что интересно, заметно увеличился срок эксплуатации этого кабеля. Но на этом история с этим кабелем не закончилась.

Как-то на наш участок пришла небольшая делегация незнакомых мне людей с заявлением, о том, что они хотят видеть мою персону. Меня это очень удивило, и я, естественно, поинтересовался, чем могу быть полезен? Они сказали, что они с Оленегорского ГОКа и что им стало известно, что за счёт того, что мы стали снимать графитовые покрытия при помощи бензореза, у нас значительно увеличился срок эксплуатации кабелей. Когда они попытались произвести разделку подобным образом, то у них сгорал в огне не только графит, но и вся изоляция кабельной жилы. «Мы хотим убедиться, что подобным образом действительно можно снимать графитовое покрытие. И если да, то почему у нас вместе с графитом сгорает резиновая изоляция?» - заявили они. Я им сказал, что мы тоже не сразу разгадали эту загадку. Пришлось попортить немало кабельных жил, прежде чем добились положительного результата.

Когда мы с Колей при них разделали несколько кабелей, они с восхищением разглядывали ещё тёплые, немножко липкие, глянцевые жилы, передавая их из рук в руки. Когда мы им рассказали, при каком режиме следует вести обработку, один из них попробовал сделать то же самое и на третьем образце у него что-то получилось. На прощанье, мы им сделали несколько образцов, которые они увезли с собой и расстались мы друзьями.

Неожиданно для меня, мой кабель очутился на строительстве дамбы через Финский залив, которая строилась в то время для защиты Ленинграда от наводнений.

В Ковдор приехал бывший житель нашего города, Жданов. Он, когда-то работал на комбинате, а потом переехал в Ленинград на строительство знаменитой дамбы. Ему понадобились два кабеля по 200 метров на эту стройку. Видимо по старой дружбе ему наше начальство выделило эти кабели, а мне было поручено разделить их. На концевых разделках я графитку снял тоже своим огневым способом и, насколько мне известно, оттуда рекламаций не поступало. Иногда я в шутку заявлял, что я тоже принимал участие в строительстве этой защитной дамбы.

Строительство Ленинградской защитной дамбы

До меня, все кабели были обезличены. Их было задействовано так много, что трудно было определить, сколько тот или иной кабель отработал до ремонта и после него. Иногда поступали жалобы на якобы некачественный ремонт, а доказать, что этот кабель давно не был в мастерской, было очень непросто. Навешивание на кабель различных бирок не давали результата. Некоторые кабели были длиной до 500 метров и при транспортировке эти бирки терялись.

Я как-то вспомнил про цифры, которыми при работе ещё в Ленинграде на авиационном заводе, маркировал металлические изделия. Оказалось, что ими можно свободно выбивать номера на кабельных наконечниках. Когда каждый кабель заимел свой номер, я завёл журнал, где стал отмечать даты поступления в ремонт, какой ремонт произведён. Высоковольтные кабели постоянно находятся в движении. Его таскают вперёд при манёврах экскаваторов в забое и при перегонах на новые забои и горизонты. Частенько, он лежит под напряжением в снегу или просто в луже. В конечном итоге, кабель не выдерживает и выходит из строя.

Не редки случаи, когда из-за недосмотра экипажа, на него просто наезжают экскаватором и превращают кабель в блин. При таких неисправностях, на месте повреждения, кабель распиливался, разделялся и при помощи гильз соединялся между собой. После изоляции каждой жилы, сверху наматывалась сырая резина и варилась соединительная муфта. Когда изготовление концевых разделок стали регистрироваться в Журнале, жалобы о том, что только что отремонтированный кабель вышел из строя прекратились. Номер кабеля кроме моего Журнала отмечался ещё в Журнале электриков, которые испытывали его высоким напряжением. И в любой момент можно было проследить, сколько времени отработал тот или иной кабель.

С концевыми разделками в этом отношении вопрос был решён, а вот каким образом пометить соединительные муфты, я долго не мог придумать. Очень трудно было определить, сколько она отработала после изготовления. Постепенно кабели изнашивались, и некоторые из них имели уже по несколько таких соединений. При спорных вопросах, очень трудно было доказать, что вышла из строя не та муфта, которая только что вышла из ремонта, а совсем другая. Я был заинтересован в маркировке муфт не только для разрешения споров, а прежде всего для того, чтобы продлить их срок службы. А для этого, нужно было иметь какой-то ориентир.

Сами муфты варились из сырой резины чёрного цвета, а в нашем арсенале имелась и белая. Я как-то ножом из белой резины вырезал номера и перед закладкой муфты в вулканизатор при помощи этих цифр выложил на муфте номер кабеля, число, месяц и год. Все эти данные занёс в журнал и стал следить, как долго белая резина продержится на чёрной. Когда через несколько месяцев этот кабель вернулся в мастерскую, и вся моя маркировка была в целостности и в сохранности, я стал все муфты помечать подобным образом. Причём, этот кабель пришёл уже с другой неисправностью, а помеченная муфта продолжала работать.

Обычно к оборудованию, работающему под напряжением выше тысячи вольт, предъявляемые требования по ТБ (техники безопасности) более жёсткие, чем к низковольтному. Это и понятно. При поражении человека низковольтным напряжением гораздо больше шансов выжить, а при высоковольтном, эти шансы приближаются к нулю. Оно, как говорится, бьёт наповал. На основании этих требований, при малейшем повреждении наружной оболочки, кабель выбраковывался или ставилась соединительная муфта, на изготовление которой уходило немало времени и сил.

Мне как-то в голову пришла очень простая идея: на резанных и рваных ранах наружной оболочки кабеля ставить заплатки по методу вулканизации автомобильных камер. Из стальных труб изготовил матрицы, из металлолома небольшой станочек со

струбциной для зажима кабеля, из дома принёс старый утюг для варки сырой резины. В результате получился вулканизатор, для мелкого ремонта кабеля. На варку этих заплаток стали уходить минуты, а не часы, если бы пришлось варить муфты. На каждом кабеле допускались не более трёх муфт, а заплаток можно было ставить без ограничений. Благодаря таким простым методом, удалось сэкономить ни одну сотню метров высоковольтного кабеля.

Каждый раз, выполняя какую-то работу, особенно монотонную или где требовались большие затраты физической силы, у меня в голове начинали бродить фантастические идеи: каким образом можно облегчить ту или иную операцию. Как говорится: дурак думкой богатеет. А когда на смену фантастическим приходили идеи вполне приземлённые, я тут же начинал экспериментировать.

Для ремонта кабеля требовалось очень много сырой резины. Она поступала к нам в рулонах примерно с метр шириной, а мы применяли при ремонтах рулончики по 15-20 см. Раскрой такого рулона на ленты необходимой ширины занимал очень много времени. Эта операция производилась самым примитивным способом: при помощи обыкновенного ножа. Рулон укладывался на верстаке, постепенно разматывался, и резина разрезалась на ленточки. Мало того, что ленточки получались неровные, но и работать было неудобно. Для ускорения и упрощения этой операции, я изготовил очень простой станочек. Наверху станка установил рулон с сырой резиной, внизу приёмный барабан с ручкой, как у деревенских колодцев, а между ними подвижные ножи.

При перемотке сырой резины из рулона на приёмный барабан, резина проходила через ножи и разрезалась на ленточки заданной ширины и наматывалась на приёмный барабан. На раскрой целого рулона стало уходить намного меньше времени и работать стало значительно удобней и интересней. Приспособление, казалось бы, очень простое, но долгое время резина топорщилась и не желала резаться. Даже самые острые ножи не давали положительного результата. Как потом выяснилось, всё зависело от угла наклона ножей относительно резины. Чем меньше угол, тем лучше результат.

На изготовление и варку соединительной муфты уходило очень много времени. За рабочую смену удавалось сварить не более одной муфты, это значительно меньше той потребности, которая иногда возникала. Вулканизатор был один, и повесить его производительность было невозможно. Иногда, к концу смены удавалось сварить муфту, намотать следующую, установить её в вулканизатор, а начать варку нельзя – кончилась рабочая смена. Во время варки необходимо было периодически производить подтяжку винтом матриц, да и без присмотра оставлять нагревательные приборы не рекомендовалось.

Было очень обидно, что готовую к варке муфту можно было сварить только на следующий день, когда можно было это сделать за ночь. Взвесив все за и против, я всё-таки добился того, что я вечером уходил домой, а вулканизатор продолжал работать и ночью. Утром, к моему приходу муфта была готова, и я закладывал в вулканизатор следующую. После внедрения этого новшества, за смену я свободно ремонтировал два кабеля вместо одного. На самом деле ничего нового и сложного я не изобрёл. Роль винта, которым затягивались матрицы, стал выполнять подвешенный груз. Для отключения вулканизатора, я установил два реле: реле времени и температурное реле. Когда температура в вулканизаторе достигала необходимой величины, температурное реле срабатывало, и нагреватель отключался. Если по каким-то причинам это не происходило, срабатывало реле времени, и вулканизатор отключался. Отказов в работе теплового реле ни разу не было, но добавочная защита была не лишней. При двойной защите, я смело уходил домой, а в мастерской продолжалась работа.

Я где-то прочитал, что изобретатели это самые ленивые люди. Им лень работать и поэтому они начинают выдумывать самые разные приспособления и даже машины, чтобы они выполнили их работу. Я не знаю, насколько это соответствует действительности, но, как я уже писал выше, когда мне приходилось выполнять какую-нибудь тяжёлую и нудную работу, у меня в мозгу каждый раз начинали бродить самые разные идеи.

Неисправный высоковольтный кабель привозили к нам экскаваторные экипажи и сбрасывали его на специально отведённую площадку, возле мастерской. Чтобы найти неисправность и отремонтировать его, этот кабель нужно было втащить внутрь мастерской. Если учесть, что кабель был толщиной с руку взрослого человека и длиной 300-500 метров длиной, а также учесть удельный вес меди, из которой он состоял, то легко можно себе представить, сколько нужно было потратить сил, чтобы перетащить его к месту ремонта. Обычно, этим я занимался в одиночку, и за смену приходилось перетаскивать таких кабелей несколько.

Эта работа чем-то напоминала бурлаков, которые, водрузив толстый канат на плечи, на пределе физических сил, тащили за собой гружёное судно. С той только разницей, что на моих плечах был не канат, сзади не гружёная баржа, а целая бухта кабеля, которая упрямо упиралась и с небольшой охотой поддавалась моим усилиям. В такие моменты вспоминалась сказка «По щучьему велению». Хотелось заиметь дружбу с такой щукой, по велению которой кабель сам бы переползал в мастерскую. Но, к сожалению, я не рыбак, такие щуки в наших краях не водились, и поэтому приходилось надеяться только на свои силы.

Однажды я обратил внимание, что экскаваторщики на машину, которая привозила к нам неисправный кабель и забирала от нас годный, установили барабан, и кабель сам стал грузиться и выгружаться с машины. Нужно было только заправить конец кабеля в барабан, да проследить за правильностью намотки. Раньше перевозкой кабеля занималась целая бригада, а теперь стали управляться два человека: шофёр да грузчик. Мне подумалось: а что если такой же барабан с электроприводом установить в мастерской и тогда кабель сам въедет в помещение.

От основной работы меня никто не освобождал и поэтому свой первый барабан я делал во время перекуров. Но, к великому сожалению, первый блин оказался комом. Из-за большой скорости намотки, от этого барабана пришлось отказаться. Потом на свалке я нашёл готовый, который по всем параметрам подходил для моих замыслов. Пришлось только установить на нём электродвигатель и пусковую аппаратуру. После успешного запуска этого барабана, перемещение кабеля с уличной площадки в мастерскую ускорило в несколько раз, а самое главное: облегчилось многократно.

Внедрение барабана в производство, позволило механизировать ещё две операции. В летнее время кабель поступал на ремонт, как правило, в грязном состоянии. Никаких приспособлений для его помывки не было. А как известно, электричество чем-то сродни с медициной и любит стерильность. Где грязь, там и пробой. И обнаружить этот пробой в грязи очень непросто. Для того чтобы кабель поступал в мастерскую в чистом виде, я установил на уличной площадке моечный агрегат. При намотке на барабан, кабель проходил через мойку, где при помощи щёток и мощных струй воды очищался от грязи. Моечный агрегат позволил внедрить ещё одно приспособление.

В процессе эксплуатации, кабели изнашивались, при ремонтах вырезались целые куски и в конечном итоге, никто не мог сказать, какую длину имел тот или иной кабель первоначально. Чтобы устранить и этот пробел, я установил на мойке счётчик, который считывал количество оборотов ролика, по которому катился кабель, а зная окружность этого ролика легко можно было установить длину кабеля с погрешностью $\pm 2-3$ метра.

Моечный агрегат стал выполнять одновременно сразу две операции: смывать грязь и определять длину кабеля. После внедрения этого счётчика, появилась возможность установить метраж каждого кабеля в отдельности и общий метраж всех кабелей, находящихся в эксплуатации. Произвести своего рода ревизию кабельного хозяйства.

Я уже писал, что при изготовлении концевых разделок кабеля мне удалось внедрить огневой метод снятия с кабельных жил графитового покрытия, что заметно продлило срок службы кабеля, упростило, и ускорило изготовление концевых разделок. Но была здесь и ещё она кропотливая операция, которая требовала немалого времени, аккуратности и терпения. Это, обмотка кабеля шпагатом. Этим материалом обматывалась каждая жила в отдельности и все жилы вместе. При обмотке требовалось плотно, виток к витку, уложить и закрепить шпагат.

Чтобы механизировать и эту операцию, я сходил в геологоразведку, Володя Иванов нарезал мне на куске обсадной трубы резьбу с шагом толщины шпагата и у меня получился станок для намотки шпагата на кабель. После его пуска в работу, отпала необходимость скрупулёзно, долго и нудно укладывать шпагат виток к витку врычную, нужно было только крутить ручку этого станочка, как при заводке патефонной пружины, да следить за качеством укладки шпагата.

Шпагат обладает хорошими изоляционными качествами до определённого процента влажности. Но, как известно, он очень гигроскопичен. Стоит ему попасть во влажную среду, как он тут же теряет свои качества изолятора и превращается в проводника. Довольно часто в мастерскую поступали кабели с «пробитыми» концевыми разделками по причине попадания их во влажную среду. У меня возникла идея, каким-то образом защитить шпагат от влаги. Такие попытки предпринимались и раньше, но они не имели успеха.

Пытались пропитывать кабель различными лаками, но он, при изгибании лопался, в трещины попадала влага, и кабель выходил из строя. При таком методе, кабель работал долго только там, где его редко переключали, и для карьерных условий он не годился. Здесь был нужен изоляционный материал эластичный, который не боялся бы многократных переключений, изгибов и различных механических воздействий. Например, как резина. Мне подумалось: а что если попробовать растворить в бензине сырую резину и этим раствором пропитать концевые разделки? Резина – хороший изолятор и в то же самое время, не боится различных изгибов и растяжений. Эксперимент дал положительные результаты, резиновая пропитка прочно держалась на кабеле и пробои по причине повышенной влажности значительно уменьшились.

Я как-то предложил одному автолюбителю пропитать этим раствором днище его автомобиля. Через год он пришёл ко мне с благодарностью за этот совет. Раньше, как он рассказывал, покрытие, которое он применял до этого, при ударах камней тут же отваливалось кусками, а теперь, камни отскакивают от днища, а резиновое покрытие, отстояв целый год, не требует обновления. Оказалось, что сырая резина способна защитить кабель от электрического пробоя, а автомобиль от каменного.

В мастерской, для ремонта электрооборудования, кроме наждака, нескольких электрических дрелей да сварки, не было никаких средств механизации. Такое состояние открывало широкие просторы для творческого подхода к выполняемой работе. Хотелось облегчить труд, как в большом, так и в малом. К сожалению, для этого оставалось очень мало времени. Нужно было, во-первых, заниматься основной работой, а во-вторых, в мастерской не было никаких металлообрабатывающих станков способных изготовить какое-то приспособление и в-третьих, начальство не очень-то приветствовало какое-либо отвлечение от основной работы. Одобрение можно было получить только после того, как какое-то приспособление было уже изготовлено и успешно внедрено в производство. Если по каким-то причинам оно получилось неудачным, то можно было получить и порицание за

«занятие ерундой в рабочее время». Несмотря на это, как только бригада останавливалась на перекур или садилась за стол, чтобы забить «козла» в домино, я тут же начинал свои эксперименты и рационализацию.

Кабельные наконечники, после опрессовки, опаивались в расплавленном олове. Олово расплавлялось в электрическом тигле. Иногда тигель был необходим нескольким бригадам и его не выключали всю смену. В таких случаях, что бы его не перегреть, при достижении необходимой температуры нужно было его выключить, а через какое-то время включить вновь. Такой режим требовался для того, чтобы он не перегрелся и был в постоянной готовности.

Очень часто, после включения, про него просто забывали, а когда вспоминали, то вместо тигля оставалась одна дырявая оболочка с огромной расплавленной лужей на полу. Чтобы устранить такие поломки, я на тигле установил тепловое реле, отрегулировал его на нужную температуру и при достижении заданной температуры тигель отключался, а при охлаждении включался. Теперь, в начале смены нужно было только нажать кнопку на включение, а в конце на выключение. Всю смену он был в рабочем состоянии, и отпала необходимость целый день бегать с проверкой его состояния. Если разобраться, то ничего нового я тут не придумал. Точно такая же схема работает в обычных бытовых электрических утюгах. Просто эту схему я внедрил в производство и только.

Иногда, с заводов приходила некачественная продукция, в результате чего приходилось устранять заводской брак. Особенно запомнились КТП (комплектная передвижная подстанция) Армянского производства. Там было столько больших и малых неполадок, что все КТП пришлось перешерстить сверху донизу. А некоторые механизмы приходилось конструировать заново.

К высоковольтному оборудованию предъявляются более высокие требования по ТБ (техники безопасности), чем к механизмам работающих под напряжением ниже 1000 вольт. Все аппараты конструируются таким образом, чтобы в рабочем положении исключался доступ к частям, находящимся под напряжением. С первого взгляда, в поступивших КТП была установлена блокировка дверей высоковольтного отсека. При проверке выяснилось, что этот механизм даёт осечки и блокирует двери через раз. Все попытки отрегулировать заводскую блокировку, окончились безрезультатно. В конечном итоге, пришли к выводу, что заводская блокировка не работоспособна, нужно придумывать какую-то свою.

Буровики с нетерпением ждали выхода в карьер первой КТП, и всё время стояли над нашей душой, но мы не могли запустить её в производство только из-за этой блокировки. Для ускорения дела, в разработку нового блокировочного механизма подключилась целая бригада электрослесарей. Было рассмотрено несколько предложений. Некоторые из них были изготовлены и испытаны на изделии, но по различным причинам были отвергнуты. После долгих раздумий, у меня возникла в голове до смешного простая идея. К блокируемым дверям, я приварил два коротеньких уголка с отверстиями, вдоль дверей установил вращающийся вал с двумя крючками, которые при повороте вала входили в отверстия, просверленные, в уголках и блокировали двери. Вал приводился в движение при помощи механизма, включающего высоковольтный разъединитель.

Получилось очень просто и надёжно: при включении разъединителя, крючочки входили в отверстия уголков, приваренных к дверям и блокировали их, при выключении поднимались вверх и двери открывались. Проведённые испытания показали, что подобная система работает безотказно и очень проста в изготовлении. В дальнейшем, на всех КТП, ЯКНО и РВНО установили такие блокировки.

За время моей работы в электрослужбе рудника «Железный», немало таких придумок было внедрено в производство. Их всех я уже и не помню. Но можно вспомнить

ещё одно, после внедрения которого, удобней стало обслуживать электроустановки, стоящие в карьере рудника.

Примерно один раз в месяц, все электроустановки, расположенные в карьере, обесточивались и проводились планово-предупредительные ремонты, так называемые ППР. Для верховых осмотров, к каждой установке были приварены лестницы, а для того чтобы проверить работу разъединителей, расположенных на высоте около трёх метров, каждая бригада возила с собой ещё одну лестницу – переносную. Таскаться с такой лестницей по горизонтам и отвалам очень неудобно, а местами даже сложно. Многие, чтобы не обременять себя лишним грузом, умудрялись добираться до высокостоящих механизмов при помощи подручных предметов. Во-первых, это не безопасно, а во-вторых, о каком качестве ремонта может идти речь, если ремонтник висит на одном честном слове. Невольно напрашивался вопрос: зачем возить при ремонтах с собой лестницу, когда на каждой установке она уже есть? Нужно сделать только эти лестницы съёмными, и тогда, при помощи них, можно будет проводить как верховые, так и круговые осмотры.

Казалось бы, вопрос очень простой. Но это только на первый взгляд. На самом деле по Правилам техники безопасности рядом с электроустановками не должно быть, никаких предметов, по которым можно было бы взобраться наверх. Проще говоря, лестницы должны быть не съёмными, прочно приваренными к корпусу электроустановки и с закрытыми специальными дверцами, закрывающими ступеньки. Чтобы выполнить все эти правила и в то же самое время сделать лестницы съёмными, я предложил не приваривать их к корпусу, а ставить на приваренные уголки и закрывать на замки. В результате этого очень простого изменения, отпала необходимость и таскать по горизонтам лестницы и не нарушить Правила ТБ.

Многие мои предложения были признаны рационализаторскими, и я дважды был признан: «Лучший рационализатор Ковдорского ГОКа». И директор комбината Сухачев Алексей Иванович вручил мне именные часы. Очень приятно сознавать, что многие мои не очень мудрёные предложения были внедрены в производство и работают на комбинате уже более двух десятков лет.

Директор Ковдорского ГОКа А.И. Сухачев
Лауреат Ленинской премии

При работе на экскаваторном участке, я трижды был на грани гибели, но не получил ни одной царапины, а в электрослужбе один раз подвергся серьёзной опасности и дважды был травмирован.

Первый раз я получил небольшую, но оставшуюся на всю жизнь травму на отвале. Нужно было «запитать» КТП, стоящую в труднодоступном месте. Чтобы не тянуть туда электролинию, было принято решение запитать её кабелем. Для того чтобы затащить толстый, высоковольтный кабель по каменистому откосу на большую высоту, была выделена небольшая бригада в составе пяти человек. Нужно было взобраться с кабелем на сыпучий отвал примерно метров 50-60 высотой под углом 40-45 градусов. Распределившись с интервалом по 4-5 метров вдоль кабеля, мы взвалили его, каждый на свои плечи, и очень медленно и осторожно начали восхождение на вершину отвала. Отвал был свежий, порода ещё не уплотнилась, и после каждого шага летели вниз куски породы попеременно с камнями. Из-за кабеля, висевшего на плечах, отклониться от этого камнепада было невозможно.

Приходилось на мелочь не обращать внимания, а более крупные экземпляры отталкивать рукой. В более выгодных условиях оказался направляющий, а все остальные, ниже идущие, испытывали все эти неудобства. В этой цепочке я был третий, и поэтому, тоже пришлось следить за осыпающейся сверху породой. Примерно на полпути, когда мы все дружно делали очередной шаг к вершине отвала, из-под ноги выше идущего товарища, вывернулся солидный камешек и, прокатившись несколько метров по откосу, приземлился прямо на мою руку, которая в это время лежала на плоском камне. Удар был настолько сильным, что я еле сдержался, чтобы не сбросить висевший на плече кабель. Когда я выдернул руку из рукавицы, мизинец левой руки на моих глазах из прямого превращался в горбатого. Прошло уже с того дня несколько десятков лет, а палец так и не хочет выпрямляться и очень похож на переднюю часть самолёта ТУ -144.

Г.Н. Чикунев за работой

К сожалению, через небольшой промежуток времени, мне пришлось получить ещё один «подарок» на всю оставшуюся жизнь. На сей раз, на ремонтной площадке, прямо у мастерской. В тот день я занимался ремонтом ЯКНО. Это высоковольтная установка внешне похожа на высокий металлический ящик полтора метра шириной и около трёх метров высотой, установленная на санях. Время было зимнее, погода хорошая, работа привычная, настроение отличное и ничто не предвещало беды. Поставив алюминиевую лестницу на снег, я смело полез вверх к высоковольтным изоляторам, расположенным на самом верху установки.

Когда до цели оставалось не более метра, моя лестница неожиданно поехала по снегу, и я вместе с ней грохнулся на металлические сани. Первое мгновение я не почувствовал никакой боли и даже успел порадоваться, что удачно приземлился, и что не ударился головой об острые края саней. Но не прошло и минуты, как моя правая рука начала неметь, и я, с большой болью едва смог поднять её до уровня груди.

К врачу обратился только через неделю, когда почувствовал, что травма оказалась серьезней, чем я думал. Врач, после осмотра заявил, что обратился я к нему слишком поздно, и он теперь ничем не может мне помочь. У меня оторвалась мышца у правого плеча и приросла к другому месту. Если бы сразу наложили гипс, то мышца оказалась бы на своём месте. На прощанье он мне заявил: «Это тебе «подарок» на всю оставшуюся жизнь». С того дня, прошло уже много лет, но я до сих пор не могу, как следует размахнуться, и бросить, например, камень. Должен сказать, что я ещё дешево отделался. Хорошо, что это случилось зимой, когда надето много одежды, которые смягчили удар. Если бы это случилось летом, то исход был бы гораздо печальней.

Несмотря на неоднократные напоминания начальству о том, что лестницы не приспособлены для работы на открытом воздухе в зимних условиях, оно ни каких мер не предпринимало, и мы продолжали работать с риском для здоровья. Даже после того, как я получил довольно-таки серьезную травму, никаких изменений не произошло. А произошёл ещё один случай, который мог закончиться с ещё более трагическим концом.

Во время проведения на руднике взрывных работ, весь работающий персонал, кроме взрывников и электриков эвакуировался на безопасные расстояния, все линии обесточивались, взрывники начинали заряжать скважины взрывчаткой, а мы, проводить ревизию электроустановок. В один из таких дней, мне дают трёх молодых ребят, проходивших стажировку и Наряд-задание, где чёрным по белому было написано, что мне поручается произвести ремонтные работы на таких-то электроустановках с верховым осмотром. Это значило, что линия № такая-то обесточена, и мы можем смело соприкоснуться с высоковольтными проводами. Расписываясь в получении наряда, я уточнил у Логинова Виталия Семёновича насчёт отключенной линии. Он подтвердил, что линия отключена, и мы можем смело производить ремонты электроустановок с верховым осмотром. Прихватив с собой необходимые инструменты, я с ребятами отправился в карьер к предписанным электроустановкам.

По Правилам техники безопасности, мы должны были иметь с собой индикатор, для проверки отсутствия напряжения на линии. Но в связи с тем, что мы таким прибором были не обеспечены, подойдя к первой электроустановке, я начал объяснять ребятам, каким образом можно определить отсутствие напряжения на линии без указателя напряжения. Взял кусок алюминиевой проволоки, изогнул её колесом и подбросил вверх на провода, запитывающие РВНО. «Колесо», коснувшись проводов, упало на землю. Это говорило о том, что линия обесточена. После второго броска результат был тот же. Объяснив ребятам, что после такой проверки можно смело приступать к работе, я на всякий случай кинул моток провода на ввод ещё раз.

Неожиданно, небо осветилось яркой вспышкой, раздался сильнейший хлопок, словно выстрел из ружья и на наши головы посыпались огненные искры, как от электросварки во время резки металла. По всей вероятности, два раза моток проволоки коснулся только одного провода, и короткого замыкания не произошло, а случилось это только после третьей попытки. Это произошло в декабре, в самый разгар Полярной ночи, когда день мало отличался от ночи, поэтому этот сильнейший электрический разряд был виден на всех горизонтах карьера.

Буквально через несколько минут, когда мы ещё не успели отойти от постигшего шока, мы увидели, как к нам на бешеной скорости летит дежурная машина. С правой стороны на подножке стоял мастер Н. Антонов и ещё издали что-то кричал и размахивал в воздухе свободной рукой. За несколько метров до РВНО, не ожидая остановки автомашины, Коля спрыгнул с подножки и, подбежав к нам запыхавшись, с широко раскрытыми, испуганными глазами ещё набегу, буквально выдохнул: «Все живы?».

Несмотря на то, что Наряд-задание на проведение ремонтных работ с верховым осмотром выдавал не он, но он был ответственным на смене за безопасность и качество проводимых работ. Коля, после окончания техникума, несколько лет работая электрослесарем, не мог дождаться должности мастера. Только вот дождался, и в его смену случилось такое ЧП. У меня внутри всё шипело и кипело от злости. Я очень ясно представил, что было бы с нами, если бы я доверился наряду и полез бы наверх, к проводам сам, или послал бы туда кого-нибудь из ребяташек. Напряжение выше тысячи вольт ошибок не прощает и бьёт наповал. К тому моменту прошло не так уж много времени, как мы схоронили своего товарища, смертельно травмированного электрическим током.

Как только он поравнялся с нами, я еле сдержался, чтоб ни схватить его за шкуру и ни вытрясти из него всю душу. В сердцах, я «вылил» на его голову всю злость, которая клокотала у меня в груди. Коля слушал и не пытался оправдаться. Было видно, что он рад, что всё окончилось малой кровью, все живы и невредимы. На подстанции сгорели предохранители, а провода на вводе, куда я закидывал провод, немножко поджарились, но не отгорели.

Когда мы вернулись в мастерскую, Логинов уже знал об аварии. Ему позвонили с подстанции и сообщили, что на линии произошло аварийное отключение. Он тогда только вспомнил, что отправив нас в карьер, забыл позвонить на подстанцию, чтобы эту линию обесточили. Вопреки моим ожиданиям, он встретил нас, чуть ли ни с распростёртыми объятиями. Было видно, что он был рад, что мы не пострадали и живые, и здоровые вернулись в мастерскую. Выслушав мои возмущения по поводу случившегося, он попросил меня не давать огласки этому случаю.

Я прекрасно понимал, что стоило только об этом инциденте узнать в надзорных органах по техники безопасности, то Виталию Семёновичу суда было не миновать. Дело всё в том, что совсем недавно проходило судебное заседание по поводу гибели на производстве нашего товарища Беднова Алексея. Логинов был признан виновным и был осужден на два года условно. Если после такого приговора всплыл бы и случай, произошедший со мной, то условный срок мог бы превратиться в реальный, да ещё с каким-нибудь довеском ещё года на два.

Лёша Беднов погиб по халатности и разгильдяйству многих фигурантов этого дела, в том числе и руководителей нашего участка. Какая-то доля вины была и на самом погибшем и на его партнёре Грише Пипко. Их вина была в потере бдительности, при работе в действующей высоковольтной установке. Началось всё с того, что одна бригада неправильно подключила РВНО к линии. Поставив РВНО к линии не стороной ввода, а стороной вывода. В результате чего, напряжение стало поступать не сверху вниз электроустановки, как должно быть, а наоборот. Лёша с Гришей, не узрев, что агрегат установлен задом наперёд, приступили к работе. Убедившись, что разъединитель отключен, Лёша, при попытке вытащить предохранитель тут же попал под напряжение. Гриша, увидев искажённое от боли Лёшино лицо, тут же ухватился за его куртку, с силой потяну на себя, и выдернул Лёшу из ячейки вместе с предохранителем.

Лёша ещё пожил несколько дней. Ему в Мурманске ампутировали обе руки, но спасти не сумели. Я был на свидании с ним, когда он ещё лежал в Ковдорской больнице. Меня удивила его стойкость и большая вера в жизнь. Я помню его слова, сказанные при нашем прощании: «На ноги я ещё встану, а вот на руки уже никогда». К великому сожалению, он не встал уже и на ноги, и нам пришлось его схоронить.

Если бы у Алексея одежда была влажной, то и Грише не миновать бы подобной участи. Лёшина смерть обрушилась на всех нас, как гром среди ясного неба. Все были просто в шоке. Несмотря на то, что он частенько попивал, иногда даже на работе, но мне

он очень нравился. Это был смелый, трудолюбивый, справедливый и честный труженик. Он никогда не отлынивал от работы, как некоторые любители выпить. Мне особенно нравилась его честность.

Были моменты, когда стоило ему немножко соврать, и никто и никогда не узнал бы о совершённом им нехорошем проступке. Но он честно всё рассказывал, отлично понимая, что тем самым значительно усугубляет своё положение. Когда после такого откровения, его спрашивали, зачем он всё это рассказал? Он отвечал, что не любит врать. Это одна из редких человеческих качеств. Лёша был любителем изредка выпить, но алкоголиком не был.

Но в нашей мастерской был и настоящий алкоголик, который прикладывался к бутылочке примерно каждые полчаса. Мы долго не могли понять: придя на работу трезвым, где он умудрялся выпить, не уходя за пределы мастерской? Оказалось, что у него были заготовлены захоронки по всему периметру: в снегу за складами и за мастерской, в самом складе между железяк, в валенках и в различных тюках. Находясь рядом с этими припасами, ему стоило только протянуть руку, глотнуть несколько глотков, и продолжить работать, как ни в чём не бывало. Когда мы, обнаружив его закладки, перепрятывали их в другие места, то вводили его в шоковое состояние. У него резко падало настроение, и он начинал судорожно носиться по территории в поисках пропажи.

Казалось бы, после произошедших несчастных случаев все должны были бы сделать соответствующие выводы и внимательней относиться к порученному делу. Но при анализе очередного ЧП, чаще всего люди гибли по вине руководителей проводимых работ и непосредственно самих исполнителей.

Южный склон рудника в начале 70-х.

В карьере была одна опора, через которую проходили две высоковольтные линии, запитанные с разных фидеров. Это значило, что при обесточенной одной линии, провода другой могли находиться под напряжением. Одному электрику дают наряд-здание выполнить какую-то работу на этом хитром столбе. В наряде было указано, что обе линии

обесточены, и на них можно проводить какие-то операции. Ответственный руководитель наряд подписал, а заявку дал на отключение только одной линии. Провода второй линии остались под напряжением 6000 вольт. По правилам техники безопасности, прежде чем приступить к работе, электрик должен был прибором проверить отсутствие напряжения, на всех проводах, наложить заземление, а потом только приступать к работе. Электрики, особенно с большим стажем работы, настолько привыкли к большим напряжениям, что целиком и полностью доверяли наряду, лежащему в кармане, и очень редко применяли средства защиты.

Вот и на сей раз, без какой бы то ни было проверки, электрик смело залез на опору, коснулся проводов и попал под напряжение. Очевидцы рассказывали, что у него даже сапоги загорелись. Когда обесточили вторую линию и сняли его с опоры, то там уже спасать было некого. На таких работах, спешка и геройство приводит к печальному концу. Впереди должна идти мысль, а за ней движение. Прежде чем протянуть руку, подумай: не протянешь ли и ноги.

В обеденный перерыв, мы обедали в разных местах. При работе на руднике чаще всего ходили в столовую, расположенную на бровке карьера или перекусывали прямо в мастерской, прихваченными из дома «тормозками». Но иногда, когда работали в АБЗ или недалеко от того района, пользовались столовой, расположенной в административном здании или ходили в столовую на улице Ленина.

Однажды возвращаясь из этой рабочей столовой, чтобы сократить путь, я пошёл по железнодорожному пути, по которому загоняли составы под погрузку железорудного концентрата. Погода была отличная, на небе ни облачка. Природную тишину нарушал приглушенный гул работающего обогатительного комплекса, да далёкий шум недалёкого карьера. Шагая неторопливым шагом по шпалам и наслаждаясь таким редким солнечным теплом, до моего слуха неожиданно стали доноситься еле уловимые, короткие и равномерные звуки: тук-тук, тук-тук. Тихонечко тук-тукнет, через короткий промежуток времени снова: тук-тук. Причём, с каждым разом всё громче и громче.

Вагоны подаются под погрузку железорудного концентрата.

Когда я сообразил, что эти неторопливые, тихие, повторяющиеся через равные промежутки времени звуки приходят откуда-то сзади, и повернул туда голову, то так и присел от неожиданно увиденного. К фабричному бункеру под погрузку подавали задом очередной состав, и задний вагон был от меня не более двух десятков метров. Тепловоз находился в голове состава, и машинист не видя, что происходит в хвосте, продолжал движение задним ходом. Никаких сигналов и звуков, кроме мягкого постукивания колёс на рельсовых стыках, не было. Я, естественно, включил форсаж, и со скоростью намного превышающей мировой рекорд, в один миг преодолел остаток рельсового пути. В дальнейшем, при проходе по этим шпалам, я больше смотрел назад и не любовался безоблачным небом. Не зря в народе говорят: «Пока гром не грянет – мужик не перекрестится».

Казалось бы, на Комбинате было сделано всё для того, чтобы не происходили подобные несчастные случаи. Проводились регулярные проверки по выполнению Правил техники безопасности, начиная от директора и кончая мастерами. На каждом участке работали внештатные инспекторы по ТБ. Была внедрена талонная система. Каждому работнику была вручена книжечка с тремя талонами. При первом нарушении Правил ТБ вырывался талон №3, и нарушитель лишался месячной премии. При втором, талон №2 и премии. А когда изымался талон №1, то помимо премии, решался вопрос об увольнении с комбината. Кроме собственного контроля, с инспекторской проверкой очень часто навещался районный инспектор Овсянников Георгий Аркадьевич, которого все боялись, как огня. Он был наделён большими полномочиями, вплоть до остановки целых предприятий. Что он иногда и делал.

Однажды на его «удочку» попался и я. Для пайки кабельных наконечников, мы использовали травлёную соляную кислоту. Кислота поступала к нам не травлёная в 30 литровых бутылках. Обычно мы наливали кислоту в небольшую тару, в ней и травили. При наших объёмах работ, травлёная кислота быстро кончалась, и приходилось очень часто готовить новую. Чтобы устранить простои из-за её отсутствия, я решил попробовать протравить кислоту прямо в той таре, в которой она к нам поступает. Здесь был определённый риск, и это являлось нарушением Правил техники безопасности.

При травлении происходит химическая реакция с выделением большого количества тепла, и стеклянная тара могла не выдержать и лопнуть. При разливе 30 литров кислоты на пол могло привести к большим неприятностям, а может быть и к травмам. Я всё это понимал, но всё-таки решил попробовать.

Из склада перетащил бутылку в свою каморку, где занимался ремонтом кабеля, заготовил свинцовую крошку и приступил к травлению. Первые порции свинца вызвали в бутылки бурную реакцию и сильный нагрев. Нагрев был настолько сильным, что даже рука не терпела. Нагрев был запредельный, но бутылка выдержала. Сделав из этого соответствующие выводы, я значительно уменьшил количество реагента, и реакция пошла в пределах допустимого. Успокоившись, я приступил к основной работе, периодически поглядывая за происходящей реакцией в бутылки.

Когда, как я считал, всё было под контролем, неожиданно в моей каморке нарисовалась фигура Овсянникова. Появление в такой неподходящий момент инспектора, которого даже директора предприятий побаивались, могло вызвать психическое потрясение. Я готов был провалиться сквозь землю вместе со злополучной бутылкой. Поздоровавшись со мной, Георгий Аркадьевич спросил, как дела и, стал разглядывать мою каморку, не сходя со своего места. Он стоял ко мне лицом, а потихонечку кипящая бутылка была у него сзади.

Я стоял как вкопанный и молил Бога, чтобы он не повернулся назад. Уже собираясь уходить, он повернулся через левое плечо и тут же обратил свой взор на пузырившую

бутыль. «А это что такое у тебя?» - спросил он, указав пальцем на стоящую на полу бутылку. «Соляная кислота» - ответил я упавшим голосом. «А почему она пузырится?». Я ответил, что она недостаточно травленая, и я довожу её до кондиции. «А почему травишь в большой таре?». «Чтобы иметь в запасе больше готовой кислоты» - ответил я, не скрывая своих целей. Овсянников осуждающе мотнул головой, косо посмотрел на меня и вышел.

Когда за ним захлопнулась дверь, я облегчённо вздохнул, но на душе появилась тревога. Я прекрасно понимал, что одним осуждающим взглядом это дело не кончится. Но как ни странно, никаких карающих действий не последовало. Чем это можно объяснить, для меня до сих пор является загадкой.

Очень часто можно было видеть на руднике директора Комбината, Сухачева Алексея Ивановича. Чаще всего рано утром. До начала утренней планёрки, он успевал побывать в нескольких цехах и участках производства, и поэтому руководителям подразделений очень трудно было что-то скрыть от него. Если кто-то из руководителей пытался приукрасить обстановку на своём участке, Алексей Иванович круто обрывал оратора и сам излагал истинное положение дел на обсуждаемом производстве.

Ещё, работая на экскаваторном участке, мне частенько доводилось видеть Алексея Ивановича, шагающего ранним утром по горизонтам карьера. Иногда он останавливался у какого-нибудь экскаватора, задавал какие-то вопросы экипажу и шагал дальше. Однажды к концу ночной смены, когда я подтаскивал высоковольтный кабель ближе к экскаватору и развешивал его на козлики, неожиданно из темноты появилась фигура Алексея Ивановича. Поздоровавшись со мной, он спросил, как идут дела? Я ответил, что всё нормально. «А я вижу, что не всё так хорошо, как ты говоришь» - сказал он, указывая на мои ноги. «То, что ты работаешь в диэлектрических перчатках и с изолирующим крюком – это хорошо. А почему без изолирующих бот?». В ответ мне ответить было нечего. Он ещё постоял какое-то время, сердито посмотрел на меня и пошёл дальше. Глядя ему вслед, я подумал: хорошо, что он меня не застал, когда я таскал этот кабель на плечах, без перчаток и крюка.

Сухачев А.И. директор Ковдорского ГОКа (с 1964 по 1989 г.)

Следующие подобные встречи с директором в рабочей обстановке происходили уже в электрослужбе рудника. Как-то утром, ещё до обеденного перерыва, мы всем составом сидели в мастерской за столом и мирно беседовали. Стол был пуст, если не считать костяшек домино, которые кучно лежали на середине стола. За разговорами, не обратили внимания на стукнувшую входную дверь, думая, что это снова явился бульдозерист, Тарасевич Иван. Но когда вместо Ивана нарисовалась фигура директора, все словно онемели.

Алексей Иванович, подойдя к столу, поздоровался, взглянув на костяшки домино, спросил: «В рабочее время играете в домино?» Мы, естественно, ответили, что нет. Он ещё что-то сказал, осмотрелся вокруг, и вышел. Мы облегчённо вздохнули, потому, что минут за десять до его прихода, мы только что завершили очередную партию «козла». Не успели мы обсудить случившееся, как снова хлопнула входная дверь, и на пороге появился снова директор. Он быстро подошёл к столу, внимательно осмотрел лежащее на столе домино и так же быстро вышел, не сказав ни слова.

Но один раз он всё-таки застукал игроков, игравших в домино в рабочее время. Это было уже после переезда нашей мастерской из-под здания ТЭЦ на территорию карьера. В этой мастерской высота ворот и площадь позволяли завозить электрооборудование, подлежащие ремонту, в помещение, и впервые, за многие годы появилась возможность производить ремонтные работы в тепле. Первое время даже не верилось, что теперь не придётся морозить носы, и кожа на руках не будет шелушиться от мороза, словно картофельная шелуха.

Помещение было разделено капитальной стеной на две почти равные половины. В одну половину завозили электрооборудование, подлежащее ремонту, а вторая использовалась, как кабельная. На втором, чердачном этаже располагалась конторка для мастера. Была также своя раздевалка с душевой и парилкой. Спустя какое-то время своими силами соорудили при сауне и небольшой бассейн. Одним словом, устроились капитально. К тому времени, я уже запустил в дело свой барабан, который сам затаскивал кабель в мастерскую. В один из дней, при помощи барабана, я затащил очередной кабель в мастерскую, перенёс тельфером барабан с кабелем вглубь мастерской, стал разматывать его и укладывать на пол.

В этот момент, широко распахивается дверь первой половины мастерской, из неё ускоренной походкой, слегка похрамывая, с сердитой гримасой выходит директор комбината, Сухачев Алексей Иванович, и направляется прямо ко мне. Он почему-то считал, что я бригадир и, поравнявшись со мной, грозно спросил: «Почему у тебя слесари в рабочее время играют в домино?». «Немедленно наведи порядок». Я хотел сказать, что я такой же электрослесарь, как и все и поэтому не могу командовать, но не успел. Он так же быстро, как и вошел, развернулся и пошёл к выходу.

Несмотря на такой, казалось бы, жёсткий контроль сверху донизу, за годы моей работы на комбинате погибли 20 человек и 50 стали инвалидами. Вот такая невеселая статистика.

После перехода из геологоразведочной партии на рудник, я почувствовал заметное облегчение. Было такое ощущение, словно с плеч свалился целый пуд соли. Первое время даже не верилось, что после рабочей смены, я спокойно могу идти домой, и не нужно тратить время и силы и ломать голову над решением каких-то неотложных, общественных задач. Работая по скользящему графику, я не всегда мог присутствовать на рабочих и партийных собраниях, принимать участие в работе Народной дружины и других мероприятиях, проводившихся на руднике. И такое затишье продолжалось более трёх лет.

Но стоило мне перевестись с экскаваторного участка в электрослужбу, где я стал работать в одну смену, и когда появилась возможность все праздничные и выходные дни проводить в кругу семьи, партийная организация стала нагружать меня различными партийными поручениями.

Началось всё с того, что на отчётно-выборном профсоюзном собрании меня избирают заместителем председателя Рудкома. Теперь, кроме дежурств в Народной дружине, участия на рабочих, партийных собраниях, я стал присутствовать на заседаниях Рудкома. Председатель Рудкома Попов Николай Фёдорович, имея солидный опыт в профсоюзной работе, не очень нагружал меня, как своего заместителя и поэтому я, в основном, только присутствовал на заседаниях. Но в дальнейшем, всё пошло по принципу: чем дальше в лес – тем больше дров. Первым сюрпризом для меня стало известие о том, что в связи с уходом в отпуск председателя Рудкома, мне, как заместителю нужно срочно принять у него профсоюзные дела.

На профсоюзном учёте состояло в то время, без малого, тысяча человек, и поэтому дел вполне хватало. Причём, Николай Фёдорович был освобождённый председатель, а мне пришлось заниматься всеми профсоюзными делами после основной работы. Днём я, как и все, трудился на основной своей работе, а вечером, когда все спешили домой, я шёл в кабинет, выделенный для Рудкома, принимал посетителей, разбирался с бумагами, утрясал какие-то дела с начальниками. По понедельникам присутствовал на приёмах, которые проводил начальник рудника в своём кабинете. Да и ко мне шли люди по самым различным вопросам, которые необходимо было решать.

Кого-то нужно было поставить на профсоюзный учёт, поставить в очередь на жильё, в садик, на машину. Выделить путёвки в дом отдыха, санаторий, в местный профилакторий. Кого-то поздравить с новорождённым. А кому-то помочь в похоронах близких.

За время исполнения председательских обязанностей, я успел поссориться с экономистом рудника Чураковым Георгием Степановичем, насчёт спецодежды для рабочих, за что чуть было ни поплатился увольнением. В это время рудник планировал сократить свою численность. Георгию Степановичу было поручено составление списка кандидатов на увольнение по сокращению штатов, в этот список он включил и меня.

В те годы все увольнения по инициативе администрации, согласовывались с профсоюзом. Когда мы на заседании Рудкома утверждали этот список, там моя фамилия уже отсутствовала. Как я потом узнал, исключил меня из этого списка, начальник рудника Никитин Фёдор Никанорович. Два месяца, проведённые на месте председателя Рудкома, мне показались годом. Не успел я, как следует нарадоваться наступившей свободе после сдачи профсоюзных дел, как меня «обрадовали» новым поручением, которое пришлось выполнять шестнадцать лет: с июня 1973 по декабрь 1989 года.

В один из апрельских дней, начальник участка Логинов Виталий Семёнович сообщил, что меня хотят видеть в Парткоме. На мой вопрос: «зачем»? он только пожал плечами. Это приглашение меня очень озадачило. Туда обычно по пустякам не приглашали. До конца смены это приглашение не выходило у меня из головы. Я всё пытался предугадать, зачем я им понадобился?

Вечером, поменяв рабочую робу на повседневный костюм, я предстал перед очами членов парткома. У них проходило какое-то заседание, поэтому, кроме парторга, в кабинете сидели за столом почти все члены рудничного парткома. Усадив меня на свободный стул, стоящий у стены, парторг, Подчапко Михаил Михайлович напомнил мне, что у нас в области в июне месяце будут проходить выборы, в Советы депутатов различных уровней. В данный момент, по всей области происходят выдвижения кандидатов в

депутаты. Партийная организация рудника приняла решение выдвинуть мою кандидатуру в депутаты Апатитского городского Совета.

Я ожидал чего угодно, но только не этого. У нас был Совет и пониже рангом: Ковдорский городской, а тут сразу в Апатитский районный. Появилось ощущение, словно вылили на меня целый ушат холодной воды. На мою реплику о том, что я с этой работой совсем не знаком, могу не справиться и тем самым опозорить партийную организацию, был дан один ответ: «Мы тебе доверяем и надеемся, что ты справишься с этим поручением». Решение парткома для рядового коммуниста было непререкаемым законом и мне ничего не оставалось делать, как поблагодарить за оказанное доверие и дать согласие баллотироваться на предстоящих выборах.

До июня 1973 года, я принимал участие в выборах только в качестве агитатора, избирателя и один раз в работе избирательной комиссии. А вот в качестве кандидата в депутаты, я себя даже не представлял. Я думал, что туда выбирают каких-то особо одарённых, мудрых, с большим жизненным опытом, людей старшего поколения. А мне в тот момент шёл всего сорок первый год, и какими-то особенными качествами я не обладал. Иногда даже свои собственные семейные обстоятельства ставили меня в тупик, а тут нужно будет решать задачи районного масштаба. Времени для раздумья и путей для отступления мне не предоставили, и поэтому я совсем скоро увидел свою фамилию в газете среди зарегистрированных кандидатов в депутаты.

В день выборов было непривычно слышать от знакомых товарищей, что они только что проголосовали за мою кандидатуру. Процент проголосовавших против, был невелик и через несколько дней после выборов, мне вручили временное Удостоверение, в котором было сказано, что я избран депутатом в Апатитский городской Совет депутатов трудящихся. За постоянным Удостоверением нужно было ехать в Апатиты на первую сессию, которая состоялась в июне 1973 года.

В 1973 году добраться до Апатитов можно было только поездом с пересадкой в Пинозере. До Пинозера пригородным, а дальше пассажирским до станции Апатиты. На путь в 170 км. приходилось тратить по 8-9 часов в одну сторону и столько же в обратном направлении. Временная грунтовая дорога, словно длинная, узкая извивающаяся лента выходила серпантинном на так называемую «Ленинградку», но из-за отсутствия автобусного сообщения, ею могли пользоваться только обладатели личного или производственного транспорта. И то не всегда. Временные мосты частенько разрушались, и единственная дорога становилась непроходимой.

Мои опасения о том, что в Апатитский Городской Совет будут избраны одни гении, оказались напрасны. При первом же знакомстве, которое состоялось в поезде, во время поездки на первую сессию, я убедился, что подавляющее большинство вновь избранных депутатов - выходцы из рабочей среды. И большинство моложе меня.

Одиннадцать депутатов были членами ВЛКСМ. Из двадцати двух депутатов, избранных от нашего города, только пять являлись инженерно-техническими работниками. Среди них три руководителя предприятий и Председатель Ковдорского Райисполкома. Почти все, кроме директоров, были избраны в Совет впервые и имели самое смутное представление о предстоящей работе. Можно сказать, что ещё в поезде мы все перезнакомились и на фоне общих интересов, объединились в один общий коллектив, который просуществовал не один созыв.

Причём, кроме Управляющего трестом «Ковдорстрой», Зелинского Юрия Максимовича, в наш коллектив влились: директор ГОКа «Ковдорслюда» Ильютрович Марк Владимирович и председатель Ковдорского Горисполкома Шаманский Николай Иванович. Они не стеснялись с нами (с рабочим классом) сесть в одних номерах в гостинице, по

окончании сессии отобедать в ресторане. В отличие от них, Юрий Максимович селился в отдельном номере, и обедал в отдельном кабинете. Общался только с руководящими работниками.

Марк Владимирович, до Ковдора возглавлявший Комбинат по добыче слюды, где-то в районе Якутии, был отличным рассказчиком, и в свободные минуты очень интересно рассказывал о забавных случаях, происходивших в тех краях, в годы его правления этим предприятием.

С Шаманским Николаем Ивановичем, мы вообще стали, чуть ли ни друзьями. По депутатским делам, мне приходилось очень часто бывать в Горисполкоме и решать, в том числе и вопросы, касающиеся города. Вполне понятно, что такие дела решались совместно с председателем и другими членами Горисполкома. Он, как старший по возрасту и по званию, очень помог мне на первых порах разобраться в депутатской работе. Пришлось познакомиться со многими законами, начиная с Конституции СССР, а также с Решениями и Постановлениями местных организаций.

Когда Николай Иванович приезжал на сессии в Апатиты на служебном УАЗИКЕ, при возвращении домой, частенько брал и меня с собой. Дорога была настолько узка, что при разъезде встречных машин, зазор между ними измерялся буквально сантиметрами, а сама она напоминала обледеневшее корыто. Машины, словно купаясь в этой посудине, бесконечно мотали задними мостами от одного борта до другого. Складывалось такое ощущение, что мы едем не на машине, а на катере по штормовому морю.

Однажды наш УАЗик, помотавшись по обледеневшему корыту, неожиданно вылетел из него и ударился бампером о снежный бруствер, расположенный с левой стороны дороги. Сильно наклонившись на правый борт, и перелетев через обледеневшую дорогу, ударился о правый бруствер. Повторив этот цирковой трюк трижды, он остановился и заглох. Дважды машина имела такой крен, что просто чудо, что мы не перевернулись.

Это произошло так неожиданно и с такой скоростью, что мы не успели даже испугаться. Машина, словно взбесившийся рысак, закусив удила, не обращая внимания на команды шофёра, бросалась то на один край дороги, то на другой. Убедившись в невозможности выскочить из ледяного корыта – остепенилась. Шофёр, завёл заглохший двигатель, спустил машину с борта на дно и мы, как ни в чём не бывало, понеслись по наезженной колее в сторону дома.

Дорога на Ковдор, раскатанная лесовозами

Однажды в подобную историю попал идущий впереди нас гружёный с прицепом лесовоз. Он так раскорячился вдоль дороги, что нам пришлось отстоять в морозную ночь около двух часов, в ожидании свободного проезда. Но мы не одни попали в эту западню. Рядом с нами встали две военные грузовые машины доверху гружёные убитыми, ошкуренными оленьими тушками. Кузова машин были полностью открыты, и было видно, что их не укладывали в машину после ошкуривания, а кидали в кузов прямо с земли. В разных концах кузова в беспорядке лежали головы и ноги животных. Сопровождавшие груз офицер и несколько солдат, вооруженные автоматами, желая согреться, вместе с нами бегали вокруг машин. Невероятными усилиями, лесовоз был поставлен на проезжую часть, и мы продолжили свой путь.

Вспоминается ещё один случай, связанный с этой дорогой. На этот раз, Николай Иванович кроме меня, взял с собой ещё начальника нашей милиции. Это была глубокая осень, снегу ещё не было, и машина весело бежала по наезженной колее, содрогаясь всем кузовом на бесчисленных дорожных неровностях. Николай Иванович сидел рядом с шофёром, а мы с милиционером на заднем сиденье. Милиционер оказался бывалым и разговорчивым человеком. До Ковдора, он проработал в разных областях и Республиках Советского Союза и, судя по его рассказам, неоднократно попадал в различные штатные ситуации.

Под впечатлением детективных рассказов, мы даже не заметили, как проскочили почти половину пути и въехали в деревню Уполокша. Ещё было не очень поздно, но осеннее солнце неспешно поднявшись над лесистыми сопками и едва коснувшись своими косыми лучами макушки деревьев, поспешно скрылось за дальними земляными горбами и снова наступили осенние сумерки. На деревенской улице было пустынно и если бы не освещённые окна в нескольких домах, то можно было бы подумать, что она не обитаема.

Совершенно неожиданно автомобильные фары выхватили из темноты одиноко стоящую человеческую фигуру, стоящую на обочине дороги в ожидании нашего проезда. Начальник милиции, едва завидев на пустынной улице сгорбленного человека, в короткой телогрейке и резиновых сапогах, попросил шофёра остановиться. Как только он поравнялся с ним, до нас донеслись радостные возгласы двух людей, довольных неожиданной встрече. О чём они говорили, можно было только догадываться потому, что до нас доносились только отдельные слова. В конце короткой беседы, начальник милиции вытащил из кармана пачку каких-то сигарет, передал своему собеседнику, пожал ему руку и, крикнув: «Смотри не попадайся больше», сел в машину, и мы продолжили свой путь.

Потом он рассказал, что это был Герой Советского Союза. Отличный труженик и семьянин. Но частенько уходит в запой и очень часто попадает в медвытрезвитель. Когда его после очередного задержания выпускают из этого учреждения и в бумаге, которую дают в таких случаях подписать, он вместо короткой подписи, каждый раз пишет: «Герой Советского Союза» такой-то и подпись.

По мере наращивания производственных мощностей предприятий, город расширял свои границы, соответственно увеличивалось численность населения, и постепенно улучшалась транспортная связь с районным, областным центрами, да и центром страны тоже.

Со временем у нас появилась возможность добираться на самолёте до Мурманска за час, до Кировска всего за 45 минут, за три часа лётного времени до Ленинграда. Из Кандалакши до Ковдора стали ходить два поезда: утром и вечером. Появились прямые прицепные вагоны: Ковдор – Москва и Ковдор – Ленинград. При появлении дороги: Пиренга – Ковдор, с выходом на «Ленинградку», были открыты автобусные маршруты на Мурманск, Кировск и Кандалакшу. При наличии таких транспортных средств, пропало чувство оторванности от большой земли.

При появлении в нашем городе аэродрома, мы частенько стали возвращаться из Апатитов домой на самолёте. Чаще всего полёты проходили в мирной и спокойной обстановке. Мы не успевали насладиться открывающимся перед нашими взорами бескрайними просторами и скромными Заполярными красотами, как полёт заканчивался.

Но бывали дни, когда лёгкий двукрылый АН-2 мотало из стороны в сторону, словно щепку в океане и при сильном боковом ветре он летел не прямо по маршруту, а боком по диагонали. Однажды мы со старшим буровым мастером Ковдорской ГРП, Пронинным Иваном Петровичем, оказались в салоне самолёта вдвоём. Возможно, у всех остальных пассажиров отбило желание лететь из-за плохой погоды. День выдался ветряный и ненастный. Низколетящие тёмные, рваные тучи неслись над землёй с бешеной скоростью, меняя на глазах свою конфигурацию и размеры.

Направляясь в аэропорт, мы тоже не очень надеялись, что улетим, но решили всё-таки рискнуть. Наши сомнения улетучились только тогда, когда нам безоговорочно в кассе выдали проездные билеты и пригласили пройти на лётное поле на посадку в самолёт.

Обычно все рейсы до Ковдора были заполнены по самую завязку, а тут, кроме нас с Иваном Петровичем, больше никого не было. Нас это очень удивило. Самолёт был оборудован не отдельными креслами, а двумя скамейками, расположенными вдоль бортов. Иван Петрович расположился на скамейке по левому борту, а я по правому. Мы только успели войти в самолёт, как второй пилот тут же за нами закрыл входную дверь, а первый, не дожидаясь возвращения своего напарника в кабину, начал заводить двигатель.

Ковдорский аэропорт (70-е годы)

Обычно, самолёты готовили в рейс заранее, и после посадки пассажиров, почти сразу же заводили двигатель и выруливали на взлётно-посадочную полосу, а на сей раз, двигатель долго надрывался на полных оборотах, а мы даже не трогались со стоянки. Когда самолёт вздрогнул и дёрнулся, как обычно бывает при снятии тормозов, и мы подумали, что, наконец-то пойдём на взлёт, он резко сбавил обороты и заглох. Первая мысль была, что нас не выпускают из-за погоды и приготовились уже к выходу, но когда

увидели, что лётчики не выходят из кабины и продолжают «ковыряться» в своём хозяйстве, то стало ясно, что погода тут не причём. Короче говоря, примерно с полчасовым опозданием, мы всё-таки взлетели, и взяли курс на Ковдор.

Едва самолёт оторвался от взлётно-посадочной полосы, как почти сразу же началась болтанка. Самолёт резко подкидывало вверх, словно баскетбольный мячик, потом с большой скоростью, он падал вниз с такой поспешностью, что мы становились невесомыми, отрывались от своих скамеек и на какое-то время, как нам казалось, зависали в воздухе. Страховочных ремней в самолёте не было, и мы удерживали себя от полётов по салону при помощи рук, крепко вцепившись руками за сидячие места. Самолёт бросало не только по вертикали, но и по горизонтали он совершал не меньшие прыжки. От чего дверь пилотской кабины, распахнутая настежь, была всё время в движении: то открывалась на всю ширину, то с большой скоростью закрывалась полностью. Мы с Иваном Петровичем, чтобы удержаться на сидячих местах, превратили их в лежачие, растянувшись на продольных скамейках, крепко вцепившись в них руками. Лётчики, за всё время полёта только один раз выглянули из своей кабины и, убедившись, что мы ещё в самолёте, продолжали удерживать машину на курсе.

Несмотря на сильный ветер, мы очень мягко приземлились на Ковдорском аэродроме и минут через сорок были уже дома. Правда говорят, что кто не рискует, тот не пьёт шампанское. Если бы мы поехали поездом, то добрались бы до дома только на следующий день. А по воздуху на всю дорогу потребовалось всего несколько часов. Мы были благодарны лётчикам за то, что, несмотря на такую штормовую погоду, они благополучно доставили нас до дому. Но прошло не так уж много времени, когда поведение лётчиков нас немало удивило, и даже возмутило.

Так же, как и в прошлый раз, мы добирались из Апатитов в Ковдор этим же рейсом и возможно с этим же лётным экипажем. Только на сей раз, мы летели с депутатом Апатитского городского Совета Чечулиным Геннадием, с которым были на сессии этого Совета. В отличие от прошлого полёта, погода была отличная, все места были заняты, самолёт не болтало из стороны в сторону, только иногда он проваливался в какие-то невидимые ямы. Некоторые пассажиры очень тяжело переносили эти падения, а мне эти провалы даже нравились. В такие секунды, я ощущал себя птицей в свободном полёте и очень сожалел, что это явление очень быстро кончалось.

В Ковдоре, мы благополучно приземлились и вышли с Геннадием из самолёта самые последние. Не успели мы пройти и двух десятков метров, как Геннадий зачем-то посмотрел назад, смачно выругался, толкнул меня локтём в бок и предложил обратить внимание на происходящее явление сзади. Я обернулся и оторопел. Рядом с самолётом стояли два наших пилота, которые только что благополучно доставили нас по воздуху до места назначения и один из них настолько был пьян, что еле стоял на ногах. Его, словно деревяшку в штормовом открытом море, мотало из стороны в сторону, и если бы ни рядом стоящий товарищ, то он давно бы лежал пластом, рядом с самолётом. Если бы я не увидел эту картину своими глазами, то никогда бы не поверил, что такое возможно в авиации. Скорей всего, управлял самолётом пилот твёрдо стоящий на ногах, но где гарантия, что он был абсолютно трезв? Может быть, он просто выпил меньше или способен выдержать большую дозу, чем его напарник.

Автобус, с прилетевшими ещё не отошёл от аэровокзала, а самолёт, с новыми пассажирами и пьяным экипажем на борту благополучно взлетев, взял курс на Кировск. Апатиты встретили нас, вновь избранных депутатов, с распростёртыми объятиями. Чувствовалось, что устроители, не первый раз проводившие подобные мероприятия, предусмотрели всё до мелочей. Обычно хмурые и неразговорчивые администраторы гостиниц, сидевшие за табличкой: «Мест нет», встретили нас обворожительными, приветливыми улыбками, предлагали на выбор места и после оформления, любезно

разводили по этажам своего заведения. Гостиница в тот момент была совсем новая, недавно построенная на главной площади, рядом со зданиями, где располагались партийные и Советские органы района и города. Все комнаты, кроме «Люкса», были одинаково меблированы и отличались друг от друга только количеством коек. «Люксы» были в основном одноместные, мебель была уже другая, и селили туда постояльцев из командного состава.

Огромный, светлый зал, где проводились сессии, различные заседания, конференции и форумы, находился примерно в двухстах метрах от гостиницы на третьем этаже здания Апатитского Горисполкома, и занимал почти весь этаж. Само здание имело форму куба. Его высота равнялась примерно его ширине. Большую часть стен, расположенных слева и справа от рядов кресел, занимали огромные рамы, которые начинались, чуть ли ни от пола и кончались где-то в районе потолка. В результате такой удачной, на мой взгляд, конструкции, даже в пасмурные дни в зале было светло и уютно, что способствовало хорошему настроению.

Когда наша делегация появилась в зале, большая часть кресел уже была занята. В основном это были депутаты, проживающие в Апатитах и близлежащих населённых пунктах. Мы были самые дальние. Я не знаю, сколько всего было мест в зале, но помимо 242 избранных депутатов, на сессии присутствовали представители партийных и Советских органов района и области и ещё не все места были заняты. До этой сессии, мне уже довелось побывать на комсомольских, партийных и профсоюзных собраниях и конференциях и мне было известно, как они проводятся, и какие вопросы там обсуждают. А вот на форуме Советов, я ещё не бывал, и мне было не безынтересно ознакомиться с методом работы, и какие вопросы там обсуждают.

Апатиты. Делегация из Ковдора на сессии райисполкома (Чикунов Г.Н. справа)

Вначале, сессия утвердила протоколы избирательной комиссии. С этой минуты, мы стали законными представителями Советской власти на территории Апатитского района. Затем избрали Председателя и членов Исполкома. Председателем Апатитского

Горисполкома был избран Бессмертный Василий Ефремович. Я сидел, внимательно выслушивал называемые фамилии в тот или иной вновь образуемый орган и голосовал за их избрание. Не вызвало у меня никакого волнения, когда дошли до образования Постоянных комиссий. Я, так же, как и за все другие, проголосовал за создание Постоянной Комиссии по жилищно-коммунальному хозяйству и благоустройству, за то чтобы туда вошло шесть депутатов. Но когда предложили избрать председателем этой комиссии меня, назвав мою фамилию, от неожиданности, я даже оцепенел. Меня это назначение не только не обрадовало, но даже огорчило и озаботило. Мало того, что я сам ещё очень смутно представлял, что такое депутатская работа, а тут ещё нужно будет организовывать работу комиссии и депутатов, избранных в эту комиссию.

В торжественной обстановке были вручены Удостоверения Депутата Апатитского Городского Совета. В Удостоверении было написано, что депутат такой-то: «...пользуется правом бесплатного проезда на автомобильном и водном транспорте республиканского подчинения и на всех видах городского пассажирского транспорта (за исключением такси), а также на железнодорожном транспорте». Кроме того, нас ознакомили с законом, который назывался: «Статус депутата», где сказано, что депутат на территории своего Совета пользуется депутатской неприкосновенностью. Его не имеют права задержать или арестовать без разрешения своего Совета. Несмотря на то, что мы не так уж часто пользовались всеми видами транспорта и нас никто не собирался задерживать или арестовывать, но все равно было приятно на всякий случай иметь такие привилегии.

Через несколько лет мне пришлось убедиться, что этот закон действует. Я как-то по депутатским делам зашёл в Ковдорский Горисполком и застал там секретаря Исполкома, Куликова Владимира Ивановича в очень расстроенном состоянии. Обычно спокойный и уравновешенный, он бесконечно куда-то убегал из своего кабинета. Вернувшись, о чём-то долго думал. Потом хватал телефонную трубку и задав один и тот же вопрос: «Начальник милиции не вернулся?». Резко бросал трубку на телефонный аппарат и куда-то снова убегал. На мой вопрос: «Что случилось?», он ответил, что произошло ЧП: депутата Городского Совета, забрали в милицию и теперь нужно как-то выпутываться из этой истории.

Этот депутат - молодая незамужняя женщина, проживавшая в общежитии, оставила у себя на ночь своего молодого человека, что являлось грубейшим нарушением существующего в то время правила. Наряд милиции, проводивший в ту ночь очередной рейд, обнаружил его и предложил ему пройти в Отделение для составления протокола. Женщина-депутат встала на защиту своего молодого человека и их на пару отвезли в отделение, составили протокол, о сопротивлении милиции и оставили до утра в камерах. Когда выяснилось, что в милицейской камере сидит депутат Ковдорского Городского Совета, то начался настоящий переполох, свидетелем которого я нечаянно оказался.

Следующий случай тоже связанный с этим законом произошёл уже со мной. Из нашей мастерской кто-то украл несколько автомобильных аккумуляторов. Поиском вора занялась милиция. Следователь, проводя расследование, кроме меня опросил всех работников нашей службы. Из-за моей депутатской неприкосновенности, он не имел права производить со мной следственные действия, и он пошёл на хитрость. Он предложил допрос, который он намеревался произвести, назвать беседой. Я согласился, и мы с ним побеседовали где-то около получаса. В конце разговора, он поблагодарил меня за состоявшуюся беседу и, как мне показалось, вполне удовлетворённый, покинул нашу мастерскую. А вора так и не нашли.

В перерыве между заседаниями, мы встретились с Никифоровым Виктором Сергеевичем, который продолжал работать инструктором Апатитского Горкома партии. Мы оба искренне настолько рады были нашей встрече, что даже обнялись, как старые друзья после долгой разлуки. В последствии, бывая на сессиях Городского Совета, мы стали

видится с ним гораздо чаще, иногда прямо в его кабинете. Я уже писал, что в одну из таких встреч, он мне сообщил, что в Горкоме партии обсуждался вопрос о зачислении моей персоны в штат Горкома в качестве инструктора. Но из-за отсутствия у меня среднего образования, этот вопрос отпал. Честно говоря, я даже был рад, что не подхожу для работы в горкоме. Мне больше нравилось крутить гайки, а меня всё время куда-то выдвигали, где нужно было иметь дело с людьми и не редко вмешиваться в их судьбы, что противоречило моей натуре.

После окончания сессии, при возвращении домой, мы решили испробовать одну из данных нам привилегий. Когда подошла к нам кондукторша автобуса, следовавшего до железнодорожного вокзала, чтобы получить плату за проезд, мы предъявили ей вместо денег, наши депутатские удостоверения. Она взяла у одного из наших предъявленную корочку, внимательно прочитала написанный там текст и, возвращая удостоверение владельцу, с улыбкой заявила, что с нас с каждого причитается по бутылке шампанского за новенькие удостоверения.

В дальнейшем, чтобы попасть на наш поезд: Кандалакша – Ковдор, нам приходилось выезжать из Апатитов в пять часов утра. Из-за столь раннего времени, от гостиницы до вокзала приходилось добираться пешком. Прогулки по ночному городу, в ненастную погоду, особенно когда до вокзала приходилось добираться через товарные вагоны, нам очень не нравились, и мы обратились в Апатитский исполком, решить вопрос о доставке Ковдорских депутатов в ночное время до вокзала.

Казалось бы, такой довольно-таки несложный вопрос разрешился не сразу, и мы ещё долго ходили пешком, перелезая через железнодорожные составы под вагонами товарных поездов. В конечном итоге, Исполком обязал доставлять нас до вокзала милицию, которая каждый раз безоговорочно стала подвозить нас до утреннего поезда.

Торжественная часть выборной компании закончилась. Остались позади предвыборные собрания, встречи с избирателями, на которых граждане высказали свои наказы и пожелания. Настало время, когда нужно было засучивать рукава и оправдывать народное доверие. С одной стороны, казалось бы, было всё ясно и понятно, куда направить свои силы. А с другой – были сплошные потёмки. Не зря в народе говорят: «Лиха беда начало». Передо мной встал вопрос: с чего начинать?

Был бы я рядовым депутатом, занимался бы потихонечку в своём избирательном округе, выполнял бы разовые поручения председателя постоянной комиссии и от сессии до сессии жил бы спокойно и весело. А тут, словно слепого котёнка бросили в омут головой и предложили выбраться из него не только самому, но и своим товарищам показать дорогу на сушу. Как говорится: «Глаза страшатся, а руки делают». Пришлось побывать на заседаниях постоянных комиссий Ковдорского Совета, очень помогли своими советами председатель Ковдорского исполкома Шаманский Николай Иванович и секретарь, Куликов Владимир Иванович. Принимая во внимание их советы, я составил План работы Постоянной комиссии, на первом заседании мы его утвердили и потихонечку начали работать.

Вначале наша работа была незаметна, но через какое-то время, руководители города и рабочих посёлков почувствовали, что начала свою работу Постоянная комиссия по Жилищно-коммунальному хозяйству и благоустройству. Первое время, некоторые начальники ЖКО и других предприятий и учреждений просто не обращали внимания на наши решения и рекомендации, но когда поняли, что от нас так просто они не отделаются, и что за невыполнение могут даже лишиться своего кресла, то стали посговорчивее. Когда для выполнения наших требований у предприятия не было средств, мы помогали по своим каналам добыть их. Но когда ничего не делалось просто из-за своей лени, мы оформляли документы для административного наказания нерадивого начальника. Вполне естественно,

что это не всем нравилось и у меня очень скоро появились недоброжелатели. Можно привести несколько случаев, когда совсем мелкие вопросы решались очень долго и с большим шумом.

Все улицы города были распределены между предприятиями, которые следили за порядком и санитарным состоянием на этих территориях. Нам стали поступать сигналы о том, что лестница у магазина «Горняк» не очищается от снега, в результате чего несколько человек уже получили на этом месте травмы. Директор магазина, ответственная за эту лестницу, сослалась на отсутствие людей для очистки этой лестницы от снега. Мы с ней по-хорошему договорились, что лестница будет очищена прямо сегодня, и в дальнейшем будет приводиться в порядок ежедневно. На следующий день на этой лестнице даже конь не валялся, и прохожие всё так же продолжали съезжать по ступенькам, как и вчера. На сей раз наш разговор с директором был уже не совсем спокойный и мирный. После того, как я пообещал привлечь её к административной ответственности, лестница стала очищаться ежедневно. А вот еще один похожий случай.

Руководители общежития по улице Баштыркова, 1 установили мусорные контейнеры рядом со своим корпусом, прямо на тротуаре. Мало того, что прохожие вынуждены были обходить это место по грязи, но и такое близкое соседство общежития с помойкой являлось грубейшим нарушением существовавших санитарных правил. Несколько моих дружеских бесед с комендантом общежития не привели к положительным результатам: помойка как была на тротуаре, так там и продолжала процветать. Только при применении репрессивных мер удалось эти контейнеры переместить на другое место.

Следует сказать, что Постоянные комиссии при Советах не имели права наказывать руководителей предприятий за невыполнение, каких-то Постановлений или Решений вышестоящих организаций. Все наши Решения носили рекомендательный характер. Если какой-то вопрос не удавалось решить путём рекомендаций, то приходилось оформлять и отправлять документы в те организации, которые были наделены полномочиями, принимать более действенные меры. Во время рейдов на участки, где наши Решения не выполнялись, я стал привлекать представителей от тех организаций, которые имели права наказывать несговорчивых, строптивых руководителей.

В посёлке Риколатва, геологи организовали свалку бытовых отходов прямо на берегу красивейшего, чистейшего озера. При первой проверке наша комиссия предложила руководству ГРП очистить берег от мусора, и определили срок выполнения. Прошли все определённые сроки, а свалку не только не ликвидировали, а она даже стала ещё больше. Мусор уже кидали не только на берег, но и прямо в воду. При очередном рейде, я включил в нашу комиссию представителя от санэпидстанции, Машкинову Галину Васильевну. По результатам проверки, прямо в конторе ГРП, мы провели заседание Постоянной комиссии с участием руководителей ГРП.

В своём решении, мы предложили СЭС наложить на руководителей ГРП штраф за антисанитарное содержание посёлка. Галина Васильевна тут же выписала соответствующий документ на имя начальника Левоинской ГРП. Штраф был не большой, не очень отяготил начальника, но не прошло и недели, как свалка исчезла с берега озера. Здесь хотелось бы отметить ещё один забавный факт. После ликвидации свалки на Риколатвинском озере, рабочие ГРП высказывали благодарность в наш адрес. Причём, благодарили те, кто до этого выкидывал свои отходы в эту кучу.

Посёлок Риколатва. Клуб в конце 70-х годов.

Были случаи, когда нашу Комиссию при проверках пытались обмануть или ввести в заблуждение. Вспоминается случай, когда мы проверяли, какие бытовые условия были созданы для работников подхоза, и директор этого предприятия попытался завести нас в заблуждение. Вначале он ознакомил нас с женской душевой, где работницы подхоза могли после работы привести себя в порядок. Никаких вопросов и замечаний по этому помещению у нас не возникло. Было видно, что здесь недавно был произведён неплохой ремонт, всё блестело и благоухало приятной свежестью. Удовлетворённые увиденным, мы отправились, по каким-то закоулкам и длинным коридорам дальше, для осмотра мужского душа.

Поводив нас по узким коридорам, директор, наконец, открыл одну из ближайших дверей и торжественно объявил: «А это у нас душ для мужчин». Перед нами открылась точная копия душевой, которую мы только что осмотрели. Я не сразу обратил внимание на

подвох, а член нашей комиссии Серёжка Ухин, почти сразу, как только мы переступили порог душевой, с удивлением воскликнул: «А мы только что тут были!»

Директор как-то неуверенно пытался доказать, что это не так, но в конечном итоге сдался, и повёл нас в мужской душ. Войдя туда, мы сразу поняли, почему он не хотел показывать нам это помещение. Плитка на полу была поломана. Во многих местах её не было совсем. Водопроводные трубы ржавые. Во многих местах штукатурка с потолка отвалилась, а местами висела и грозилась отделиться со своего места в любую минуту. Железные шкафчики для одежды были без дверей, с облупившейся краской и в лысых местах покрыты ржавчиной. По результатам осмотра, был составлен соответствующий документ, в котором было предложено до определённого числа произвести ремонт мужской душевой и довести помещение до необходимой санитарной нормы. К чести директора, к определённому числу мужская душевая выглядела не хуже женской, которую мы видели во время нашей проверки.

В посёлке Ёна баня была на грани остановки. Но этого не произошло, в том числе при содействии и нашей комиссии тоже. Для нас, председателей Постоянных комиссий, двери были открыты к руководителям всех предприятий и учреждений, расположенных на территории входящей в состав Апатитского Городского Совета. В том числе и в Апатитский Горком партии. После образования Ковдорского района, в Ковдорский Райком тоже. Иногда, когда предприятия и учреждения не выполняли возложенные на них обязанности или слишком затягивали сроки их выполнения, приходилось обращаться за помощью в Райком партии, что значительно ускоряло решения того или иного вопроса.

Субботник по благоустройству улицы Ленина

Один из летних месяцев выдался жарким, и город начал задыхаться от пыли. ЦТТ (цех технологического транспорта) Ковдорского ГОКа, ответственный за полив улиц, несмотря на многократные напоминания, продолжал бездействовать. Видя, что без чувствительного толчка руководство ЦТТ не раскошелится на поливочную машину для города, я решил обратить внимание на этот вопрос Райком партии. Первый секретарь, выслушав меня, пригласил к телефону начальника ЦТТ и прямо при мне всадил ему

полуведёрную клизму. Мы ещё поговорили какое-то время на другие темы, и я отправился дальше по своим делам. Выйдя из административного здания на площадь, я услышал звук очень похожий на работу двигателя Белаз. По улице Кирова, в сторону площади, двигался двадцатисемитонный БЕЛАЗ, с огромной бочкой, оставляя за собой обильно политую мостовую. Честно говоря, я был поражён увиденным. Меня просто поразило такое молниеносное выполнение телефонного распоряжения. К сожалению, Райком был всеильным только на территории своего района. За его пределами, он также становился просителем.

По расположению, город Ковдор можно отнести к уникальным. Вряд ли где ещё найдётся населённый пункт, где улицы располагались бы прямо на бровке действующего карьера. При зарезке первых горизонтов, во время взрывных работ, улицы покрывались толстым слоем рудничной пыли. Нередко, до города долетали и камни. Бессчётное количество раз горняки вместо рычагов управления экскаваторами и буровыми станками, брали в руки стеклорезы и отправлялись по квартирам горожан стеклить окна, побитые взрывами.

Ковдор (фото 2011 года)

При Южном ветре, выхлопные газы от большегрузных машин расплзались по городу, при смене направления, карьерный смог, минуя город, растворялся в лесном массиве в Западном или Восточном направлении. Такое было возможно до тех пор, пока существовала долина с Западной стороны города. По мере возрастания отвала вскрышных пород, эту отдушину начали засыпать и выхлопные газы, независимо от направления ветра, стали поступать в город. Когда стало видно, что отвал движется в сторону долины, многие забили тревогу. Я, на правах, в то время уже Председателя депутатской группы, обратился по этому вопросу к Первому секретарю Райкома партии. Он ответил, что этот вопрос относится к компетенции Министерства Чёрной металлургии, и он ничего не может сделать. Тем более, что этот отвал внесён в Проект развития рудника и утверждён Министерством. Так что и Райком не по всем вопросам был всемогущ.

По вполне понятным причинам, руководителям предприятий не очень-то нравились наши визиты в их ведомства с различными проверками. Запретить проверки официально они не могли потому, что такие действия карались по закону, поэтому, в некоторых

случаях, они шли на различные уловки, чтобы сорвать проверку. В лучшем случае, вместо себя выдвигали своего заместителя, в худшем, человека, не наделённого необходимыми полномочиями решать какие-то вопросы.

На одной из сессий Апатитского Городского Совета слушался вопрос: «О работе жилищно-коммунальных Управлений». Мне было поручено собрать материалы по данному вопросу и выступить на предстоящей сессии. После того, как побывав в ЖКО ГОКа «Ковдорслюда», треста «Ковдорстрой» и ЖКО Ковдорского Горисполкома, я отправился в контору ЖКУ Ковдорского ГОКа.

Время было раннее, ЖКУ только приступило к работе, и начальник ещё не успел испариться во владенья свои. Лев Семёнович Саркисов любезно поздоровался со мной за руку, указал на стул, стоящий рядом с письменным столом и только узнав о цели моего визита, тут же соскочил со стула и со словами: «Меня срочно вызывает директор» - начал готовиться к уходу. Мои слова о том, что эти материалы необходимы не мне, а предстоящей сессии, на него не подействовали, и он начал надевать свою куртку. Но когда я заявил, что в таком случае, я вынужден буду сообщить в Исполком об отказе дать мне необходимые сведения для предстоящего заседания, он задумался.

Незадолго до этого, в Апатитах один из руководителей предприятия был строго наказан, за отказ принять депутата местного Совета. С этим фактом были ознакомлены все руководители предприятий, и Лев Семёнович тоже наверняка был знаком с этим документом. Сославшись на необходимость позвонить директору, он вышел к секретарше, хотя такой же телефон стоял на его столе в полутора метрах от того места где он стоял. Вернувшись, он сообщил, что директор перенёс встречу на другое время, и мы смогли приступить к необходимой мне работе.

Управление ЖКО на улице Горняков (70-е годы)

Все депутаты по утверждённому графику вели приём избирателей. Следует сказать, что эта работа была не из лёгких. К депутату обычно обращались граждане по трудноразрешимым вопросам, которые продолжительное время не находили решения в

каких – то организациях, коллективах или учреждениях. Иногда, чтобы докопаться до истины, приходилось производить целые расследования, с привлечением специалистов различных профилей, изучая попутно необходимые законы, распоряжения и инструкции. По всем законным просьбам и требованиям выносились положительные решения. Но иной раз, посетители требовали решить чисто семейные вопросы, или вопросы, противоречащие закону.

Как правило, таких просителей очень трудно было убедить в незаконности их требований. Одна женщина требовала развести её с мужем. Другая просила расширить её жилплощадь, чтобы была отдельная комната для собаки. Я ей естественно отказал, сославшись на отсутствия закона о дополнительных квадратных метрах жилья для животных. Она из кабинета не вышла, а выбежала, нервно толкнув стул, на котором только что сидела. Через несколько месяцев мы с ней случайно встретились на улице, и она с каким-то хвастовством и упрёком одновременно заявила, что после обращения к одному начальнику, ей всё-таки выделили двухкомнатную квартиру. Говоря тем самым, что мы – это пустое место, не в состоянии решать какие-то вопросы. Обидно было слышать такую оценку от своего избирателя. Но как говорить: на чужой роток не накинешь платок. С подобным вопросом был на приёме и один начальник, который тоже просил дополнительную комнату для телефона, который не давал ему спать по ночам.

Гораздо приятней было слышать от людей благодарности за успешно решённые вопросы в их пользу. Некоторые на радостях даже приглашали в гости на свои семейные торжества. Помню, для одной молодой семьи, мне удалось выхлопотать квартиру, они настолько были рады, что, во-первых, приглашали меня на новоселье, а в дальнейшем несколько раз, на свои какие-то семейные праздники. Вполне естественно, я ни разу у них не был.

Одна, одиноко проживающая учительница, три года мёрзла в своей квартире, тогда как все остальные жильцы этого же дома, ходили в своих квартирах босиком. За этот период, различные специалисты несколько раз обследовали её обогревательные приборы, ничего не находили и, пожав плечами, удалялись. Когда она ко мне обратилась, я побывал у неё дома, убедился, что в квартире температура ниже санитарной нормы. Было не понятно: по какой причине, побывавшие в этой квартире специалисты, не смогли определить причину холодных батарей. Если в соседней квартире тепло, а батареи, питающиеся с этой же трубы чуть тёплые, то даже не специалисту должно быть ясно, где собака зарыта.

Чтобы не заволочитили этот вопрос в очередной раз, я не просто обратился в ЖКО с заявлением, а отправил в адрес этой организации Депутатский Запрос. По нему они были обязаны в определённые сроки устранить указанные неполадки или официальным документом указать причины невозможности их выполнения. Не прошло и двух недель со дня отправки адресату Депутатского Запроса, как в мой адрес поступило официальное письмо, с сообщением о том, что указанные в Запросе неполадки устранены, температура в квартире соответствует санитарным нормам.

Чтобы убедиться в правдивости полученного ответа, в один из вечеров, я снова посетил эту квартиру. Даже по одежде и по выражению лица хозяйки, я понял, что обстановка в этих стенах изменилась в лучшую сторону. При первом моём посещении дверь открыла женщина с очень унылым выражением лица, какая-то сторбленная, закутана в тёплый, толстый, шерстяной платок, в валенках с отрезанными голенищами. Сейчас же, предстала предо мной стройная, улыбчивая, в лёгком платье, в домашних тапочках на босу ногу, счастливая женщина. Я ещё не успел переступить порог, как посыпались в мой адрес слова благодарности. Успокоившись, она сообщила, что все батареи были забиты кусками бетона. После прочистки, обстановка в квартире сразу же изменилась в лучшую сторону.

В дальнейшем, мне довелось принимать участие в комиссии по обеспечению жильём, так называемых Афганцев. Казалось бы, шла не Великая Отечественная война, но почти из каждого города страны принимали участие в этой бойне наши мальчишки. Так, например, из Ковдора, сравнительно небольшого городка, было направлено в эту азиатскую страну более 80 пацанов. Из них семеро: Андрей Васильев, Михаил Коршунов, Валерий Медведев, Виктор Ткачук, Андрей Сиротин, Алексей Толстов, Андрей Лагутин вернулись к родителям уже как груз – 200, в цинковых гробах. Многие ребята, вернувшиеся из Афганистана живыми, завели свои семьи, а обзавестись жилплощадью не успели. Выполняя Решение Правительства по обеспечению бывших Афганцев жильём, была создана комиссия для определения количества, нуждающихся в этом жилье. В эту комиссию был включён и я.

Мемориал павшим воинам 80-х годов

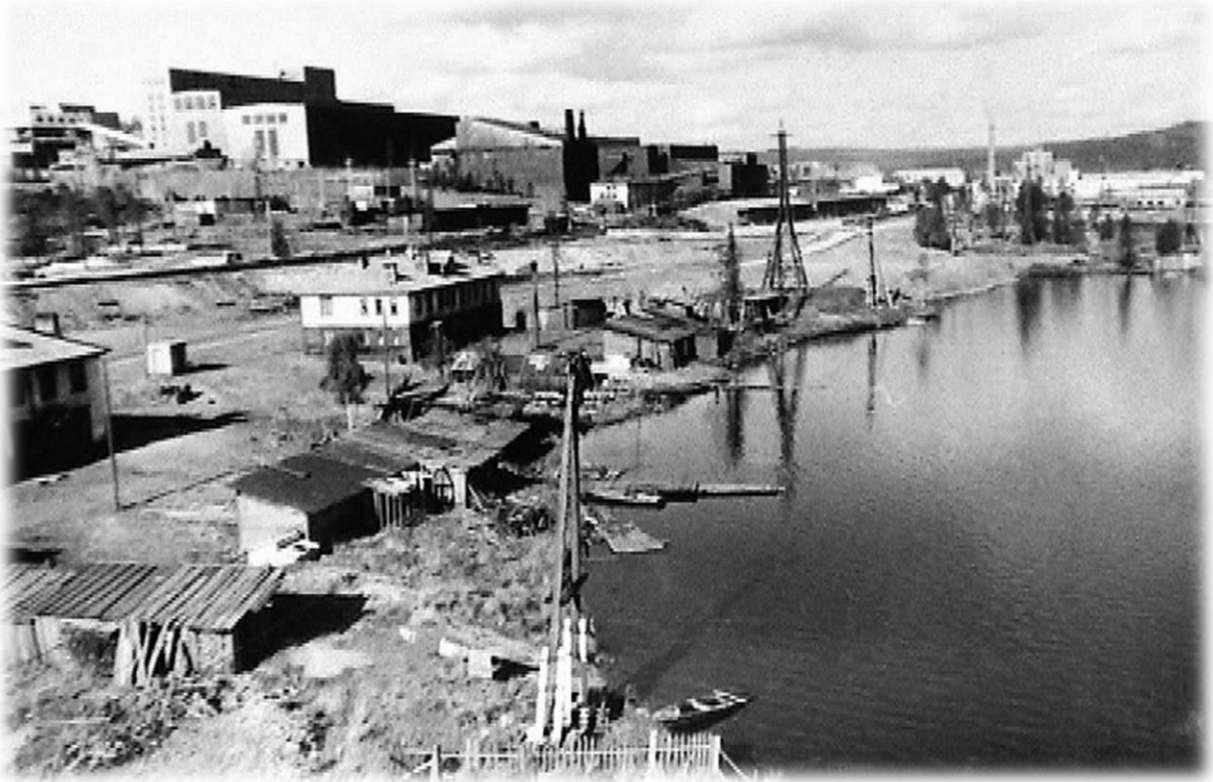
Бывших воинов приглашали в здание Исполкома на собеседование, во время которых, определяли степень нуждаемости их в жилье, трудоустройстве и медицинском обеспечении. Как раз в это время моя племянница, Лена, вышла замуж за бывшего афганца, Серёжку Иванчука, и так получилось, что он попал на собеседование ко мне. Я, естественно, знал все их нужды и поэтому, много времени на оформление документов не потребовалось. Все ребята, нуждавшиеся в жилье, получили по квартире. Серёже с Леной была выделена двухкомнатная.

Определённую роль в ускорении решений многих вопросов сыграло еженедельное дежурство у телефонов руководителей учреждений и крупных предприятий области. Каждый понедельник, в определённые часы, можно было дозвониться от Обкома, Облисполкома, до Райкома, Райисполкома, или руководителя какого-то предприятия, получить необходимую информацию, или тут же решить наболевший вопрос.

К сожалению, не все вопросы решались быстро. Немало было и таких дел, которые по различным причинам, не удавалось даже сдвинуть с места ни при помощи вопросов, ни Депутатских Запросов. В одну из выборных компаний, от избирателей поступило в мой адрес более тридцати Наказов. Для выполнения почти каждого, требовались какие-то материальные, финансовые и физические затраты. К концу созыва, большая часть Наказов было выполнено, несколько находились в стадии выполнения, а два так и зависли в воздухе.

В своё время, при строительстве крупнопанельных домов, строители нарушили технологию и во многих домах, через несколько лет, стены начали пропускать влагу. Таких домов в городе появилось несколько, и один из них, на моём избирательном округе. Я так же отправил Депутатский Запрос в соответствующую организацию. Через какое-то время получил ответ о том, что протечки стен по такому-то адресу, таких-то квартир, ликвидированы, начальник такой-то. Но стоило наступить осени, когда погода нахмурилась, и пошли затяжные дожди, отремонтированные стены снова заплакали, и от жильцов этих квартир снова поступили жалобы. После повторного Запроса и обсуждения этого вопроса на проходящей сессии, в домах был проведён ещё один ремонт, но стены продолжали протекать.

Судьба второго Наказа повторила судьбу первого. Долгое время сообщение города с Большой землёй осуществлялась только при помощи железнодорожного транспорта. К утреннему и вечернему поездам, кроме автобусов, люди добирались пешком. Большой поток людей направлялся на вокзал в предварительную, суточную билетные кассы, а также в багажное отделение. На вокзале и на прилегающей к нему территории располагались различные мастерские, железнодорожное депо и другие административные здания.

Дома железнодорожников и ГОК в конце 60-х

Ежедневный людской поток в сторону вокзала был немалый, а тропинки для пешеходов не было. Люди двигались по узкой грейдерной дороге в потоке машин, рискуя попасть под колеса самосвала или лесовоза. Многие, спасаясь от машин, устремлялись на железную дорогу, проходящую параллельно автомобильной, подвергая себя ещё большей опасности. За тот период два человека погибли под колёсами железнодорожных вагонов.

Чтобы как-то обезопасить людей, требовалось, как минимум, проложить до вокзала тротуар. Я, как председатель Постоянной комиссии, в том числе и по благоустройству, направил директору Ковдорского ГОКА Сухачеву Алексею Ивановичу Депутатский Запрос, с предложением, проложить односторонний пешеходный тротуар от Управления комбината до железнодорожного вокзала.

В то время, Управление комбината находилось за озером. Вопреки моим опасениям, ответ пришёл очень быстро, но не утешительный. В нём говорилось, что Ковдорский ГОК намечает произвести реконструкцию подъездных железнодорожных путей, куда входит и автомобильная дорога. Во время проведения этих работ, будет проложен и пешеходный тротуар.

Из ответа невозможно было определить: когда намечается эта реконструкция. Успокаивало только то, что Комбинат признал необходимость иметь тротуар на этом участке дороги, и не отказывается его построить. Оставалось только ждать. Как говорится: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Через какой-то промежуток времени, ГОК действительно начал расширять площадку для железнодорожных путей и метров пятьдесят отсыпал насыпь для пешеходного тротуара. Но далее всё пошло по непонятному сценарию: подъездные железнодорожные пути были готовы, а тротуарная насыпь не продвинулась ни на метр.

На очередной сессии, я выступил с заявлением о том, что Ковдорский ГОК не выполняет своё обещание по постройке пешеходного тротуара, срывая тем самым выполнения Депутатского Запроса. Только я произнёс эти слова, как директора Ковдорского ГОКа, А.И. Сухачева, который тоже присутствовал на этой сессии, словно катапультной подбросила вверх со своего стула. Глядя в мою сторону и широко размахивая кулаком с высоко поднятой рукой, он грозным и сиплым голосом прокричал: «Я тебя бригадиром поставлю на строительство этого тротуара» Какое-то время постоял с сердитым выражением лица и, продолжая смотреть в мою сторону, медленно опустился на стул.

Алексей Иванович Сухачев был не злопамятным, мне неоднократно приходилось своими действиями по депутатской линии вызывать в нём недовольство и даже гнев. Какое-то время, он при встречах переставал даже здороваться, делая вид, что видит меня впервые, но по прошествии какого-то времени, я снова становился узнаваемым.

До этого, и тоже на сессии, я так же заработал нарекание от директора. Я был в списке выступающих, и дирекции ГОКа было известно, что я буду ставить вопрос, который потребует от предприятия, как градообразующего, дополнительных затрат. В перерыве между заседаниями, ко мне подошёл заместитель директора Ковдорского ГОКа, Солонинов Борис Петрович. Он сказал, что Сухачев Алексей Иванович просил, чтобы я в своём выступлении не ставил вопросы, которые касаются ГОКа. Я ответил, что не могу выполнить его просьбу потому, что этот вопрос поставлен моими избирателями, и я должен озвучить его на данной сессии.

После моего выступления, Алексей Иванович всем своим видом показывал своё недовольство, и какое-то время делал вид, что даже не замечает меня. Несмотря ни на что, у меня об этом человеке осталась самая добрая память! Это был один из талантливейших директоров того времени! Не зря одна из улиц Ковдора названа его именем!

Несмотря ни на что, тротуар до вокзала так и не появился. Эти события происходили к концу нашего Созыва. Вскоре прошли очередные выборы в Советы, появились новые заботы и о тротуаре никто даже не вспомнил. До сих пор коротенькая насыпь, отдалённо напоминающая тротуар, лежит немым памятником о том, теперь уже далёком и славном времени.

Чаще всего, на сессиях приходилось ставить более крупные вопросы, для выполнения которых требовались огромные средства. В городе и в районе шло стремительное наращивание производственных мощностей, росла численность населения, а объекты соцкультбыта вводились в строй с большим опозданием.

Основная причина в такой задержке была, отсутствие средств. Главному застройщику, Ковдорскому ГОКу, Министерство не спешило выделять на это деньги, несмотря на самые активные действия в этом направлении, его директора. Чтобы усилить воздействие на вышестоящее начальство, Алексей Иванович Сухачев каждый раз просил нас, депутатов, все эти нужды города и района выносить на обсуждения проходивших сессий. Что мы и делали.

При каждом удобном случае, когда повестка дня позволяла поставить на обсуждение сессии какой-то из наболевших вопросов, особенно когда на ней присутствовала какая-то высокопоставленная личность, мы дружным и слаженным хором доказывали, что городу срочно нужна автомобильная дорога с выходом на так называемую «Ленинградку». Необходимы средства для строительства: поликлиники, хлебозавода, молокозавода.

Мы были очень рады, когда в результате, в том числе и нашего, пусть даже очень скромного участия, появилась возможность выезжать из города на легковом транспорте по дороге с твёрдым покрытием в любую часть света. С введение в строй хлебозавода в городе появились батоны, которые привозили раньше с других мест вместо гостинцев. Из-за малой мощности, старый хлебозавод выпекал только два вида своей продукции: хлеб белый и хлеб чёрный. С постройкой молокозавода, детские сады и школы стали получать натуральное молоко с подсобного хозяйства, в магазинах появились: кефир, сметана, творог и многие другие молочные продукты, о которых мы не могли до этого даже мечтать. Поликлиника, занимавшая до этого небольшой коридорчик в здании больницы, получила большое, светлое просторное, четырёхэтажное здание.

Строительство нового корпуса районной больницы

Во время строительства корпуса будущей поликлиники разразился небольшой скандалчик, который взбудоражил многих жителей Ковдора. На месте теперешней действующей поликлиники остался не тронутым строителями кусочек девственного леса, который украшал центр города.

По утверждённому проекту, корпус поликлиники строился точно на этом зелёном пятачке, лишая горожан ещё одной берёзовой рощи. Как только эта информация просочилась в народ, активная часть населения вступилась на защиту этого маленького зелёного островка. Несмотря на общественное мнение, строители начали вести подготовительные работы на месте будущего строительства. Я, как председатель Постоянной комиссии по жилищно-коммунальному хозяйству и благоустройству тоже подключился к борьбе за перенос строительства поликлиники на другое место.

Управляющий трестом «Ковдорстрой», куда я в начале обратился, сослался на проект, по которому он не имеет права сместить здание даже на один сантиметр. Секретарь Райкома партии сказал, что перенести поликлинику на новое место можно только при условии изменения ранее утверждённого проекта. Для этого нужно иметь деньги на новое проектирование. За то время, пока будет переделываться проект, деньги, выделенные на строительство, будут изъяты, а новые получить будет невозможно. Чтобы не остаться без поликлиники нужно её строить на проектом месте, пока есть на это деньги. По мере возрастания медицинского корпуса вверх, накал народного возмущения опускался вниз. К завершению строительства, все успокоились.

Введённые в строй новостройки соцкультбыта были встречены населением с большой радостью. К тому времени областные депутаты добились того, что в Ковдор стали заходить прицепные вагоны: два вагона на Москву и один до Ленинграда. В результате, отпала необходимость сидеть в Кандалакше, в ожидании своего поезда.

Прибытие пригородного поезда Кандалакша-Ковдор

Если раньше можно было воспользоваться только одним видом транспорта: пригородным поездом, который ходил один раз в сутки до Кандалакши, то теперь, стали ходить два поезда. Без пересадок, прямо из Ковдора появилась возможность доехать до Ленинграда и Москвы, за один час самолётом долететь до Мурманска, за сорок пять минут до Кировска. Из Кировска, за считанные часы появилась возможность добраться самолётом до Москвы и Ленинграда.

Появилось и автобусное сообщение с Мурманском, Кировском и Кандалакшей. С введением в строй всех этих объектов, Ковдорчане почувствовали себя не какими-то островитянами, живущими на далёком островке в безбрежном океане, а единым материком, в бескрайних просторах своего государства. Появилась возможность в выходные дни слетать в Москву или в Ленинград, и в понедельник, без опозданий, явиться на работу. С улучшением транспортным обеспечением, заметно возрос ассортимент товаров в города и пригородной зоне.

Укладка асфальта на автотрассе Ковдор – Пиренга

Ежеквартально, приходилось отчитываться, о своей депутатской деятельности на рабочих, партийных и профсоюзных собраниях. Фактически, приходилось держать ответ не только за себя, но и за работу всего Совета. Как правило, бóльшая часть выступающих требовала объяснений: почему не решается тот или иной вопрос? Высказывали предложения, о проведении в городе или в районе того или иного мероприятия. Как известно, все депутаты того времени, проводили свою работу в определённых комиссиях или депутатских группах, где занимались конкретной работой, определённой направленности, а вопросы собравшихся могли касаться самых разных тем. Причём, требовалось не просто ответить на них, но и дать конкретные, детальные разъяснения, почему он находится в той, а не в иной стадии решения.

Каждый раз, перед началом такого отчётного собрания, приходилось вооружаться сведениями не только о своей работе, но и работе всего Совета. В конечном итоге, собрание, общим голосованием, ставило оценку работе подотчётному депутату. Без всякой ложной скромности, могу сообщить, что за все 16 лет своей депутатской деятельности в Совете, на всех отчётных собраниях, я получал положительные оценки, хотя, иной раз, приходилось выслушивать и нелюбезные выражения в свой адрес.

Будучи не освобождённым от основной работы депутатом, находясь целыми днями в рабочей среде, фактически, почти ежедневно, приходилось отчитываться перед своими товарищами, о своей работе, или знакомить их с принятыми Решениями на сессиях или в Исполкоме Совета.

Неусыпно держали нас в поле своего зрения журналисты районных и областных газет, а также радио и телевидения. Стоило кому-то из них нащупать среди депутатов надёжный источник информации, отвязаться от него уже было почти невозможно. Такое крепостное право, мне довелось испытать на собственной шкуре. В одной популярной песенке есть такие слова: «С голубого ручейка начинается река...» Так и у меня, все началось (если можно так сказать) с информационного ручейка.

Однажды, перед женским праздником 8 марта, редактор рудничной стенной газеты Полякова Л.Т. обратилась ко мне с предложением, написать для газеты статью о наших двух сварщицах, работавших в электрослужбе. Все мои доводы на неумение писать статьи, и отсутствие писательского таланта, не возымели на неё никакого воздействия, и она, сказав на прощанье: «Статья должна быть написана уже завтра» - удалилась восвояси. Я и в самом деле понятия не имел, что можно было написать о двух девчонках – сварщицах, недавних выпускниц технического училища. Дома, вечером, после работы, после долгих раздумий, я всё-таки что-то нацарапал и на следующий день передал редакторше.

Вопреки моим надеждам, что после прочтения моей статьи, она больше не будет приставать ко мне с предложениями, написать ещё что-то, моя статья ей понравилась, и она даже процитировала несколько предложений из неё, сказав при этом, что статья, в общих чертах, выглядит очень поэтично. Такая оценка означала, что зверь попался на ловца, и в следующие выпуски газеты, мне ещё трудней будет найти причину для отказа.

Похожая история произошла в Апатитах. В перерыве между заседаниями очередной сессии Апатитского Совета, ко мне подошла миловидная молодая женщина с блокнотом в руках, представилась корреспондентом газеты «Кировский Рабочий» и попросила рассказать о работе Постоянной комиссии, которую в то время я возглавлял. Результаты нашей беседы через несколько дней появились в вышеупомянутой газете. Потом мне предложили написать статью в эту газету на аналогичную тему.

*Махлин Я. М., редактор газеты
«Рудный Ковдор» в 1973-1982 гг.*

Как говорится: лиха беда начало. Почти каждый квартал в «Кировском Рабочем» стали печататься мои статьи, о положении дел в Ковдоре и пригородной зоне. Стали появляться мои портреты с комментариями. За статьи я стал получать гонорары. Редакция, платила какие-то деньги, в зависимости от объёма опубликованного материала.

В Ковдоре, продолжительное время, я контактировал с Главным Редактором газеты «Знамя Пятилетки», Махлиным Яковом Михайловичем. Схема моего участия в газете была почти такая же, как и с «Кировском Рабочем»: интервью, мои статьи, редакторские заметки, о работе нашей Постоянной комиссии, фотоматериалы.

Яков Михайлович, частенько приходил в мастерскую, где я работал, и мы подолгу беседовали с ним на различные темы, касающихся нашего города и пригородной зоны. Однажды он, на полном серьёзе, предложил мне перейти на работу в редакцию газеты «Знамя Пятилетки». Я подумал, что он шутит и сообщил ему, что с моими восьмью классами в газете делать нечего.

К моему удивлению, моё откровение его нисколько не смутило. Он также спокойно и невозмутимо начал доказывать, что у меня есть самое главное: способность писать статьи. А грамматические ошибки, если они будут, исправит корректор, который имеется в штате редакции. Вполне естественно, что я не согласился на переход. Мне больше нравилось крутить гайки на руднике в электрослужбе, а вся эта бумажно-макулатурная волокита сидела у меня поперёк горла, и я занимался ей, потому что было надо. Со временем, Главные редакторы газеты менялись, а моя дружба с газетой не угасала. Такая же дружба продолжилась с Миняевым Николаем Дмитриевичем, а несколько позже с Сапроновой Татьяной Борисовной.

Редакция газеты «Рудный Ковдор» 70-е годы
(Н. Ганиева, Я. Махлин, С. Радишевская, Н. Никитина, В. Трубин,
Г. Котельникова, С. Цховребова)

В жизни, чаще всего приходится делать не то, что тебе хочется и нравится, а то, что надо. Я, по своей натуре скорее всего был ведомый, а не ведущий. В моём характере не было заложено командирской струнки. А меня, по непонятным причинам, всё время выдвигали на руководящие должности.

Я всё это переносил очень болезненно, но старался выполнять все поручения честно. Все доверяемые мне Союзы, Советы, Комиссии, Группы не бездействовали и честно выполняли порученную работу. Все семь созывов, в которые я избирался депутатом, мне пришлось возглавлять сначала Постоянные Комиссии, а в последствии и Депутатские группы, которые называли малыми Исполкомами. Наша работа неоднократно отмечалась положительно на сессиях Совета и на районных партийных собраниях.

На одной из сессий, Секретарь Апатитского Горисполкома, Ломова Вера Васильевна заявила с трибуны, что Чикунев обладает бóльшей информацией о положении дел в Ковдоре, чем председатель Исполкома. Это, конечно, было высшей оценкой нашего труда.

В тот момент, в мою Комиссию были избраны молодые, работающие, желающие поработать на блага своего города депутаты.

Не обошла меня мимо и областная газета. Как-то в нашей квартире раздался телефонный звонок и на другом конце провода неторопливый, спокойный женский голос сообщил, что меня желает видеть журналист областной газеты «Полярная правда» Колясникова Татьяна Алексеевна. После непродолжительного разговора, мы договорились встретиться в гостинице, где она остановилась.

При встрече, Татьяна Алексеевна сообщила, что «Полярная правда» готовит материал о работе Ковдорского Районного Совета и ей посоветовали написать о работе нашей Депутатской группы. Услышав это, я стал убеждать Татьяну Алексеевну не делать этого потому, что не проходит и месяца что бы моя фамилия или фотография не появилась в местной печати. Я уже примелькался настолько, что мне уже стыдно перед своими товарищами по работе. Как мне показалось, что я её убедил, и мы договорились, что ограничимся просто беседой. Без каких-либо записей, мы побеседовали примерно часа полтора, и я возвращался домой с полной уверенностью, что никакой статьи не будет.

В то время, я возглавлял Районную Административную комиссию, и Татьяна Алексеевна на прощанье пообещала прислать мне необходимую литературу, по работе этой комиссии. Необходимую мне книгу, я получил очень скоро, за что я ей был премного благодарен. Видимо она её отослала почти сразу же, по приезду в Мурманск. Благодаря опубликованным в ней законам и подзаконным актам, удалось избежать целого ряда ошибок при решении поступавших из милиции дел.

После отъезда Татьяны Алексеевны прошло какое-то количество дней. За это время мы успели получить несколько номеров «Полярки». Какого-либо упоминания о нашей беседе с ней в них не было. Когда я уже окончательно поверил, что моя просьба удовлетворена, и никакой статьи опубликовано не будет. Но вот в газете от 13.06.81г. за подписью: Т. Колясникова, появилась статья под заголовком: «Среди самых первых», а чуть ниже мелким шрифтом: «Черты советского характера». На половине огромной страницы в четыре столбца, была описана вся моя биография, со дня рождения и до дня нашей беседы. Вот так, читатели «Полярной правды» познакомились с чертами моего характера и убедились, что я нахожусь в самых первых рядах.

Но на этом мои знакомства со средствами массовой информации не закончились. Кроме газет были ещё радио и телевидение. Корреспонденты этих организаций тоже не дремали и находились в постоянном поиске свежих материалов. От них, как, впрочем, и от газетчиков, отвязаться было почти невозможно. Если они намечали жертву, то «добивали» её до конца. Никакие доводы и причины не принимались во внимание. По настойчивости, они мне чем-то напоминали цыган-гадалок, которые, помимо желания человека, старались навязать ему свою волю.

В те годы в Ковдоре был городской радиоузел, из которого транслировались в обеденный перерыв передачи на город и на промышленные площадки предприятий, расположенных в черте города. Руководителем этого радиоузла был Азаренко Анатолий Григорьевич. Одно время, он работал на нашем руднике, и мы с ним были знакомы ещё до того, как он стал заниматься радиоузелом.

Я для него был что-то вроде палочки-выручалочки. Ему были известны все мои реквизиты, и он мог легко найти меня, как на работе, так и дома. Почти после каждой сессии, он предлагал мне выступить по радио с информацией по материалам прошедшего форума, о работе Депутатской группы, а когда я был избран членом Исполкома Районного Совета, то и о работе этого органа. Одним словом, скучать не давал.

Моё знакомство с радиожурналистами не ограничилось местным радио. В один из дней, в наш город приехал известный в те годы журналист Мурманского областного радио, Аркадий Ландер. Цель его приезда была многоплановая, в том числе о работе Ковдорского Районного Совета. С информацией о работе предприятий выступили руководители и работники этих производств, а о работе Совета было предложено проинформировать мне и Председателю исполкома. То, что в этой передаче должен был выступить Председатель, который являлся руководителем исполкома, да и всего Совет, было понятно, но с какой стати должен был выступать именно я, мне никто толком объяснить не мог. О чём конкретно пойдёт речь, никто не знал, поэтому подготовиться заранее к выступлению было невозможно. Можно было только догадываться.

Передача шла не в прямом эфире, а записывалась на магнитофон. Для записи был выделен один из кабинетов в здании Исполкома. В назначенный час, меня встретил в этом кабинете довольно-таки упитанный, незнакомый мне человек, примерно среднего роста, круглолицый, с чёрной шапкой волос на голове. Познакомились. Он назвал себя Аркадием Ландером, я назвал себя. Готовая к бою радиоаппаратура уже стояла на столе.

Аркадий Ландер на Мурманском ТВ.

Аркадий очень кратко объяснил, на какую тему пойдёт речь, почти сразу же включил магнитофон и начал задавать вопросы. Вопросы были самые неожиданные, хотя и касались в основном депутатских дел. Мне удалось подробно ответить на них только потому, что со всеми этими делами я соприкасался непосредственно. В непринуждённой беседе, которая у нас состоялась после записи, Аркадий рассказал немножко о себе, о планах на будущее. Сказал, что планирует переехать на постоянное место жительства на Украину. Расстались мы с ним тепло, по-дружески, но не навсегда. Он ещё приезжал в Ковдор несколько раз с различными заданиями от Мурманского областного радио, и каждый раз просил найти меня. Его как-то спросили: почему ему нужен именно Чикунов, а никто-то другой? На что он отвечал: «Он микрофона не боится».

В один из его приездов, когда он делал репортаж о Ковдорском ГОКе, я ездил с ним по руднику и рассказывал в микрофон, о работе нашего предприятия. Погода была ветреная, и даже по радио было слышно его завывание. Спустя какое-то время, не стали выходить в эфир его репортажи. Очевидно, он всё-таки уехал на Украину, как и мечтал.

Как потом оказалось, это было моё первое, но не последнее знакомство с областными журналистами. По непонятной причине, они липли ко мне словно мухи на мёд. Дошло до того, что я чаще стал мелькать в средствах массовой информации, чем, например, председатель Исполкома или секретарь Райкома. Я словно по информационным ступенькам поднимался всё выше и выше, и неожиданно для себя, добрался до Мурманского телевидения и перемахнул за областные границы.

Первое знакомство с журналистом Мурманской студии телевидения у меня произошло в Ковдоре. Он прибыл в наш город один без аппаратуры, затем, чтобы подобрать кандидатуру для телепередачи, которая должна состояться в Мурманске. Вполне можно догадаться, что таким кандидатом оказался я. Мой самоотвод в Исполкоме не приняли, и мне пришлось познакомиться с представителем Мурманской студии телевидения, который представился Хачатуряном Гончур Григорьевичем. Гончур Григорьевич рассказал, что телепередача состоится в Мурманске, в Красном уголке рыбозавода. Я должен буду прибыть туда такого-то числа, к таким-то часам. На этом наше свидание и закончилась.

В назначенный день, в первой половине дня, я уже был у проходной завода. Пропуск на моё имя уже был выписан и представитель телестудии, который дежурил на проходной, проводил меня до Красного уголка. Дорога туда шла через цеха, где работники завода разделявали рыбу. Время до начала съёмки ещё было, и мы успели побывать на нескольких участках обработки рыбы. Мне особенно понравился копильный цех, где один запах был очень соблазнителен, не говоря уже о виде готовой продукции.

Красный уголок уже был полностью готов к видеосъёмке. Несколько прожекторов и видеокамер были расставлены полукругом. У огромных телекамер, чем-то похожих на ящики, стояли операторы, готовые по первой команде начать свою съёмку. Встретивший меня, Хачатурян Гончар Григорьевич, был очень рад, что я сдержал слово и приехал. Он был свидетелем, как я упирался в Исполкоме, когда меня уговаривали поехать в Мурманск.

Я не знал, в какой роли меня тут хотят использовать, и поэтому, очень волновался. Тем более, как мне показалось, окружающая обстановка была какая-то напряжённая. Женщина-режиссер, с какой-то папкой под мышкой нервно выхаживала от одного телевизионщика до другого, что-то быстро говорила, широко размахивая одной рукой. Иногда открывала свою папку перед собеседником, тыкала в неё пальцем, стараясь что-то доказать. Наконец все успокоились, было дана команда, включить прожектора. До этого, казалось бы, очень яркие светильники зала, стали казаться тускло тлеющими угольками. Внутри каждой лампочки стали видны слабо раскалённые спиральки, на тёмном фоне окружающей среды. Что-то вроде звёздочек на ночном небе.

Съёмка шла не в прямом эфире и это как-то успокаивало. В случае какой-то помарки, можно было что-то вырезать, а что-то оставить для эфира. Я был не первый, поэтому у меня появилась возможность посмотреть, каким образом производятся съёмки телепередач. Передо мной, в освещённом кругу, как телевизионщики называют в кадре, побывали два человека. Когда наступил мой черёд, то мне показалось, что я переступил незримый порог из ночи в яркий солнечный день. За прожекторами, почти ничего не было видно. Создавалось такое впечатление, что кто-то разделил часть зала чёрной непроглядной занавеской. Люди, стоящие за прожекторами, словно растворились в бездонном пространстве.

Несмотря на то, что я к тому времени уже имел богатый опыт выступлений по радио, на сессиях, и на самых различных собраниях, при команде: «камера» у меня затряслись поджилки. Ведущий задал мне вопрос, а я не сразу сообразил, как на него ответить. Кроме микрофона давили на психику наведённые с разных сторон видеокамеры. Я лихорадочно думал, подбирая нужные слова для ответа, а камеры снимали моё молчание. Это

продлилось какие-то секунды, а мне они показались целой вечностью. Стоило мне вначале удачно ответить на несколько вопросов, как в голове появилась, какая-то ясность. Меня не стали раздражать юпитеры, каким-то не земным светом слепящие глаза, и телевизионные камеры, следящие за каждым движением и выражением лица. Я уже точно не помню, какие вопросы мне были заданы, но помню, что все они касались положения в нашем городе и районе в целом. Дома, после просмотра этой передачи, мои домочадцы оценили моё выступление положительно.

Телевизионщикам я настолько понравился, (шутка) что в очередной раз они не стали ждать меня в Мурманске, а приехали сами в Ковдор, прямо на моё рабочее место. В один из будних дней, к нашей мастерской подкатила машина, судя по окраске, иногородняя. В то время машин было немного и по внешнему виду мы знали почти весь наш автопарк города.

Как ни странно, из незнакомой машины вышел всем нам знакомый начальник нашей электрослужбы, Логинов Виталий Семёнович, а вслед за ним два незнакомых мужчины. Они прогулялись по площадке, где стояло электрооборудование, подлежащее ремонту, после чего вошли в мастерскую, где мы сидели за столом почти всем составом ремонтников. Незнакомцы, войдя в помещение, поздоровались с нами, а Виталий Семенович, с какой-то хитринкой в глазах, и загадочной улыбкой на устах, произведя какое-то подобие реверанса в мою сторону, торжественно заявил: «Геннадий Николаевич, к тебе гости из Мурманска». Я подумал, что он шутит и тоже отделался какой-то шуткой. Но когда один из приезжих подтвердил, что они действительно приехали ко мне, я, немало удивившись, понял, что Виталий Семёнович сказал правду.

Приезжий назвал себя и сказал, что он – оператор Мурманской студии телевидения. Прибыл в Ковдор с заданием отснять мою персону на рабочем месте для программы «Время» Центрального телевидения. Я ему показал своё рабочее место, объяснил, какие операции буду производить, и он начал готовить свою аппаратуру.

В тот день я занимался ремонтом ЯКНО. Это передвижная высоковольтная электроустановка, для подключения горных экскаваторов к высоковольтным линиям, установленная на металлических санях. Меня, этот неожиданный приезд телевизионщиков, крайне удивил. Во-первых, своим приездом прямо на моё рабочее место, а во-вторых, съёмками для Центрального телевидения. Успокаивало только то, что на сей раз, не надо было ничего говорить.

Г.Н. Чикунев обслуживает ЯКНО

Оператор мне объяснил, что не надо позировать и обращать на него внимание. Просто продолжить те операции, которые необходимы для ремонта данного агрегата. А что и как снимать, он уже будет решать по ходу дела. Меня это вполне устраивало, и я продолжил ремонт, так как я это делал ежемесячно. Отрегулировал работу высоковольтного разъединителя, проверил работу масляных выключателей и блокировку дверей. Забрался по лестнице на крышу за ограждение, проверил контакты на проходных изоляторах, «забританил» провода к опорным изоляторам. Одним словом, просто работал, не обращая внимания на оператора. Он крутился вокруг меня, заходя то с одной, то с другой стороны ЯКНО. Каждый из нас занимался своим делом, не мешая друг другу. Закончив съёмку, и упаковав свою аппаратуру, они пожелали нам успехов в труде и уехали восвояси.

Обычно программу «Время», я смотрел регулярно, но ту, в которой показывали меня, я пропустил. Моя сестра, Фаина, в то время жила с ребятами в деревянном доме с печным отоплением, и я помогал ей в заготовке дров. В тот день я колот ранее распиленные хлысты, и укладывал их допоздна, в сарай. Дома меня встретила дочка взволнованными словами: «Папа, ты, где был? Тебя только что по телевизору показывали». Было, конечно, интересно посмотреть, что снимал в тот день оператор, и какой при этом был комментарий к отснятым кадрам. Но как говорить: глухому и опоздавшему две обедни не служат. Пришлось довольствоваться рассказами очевидцев. На этом моё участие в телевизионных передачах не закончилось, а получило дальнейшее продолжение.

На сей раз, в Ковдор приехала редактор отдела пропаганды Мурманской студии телевидения, Лаврикова Татьяна Вячеславовна. Для будущей передачи ей требовалось от нашего района три депутата. В верхах было принято решения откомандировать в Мурманск на сопку Варничную, где располагалась студия телевидения меня, Быстрова Анатолия Васильевича и ещё одного молодого парнишку, фамилию которого я, к сожалению, уже забыл.

Исполком выделил нам «Жигулёнка» с молодым, лихим водителем, и в назначенный день, мы полетели в Мурманск. Можно сказать, в прямом смысле не поехали, а полетели. Машина была новая. Исполком только получил её в тот год. Чаще всего ею пользовался председатель Исполкома. Я сел рядом с шофёром, а мои товарищи на заднем сиденье. Шофёр, буквально с первых метров показал свою прыть и лихость. Едва мы успели захлопнуть дверцы машины, он так рванул с места в карьер, что колёса, не успев сцепиться с асфальтом, дико взвизгнули, а нас прижало к спинкам кресел, словно при взлёте самолёта.

Почти всю дорогу стрелка спидометра почти не уходила от цифры 140. Складывалось такое впечатление, что он как прижал своей ногой акселератор к полу, так и не отпускал его, невзирая на бесчисленные дорожные зигзаги. Так мы и летели до тех пор, пока не остановил нас Гаишник в районе Оленегорска. Он как всегда, вынырнул из-за поворота так неожиданно, что мы пока тормозили, успели отлететь от него не на один десяток метров. Инспектор, оказывается, был с радаром в руках, и определил, что мы ехали со скоростью 120 км/час. Если бы замерил чуть раньше, то намерил бы ещё больше.

Блюстители порядка, нашего шофёра с документами пересадили для разбирательства в свою машину, а мы остались на своих местах, в ожидании его возвращения. После долгого ожидания, когда мы уже начали сомневаться, что вряд ли успеем прибыть к назначенному времени в студию телевидения, нашего шофёра отпустили. Вопреки нашим ожиданиям, он явился в приподнятом настроении и на наш вопрос: чем закончилось разбирательство, просто расплылся в широкой улыбке. Гаишники, когда узнали, что машина Исполкомовская, и везёт он депутатов в Мурманскую студию телевидения, ограничились устным порицанием и отпустили с миром.

На сопку Варничную, мы прибыли вовремя. Нас уже ожидала Лаврикова Татьяна Вячеславовна, и прямо с проходной повела нас по зданию студии по многочисленным тёмным коридорам. По пути познакомила со звукорежиссером, которая занималась с массивным магнитофоном, установленном в коридоре. Затем показала нам, так называемую Малую студию, которая была рядом с Большой. Честно говоря, я ожидал увидеть многолюдное, просторное, светлое здание, с ярко освещёнными большими студиями, с множеством телевизионной и световой аппаратуры. А увидел узкие, тёмные коридоры, две малюсенькие студии и двух штатных работников этого уважаемого учреждения.

Татьяна Вячеславовна ввела нас в Большую студию, усадила за большой лакированный стол, который занимал, чуть ли ни всё помещения, а сама устроилась напротив нас, с противоположной стороны стола. Познакомила со сценарием предстоящей съёмки и предупредила, чтобы на столе не было ни одной бумажки. Мы не заметили за разговорами, как откуда-то появились три оператора и осветитель. Операторы надели на головы наушники и встали рядом со своими аппаратами. Осветитель «врубил» сразу все прожектора, и операторы словно испарились, и исчезли с нашего поля зрения. Какое-то время, он ещё поколдовал со светом, и прозвучала команда: «Камера».

Мурманск. Сопка Варничная. Телецентр.

Несмотря на то, что эта встреча с телекамерами у меня была не первая, до начала съёмки, я очень волновался. Было заметно, что и мои товарищи тоже чувствуют себя не в своей тарелке. В предстоящей передаче, планировалось обсудить вопросы, касающиеся депутатской деятельности, и я заранее предчувствовал, что большая часть вопросов будет адресовано в мой адрес, как к председателю депутатской группы. Моя интуиция меня не подвела. Моим коллегам было задано всего несколько вопросов, а всё остальное время пришлось отдуваться мне одному. Я был благодарен Татьяне Вячеславовне за то, что она превратила эту съёмку в простую, непринуждённую, товарищескую беседу, сняв тем самым, то внутреннее, предстартовое волнение, которое присутствовало у нас вначале.

После съёмки, нас задерживать не стали, и мы почти сразу же выехали в город. На проспекте Ленина, перекусили в кафе аппетитными, румяными курочками. В те годы, в области работали несколько мощных птицефабрик, которые затоварили весь регион яйцами и тушками кур. Магазины и предприятия общепита, не только областного центра, но и области в целом, были буквально завалены продукцией этих предприятий. Почти в каждом магазине, не говоря уже о кафе, были установлены аппараты-гриль, где с утра до позднего вечера поджаривались куриные тушки. Отобедав, забежали в несколько магазинчиков и отправились в сторону дома. Обратный путь преодолели без приключений.

Эту телепередачу смотрели всей семьёй. Особых замечаний со стороны родственников не последовало. Более того, наш сват, Гуреев Иван Яковлевич, довольно-таки одобрительно отозвался по поводу моего выступления, по некоторым актуальным вопросам.

Так как мы были депутатами Районного Совета, то нам частенько приходилось выезжать в посёлки района. Мы заезжали вначале в Сельский Совет, ставили в известность председателя или того, кто его замещает о том, что мы на их территории проводим определённую работу и приступали к запланированным действиям. Каждый раз для этих поездок, Райисполком выделял нам свою машину, или договаривался с каким-нибудь предприятием, обладающим автомобильным транспортом.

Однажды в запланированный день, когда мы должны были ехать в Риколатву, Райисполкомовская машина была занята, на предприятиях все машины были в разъезде или в ремонте, а из свободных оказался только катафалк. В тот день хоронить было некого, и нам предложили эту машину. Чтобы не срывать запланированное мероприятие, мы согласились на этот необычный для нас транспорт. У Райисполкома, с шутками и прибаутками расселись на боковых скамейках, встроенных вдоль бортов машины и поехали по намеченному маршруту. Ещё у здания Райисполкома, машина завелась не сразу. После непродолжительного плача и громкого выстрела в выхлопную трубу, испуская клубы чёрного дыма, двигатель завёлся, и несколько раз дёрнувшись, словно в предсмертных судорогах, машина, медленно, обогнув площадь, направилась в сторону озера.

В конце города, за железнодорожным вокзалом, двигатель перестал троить, и машина побежала ровно и уверенно по грейдерной дороге. Такой прыти машине хватило всего на десять километров. Двигатель снова зачихал, машина задёргалась и встала. Когда мы вылезли из машины, осмотрелись и невольно рассмеялись: мы встали примерно в десяти метрах от поворота на кладбище. Машина нам как бы дала знать, что она дальше кладбища не ходит. Кончилось всё тем, что мы на попутке вернулись домой, а машину притащили в город на буксире.

В один из дней, когда я проводил очередное заседание депутатской группы в Районном Административном здании, к нам заглянул Первый секретарь Райкома партии Поздняков Николай Павлович, и предложил мне после окончания нашей работы зайти к нему в кабинет. В его кабинете я бывал неоднократно, но всё больше по общественным делам. А по персональному и официальному приглашению бывать не доводилось. Было очевидно, что Райком приготовил для меня какое-то очередное партийное поручение, и Николай Павлович желает его мне озвучить.

И я не ошибся. Очередное поручение превзошло все мои ожидания. Николай Павлович заявил, что Райком партии, высоко оценив мою работу в постоянной комиссии по Жилищно-коммунальному хозяйству и благоустройству, где я был председателем, решил предложить мне перейти на работу в ЖКУ города начальником этого управления. В то время, я хорошо был знаком с коммунальным хозяйством, как города, так и района в целом. Был знаком со многими специалистами Управления и Домоуправами. Чтобы

выполнить те задачи, которые стояли в те годы перед коллективом ЖКУ, нужен был, прежде всего, начальник предприимчивый, с твёрдым волевым характером и с большим руководящим опытом в жилищно-коммунальном хозяйстве. У меня же не было ни того, ни другого, ни третьего.

Как говорится: не по Сеньке шапка. Все эти причины я и высказал Николаю Павловичу, обосновывая свой отказ от этой должности. К сожалению, мои доводы не были приняты. После долгого разговора, мне было предложено, как следует подумать и через несколько дней явиться в этот же кабинет с окончательным решением. Я прекрасно понимал, что ни в какое сравнение не входит руководство депутатской группой и Жилищным Управлением. Кроме руководства людьми, здесь надо хорошо разбираться в сантехнике, электрике, в строительстве, в финансовых делах и в КЗОТе. (Кодекс законов о труде.)

Ни минуты не сомневаясь в правильности своего решения, через несколько дней я снова появился в Райкоме с заявлением об отказе от предложенной мне должности. Присутствующие в кабинете Первый и Второй секретари пытались мне доказать, что мои опасения напрасны. Со временем появиться и опыт в руководстве коллективом, и всё пойдёт как надо. Когда поняли, что меня переубедить не удастся, отпустили меня с миром. Мне даже не верилось, что удалось отвертеться от этой должности. Я почувствовал такое облегчение, словно с меня пуд соли свалился.

Через совсем небольшой промежуток времени, мне довелось убедиться в правильности моего решения. После моего отказа, в кресле начальника ЖКУ успели побывать несколько человек с институтскими образованиями и богатым руководящим опытом. И все они были уволены за несоответствие занимаемой должности. Только Саркисов Лев Семёнович, сумел просидеть на этой должности несколько лет.

В старые добрые времена, в большие государственные праздники, в городах и рабочих посёлках страны проходили демонстрации мимо трибун, на которых находились руководители региона и заслуженные люди данной местности. Не исключением был и наш город. Все жители, от мала до велика, в эти торжественные дни, стройными колоннами, с цветами, транспарантами, с портретами и плакатами в руках, вместе со своими коллективами проходили мимо трибуны, установленной на площади Ленина. Возможно, все эти мероприятия были слишком заполитизированы, но с другой стороны, они поднимали настроение, сплачивали людей и позволяли встряхнуться после монотонных будничных дней. Если в обычные дни, даже работники одного участка, работая в разные смены, могли не видеться месяцами, то в праздничные, появлялась возможность собраться всем коллективом, как на демонстрации, так и за праздничным столом.

Праздничные столы накрывались почти в каждой семье, где произносились различные поздравления, пожелания и тосты. Лились песни, звучали гармони, баяны, радиолы и магнитофоны. Для населения, главным стимулом к широкому гулянию был повод, а советские праздники вполне к этому подходили.

В так называемые годы пустых полок, почти у всех Ковдорчан холодильники ломались от продуктов. Особенно много было дешевой рыбы самых разных пород. После запуска молокозавода, увеличился ассортимент дешёвой, натуральной, молочной продукции. Сметана и мороженое продавались на развес, и мы частенько покупали сметану бидончиками, а мороженое килограммами. Я уже писал выше, что все магазины были затоварены куриным мясом и яйцами. Единственный дефицит был – отсутствие варёной колбасы на прилавках ОРСа, но зато полу-копчёная колбаса и сыр частенько залёживались в холодильнике. Как в своё время очень точно подметил в одной интермедии А. Райкин, сыр так изгибался, что его хоронить пора было.

Первомайская демонстрация на площади Ленина.

Я, как и все, много лет ходил на демонстрации мимо трибуны и кричал ура в ответ на призывы, звучавшие из репродукторов, установленных на площади. Но после избрания в члены Исполкома Районного Совета, довелось побывать и на трибуне в качестве члена местного правительства. Очутившись впервые на этой возвышенной площадке, в компании с руководителями Райкома, Исполкома, с участниками войны, среди которых был Герой Советского Союза Коновалов Фёдор Федулович, я чувствовал себя очень неловко и старался встать в последний ряд, чтобы меня не было видно с площади демонстрантам. Я заметил, что кроме меня были ещё такие товарищи, которые старались спрятаться за спины больших начальников. Как ни странно, среди таких был и Герой Советского Союза, Коновалов Фёдор Федулович.

Однажды по этой причине, на трибуне произошёл небольшой конфликтный случай. По случаю дня Победы, перед возложением венков на Братской могиле, на площади Ленина проходил праздничный митинг. На трибуне, кроме руководителей города, района и предприятий, находились некоторые участники Великой Отечественной войны. Среди них были и Коновалов Фёдор Федулович и Сафронов Александр Николаевич, которые скромненько стояли в уголочке трибуны. Было заметно, что Александр Николаевич, в честь такого знаменательного праздника, в приближении которого он тоже принимал самое непосредственное участие, перед приходом на площадь, успел употребить фронтовые сто грамм. Это было видно по его беспокойному поведению. Он что-то тихонько нашептывал на ухо Фёдору Федуловичу, а тот всё время отрицательно мотал головой.

Совершенно неожиданно для вперёдистоящих начальников, Александр Николаевич вклинился в их ряды и очень громко начал их стыдить за то, что они стоят на трибуне в первых рядах, а Героя Советского Союза затолкали в угол. В первых рядах произошло небольшое смятение, все расступились и пропустили вперёд смущённого Фёдора Федуловича.

Коновалов Ф.Ф.

Сафронов Александр Николаевич тоже был фронтовик. Служил в войсках КГБ, и очень не любил рассказывать про те годы. Мы были соседями, дружили семьями и однажды, после кофе с коньячком, Александр Николаевич рассказал мне, как они выселяли во время войны чеченцев из их домов и отправляли эшелонами в другие области СССР. Во время рассказа, в его голосе угадывалось чувство вины и сожаление о содеянном. Он очень любил гармонь, и частенько после потребления кофе приходил к нам за инструментом.

Я долго не верил, что после чашечки кофе можно так захмелеть, но когда Александр Николаевич угостил меня этим напитком, все сомнения отпали. Это был не кофе с коньяком, а коньяк, слегка замутнённый горячим кофе. Если бы я тогда осмелился опустошить тот бокал, то тоже появилось бы желание не только попеть, но и поплясать. О качестве его игры я не могу судить, потому, что он играл только дома, но после каждого концерта приходили ко мне его домочадцы и умоляли меня, не давать ему больше гармошки. К сожалению, отказать Александру Николаевичу я не мог, и его родственники вынуждены были частенько «наслаждаться» его игрой.

В один из праздничных дней, мне не удалось спрятаться на трибуне за широкие спины больших начальников. Это было очередное празднование Дня Победы и мне, как бывшему блокаднику, было предложено выступить на этом митинге. До этого дня мне неоднократно доводилось выступать на различных собраниях, сессиях с докладами, содокладами. Дважды даже председательствовал на сессиях. Но как мне показалось, выступать на площади гораздо трудней, чем в помещении. Там требуется митинговый, громкий, зычный голос. Я, к сожалению, таким не обладал.

Самое смешное было после праздника. В местной газете в обзорной статье посвящённой этому дню было написано, что я в рядах Красной армии защищал Ленинград (в восьмилетнем-то возрасте). Родственники и хорошо знавшие меня товарищи только посмеялись над этим сообщением, а все остальные, возможно, даже поверили в моё участие в защите города Ленинграда. Но, как говорится: «Что написано пером – не вырубишь топором».

С коллективом электрослужбы рудника «Железный» на празднике Первомая.

В советское время широко была развита индустрия туризма. Можно было приобрести профсоюзные путёвки пешие, автобусные, железнодорожные, речные, морские, авиационные, во все концы Союза. А вот за рубеж выезд был ограничен. Можно было приобрести путёвки только в так называемые соцстраны. В капиталистические страны могло выехать очень ограниченное число лиц.

Я однажды случайно очутился в компании товарищей, которые только что вернулись из Соединённых штатов Америки. Все присутствующие (в том числе и я) слушали их рассказ о поездке с таким интересом, словно они вернулись, по меньшей мере, с Луны или Марса. Между нами была такая глухая железобетонная стена, что и нас они представляли там рогатыми существами.

Как-то, в одной из телевизионной передач, одна женщина рассказывала, что за рубежом, у неё на полном серьёзе щупали голову, чтобы убедиться, что она безрогая. И вот в это глухое и тревожное время, Райком партии предложил мне поехать за 50% стоимости в Нидерланды, в качестве руководителя туристической группы. От Мурманской области кто-то собирался туда ехать, и Райком партии искал «ответственного» на эту поездку.

Я с сожалением отказался потому, что у нас уже были выкуплены путёвки на теплоход по Волге. А когда узнал, что из подобных групп не все экскурсанты возвращались на Родину и ответственность за их бегство несли руководители групп, то благодарил судьбу за то, что у меня к тому времени была уважительная причина отказаться от этой поездки. Состоялась ли эта поездка, кто возглавил эту группу, и как они съездили, я не знаю.

В семидесятые годы двадцатого столетия, мощность телефонной станция в городе была очень мала и телефоны на квартире, в основном, имели только большие начальники. Существовала очередь на установку телефонов, но она почти не двигалась. Я отстоял в этой очереди около десяти лет, но просвета в конце туннеля так и не увидел. Пока на меня не навешали кучу «портфелей», я особой надобности к этому аппарату не испытывал. Но, загрузившись общественными нагрузками, мне его стало не хватать. Для различных консультаций иногда приходилось звонить в Апатитский Горисполком. Да и меня они с трудом находили только через третьих лиц.

При созыве заседаний депутатской группы, приходилось писать письма с уведомлениями, и приглашениями и разносить эти конверты адресатам. А это ни много, ни мало 21 конверт. Нередко появлялась надобность связаться с кем-то из начальствующего состава по телефону. В здании Райисполкома, в депутатской комнате, был телефон, которым мы, депутаты, а особенно председатели постоянных комиссий, постоянно пользовались. Но само помещение очень часто было занято, и не всегда можно было воспользоваться стоящим там телефоном.

На неоднократные мои просьбы к председателю Райисполкома по поводу установки домашнего телефона, всегда был один стандартный ответ: «Как только на коммутаторе появиться свободная ячейка, так сразу же выделим её тебе». Номера освобождались, но отдавались по другим адресам. И так продолжалось ни один год.

Однажды совершенно случайно, на улице, мы повстречались с начальником Районного узла связи, с Поповым Николай Николаевичем. Во время разговора, я полушутя, полусерьёзно возьми да заяви: «Николай Николаевич, поставь мне, пожалуйста, домашний телефон». «Могу поставить хоть завтра, ответил он, но у меня все монтажеры заняты». «Если сможешь сам провести проводку и подключиться в подъезде к свободной паре, то я сразу же включу линию и сообщу тебе номер телефона».

Ковдорский узел связи в 70-е годы

Несмотря на то, что распределительная телефонная коробка была на втором этаже подъезда, а наша квартира на пятом, уже на второй день в прихожей стоял телефон, в ожидании сигнала с коммутатора. Первый звонок с телефонной станции, с сообщением номера нашего телефона, прозвучал, словно праздничный салют, в честь дня Победы. Радость была безмерная. С появлением этого аппарата, по вечерам, я чаще стал бывать дома, и в то же самое время, выполнять немало общественных дел. Выезжая за пределы города в командировки, или по каким-то другим делам, появилась возможность в любое время связаться с домом и узнать, как там дела. Одним словом, телефон стал для нас не роскошью, а средством связи с обществом, родственниками и друзьями.

Спустя много лет, встречаясь на улицах города с бородатым, сгорбленным, с палочкой в руках старичком, я каждый раз с благодарностью вспоминаю его за тот подарок, который он сделал мне и всей нашей семье, в те далёкие уже годы. Хочется пожелать ему доброго здоровья на долгие годы!

Как я уже писал выше, в своё время я уволился из геологоразведки главным образом из-за того, что чрезмерно был «завален» различными общественными нагрузками, как я называл их: портфелями. Не зря существует такое поверье, что вся наша жизнь протекает по спирали. Давние события, через какое-то время возвращаются вновь. Анализируя прошлые годы, невольно начинаешь верить в правоте этих суждений.

Стоило мне перевестись с участка экскавации в электрослужбу, как тут же посыпались различные поручения, как из рога изобилия: политинформатор, депутат Апатитского Совета, заместитель председателя Рудкома, дружинник. Все поручения я старался исполнять, а это всегда действовало против меня. Как говорится: кто везёт, того и погоняют.

Как-то после смены, секретарь партийной организации рудника, Подчапко Михаил Михайлович, пригласил меня в кабинет, где обычно заседали члены партийного бюро, на собеседование. Он сообщил, что в самое ближайшее время, намечается провести перевыборное профсоюзное собрание. Партийная организация приняла решение заменить председателя Рудкома, Попова Николая Фёдоровича, который руководит рудничным профсоюзом уже несколько лет, а на его место предложить мою кандидатуру.

Все мои доказательства о том, что я и так загружен по самые уши, не воспринимались всерьёз. Очевидно, члены партийного бюро, во главе с Подчапко, придерживались пословицы: «Люблю серого за обычай: кряхтит, а тянет». Приближались выборы в местные Советы, и Михаил Михайлович пообещал, что взамен на моё согласие, они не будут выдвигать мою кандидатуру в Апатитский Городской Совет. На таких условиях, я согласился возглавить профсоюзную организацию Рудника.

24 октября 1974 года, на профсоюзном собрании был избран новый состав Рудкома в количестве 11-ти человек. На этом же собрании - 4 человека были избраны в комиссию Рабочего контроля, - 7 в редколлегию, 10 - в профгруппорги, 12 - страхделегатами, 21 - инспекторами по т/б – (технике безопасности), 6 - в спортивно-массовый сектор, 3 - человека в ПДПС. На первом заседании Рудкома, я был избран председателем, Евтушенко Сергей Яковлевич – зам. председателя.

Буквально с первых дней, я почувствовал тяжесть очередного портфеля. Профсоюзная организация, состоящая почти из тысячи человек, требовала постоянного, ежедневного внимания. Это, прежде всего работа, с людьми и для людей. При всех своих недостатках, профсоюзные организации тех лет, играли заметную роль в жизни каждого работника комбината. Принимали самое активное участие с первых и до последних дней его жизни.

Профсоюзу до всего было дело. Родился ребёнок, надо поздравить родителей, и вручить какой-то подарок, позаботиться о выделении места в детские ясли, в садик, в пионерский или в трудовой лагерь и т.д. Следить за выполнением Коллективного договора, где оговаривались условия труда и отдыха каждого работника. И чтобы это всё выполнялось, нужно было организовать работу, прежде всего, самого Рудкома, и всех вновь избранных секций. Несмотря на такую объёмную и многоплановую работу, на выполнение которой требовалось приложение определённых сил и немало личного времени, от основной работы меня никто не освобождал.

Я должен был, как и все, отработать на своём рабочем месте смену, после чего заниматься профсоюзными делами. Старый председатель хоть и числился буровиком, но на буровом станке не работал ни дня. Таким распорядком дня был недоволен не только я, но и рабочие, которые приходили в Рудком по каким-то делам. Кому-то нужно было оформить больничный лист, кто-то подавал заявление, о постановке в очередь на квартиру, в детские ясли или в садик. Кому-то требовалась путёвка в дом отдыха, в санаторий, или в местный санаторий-профилакторий, кто-то желал встать в очередь на выделение автомашины.

Приходили нередко и по чисто житейским вопросам, по которым нужно было совершать какие-то действия. Приструнить загулявшего мужа, оказать материальную помощь семье, оказавшейся, по каким-то причинам, в трудном положении, оказать помощь в погребении усопшего родственника. Ну и так далее. Все причины и случаи очень трудно вспомнить и перечислить.

Частенько, после работы, допоздна, приходилось заниматься всеми этими и многими другими делами. Когда число жалоб стало возрастать от рабочих, работающих по скользящему графику, о том, что они не всегда могут застать председателя в Рудкоме, меня с участка перевели на работу электриком в АБЗ (административно-бытовое здание) по обслуживанию электроустановок в этом помещении.

На первых порах было нелегко, но приходилось терпеть. Как говорится: «Терпенье – лучшее спасение». А ещё говорят: «Не гневи бога ропотом, молись ему шепотом». После такого перемещения, дневной посетитель мог меня разыскать внутри этого здания и решить свои дела. После смены, я мылся, переодевался и отправлялся в кабинет, который был выделен для Рудкома.

В годы Советской власти, родственные предприятия соревновались между собой и один раз в квартал подводили итоги этого соцсоревнования, и определяли победителя. Подведение итогов проводилось поочередно на территориях, соревнующихся. Ковдорский ГОК соревновался с Оленингорским комбинатом, а наш рудник «Железный» с Апатитским рудником, расположенным в Хибинских горах на Плато Росвумчорр, на высоте тысячу метров над уровнем моря.

Моя первая поездка, после избрания председателем Рудкома, состоялась в город Оленегорск. Выезжали мы туда целой делегацией, во главе с председателем Профкома ГОКа, Треничевым Анатолием Васильевичем. В состав делегации входили все председатели профсоюзных комитетов цехов Ковдорского ГОКа, и несколько человек от дирекции комбината.

Сухачев А.И. и Треничев А.В. (справа)

Расстояние между нашими городами всего 170 километров, а по прямой, и того меньше, а климатические условия заметно отличались между нашими местностями. Оленегорск, славился сильными ветрами и частыми заносами на дорогах. Нередко в этом районе застревали машины, и не могли выбраться без посторонней помощи. Роза ветров практически была постоянной и, огибая хребет Хибинских гор, ветер упирался прямо в дома жителей Оленегорска. Как нам рассказывали, однажды там был ветер такой силы, что выдавливал в домах оконные рамы. В день нашего приезда, рамы были на своих местах, но удерживать тепло были уже не в состоянии, и нам в гостинице выдали в каждый номер по электроплитке, где мы отогревали окоченевшие руки и носы. Чтобы мы не замёрзли ночью, нам выдали по два ватных одеяла.

Железорудный карьер, куда нас привезли на следующее утро, во многом отличался от нашего рудника. Во-первых, по залеганию рудного тела. У них, железная руда залегает горизонтально, а в нашем карьере, под углом 45° . У них транспортировка руды на обогатительную фабрику производилась при помощи железнодорожного транспорта, а у нас автомобильным. В отличие от нас, Оленегорский ГОК обладал более мощной ремонтной базой. У них был целый завод, а у нас только небольшие мастерские.

Да и вообще нас постоянно принимали (и в Министерстве, и в Оленегорске), за младших братьев, так как при первичном планировании в 50-е годы, Оленегорский комбинат запускался первым (ещё в 1954 году), а наш, Ковдорский ГОК вышел на промышленную мощность почти на десять лет позже. И пробные «прокрутки» нашей руды проходили на технологическом оборудовании Оленегорска, и многие наши мастера-технологи проходили практику на этом комбинате. Об этом хорошо и подробно описал в своей книге «Записки горного инженера» А.И. Сухачев.

Поэтому всей нашей делегации было особенно интересно пройтись по всем цехам и подразделениям Оленегорского ГОКа, посмотреть, пощупать всё своими руками, сравнить и поговорить с местными специалистами.

Оленегорский ГОК

При возвращении из экскурсии по пром-площадке, нас отлично накормили в городской столовой. До проведения очередных мероприятий было ещё свободное время, и мы отправились отогреться и отдохнуть в гостиницу. Номера в гостинице были разные: от одно до четырёхместных. Заселение в них производилось в зависимости от звания человека. Чем выше чин, тем меньше коек в номере и больше удобств. Так как мы имели невысокие звания, нас четверых поселили в четырёхместный.

Среди нас был один украинец, Николай, которого по имени почти никогда не звали, а звали: «Слухай сюда». Он, прежде чем обратить внимание собеседника, обращался к нему с этими словами. Его мало кто знал по фамилии, а по кличке очень многие. При возвращении в номер, Коля, не раздеваясь, лёг на койку, а мы сели на стулья и начали делиться впечатлениями, о поездке в карьер. Коля в нашей беседе не принимал участие, а заложив правую руку за голову, почти неподвижными глазами смотрел в потолок и мысленно был где-то далеко от нас.

Неожиданно, оторвав взгляд от потолка и повернувшись на левый бок, он изрёк: «Гэнька, слухай сюда. Я сегодня ночью из-за твоего храпа долго не мог уснуть». Я начал оправдываться, говоря, что во сне не могу управлять своими действиями. Во сне очень многие храпят, и я ничего не могут поделать. «А вот я не храплю» – заявил Коля, повернулся на правый бок и поудобней устроился на маленькой подушке. Не прошло и десяти минут, как Коля засопел, смачно зачмокал губами, начал производить какие-то звуки похожие на свинячье хрюканье, раскрыв рот, так захрапел, что его толстые выпяченные вперёд губы завибрировали, словно гитарные струны. Причём, храп, был какой-то двусторонний, с присвистом. Мы от неожиданности, словно по команде, громко рассмеялись, помня об утверждении Николая, о его спокойном, безхраповом сне. Проснувшись, Николай не поверил нашему рассказу, заявив, что мы это всё придумали.

После подведения итогов, и определения победителей, вечером, в ресторане был организован банкет, на котором присутствовали руководители Оленегорского комбината, профсоюзные деятели Ковдорскрго ГОКа и вся наша делегация. Многие из нашей делегации бывали здесь и раньше, и поэтому чувствовали себя как дома. Закуска на столах была отменная, и приготовленная с большим мастерством. Были даже солёные арбузы, которых я не видел со дня отъезда из Казахстана. Руководителя нашей делегации, после обхода им всех столов с тостами, пришлось вести до гостиницы под ручки. Одним словом, заключительную часть социалистического соревнования провели незабываемо, организовано, вкусно, сытно, весело и с большой пользой.

Вторая поездка, в ранге председателя Рудкома, у меня состоялась в феврале 1975 года на рудник «Центральный», комбината «Апатит», и тоже для подведения итогов соцсоревнования между нашими коллективами. На сей раз, наша делегация была на много скромней и состояла всего из 5 человек: Тихомиров С.С. – машинист экскаватора, Вертебный Александр Игнатович - машинист бурового станка, Чикунов Г.Н. – председатель Рудкома, Александров Василий Александрович, и Галигузов Алексей Михалович, инженерно-технические работники рудника. Руководителем нашей делегации числился я, как председатель Рудкома.

Кировск встретил нас прекрасной погодой, что случается в этих местах не так часто. Солнце было где-то за горами и освещало только белоснежные макушки заоблачных Хибинских высот, сияющих девственной белизной, словно сахарные головки. День был безоблачный, но город лежал в тени, затенённый километровыми вершинами, обступавшими городские кварталы плотным кольцом. На мой взгляд, каждый город помимо ландшафта и архитектурных особенностей имеет свой запах. Иногда только по запаху, можно определить, каким производством занято то или иное поселение. Кировск можно узнать с закрытыми глазами по запаху химических реагентов, которые используются на обогатительной фабрике, расположенной в черте города.

Поселили нас в так называемой «Кривой» гостинице. Её прозвали так в народе из-за кривого здания, выходящего полукруглым фасадом на центральную площадь города Кировска.

На следующее утро, когда на улице было ещё темно, когда белоснежные вершины гор ещё не проявились на фоне тёмного безоблачного неба, к подъезду гостиницы подкатил автобус и повёз нас на рудник «Центральный», который располагался в Хибинских горах на высоте 1000 метров, на плато Росвумчорр. Автобус, натужно гудя, медленно поднимался по горному серпантину. После каждого витка небо светлело. Кто-то из сидящих в автобусе с удивлением произнёс: «Смотрите, солнце-то уже ниже нас». И мы все уставились на жёлтый, огненный шар, медленно выплывающий из-за снежной вершины, как на какое-то чудо. Такое можно увидеть, только поднявшись в заоблачную высь. Нас поразило белое безмолвие целой цепи гор, раскинувшихся по обе стороны дороги на плато, глубокие ущелья с такими колоритными названиями, как «Дразнящее Эхо».

Встретивший нас начальник участка Ю. М. Васильев, заметил: «Вам повезло, погода сегодня, как по заказу...» Да, в этот день, над огромной чашей плато, раскинулось синее безоблачное небо. Но остатки недавней бушевавшей вьюги сохранились: здания стояли, укутанные в белую снежную шубу. Я, как электрик, обратил внимание на то, что на самом плато нет ни одного столба и все электроустановки запитаны электрическими кабелями. Начальник участка объяснил это тем, что здесь настолько сильное обледенение, что провода не выдерживают огромного веса и рвутся как гитарные струны, а столбы ломаются, словно гнилые спички.

Ещё при подъезде к руднику, мы обратили внимание на столбы, покрытые ледяным панцирем примерно в два обхвата толщиной. Рабочие называют свой рудник не иначе, как Антарктида. Снег и сильные бураны бывают даже в августе месяце. Иногда, из-за разбушевавшейся стихии, невозможно произвести пересменку и рабочие не могут вовремя вернуться домой.

На плато Расвумчорр.

Переходя от бурового станка к экскаватору, мы услышали немало забавных историй, связанных с погодными условиями легендарного плато Росвумчорр. Глядя на ясное небо, мерно стучащие буровые станки, спокойно бегущие гружёные рудой «БЕЛАЗы», трудно представить себе это место, покрытое мглой и разрываемое яростным немилосердным снежным ураганом.

Примерно в центре карьера, привлекло наше внимание, какое-то людское скопление. Все были чем-то возбуждены, громко разговаривали, о чём-то спорили. Когда мы подошли поближе, то увидели яму огромного диаметра и «БЕЛАЗа» торчащего из неё. Чтобы не вывозить добываемую руду с километровой высоты, почти в центре карьера был пробит вниз рудоспуск. Выгружаемая руда с «БЕЛАЗов» летит вниз своим ходом по желобу в железнодорожные вагоны, которые доставляют её на обогатительную фабрику. Один из «БЕЛАЗов», сдавывая задом, перескочил ограничительную бровку и улетел в эту яму. К счастью, шофёр не пострадал, а машину, к концу смены вытащили.

Я уже не помню, кто был признан победителем в нашем соревновании с рудником «Центральный», но помню хорошо плато Росвумчорр и его героических работников, работающих в невероятно трудных климатических условиях, во многом схожих с антарктическими.

Я уже писал ранее, что в электрослужбе нашего рудника произошёл несчастный случай со смертельным исходом. Погиб от поражения электрическим током высокого напряжения наш товарищ, Беднов Алексей Петрович, которого мы все звали просто Лёша. Так получилось, что я в это время как раз уже был председателем Рудкома.

Естественно, как это водится в подобных случаях, работала комиссия по выявлению причин гибели человека и установлению виновных лиц в случившемся. В список виновных были включены целый ряд лиц, в том числе и я, за неудовлетворительную работу с инспекторами по технике безопасности. Судили только начальника участка, Логинова Виталия Семёновича. Признали его виновным в случившемся и приговорили к условному сроку.

Я уже писал, что главным застройщиком жилья и промышленных предприятий и объектов соцкультбыта, в городе был Ковдорский ГОК. Чаще всех справляли новоселье работники этого предприятия и строители треста «Ковдорстрой». Город, из деревянного и барачного, постепенно превращался в каменный и многоэтажный, с благоустроенными квартирами со всеми удобствами. Не трудно себе представить, сколько радости и облегчения приносило каждой семье переселение из барака, в каменный дом.

Это был самый настоящий семейный праздник, который запоминался навсегда. К сожалению, спрос на жильё во много раз превышал предложения, и многие успевали прожить в бараке по десять и более лет. Очередность на жильё уменьшалась, но очень медленно. На каждом предприятии распределением жилья ведала администрация совместно с профсоюзной организацией. Не все знают, что каждое распределение это очень трудоёмкая, кропотливая, и неблагодарная работа.

Особенно, когда производится заселение многоквартирного дома. После утверждения кандидатов, составляется, так называемая, «простыня», куда заносятся фамилии лиц, получающих жильё в новом доме. Какое жильё они освобождают, кто заселяется в их жильё. И так далее, по цепочке, по несколько перемещений. И когда, так называемая «простынь» свёрстана, безболезненно переместить ни одну фамилию уже невозможно. А в процессе заселения, иногда приходится это делать.

До рудника, в геологоразведке, мне приходилось принимать участие в распределении жилья. Но там были единичные комнаты. С заселением многоквартирного дома, я столкнулся впервые в 1975 году, когда ГОК сдавал дом по переулку Северный – 10^а. До заселения дома, я совершил одну, как мне казалось незначительную ошибку, за которую потом несколько месяцев получал тумаки. Когда люди узнали, что им выделили жильё, все захотели до переезда осмотреть его и бросились ко мне, чтобы узнать номер квартиры. Я, когда-то сам был в подобном положении и вполне понимал радостное нетерпение людей, как можно скорей познакомиться с новым жильём. По наивности своей, я и не предполагал, что эти сведения не должны разглашаться до вручения новосёлам ордеров и ключей, и выдал эту «тайну» всем жаждущим.

Что тут началось! Кому-то не подходил первый этаж, кому-то пятый. У кого-то все окна выходили на север, кому-то досталась угловая квартира и т.д. Дело получило такой резонанс, что для урегулирования этого вопроса вынуждены были вмешаться директор комбината, Сухачев Алексей Иванович и председатель Профкома, Треничев Анатолий Васильевич. Одна семья даже ходила с жалобой в Райком партии. Сколько многолитровых клизм за это милосердие я получил, лучше не вспоминать.

В те годы, большой популярностью среди работников пользовались путёвки в дома отдыха, санатории, в том числе и в наш местный санаторий-профилакторий. Сейчас кажется неправдоподобным, но за 30 рублей можно было отдохнуть на берегу Чёрного моря с лечением и полным пансионом почти месяц. Но это действительно было. Санаторные путёвки выдавались по медицинским показаниям, а в дома отдыха, по личному желанию отпускника. Путёвки были дешёвые, но не всегда хватало всем желающим. Иногда, на одну путёвку поступало по несколько заявлений. В таких случаях комиссия соцстраха решала, кому отдать предпочтение. Встречались такие инженерно-технические работники, которые, можно сказать, постоянно паслись в Рудкоме. При поступлении путёвок, тут же проявляли интерес к ним. Особенно этим отличался Александров Василий Александрович. Мы ему несколько раз выделили понравившиеся ему путёвки, а потом начали отказывать, на что он очень обижался.

В случаях, когда было несколько претендентов, я всегда склонялся в пользу рабочего, который работал в гораздо худших экологических условиях, чем конторский работник. Даже ежедневное ношение рабочей робы, производит отрицательное психологическое воздействие на человека, не говоря уже о вибрации, шуме, пыли и северных погодных условиях.

Особой популярностью пользовались южные районы страны, знаменитые и престижные санатории и дома отдыха. Один раз в жизни довелось и мне побывать в одном из санаториев нашей страны.

Почти с самой ленинградской блокады, мой желудок давал о себе знать. И осенью 1974 года, я решил обследоваться по этому поводу с врачами нашей районной поликлиники. После мучительного кишкоглотания, меня отправили на рентген. Во время просмотра моих внутренностей, врач-рентгенолог задала мне неожиданный вопрос: «Водку пьёшь?» Я ответил, что по праздникам бывает, выпиваю. «По твоему желудку я вижу, что у тебя очень часты эти праздники. Желудок сморщен, стенки утолщены».

Понимая бесполезность доказывать ошибочность утверждения врача, я без лишних слов, взял заключение рентгенолога и пошёл на приём к терапевту. После моего рассказа о том, что рентгенолог признала меня алкоголиком, врач-терапевт удивил меня ещё больше, заявив: «Если пьёшь, то зачем скрываешь?». Узнав о том, что я в своё время пережил ленинградскую блокаду и голод, в заключении он заявил, что это у меня: «Эхо войны». Желательно подлечиться в санатории». Валя, когда я пришёл домой, долго смеялась, узнав о том, что меня признали алкоголиком. Несколько дней посмеиваясь, называла меня дома этим поганым именем.

К тому времени, в Рудкоме ещё оставались две путёвки, связанные с лечением желудочно-кишечных заболеваний. Одна в Ессентуки, а вторая, в Эстонский город Хаапсалу. Я выбрал незнакомый мне город Хаапсалу, и в марте 1975 года поездом, с пересадками в Ленинграде, и Таллинне, отправился на лечение. Путёвка начиналась с 19 марта 1975г. и заканчивалась 11 апреля.

Рано утром 18 марта, я уже был в Таллинне. Находясь на перроне вокзала, в ожидании пригородного поезда, я обратил внимание на то, что со всех сторон раздавались голоса только на эстонском языке. Складывалось такое впечатление, что я – единственный русский среди этой массы людей.

Бывая ранее в других Союзных Республиках, в любом месте можно было встретить русского человека, а здесь, видимо, русская прослойка на много меньше, чем в других регионах страны. Неожиданно прозвучавшая недалеко от меня в этом речевом океане русская речь, пролилась по моей душе, словно сладостный бальзам. Какой-то мужчина интересовался у местного жителя, где останавливается поезд, следующий до Хаапсалу. Русский, да ещё и попутчик, – это было просто везение. Вполне естественно, что я тут же направился к нему.

Оказалось, что он из Мурманска, зовут его Миша, едет он в тот же самый санаторий и тоже на лечение желудка. Рядом с ним стоящая молодая женщина, тоже добиралась до этого санатория. Как говорится: не было ни гроша, да вдруг алтын. Минуту назад, я был один среди этой эстоноговорящей массы людей, и не с кем было словом обмолвиться, а теперь нас стало трое, и мы без усталости, стали обмениваться какими-то новостями, словно знакомые с детства. В подобной обстановке, люди сближаются очень быстро и за короткое время можно узнать чуть ли не всю подноготную, о новом знакомом. До прихода нашего поезда, я уже знал, что Миша – моряк. Несколько лет ходил на кораблях торгового флота. В настоящее время работает на буксире в Мурманском порту. Женат, имеет двух детей.

Оказывается, в Хаапсалу, в одном из старейших городов Эстонии, который расположился на самом западном берегу Финского залива, сохранились ещё целые улицы, с древнейшими постройками. Улицы настолько узкие, что соседи противостоящих домов свободно могли поздороваться друг с другом за руку, прямо из своих жилищ. Свежему человеку сориентироваться в этом лабиринте очень сложно.

Мы пока нашли свой санаторий, многократно уточняли у прохожих местонахождение нашего лечебного учреждения. Мы думали, что мы одни такие бестолковые. Но, буквально на следующий день встретили одного молодого человека, который полдня плутал по улицам города, в поисках этого же санатория. От досады, он высказывал в адрес города весьма нелестные слова чисто русскими словами. Так как за сутки мы уже вполне освоились в данной местности, то довели заблудшего до места назначения. Потом уже мы поняли, что все улицы ведут к морю.

Несмотря на то, что я привёз с собой медицинскую карточку, где были указаны все результаты проведённых анализов, здесь пришлось всё проходить заново. Снова нужно было глотать кишку. Я шёл на эту пытку спокойно в надежде на то, что здесь, в специализированном учреждении, шланги будут потоньше и специалисты поопытней.

Но как оказалось, мои надежды не оправдались. Встретившая меня в процедурном кабинете толстая эстонка, с двойным подбородком, достала с какого-то шкафчика толстенный шланг, вставила конец этого шланга в мой рот и на ломаном русском языке предложила мне его проглотить. Я ответил, что не могу проглотить потому, что шланг находится далеко от горла. Она, не пытаясь втолкнуть его в горло, предложила глотать этот шланг как кусок хлеба. Одним словом, вышел я с этого кабинета словно из пыточной камеры, с благодарностью вспоминая наших медсестёр, которых дома называл недобрым словом. Не зря говорят, что всё познаётся в сравнении.

После сдачи всех анализов, понавыписывали мне целую кучу процедур. Среди всех прочих, самой неприятной была грязевая. Каждый раз приходилось лежать в такой грязи, после которой очень долго приходилось отмываться. Не все выдерживали эту поросычу процедуру и под разными предлогами старались от неё отделаться. После прохождения процедуры, в Санаторно-курортной книжке ставили штампик: «Отпущено».

Один парнишка, уловив момент, когда медсестра отлучилась на какое-то время от своего столика, взял в руки штампик, лежащий на столе, и быстренько отштамповал в своей книжке: «Отпущено» от начала и до конца заезда. После этого, в грязелечебнице мы его больше не видели. Но я, возлагая большие надежды на этот санаторий, прошел все процедуры, от начала и до конца. Питание было обыкновенное, большим разнообразием не блистало. Большое влияние на качество блюд имела местная водопроводная вода, которая была не на много пресней, чем вода в Финском заливе. Даже чай и компот больше были солёные, чем сладкие. Утолить жажду можно было только водой, купленной в магазине.

В столовой санатория

Приближалась последняя суббота марта. Я специально рассчитал свою лечебно-санаторную поездку так, чтобы успеть попасть к этому дню в Ленинград, где планировалась встреча с моими друзьями-целинниками. Уже несколько лет в этот день мы, бывшие целинники, работавшие в совхозе им. Жданова Павлодарской области Краснокутского района, собирались в Ленинграде на наш Целинный Сабантуй. Иногда мы называли его ещё Съездом целинников. Где бы я ни был, в этот день, всеми правдами и неправдами старался не пропустить этот знаменательный для нас день, и обязательно встретится со своими давними друзьями.

В те годы приезжали на эту встречу не только живущие в Ленинграде, но и ребята из других областей Союза. Один раз побывала на нашей встрече делегация из Казахстана, во главе с парторгом совхоза, где мы, когда-то работали. А однажды, администрация Ждановского района Ленинграда организовала встречу целинников в Доме культуры им. Промкооперации, который мы называли просто «Промка».

На сей раз, я был сравнительно недалеко от Ленинграда, но меня сдерживали от поездки процедуры, которые необходимо было принимать ежедневно. Бросить всё и уехать – это значит нарваться на скандал. Я узнал, что из Таллинна до Ленинграда можно долететь самолётом всего за один час. Правда, перед этим, до аэропорта из Хаапсалу нужно добираться поездом два часа. Прикинув все за и против, я отправился к главврачу с просьбой, разрешить мне удалиться из санатория на два дня. Вопреки моим опасениям, главврач спокойно отпустила меня восвояси, сказав при этом, что я могу быть в Ленинграде столько, сколько будет нужно.

Рано утром, 29 марта, в приподнятом настроении, с билетом в кармане на самолёт, я уже был в поезде Хаапсалу-Таллинн. Всё было хорошо кроме погоды. Всё небо заслоняли чёрные свинцовые тучи, низко ползущие над землёй, низвергавшие на землю то дождь то снег, то мокрую смесь сразу. Я с боязнью смотрел на небо, но ехал с надеждой, что ближе к отлёту небо посветлеет, выглянет солнце, и мы благополучно долетим до Ленинграда.

Я уже был в аэропорту, когда погода ещё больше ухудшилась, и настроение было под стать погоде. Вопреки моим опасениям, за час до вылета объявили регистрацию билетов на наш рейс. Это означало, что, несмотря на такую слякоть, мы всё-таки полетим! Через час, мы уже сидели в ЯК-40 на своих местах и созерцали через иллюминаторные стёкла на заснеженные самолётные крылья. В снегу были не только крылья. Весь фюзеляж был облеплен снежными хлопьями, словно новогодняя игрушка для предстоящего праздника. В своё время, проработав несколько лет на производстве связанном с авиацией, я знал, что в подобную погоду самолёты могут подвергнуться обледенению и в полёт его не отправят без специальной обработки. Возможно, думал я, в гражданской авиации придумали какие-то обогреватели, которые предохраняют самолёт от обледенения. Оказалось, что самолёт не был оборудован никакими обогревателями.

После того, как закончилась посадка пассажиров, к самолёту подкатила машина с огромной бочкой и со стрелой, обкатила весь самолет какой-то пеной, и мы почти сразу начали выруливать на взлётную полосу и полетели. Тучи настолько были низко от земли, что самолёт едва оторвавшись от бетонки, почти сразу же врезался в тёмное марево, и в салоне наступили хмурые сумерки.

В отличие от винтовых самолётов, на которых мне доводилось летать ранее, в салоне ЯК-40 едва было слышно работу двигателей. Вместо привычного рёва, за бортом, где-то сзади, раздавался равномерный свист, и самолёт плавно набирал высоту. Через какое-то время, тучи расступились и в иллюминаторы ворвались яркие лучи солнца, которые сопровождали нас по всему маршруту. Вверху было тёмно-синее небо, а внизу сплошные, без просвета облака, освещённые ярким весенним солнцем. Даже не верилось,

что в это же самое время на земле идёт дождь или валит снег огромными мокрыми хлопьями.

Но всё-таки пришлось поверить, когда при приближении к цели, самолёт начал снижаться и в салоне самолёта снова наступили сумерки. Тучи настолько были густыми, что самолётные плоскости едва просвечивались сквозь этот туман. Мне казалось, что мы давно должны были быть уже на земле, а самолёт всё снижался и снижался, а земли всё ещё не было видно. Уже были выпущены шасси, а внизу всё также стояла непроглядная тьма. Тучи распахнули свои одеяния, когда самолёт уже был над взлетно-посадочной полосой.

Из самолёта я выходил последний, вместе с экипажем. У лётчиков я поинтересовался, какова была толщина облачности, через которую мы только что прошли? Они сказали, что около семи километров.

Несмотря на все переживания, волнения и сомнения, после полудня, я уже шагнул по Ленинградским лужам. У аэровокзала поймал свободное такси, и примерно через час уже был на Гражданском проспекте. Там уже были почти все в сборе, но я не опоздал. Для меня было приятным сюрпризом, что на эту встречу приехал из Кронштадта замечательный гитарист, Серёжка Торопов с женой Верой. Мы с ним не виделись примерно с 1959 года. В своё время в Казахстане, в составе трио: Торопов, Чикунов, Максименко, мы дали бесчисленное количество концертов во многих уголках Павлодарской области.

Встреча как всегда прошла шумно, весело, с целой серией воспоминаний о годах, прожитых на целинных землях Казахстана. С каждым годом становились мы всё старше, житейские заботы делали нас серьёзней и мудрей, а во время целинных встреч, мы снова становились просто мальчишками и девчонками и снова шутили, и дурачились, как несколько десятков лет назад.

Мои целинные друзья (с гитарой – С. Торопов)

Не зря говорят, что всё хорошее быстро кончается. На следующий день мне нужно было срочно возвращаться назад, в Эстонию, чтобы продолжить начатое лечение. До такси меня провожала целая делегация друзей, которые вчера не уехали домой, а остались, чтобы продолжить вчерашнюю встречу. Минут через сорок, я уже был в аэропорту Пулково, а во второй половине дня уже в Хаапсалу.

Незаметно наступило 11 апреля, последний день нашего пребывания в санатории. Ни воды, ни местные грязи мне не помогли. С какими болячками я приехал, с теми же и вернулся назад. Санаторные врачи объяснили это тем, что мне нужно было ехать в другое место. Многие, когда узнали, что я сам занимаюсь распределением путёвок, очень удивились, что я выбрал Хаапсалу, а не, к примеру, Эссентуки или Минводы.

Отпуск обычно ждёшь долго, но он быстро кончается. Перед отъездом, побывав в гостях в Ленинграде у родственников и целинных друзей, я вернулся на север, в Ковдор. Буквально с первых дней пришлось засучивать рукава и с головой окунуться в работу, как в основную, так и в общественную. Мой заместитель по Рудкому, Евтушенко Сергей Яковлевич, в общем-то, честный, работающий и ответственный человек, профсоюзную работу в моё отсутствие подзапустил, и мне пришлось с первых же дней навёрстывать упущенное.

Рабочие, как только узнали о моём возвращении из отпуска, тут же ринулись в Рудком с самыми различными вопросами. Кроме разрешения личных вопросов работающих, нужно было выполнять и дела общественные: проводить участковые и общерудничные собрания, подводить итоги соцсоревнования между участками, семинары с инспекторами по технике безопасности, организовывать спортивные соревнования, бывать в подшефных классах в общеобразовательной школе №1.

Школа №1 (1984 г.)

Каждый понедельник нужно было бывать на планёрке в управлении комбината, которую проводил директор, Сухачев Алексей Иванович. Этот перечень можно было продолжать до бесконечности. И всю эту работу нужно было проводить в не рабочее время. В это же самое время, будучи председателем постоянной комиссии Горисполкома, мне нужно было организовать работу депутатов, входящих в комиссию.

Обычно, к общегосударственным и профессиональным праздникам, совместно с администрацией рудника, подводились итоги соцсоревнования. Победители награждались денежными премиями, Почётными грамотами, кому-то объявлялись благодарности. Частенько Почётные грамоты доводилось вручать мне. До сих пор мне помнится одно из таких собраний, когда при вручении Грамоты, я немножко оконфузился, поставив в неловкое положения награждаемую работницу, да и себя тоже. Вместо фамилии: Хрёнова, я зачитал Хренóва, что вызвало весёлое оживление и смех в зале. Я, когда спохватился, было уже поздно. Как говорят: смех не воробей выпустишь - не поймаешь.

Когда меня «сватали» на должность председателя Рудкома, обещали больше не выдвигать в депутаты. Приближались очередные выборы в Местные Советы, и я тянул все эти ляжки с надеждой, что совсем скоро, я освобожусь от депутатских обязанностей и почувствую какое-то облегчение. К великому сожалению, моим мечтам не суждено было сбыться. Когда наступил момент выдвижения кандидатов в депутаты, моя фамилия вновь появилась в этом списке.

На мой вопрос: почему моя кандидатура снова значиться в списке? Секретарь партийной организации ответил, что меня выдвигает не рудник, а Райком партии. Против этой организации выступать было бесполезно. Я ответил Михаилу Михайловичу, что раз они своего слова не выполнили, после окончания моих полномочий, я от должности председателя Рудкома отказываюсь. Как раз приближались перевыборы, и в новый состав я не был включён, а депутатом всё-таки был избран вновь.

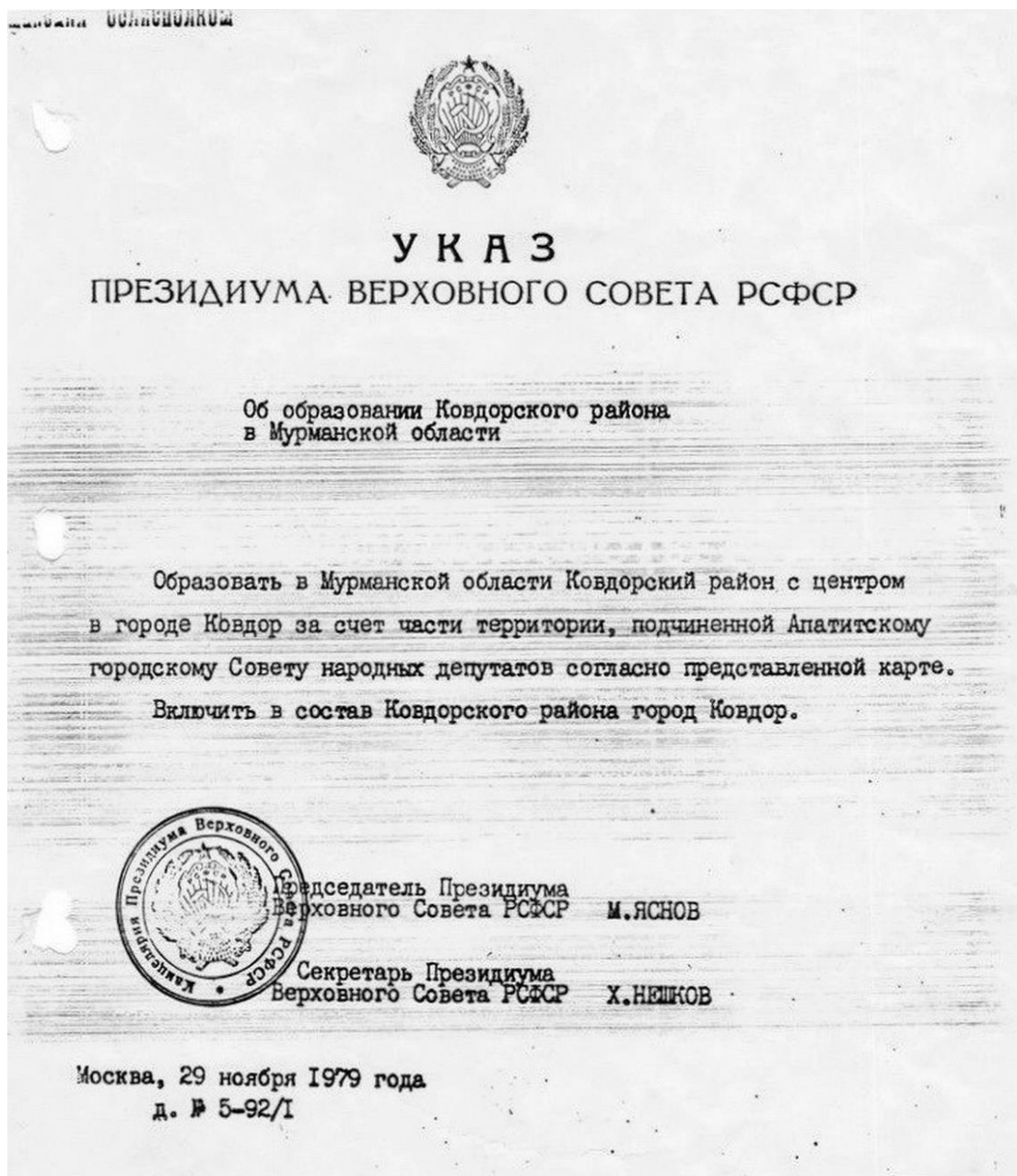

ул. Кирова. Справа – рабочая столовая ГОКа, а по вечерам – ресторан.

Все эти годы, и город, и район успешно развивались. Нарастивали свои мощности Ковдорский ГОК, трест «Ковдорстрой», ГОК «Ковдорслюда», Ковдорский леспромхоз. Вместо деревянных бараков появились целые улицы, застроенные каменными благоустроенными домами. Стали появляться разговоры о том, что Ковдор уже дорос до того, чтобы стать самостоятельным районным центром.

Какое-то время всё это было на уровне разговоров. Но когда на одной из партийных конференций об этом заявил Первый секретарь Мурманского обкома партии В.Н. Птицын, стало ясно, что в самое ближайшее время, это событие может произойти. И оно действительно произошло.

В ноябре 1979 года в печати появилось Постановление Правительства, об образовании в Мурманской области Ковдорского района. В Указе были очерчены границы будущего района, какие населённые пункты включались в его подчинение, районным центром назначался г. Ковдор. Также там было сказано, что депутаты, ранее избранные в Апатитский Совет от Ковдора, переводятся со всеми депутатскими полномочиями в Ковдорский район, до проведения выборов в Местные Советы. В связи с этим историческим событием, я фактически на три месяца очутился в роли руководителя вновь образованного района.

Все избранные депутаты в Апатитский Совет от Ковдора были включены в Депутатскую группу Ковдорского, уже Райисполкома, а председателем этой группы был избран я. Так как ещё ни один районный орган не был образован, то мы являлись единственными законными представителями Советской власти вновь созданного районного центра.

В Депутатскую группу входили все руководители промышленных предприятий района, и все они по положению были в моём подчинении. Такое положение сохранялось до февраля 1980 года. А 24 февраля был избран первый районный Совет, и мы передали ему свои полномочия. Месяцем ранее, 4 января 1980 года прошла 1я районная партийная конференция, на которой был избран Райком партии. Первым секретарём стал Поздняков Н.П. вторым - Комаров Е. Б. - будущий губернатор области.

Несмотря на то, что я уже избирался в Апатитский Городской Совет трижды: в 1973, 1975 и в 1977 годах, в 1980-м моя кандидатура вновь появилась в списках кандидатов в депутаты в Ковдорский Районный Совет. Апатитским Райкомом партии была положительно отмечена моя работа в Городском Совете, и при формировании Ковдорского Городского Совета, моя фамилия вновь была включена в список рекомендуемых.

На первой Районной сессии, меня избирают членом Исполкома и председателем Административной комиссии. Председателем исполкома был избран Румаков Герман Сергеевич, заместителем – Беличенко Николай Семёнович, Павлова Галина Степановна секретарём. Членами исполкома были избраны: Виноградов Валентин Александрович, Ершов Николай Петрович, Кириллов Александр Борисович, Поздняков Николай Павлович, Чикунов Геннадий Николаевич, Шмелёв Геннадий Андреевич.

Все члены исполкома были руководителями самых различных подразделений районного масштаба и среди них один я – электрослесарь рудника «Железный». Так, например, Ершов Николай Петрович был главным инженером Ковдорского ГОКА. Буквально через небольшой промежуток времени его утвердили Генеральным директором Костомукшского горно-обогатительного комбината, что в Карелии. Кириллов Александр Борисович возглавлял комсомольскую организацию района.

Поздняков Николай Павлович – первый секретарь Райкома партии. Ну и так далее. Первое время, я ощущал себя среди этой компании белой вороной. Точно такой же состав был избран и в административную комиссию, которую мне было поручено возглавлять. В неё были включены работники милиции, прокуратуры, руководители предприятий и учреждений района.

Работа в составе исполкома заметно отличалась по объёму от работ в постоянной комиссии и в депутатской группе. Депутатские группы, хотя и назывались малыми исполкомами, но все Постановления этих депутатских образований носили рекомендательный характер, а Решения Исполкома являлись законом и подлежали беспрекословному выполнению на всей территории района. И количество вопросов многократно превышало выше названных образований. Рассматривались, как персональные дела, касающиеся интересам отдельно взятого человека, так и вопросы районного масштаба.

В отличие от других членов Исполком, которые являясь руководителями предприятий, круглые сутки занимались теми же вопросами, которые рассматривались и на заседаниях Исполкома, для меня же осмысление всех этих дел давались нелегко. Приходилось в свободное от работы время, заниматься самообразованием. На первых заседаниях я сидел молча, внимательно слушая рассуждения умных, эрудированных, грамотных, с большим жизненным опытом людей и «мотал себе на ус». В дальнейшем и мой голос стал появляться во время обсуждений разбираемых вопросов. Однажды даже

мой голос оказался решающим, который повлиял на окончательное Решение обсуждаемого вопроса.

Решался вопрос, о премировании треста «Ковдорстрой» за досрочное введение, какого-то важного объекта. Объект был действительно построен, но из-за множества недоделок не был принят в эксплуатацию. Председатель Исполкома настаивал на том, чтобы, несмотря ни на что, выплатить премию, но не все члены Исполкома разделяли его точку зрения. При первом голосовании, голоса разделились, 50 на 50. При повторном голосовании, я проголосовал против, и Тресту было отказано в выплате премии. Председатель не скрывал своего негодования, но ничего не мог поделать. Решение приняло законную силу.

Почти каждое заседание Исполкома начиналось с обсуждения вопроса, о снижении возрастного ограничения на вступление в Законный брак молодых пар. За этими разрешениями приходили девчонки школьного возраста, чаще всего уже с заметными животиками. Эти вопросы очень внимательно обсуждались, но ни одной паре не было отказано в их просьбе.

Организовывать работу административной комиссии мне пришлось «с чистого листа». До избрания Районного Совета, в городе была только Городская Административная комиссия. После выборов стали возникать различные вопросы по взаимоотношениям между двумя этими организациями. На первый взгляд казалось, что городская комиссия должна заниматься городом, а районная населёнными пунктами района. Но город тоже входил в состав района, и тут стали возникать различные разногласия, которые никто не мог разрешить. Мне пришлось даже обращаться в Москву за консультацией, но и оттуда я получил очень расплывчатый ответ, который не внёс ясности в этот вопрос.

Как известно, административные комиссии являются карательными органами и не пользуются народной любовью. Там не вручают Почётных Грамот, не благодарят и не объявляют благодарностей. Провинившемуся заранее известно, что в этом кабинете его «обрадуют», каким-то наказанием. Наказывать людей значительно трудней, чем награждать или благодарить, несмотря на то, что первичные материалы поступали из других карательных организаций, с предложениями о наказании за ту или иную провинность.

В основном поставляла нам их милиция, а однажды на моё имя поступила бумага из лагеря заключённых, с предложением, наказать жительницу Ковдора, за нарушение Правила внутреннего распорядка исправительного заведения. Проще говоря, наша землячка, во время свидания с мужем, который сидел в этом лагере, пыталась передать ему какие-то запрещённые к передачи предметы, но попалась, и на неё были оформлены документы в Районную Административную комиссию. Естественно, мы её наказали, как к тому времени требовал закон.

Из-за отсутствия необходимой литературы, очень трудно было подобрать законную статью к конкретному нарушителю. В Положении об Административных комиссиях было сказано, что наказывать человека можно только в том случае, если имеется в Кодексе статья, прямо указывающая, что подобное действие является нарушением и какие в этом случае меры можно применять. Без специальной литературы, первое время работать было нелегко. Подарок корреспондента газеты «Полярная Правда» Колясниковой Татьяны Алексеевны, пришёлся как раз к стати. Подаренная книга, помогла избежать многих ошибок, в решении рассматриваемых дел.

До председательства в Административной комиссии, я каждый раз с некоторой опаской проходил мимо помещений, где располагались милиция или прокуратура, несмотря на то, что ничего криминального никогда не совершал. В ходе подготовки поступающих дел, для рассмотрения на комиссии, у меня появилась необходимость очень часто бывать, как в отделении милиции, так и в прокуратуре. В конечном итоге, мнимая боязнь пропала, и я стал почти своим человеком в этих организациях. В быту, работники этих учреждений были такими же людьми, как и все, с такими же достоинствами и недостатками.

Будучи избранным в Советы семь раз, ни один созыв мне не удалось побыть рядовым депутатом. Все шестнадцать лет пришлось возглавлять различные Постоянные комиссии и Депутатские группы. Соответственно, чаще, чем другим приходилось выступать на сессиях с отчётами, о проделанной работе, а иногда приходилось выступать и с содокладами.

Как мне помнится, с содокладом, о положении дел в коммунальном хозяйстве района, мне пришлось выступать на второй сессии 18 созыва, которая состоялась 21.09.82 г. С докладом тогда выступал председатель Райисполкома, Беличенко Н.С.. В отличие от доклада председателя Райисполкома, где основное внимание было уделено достижениям в области коммунального хозяйства, в моём выступлении отмечались больше недостатки. Начальству моё выступление не понравилось, из-за обилия критики, а пресса ещё и опубликовала часть вопросов, которые были мной, озвучены на этой сессии. В конце статьи было сообщено, что в следующем номере газеты будут опубликованы более подробные материал по моему выступлению. Но, ни в следующей, ни в последующих газетах, не было даже упоминания о прошедшей сессии.

В 1987 году прошли очередные выборы в местные Советы, и меня, уже в седьмой раз выбирают в Ковдорский Районный Совет. После выборов выяснилось, что я оказался старейшим депутатом в Ковдорском Районном Совете. Никто не избирался в Совет столько раз подряд. По заведённой традиции, я, как старейший депутат, открывал первую сессию 20-го созыва, которая состоялась 1.07.87 года. Я от души поздравил всех с избранием в депутаты, пожелал творческих успехов и объявил первую сессию открытой. Этот Совет успешно проработал до 1989 года.

В 1989 году я ушёл на пенсию со своей основной работы на руднике «Железном» Ковдорского ГОКа и, одновременно завершил свою многолетнюю общественную работу.

Г.Н. Чикунов в день выхода на пенсию

В деревне Стан.

Все те годы, пока дети были небольшими, мы почти все свои отпуска проводили на Валиной родине, в деревне Стан Калининской области. По Российским меркам, эту деревню по тому времени можно было назвать поселением средней величины. Она состояла из семидесяти пяти дворов, полностью заполненных многодетными семьями. В деревне было правление колхоза, своя школа, почта, клуб, магазин. Окружённые густым вековым лесом, добротные бревенчатые дома, разместившиеся по обоим берегам реки, весело отражались в спокойных водах не широкой, но полноводной Цне.

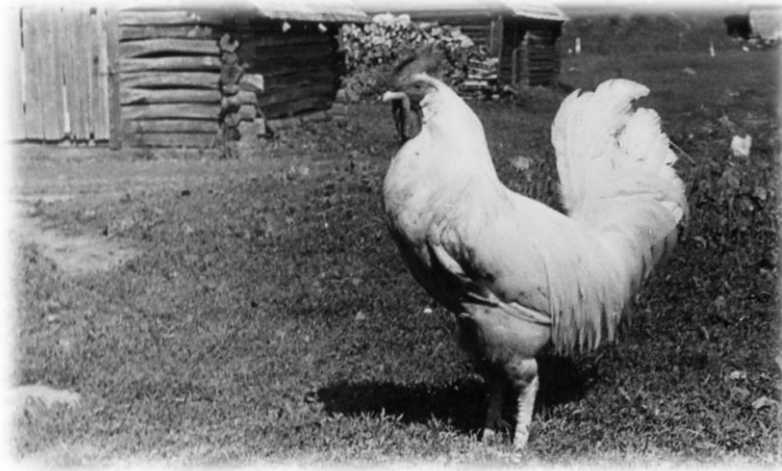

деревня Стан

Каждое деревенское утро начиналось с громкой переключки петухов. Стоило только забрезжить рассвету и какому-то дальнему петуху прокричать своё ку-ка-ре-ку, так сразу же всё петушиное братство, словно по команде, начинало громко оповещать жителей, о наступлении очередного трудового дня. Петухи в деревне являлись своего рода живыми будильниками. У многих, к этим хранителям времени, было двоякое отношение. С одной стороны, к ним относились с благодарностью за их неустанный и бескорыстный труд, а с другой, с негодованием, за прерванный сладкий, крепкий, желанный сон.

Помню, особенно не любил ранние петушиные кукареканья Валин брат, Витя. Как-то мы с ним ночевали на чердаке дома, по-деревенски на Вышке. На рассвете, я проснулся из-за громкой Витиной брани, который после каждого петушиного: «ку-ка-ре-ку» «обкладывал» его отборной бранью и грозился сегодня же отрубить ему башку и отправить в котёл. Несмотря на смертельную угрозу, петух, сидевший на насесте в хлеву, в десяти шагах от нас, продолжал горлопанить свою мелодию, а Виктор продолжал грозить ему жестокой смертной казнью.

Почти с первыми петухами, поодиночке и небольшими группками, заспанные доярки первыми устремлялись на молочную ферму, расположенную на окраине деревни. Тут же поднимались хозяйки ещё сонных домов, спешно доить своих дойных бурёнок, чтобы успеть отправить их с деревенским пастухом на луга, на сочные травы.

Наш постоянный деревенский «будильник»

Вместо дудочки, с которой очень часто изображается пастух в народных сказках, своё появление в деревне, командир и воспитатель скотского коллектива, озвучивал щелчками длинного кнута и громкими окриками сплошной матерщины. Это было сигналом для хозяек, что пора выпускать своих бурёнок на волю. За короткий промежуток времени одинокие коровки вливались в огромное стадо, оглашая деревенские улочки громким, басистым и продолжительным мычанием. Коровьи и козьи вопли, сливаясь между собой, образовывали какое-то подобие расстроенного хора, постепенно удаляющегося за пределы деревни.

После небольшой передышки, неожиданно для нас отдыхающих, под окнами дома раздавался громкий, зычный голос бригадирши Дарьи Ивановны, извещавшей, о месте работы в предстоящий рабочий день обитателей каждого конкретного дома. Причём, по количеству матов, она не уступала даже пастуху.

Почти после каждого слова звучало несколько смачных выражений, очень умело и талантливо вмонтированных в сказанные предложения. Прокричав условия наряда у окон одного дома, она отправлялась к следующему, и тирада почти из тех же заученных с детства слов, снова отдавалось эхом в просыпающейся деревне. Трещали пускachi заводимых тракторов, стоящих у домов трактористов и весь трудоспособный люд, кто пешком, кто на лошадях, кто на тракторных тележках отправлялся на полевые работы.

Работали все, от мала до велика. Даже так называемые дачники, приехавшие отдохнуть из других мест к своим родственникам, не сидели в домах, сложа руки. В зависимости от времени года, тоже занимались сельскохозяйственными работами. Так начиналось в летнее время почти каждое утро в деревне Стан Калининской области. Можно предположить, что и в других деревнях утреннее пробуждение происходило по тому же сценарию.

В пятидесятые годы, когда я впервые приехал в эту деревню, во всех домах проживали многодетные семьи. Редко в какой семье был один или два ребёнка, чаще всего четыре, пять, а то и того больше. Несмотря на тяжёлый крестьянский труд, по вечерам клуб не пустовал. В него набивалось столько народа, что все желающие не могли поместиться в зале, и небольшими кучками вынуждены были толпиться в сенях и на улице возле клубного высокого крыльца. Причём, среди присутствующих в клубе немало было посетителей довольно-таки солидного возраста, которые чинно восседали на лавках, стоящих вдоль стен по всему периметру небольшого зала. Молодёжь пела, плясала, танцевала, а старейшины оценивали качество исполнения того или иного танцора. Каждый вечер, допоздна, клуб сотрясался от остроумных частушек на злобу дня, темпераментных

плясок и танцев. А когда привозили какой-нибудь фильм, то среди зрителей немало было детей и мамаш с грудными ребятишками на руках.

Начиная с 1957 года, мы почти каждый год приезжали в Стан к Валиным родителям. Встречали нас с распостёртыми объятиями. К нашему приезду, отец старался наловить рыбы в местной речушке, наварить браги и пива, нагнать самогону, а мать напечь вкусных, душистых, огромных рыбников. Дни нашего приезда, каждый раз превращались в праздники, с обильной выпивкой. Огромный стол ломился от обилия незамысловатой, очень вкусной, разнообразной деревенской закуской. А как говорил один из киношных героев: «При хорошей закуске можно пить до бесконечности». Много из того, что выставлялось на стол, для нас являлось деликатесом, и мы, первые дни «отводили душу» на этих продуктах.

Домна Михайловна и Павел Егорович Беловы с дочками, зятьями и внуками.

Как мне тогда казалось, отец, имел какой-то секрет по изготовлению домашних алкогольных напитков. Они у него получались очень «мягкие», легко пились и на следующий день, не болела голова. Из одной части браги он варил самогон, а другую часть разливал в бутылки и закапывал в землю в подполе. При застолье, выкапывал по одной и выставлял, ещё холодные, на стол. Самогонку варил в бане. Заливал брагу в котёл, закрывал крышкой и чем-то её обмазывал со всех сторон. Однажды замазка не выдержала создавшегося давления, и почти всё содержимое котла вылетело наружу. Отец, на счастье, в этот момент только вышел из бани и поэтому не пострадал. В противном случае, мог бы получить серьёзные ожоги.

Как известно, в те годы изготовление самогона было под запретом и преследовалось по закону. Пойманных самогонщиков, строго наказывали. Поэтому, в деревне этим делом старались заниматься в субботу, маскируясь под банный день. В одну из таких суббот, отец чуть ни попал в лапы милиции. Растопив топку, и дождавшись, начала процесса, он вышел из бани, чтобы дыхнуть свежего воздуха. Баня топилась по-чёрному, и поэтому просидеть долго в этом дыму было невозможно. Стоя на дороге недалеко от бани, он с ужасом заметил, что прямо к нему движется милицейская машина. Как он потом рассказывал: его чуть было ни хватил инфаркт.

Бежать было бессмысленно, и замаскировать дымящую баню невозможно. Машина поравнялась с ним и остановилась. Как далее рассказывал отец: когда один из милиционеров вылез из машины и подошёл к нему, он совсем пал духом, и готов был провалиться сквозь землю. Милиционер подошёл, приветливо поздоровался и спросил, как им лучше проехать в деревню Погорелово. Машина свернула на Погорельскую дорогу, и её уже не было слышно, а отец всё ещё находился в шоковом состоянии. Вот с такими рисками приходилось сельчанам добывать, так называемый, «напиток радости».

Речка Цна, в пятидесятые годы кормила рыбой не одну деревню или село, через которые она протекала. В общей массе, рыбёшка была средних размеров, но иногда попадались такие экземпляры, что вызывали удивление даже у бывалых рыбаков. Владелец такого редкого трофея, потом долго рассказывал своим односельчанам, как он боролся с этой рыбиной, и с какими трудами вытаскивал её из воды.

Особенно много рыбы вылавливали местные жители во время ледохода. В такие дни, очень внимательно следили за рекой. При первой подвижке льда, все уже были начеку, а в день ледохода чуть ли ни вся деревня высыпала на берег. Кто с заранее приготовленными сачками, а кто просто поглазеть на бешеное буйство воды и льда. В такой день никто не уходил с реки без улова. Рыбу просто черпали из реки сачками, словно макароны из кастрюли. Такое рыбье нашествие длилось не долго. Как только большой лёд уходил, уходила и рыба. Кто успевал изловить нужный момент, уходил с берега с богатым уловом. Рыба была хоть и небольших размеров, но зато в большом количестве.

Деревня Стан. Ледоход.

В один из таких дней, я чуть ни искупался в ледяной воде. Когда тесть, схватив приготовленный сачок, побежал на берег реки, я, с фотоаппаратом в руках, ринулся за ним. Он старательно опускал сачок с длинной ручкой в воду, через несколько секунд вынимал его из глубины, вытряхивал содержимое на траву рядом с собой и снова опускал орудие лова в реку.

Отец орудовал сачком, а я щёлкал затвором фотоаппарата, стараясь запечатлеть ледоход и эту необычную рыбалку. Сосредоточившись на интересующих меня объектах, я не заметил, как река неожиданно стала вздуваться, выходить из берегов и очень быстро затапливать низкие места. В тот момент, я находился на небольшой возвышенности, и поэтому, какое-то время, вода до меня не доходила. Когда она начала плескаться

недалеко от моих ног, я обратил внимание, что стою на небольшом островке, который совсем скоро окажется дном. У меня на ногах ботинки, а до суши не менее десяти метров.

Вода стремительно прибывала, мой островок таял на глазах, словно масло на раскалённой сковородке и расстояние до суши с каждой секундой увеличивалось. У меня выбора не было, как только срочно эвакуироваться с этого маленького клочка на большую землю. С первых шагов, вода, в которой плавали мелкие льдинки, залила ботинки, и словно клеем приклеила штанины брюк к моим ногам. Буквально за несколько минут, островок, на котором я стоял, ушёл под воду и над ним, словно его никогда и не было, поплыли разнокалиберные льдины.

За излучиной реки образовалась ледяная плотина, остановившая течение. В некоторых местах, она потекла даже вспять, заливая низкие места побережья. Просвет между водой и настилом моста, соединявшего Заречье с деревней Стан, быстро сокращался. Деревянный мост, возведённый чуть ли не в прошлом столетии, мог не выдержать ледяного натиска, рухнуть, отрезав часть деревни от внешнего мира. В таком случае пострадали бы жители правобережной стороны потому, что все жизненно важные объекты находились на нашем берегу.

Сознавая это, многие жители, отложив все свои особо важные дела в сторону, столпились у моста, и с болью в сердце наблюдали, как старенький, дряхленький мост отважно противостоял необузданной, мощной стихии. Мост раскачивался, стонал, скрежетал отрываемыми досками, но не сдавался. Один раз под напором огромных льдин, мостовой настил приподнялся, издал протяжный скрип и опустился на прежнее место. Собравшийся народ очень бурно реагировал на все явления, происходящие с мостом. Переживали так, словно не мост ведёт это ледовое побоище, а каждый из них в отдельности с большими усилиями отбивает удары проснувшейся реки. В конечном итоге, затор, образовавшийся в низовье реки, разрушился, вода начала спадать, и мост выстоял, понеся значительные повреждения. По нему нельзя было ездить машиной, но, по сохранившимся на настиле досочкам, ещё можно было ходить.

В деревне особо рады были летним гостям, особенно в сенокосную пору, когда колхозникам давали косить сено для своих коров. Но на производстве, особенно в северных районах страны, когда каждый стремился выехать на лето в южные края, летний отпуск полагался раз в два года. Поэтому, мы бывали в Стану не только летом, но и в другие времена года. В первые наши приезды, Валины братья, Витя и Володя, работали в колхозе, а младшая сестра Марина, ходила в общеобразовательную школу. Старшая сестра Зина, была замужем, и у них уже был сын Володя, которому было в то время три или четыре годика.

Володя и Витя, после окончания местной общеобразовательной школы, работали в колхозе. Володя, по так называемому наряду. Это – куда пошлют. А Витю больше тянуло к технике и он, начав с трактора, со временем окончил техникум по специальности автомеханик и перешёл на автомобильный транспорт.

В один из наших приездов, когда Витя ещё работал в колхозе на тракторе «Беларусь», а я, сев за руль хорошо знакомой мне по целине машине, так засадил её в трясине, что на вызволение пришлось потратить несколько часов драгоценного времени, а на излечение рук, израненных тросом, несколько мучительных дней. Если на Целине, я примерно знал, как поведёт себя та или иная трясина, то с калининскими лужами, в то время, был ещё незнаком и поэтому, недооценив опасность, зарулил в это болото. Помню, мне перед Виктором было неудобно. Доверил мне «баранку» и получил, из-за меня, выговор от председателя колхоза.

Володе, незадолго до ухода в армию довелось поработать почтальоном. Он доставлял почту со станции Горовастаца, до Становского почтового отделения. Помимо писем, ему приходилось перевозить и более ценные вещи: посылки и немалые, по тем временам, суммы денег. Ездил он на велосипеде, иногда на лошади. Все те 15 километров, которые он преодолевал ежедневно, пролегали по просеке, по густому, дремучему лесу.

При желании, любой злоумышленник мог воспользоваться всеми этими ценностями, несмотря на то, что Володе было выдано табельное оружие. Это был пистолет типа «Наган», с барабаном для патронов. В каком веке были заряжены в барабан эти патроны, никто не знал. Сам «Наган» никто не испытывал, не говоря уже о пристрелке, и Володя из подобного оружия никогда не стрелял.

Однажды мне довелось с ним прокатиться до станции за почтой, и на моё предложение испытать эту тяжёлую залежавшуюся железяку, Володя отказался. Возможно, он уже был не боеспособный. Особенно патроны. При длительном хранении, порох мог прийти в негодность, и пули могли потерять свою пробивную силу. Мне однажды довелось пострелять залежалыми патронами, и я знаю, что это такое. И это произошло как раз в этой же деревне.

В тот год, наши с Валею отпуска выпали на весенние месяцы. Саша заканчивал второй класс Ковдорской средней школы, а Тане было три годика, и она ходила ещё в садик. Чтобы выехать в отпуск всей семьёй, пришлось Сашу временно устраивать в деревенскую школу, а Тане для выезда не потребовались никакие оформления. В отличие от лета, весной, как и зимой, в деревне особых дел нет и мы, с Витей Никитиным, с мужем Валиной сестры, Зиной, увлеклись охотой на тетеревов. Вставали ни свет, ни заря, и отправлялись на тока. Он выходил с «Берданкой», а мне выделил мелкашку и целую коробку патронов к ней.

Несколько утренников у нас прошли безуспешно: мы приходили домой с пустыми руками. Наш тесть, Павел Егорович, каждый раз встречал нас после охоты различными насмешливыми шутками и прибаутками, подчёркивая наше неумение добывать дичь. Несмотря на это, мы продолжали по утрам бродить по лесу в поисках добычи. В памятное для меня утро, вскинув на плечи своё вооружение, мы отправились вдоль побережья реки Цны в лес, к сараям, забитыми зелёным, душистым, плотно слежавшимся сеном.

Идя по дороге в приподнятом настроении, мы о чём-то громко разговаривали, шутили, смеялись и не заметили зайца, который сидел с растопыренными ушами на обочине дороги примерно в 20-15 метрах от нас. Увидев его так близко, от неожиданности, мы даже онемели. С раскрытыми ртами, мы смотрели на зайца, заяц спокойно смотрел на нас и даже не шевелился. Когда мы вспомнили, что мы идём на охоту, и что за спинами у нас болтаются винтовки, которые могут стрелять, заяц нырнул в чащобу, и изготовленное к бою оружие уже было ни к чему. Расстроенные такой неудачей, когда добыча сама шла к нам, остальную часть пути мы шагали, уже молча, каждый переживая этот эпизод по-своему.

Добравшись до сарая, мы привели свои ружья в боевую готовность и залегли на душистом сене в ожидании прилёта добычи. Виктор утверждал, что буквально рядом с этим сараем находится глухариный ток, и поэтому нельзя не только разговаривать, но даже шевелиться на сене. Затаив дыхание, мы вслушивались в таинственные лесные шорохи и не сводили глаз с небольшой полянки, расположенной рядом с сараем.

Была ранняя весна, ещё не все птицы начали вить свои гнёзда, и ещё не было того многоголосого птичьего хора, который можно услышать несколько позже. Только отдельные посвистывания, перекрывающие шум ветра раздавались в разных концах

таёжного леса. Убаюканный лесной тишиной, мягкой душистой постелью, я не заметил, как уснул под сольный свист какой-то пичужки.

Проснувшись от Витькина толчка в бок, я не сразу понял, кто это бегают по поляне с распущенным хвостом небольшими кругами, и воркует. Остановиться на короткое время, будто прислушиваясь к чему-то, и снова продолжает свой танец с громким пением. Так как у меня винтовка была менее шумная, в случай промаха она не спугнёт глухаря, я решил выстрелить первым.

Дождавшись очередного танца, когда глухарь ничего не видит и не слышит, я тщательно прицелился и выстрелил. Раздался глухой щелчок, у глухаря не дрогнуло ни одно перышко. Он благополучно закончил свой танец и приготовился к повторению. В те годы я хорошо стрелял, неоднократно в тирах выигрывал призы, и поэтому очень удивился, что с такого расстояния не попал в цель. Перезарядив винтовку, я выстрелил вторично и удивлён был ещё больше. Я ясно увидел полёт пули, которая со скоростью брошенного камня, пролетев несколько метров, упала на землю. Третья пуля, после выстрела, застряла примерно на середине ствола винтовки. Потом Виктор признался, что эти патроны были приобретены очень давно и возможно отсырели. Виктор этого глухаря подбил с первого выстрела, и мы шли домой уже не с пустыми руками, а с добычей и с доказательством того, что можем убивать не только ноги и время, но также и лесную дичь.

*Стоят: Зина и Виктор Никитины, Геннадий и Валентина Чичуновы
Сидят: Домна Михайловна и Павел Егорович с внуками.*

В один из наших приездов, Валина мама, Белова Домна Михайловна, заболела, и местный фельдшер выписал ей направление в районную больницу, в Фирово, которая находилась в двадцати километрах от деревни Стан.

Автобусного сообщения между этими населёнными пунктами в то время не существовало, и добраться туда можно было только на попутном или колхозном транспорте. Поездка единственной колхозной машины в эти дни, в том направлении, не намечалась, и колхозный бригадир предложил поехать на тракторах.

В те дни в Фирово шли два трактора «Беларусь». Один на железнодорожную станцию за председателем колхоза, который возвращался из командировки, а другой, в районный центр по каким-то хозяйственным делам. В один трактор на сиденье рядом с водителем я усадил мать, а на другой сел сам, рядом с трактористом Герой, и мы двинулись в сторону районного центра. Мы с Геройй впереди, а мать на втором тракторе сзади. Первую десятку километров, несмотря на ухабистую дорогу, с глубокими колеями, с каменистыми буграми, за разговорами, мы проскочили незаметно. Мы оба были трактористы, и нам было о чём поговорить.

Как известно, у этих тракторов колёса были не подрессорены и они, наезжая даже на небольшие бугорки, пускался в пляс, сотрясаясь всей своей много килограммовой массой. В те годы, Гера ещё был не женат, и частенько, прогуляв с девчонками до утра, сидя за «баранкой» трактора, «клевал» носом. Похоже, что перед нашей поездкой, у него тоже была бессонная ночь.

Пока была плохая дорога, когда приходилось маневрировать между бесконечными препятствиями, ему было не до сна. А стоило только выехать на хорошую грейдерную дорогу, по которой ходили рейсовые автобусы, Гера стал засыпать на ходу, и мы несколько раз не улетели в канаву только потому, что я успевал ухватиться за «баранку» и направить трактор на дорогу. На моё предложение поменяться местами, он не соглашался и продолжал управлять трактором. В очередной раз, он так вильнул, что я не успел дотянуться до руля, и мы полетели в придорожную канаву примерно метровой глубины.

Трактор вначале повалился на правый бок, а потом лёг на крышу, вверх колёсами. На нас полетели гаечные ключи, монтировки, какие-то почтовые посылки в фанерных ящиках. Очутившись в положении вверх ногами, я успел опереться правой рукой об крышу, которая стала полом, и почувствовал, как по ней зажурчал ручей, протекавший по этой канаве. На наше счастье, кабину не смяло в лепёшку, что нам позволило высвободиться из этого капкана через разбитые окна.

Ехавшие сзади нас мать с трактористом, никак не могли понять, куда мы неожиданно подевались с прямой дороги, где не было никаких поворотов и съездов. Только увидев торчащие из канавы четыре тракторных колеса, поняли, что мы «замаскировались» под трактором, в канаве. Когда они подъехали к нам, мы уже благополучно выбрались, перевалившись в грязи и искупавшись в ручье, мирно журчащем в придорожной канаве. Остановившись в нескольких метрах от того места, где мирно «отдыхал» наш взбесившийся железный конь, с вздыбленными к небу колёсами, с испуганными лицами они подбежали к нам и стали расспрашивать, как нас угораздило заехать в эту злополучную яму.

Гера, каким-то образом пытался объяснить причину этой аварии, но всё было и так ясно. Можно сказать, что мы ещё легко отделались. Если бы провалились в эту канаву несколько дальше, то ущерб мог бы быть гораздо больший, и мы не отделались бы небольшими ссадинами и грязной одеждой. Там, через дорогу была проложена труба, канава была значительно глубже и шире. И наверняка кабина была бы превращена в гармошку, а что было бы с нами, можно была бы только догадываться.

Ко всеобщей радости и удивлению, трактор удалось очень быстро поставить на колёса и завести заглохший двигатель. Если не считать выбитые стёкла, и слегка

покосившуюся на левый бок кабину, то можно даже не поверить, что несколько минут назад, этот трактор лежал в канаве вверх колёсами.

Пока мы занимались спасательными работами, на шоссе появилась машина ГАЗ – 51, следовавшая в Фирово. Мы с матерью пересели в эту машину, а трактора продолжили свой путь по своим делам. Как потом рассказывал Гера: председатель колхоза сошёл с поезда в изрядном подпитии, залез в кабину трактора и проспал почти половину пути, до деревни. Проснувшись, поёжился от холода, и приказал закрыть все окна. Когда узнал, что в тракторных рамах нет стёкол, разразился беспощадной бранью.

В колхозе, не только председатель любил частенько «заложить за воротник», но и рядовые члены коллективного хозяйства, не брезговали этим самопальным напитком. Мне довелось быть свидетелем нескольких случаев, когда во главе коллективной пьянки, в рабочее время, выступал председатель, а рядовым членам было это в радость.

Частенько колхоз вывозил в районный центр, на рынок, для продажи, молоденьких поросят. В одну из поездок, которую возглавлял председатель, почти все вырученные от продажи деньги были пропиты, а при возвращении домой, некоторых продавцов выносили из машины на руках. В этих коммерческих поездках были заняты ограниченное количество колхозников, а мне довелось быть свидетелем, когда бóльшая часть коллектива была вовлечена в массовую и буйную пьянку.

Для нужд колхоза была проведена высоковольтная линия, что позволяло снабжать дома электричеством круглосуточно, механизировать многие сельхоз работы и облегчить труд колхозников. Электрики электролинию провели, а сама трасса не была подготовлена к работе. Чтобы подключить линию, нужно было очистить трассу от деревьев, кустов и не убранных пней. Провести все эти работы, за определённую сумму денег, было предложено колхозу. И в один из дней, всем трудоспособным колхозникам, был выдан наряд на высоковольтную линию. Заранее было объявлено, сколько будет оплачено за выход на работу, и что оплата будет производиться наличными деньгами прямо на рабочих местах.

Я решил помочь тестю, и вместе со всеми, рано утром поехал к месту работы. Вместе с нами, сели в тракторную тележку и председатель колхоза, и кассир с деньгами. У высоковольтной линии, рабочий день начался с выдачи денег авансом за предстоящую работу, и с распределением участков между работниками. Мы с тестем почти сразу же приступили к работе на выделенном нам участке. Через небольшой промежуток времени, после распределения рабочих мест, трактор, на котором мы приехали, помчался зачем-то в сторону соседней деревни.

После возвращения, он выгрузил ящики с водкой и снова порулил в том же направлении. И так повторялось трижды. Ближе к полудню, в разных местах трассы стали слышны громкие разговоры, а затем и залихвацкие частушки, разбавленные народным фольклором.

Когда, после завершения работ, мы с тестем вышли на дорогу, то увидели очень забавную картину. Почти все работники, за некоторым исключением, во главе с председателем, были пьяны до такой степени, что не могли стоять на ногах и валялись в придорожной пыли, словно жертвы какого-то побоища. Председатель ещё держался на ногах, и, мотаясь из стороны в сторону, словно резиновый шланг, пытался давать какие-то распоряжения такому же едва стоящему на ногах колхознику. Долговязый мужичок, со сгорбленной спиной, со сбившейся набок кепкой, с низко опущенными длинными руками, которые болтались словно оглобли в такт пьяной болтанке, делал вид, что внимательно слушает председателя, пытаясь поймать его взгляд мутными глазами.

Оказывается, пока мы с тестем усердствовали на выделенном участке, некоторые товарищи «сбросились» в шапку, при помощи тракториста закупили в магазине, в соседней деревне, горячительного и, не приступая к работе, начали пропивать ещё не заработанные деньги. Количества первого привоза им показалось мало, пришлось трактористу делать в деревню ещё два рейса. Убедившись, что выделенные деньги пропиты все, и начать работу многие не в состоянии, председатель колхоза дал команду на погрузку. Некоторых работников, в прямом смысле слова, пришлось грузить в кузов тележки, как дрова. Не все, тяжело упившиеся, спокойно отнеслись к погрузочным работам: когда их тащили до тележки за руки и за ноги, они вырывались, громко матерились и делали попытки самостоятельно взобраться в кузов. При первой же попытке обрывались и падали наземь, как кули с картошкой.

Таким бедолагам помогали, закидывая их в тележку трактора, словно какой-то неодушевлённый предмет. Мы уселись на оставшиеся места и тракторист, тоже в заметном подпитии, «полетел» без оглядки по ямам и буграм по просёлочной дороге. Способные сидеть, крепко держались за борта, опасаясь вылететь за пределы транспортного средства, а лежачих высоко подкидывало при каждом «нырке» тракторной тележки и перекатывало от одного борта до другого. Пока ехали, председатель тоже принял горизонтальное положение, и его тоже пришлось вносить в дом на руках и сдавать любимой супруге. Всем желающим превратить будни в праздники, пришлось позже обрабатывать свои участки в нерабочее время. Отработав день в поле, они шли к высоковольтной линии и очищали свои участки от зарослей.

Павел Егорович и Домна Михайловна Беловы.

С давних времён, особенно в Российских деревнях, существовала, а в некоторых семьях существует и до сих пор, традиция: достигнув пожилого возраста, заготавливать себе одежду на похороны. Как тогда говорили: «на смерть». Однажды Валина мама, Белова Домна Михайловна, обращаясь к своему мужу, Павлу Егоровичу, заявила: «Павел, когда ты купишь себе костюм на смерть? Если ты, не дай Бог, завтра помрёшь, мне тебя и одеть будет не во что». Через несколько дней, по колхозным делам, он поехал в районный центр и пополнил свой гардероб недостающим предметом.

На семейном совете, новый костюм всем понравился и тесть, пофорсив немножко по дому, повесил его в шкаф. Вечером, как обычно отужинали, и легли все спать в хорошем настроении. Примерно в середине ночи, включился свет, и возникло в доме какое-то тревожное движение. Вначале поднялась мать и начала будить всех домочадцев со словами: «Вставайте! Батяка умирает! Бегите скорей за Зоей Сергеевной».

Отец лежал на кровати, на спине, с закрытыми глазами. Его худощавое, морщинистое, продолговатое лицо было бледней простыни. Хрипловатым, сиплым, слабым, голосом с большими паузами между словами, не открывая глаз, он промолвил: «Матка, я умираю. Простите меня все, если я кого-то, когда-то обидел. Хорошо, что я купил костюм вовремя. Теперь есть в чём меня похоронить». Прибежавшая сонная фельдшерица Зоя Сергеевна, прослушав работу сердца, и измерив, давление, дала отцу выпить какие-то таблетки и сказав: «Если будет хуже, то придёте за мной», забрала свой чемоданчик и скрылась за порогом дома. К утру отцу стало легче, и все мы, с облегчением вздохнув, разбрелись по своим местам, досыпать остаток ночи. Вот так, специально купленный костюм, чуть ни сыграл злую шутку. В этом костюме он и был похоронен, но спустя какое-то количество лет.

Жители деревни были рады гостям, особенно в сенокосную пору, когда давали разрешение косить траву для собственных коров. Время, отпущенное на заготовку, было ограничено, поэтому, каждая пара трудоспособных рук, ценилась дороже золота. В деревне не было двора, где не держали бы коров, коз или овец. Каждое утро, во время прохода огромного разношерстного деревенского стада, тихие деревенские улочки оглашались громким, разноголосым звучанием домашних животных.

До позднего вечера, в разных концах деревни можно было слышать монотонный стук молотков, отбивающих косы. А ранним утром, ещё до восхода солнца, вооружившись косами, с сумочками «с перехваткой» на плечах, с заспанными лицами, небольшими группками, отправлялись косари на отведённые для покоса участки. В эту страдную пору, было не до сна. Все домашние, и даже колхозные дела, отодвигались на второй план. Подчиняясь народной мудрости, которая гласит: «Коси коса пока роса», сенокосный день начинался до восхода солнца и заканчивался на закате.

деревня Стан. Сенокос

День считался успешным, если скошенная утром трава, вечером уже была в сеновале. Такое случалось только при хорошей, жаркой, солнечной погоде. Достаточно было пару раз пошевелить сочную, скошенную траву граблями, и она, прямо на глазах, превращалась в лёгкое, зелёное, душистое сено. Густой, целебный аромат, заполнял всё воздушное пространство близлежащих полей, просек и полей. Деревенские дворы и улицы, пропитывались насквозь, этими природными духами.

Косить я не умел, не умею и до сих пор, поэтому, в эту страдную пору, меня использовали на сушке, перевозке и закладке сена в сараи. Сравнительно неплохо, я укладывал возы в тракторные тележки. Опыт, приобретённый в своё время в совхозе им. Гоманово, куда я был командирован от завода, очень пригодился в дальнейшей жизни. Тесть упорно, настойчиво и терпеливо, пытался научить меня управляться с косой. При косьбе в четыре руки, коса ровненько входила в густую траву, описывала возле наших ног ровный полукруг и оставляла за собой небольшой валик скошенной травы.

Стоило мне взять в руки эту же косу, как она начинала тут же вытворять самые невероятные выкрутасы. То нос задерётся высоко, а пятка начнёт вспахивать землю. То этот же нос с такой силой воткнётся в землю, что вытащить его удавалось только, при приложении немалых усилий. Сразу, откуда-то начинали появляться какие-то, сучки, пеньки и коряги, которые непременно норовили воткнуться в косу. Тестю надоели бесконечные наладки и ремонты моей косы, и когда я, одну из них всё-таки сломал, меня перестали брать на покос, и я полностью перешёл на сушку и перевозку сена.

Эти операции требовали приложения немалых физических сил. Особенно, работа вилами, когда вручную необходимо было переместить огромные массы сена. При благоприятной погоде, когда утренний покос вечером уже лежал в сарае, удавалось заготовить сена на корову за 8-10 дней. Бывали года, когда сенокосная пора затягивалась почти на всё лето. Затяжные дожди, превращали накошенную, но не убранную траву в навоз, и вместо сарая, приходилось выбрасывать её в навозную кучу. Один наш отпуск, примерно в семидесятые годы, как раз совпал с такой погодой, когда весь свой отпуск, мы прогостили в фуфайках, а последний покос травы, так и не смогли высушить.

На сенокосе в деревне Стан

В двадцатом столетии, во многих областях страны, почти полностью были уничтожены кабаны. С целью восстановления поголовья этих животных, был введён запрет на отстрел кабанов. Кабанов, словно кто-то ознакомил с этим постановлением. Они с невероятной скоростью стали размножаться и безбоязненно опустошать колхозные поля. Колхозы несли весьма ощутимые убытки, а наказать виновников, не имели право. Палками изгнать стадо было немыслимо, а более жёсткие меры применять возбранялось.

Однажды на сенокосе, нам довелось встретиться с этими новосёлами. Я работал граблями на лесной полянке, а тестя на соседней. День отстоял жаркий и трава, скошенная утром, уже шумела под воздействием граблей, издавая приятный цветочный аромат. Неожиданно, в лесную тишину ворвался громкий, тревожный крик тестя: «Генка, беги быстрее ко мне». Причём в его голосе столько было тревоги, что я подумал, что с ним случилось какое-то несчастье. Не выпуская из рук граблей, я опрометью бросился на помощь, как мне казалось, терпящему бедствие тестю.

Обнаружил я его в кустах, бегущего за кем-то зигзагами. Едва завидев меня, он закричал, чтобы я перекрыл кому-то дорогу. Я понял, кому должен был перекрыть дорогу только тогда, когда увидел бегущего мимо меня маленького кабанчика. Я не только не стал его задерживать, но остановил бегущего тестя и предложил ему немедленно прекратить преследование. Наверняка, где-то рядом пасётся кабаниха, и стоит только этому детёнышу тревожно взвизгнуть, как его matka тут же будет здесь, и нам тогда несдобровать. Тестя признал мои доводы справедливыми, и мы тут же разошлись по своим рабочим местам.

В деревне, независимо от полевых работ, сидеть без дела, сложа руки, считалось дурным тоном. Поэтому, все, даже гости и дети, независимо от времени года, всегда все чего-то делали. При отсутствии дел колхозных, занимались делами домашними, а в страдную пору, на колхозных полях. Отправляясь в отпуск, мы каждый раз мечтали отдохнуть после основной работы, но очутившись в деревне, снова погружались в какие-то дела, а мечты об отдыхе, отодвигались на второй план. Не зря гласит народная пословица: «В гостях гостить - не свою волю творить». Весной, приходилось принимать участие в посадке огородных культур, осенью, в сборе выращенного урожая. Летом, в заготовке кормов для личного скота. Зимой, в заготовке дров и т.д.

Все за работой: Валентина, бабушка Домна и внучка Таня Чикунова.

Председатель колхоза, узнав о том, что я электрик и что, вдобавок ко всему имею права тракториста, не упускал момента использовать меня на все сто процентов, по этим специальностям. Как-то, в самую «жаркую» пору, во время закладки силосной массы в специальные ямы, один из трактористов, по каким-то причинам, не смог принять участие в этой работе, и его трактор простаивал. По просьбе председателя, я целую неделю возил на тракторе зелёную массу от комбайна до места закладки корма на хранение. Но, правда, не бесплатно. Заработанные мною деньги, перевели на счёт моего тестя.

Однажды, во время сбора урожая зерновых, к нам в дом заявился взволнованный председатель колхоза с просьбой, помочь запустить зерносушилку, которая встала по неизвестным причинам. Местные электрики не могли найти неисправность. На мой вопрос о том, какие у них есть приборы для прозвонки сетей, он ответил, что не знает, но всё что нужно, они обязательно найдут.

Через короткий промежуток времени, со словами: «Вот всё, что удалось найти» - он появился вновь, и передал мне в руки обычный квартирный звонок. С этим, так называемым контрольным прибором, мне удалось определить, что они отправили в ремонт исправный электрический двигатель, тогда как причина остановки, оказалась совсем иной. Хорошо, что с момента отправки двигателя, прошло не так уж много времени, и машину удалось вернуть назад. Когда все механизмы зерносушилки заработали, председатель и электрики были безмерно рады, но никакого вознаграждения за эту работу, я не получил. Тогда, как колхозу не пришлось платить лишние деньги за перемотку обмотки в исправном двигателе. В мастерской, наверняка, определили бы, что обмотка цела, но колхозу, непременно, предъявили бы счёт.

На производстве, где мы с Валеёй работали, летние отпуска давали в три года один раз. Мы, взрослые, к такому распорядку привыкли, а детей старались на лето вывезти куда-нибудь подальше от сурового климата Заполярья. Первое время вывозили к Валиным родителям, в Калининскую область.

Когда дети стали постарше, стали отправлять в пионерские или в трудовые лагеря. Располагались эти здравницы на живописных берегах Чёрного и Азовского морей. В лагеря дети отъезжали коллективно. Вагоны прямого сообщения подавали прямо на станцию Ковдор, и до места назначения. А для отправки детей в деревню к родственникам, приходилось дважды брать дни в счёт будущего отпуска: в мае, после окончания учебного года и в конце августа, перед началом занятий.

* * * * *

Каждый год, примерно с конца августа и числа до десятого сентября, шло массовое возвращение северян в места постоянного проживания, и все поезда, северного направления, были забиты под самую завязку. И достать билеты на эти поезда было почти невозможно. Однажды, забрав детей из деревни Стан, я застрял по этой причине вместе с ними на станции Осташков. В нашу сторону через эту станцию ходил только один поезд. Билетов в предварительной кассе было не достать.

Немногочисленные дни, выделенные в счёт отпуска, подходили к концу, времени для раздумий уже не было и нужно было, во что бы то ни стало, на него попадать. Убедившись, что билетов в кассе нет, и не будет, я, оставив детей на вокзале, побежал вдоль состава прибывшего поезда, в надежде договориться с проводниками. Из опрошенных мною проводников, один согласился нас провести без билета, и мы довольные и радостные быстро переместились с вокзала в вагон.

Свободных мест в вагоне не было, и проводник поселил нас в своём служебном купе. Закрыв нас на ключ, он ушёл по своим служебным делам и очень долго не появлялся. Мы сидели взаперти, словно мыши в мышеловке и не знали: радоваться нам или огорчаться, что попали к этому проводнику. Было радостно, что мы едем, но не понятно, зачем он нас держит под замком. Остались позади небольшие станции: Чёрный Дор, Горовастаца, Фирово, Куженкино и наконец, мы добрались до узловой станции Бологое.

Саша и Таня Чикуновы (фото середины 70-х)

Отстояв положенное время, поезд двинулся дальше. Через какое-то время, после отправления поезда, дверной замок щёлкнул, и вместо проводника в дверях показалась дородная женщина в железнодорожной форме. Открыв дверь, и без малейшей тени удивления на лице, как будто она уже знала, что здесь увидит не проводника, а именно нас, она спросила: «Вы пассажиры?» И получив положительный ответ, закрыла за собой дверь на ключ и удалилась. Я уже подумал, что эта ревизорша заодно с проводником, и мы можем, смело ехать дальше.

Но всё оказалось совсем не так, как мне представлялось. Прошло совсем немного времени после первого появления этой представительной дамы, как дверной замок снова щёлкнул, и в проёме двери снова появилась она. На сей раз, закрыв за собой дверь, она убедилась ещё раз, что мы безбилетники и что Саша и Таня являются моими детьми, достала из кожаной сумки блокнот с квитанциями, и села рядом с нами. Я ей объяснил, что у меня заканчивается отпуск, а билетов достать почти невозможно, поэтому приходится добираться подобным образом.

Она спокойно выслушала мой рассказ, открыла свой блокнотик, и стала там что-то писать. Оторвав исписанный листок, она сказала, что вполне входит в наше положение, но тем ни менее, вынуждена нас оштрафовать за безбилетный проезд. Покидая купе, она

пояснила, что штрафная квитанция не является билетом, и нам нужно на первой же остановки приобрести его. Зная о том, что все вагоны заполнены полностью, пытаться счастья достать билеты на промежуточных станциях, где поезд стоял какие-то минуты, было бессмысленно, и мы поехали дальше. Появившийся проводник, узнав о штрафе, выразил своё соболезнование и заявил, что против ревизоров он бессилён.

Ближе к вечеру, он выделил нам три верхних полки, я уложил детей спать, а сам присел на краешке нижней, к спящему соседу. Где-то в районе Лодейного Поля, я обратил внимание, что по проходу вагона медленно продвигаются трое мужчин в железнодорожной форме. Я сразу определил, что двое - ревизоры, а третий – проводник нашего вагона. Поравнявшись со мной, мне тут же предложили предъявить билет. Я ответил, что билета нет, а есть квитанция об уплате штрафа. Мне ещё раз разъяснили, что квитанция не является билетом, и поэтому мне нужно снова уплатить штраф, и на следующей станции приобрести билет. Уплатив второй штраф, я залез на верхнюю полку и крепко уснул.

Среди ночи, проснувшись от сильных толчков, я не сразу понял, что от меня хотят какие-то мужики, стоящие в потёмках возле моей полки. Приглядевшись, я понял, что это снова ревизоры. «Это ваши дети спят на верхних полках в соседнем купе?» - спросил меня, стоящий ближе ко мне ревизор. Я ответил, что дети мои. «А билеты у вас есть?» - был задан мне привычный уже вопрос. Я, естественно ответил, что нет. Когда мне было предложено заплатить третий штраф, я попытался уговорить ревизоров помиловать меня на сей раз, учитывая то обстоятельство, что я уже наказан дважды, и эта поездка поездом мне обошлась уже почти по стоимости самолёта. В ответ мне было заявлено, что это их не волнует, и если я сейчас же не заплачу штраф, то нас высадят на следующей же станции.

Очутится ночью с детьми, на каком-то незнакомом полустанке - перспектива не очень привлекательная. В отличие от ревизоров, денежный вопрос меня волновал очень. Из-за непредвиденных расходов, всего за сутки, мой кошелек похудел основательно. А мне нужно было, чтобы добраться до дома, иметь определённую сумму ещё на три билета на пригородный Ковдорский поезд.

Когда один из ревизоров приготовился выписывать квитанцию об уплате штрафа, его товарищ обратился к нему с неожиданным для меня предложением: «Давай оштрафуем его половинным штрафом. Он же не виноват, что наша железная дорога не готова в данный момент перевести всех желающих». Его товарищ немного помялся, почесал обратной стороной ручки у своего виска и вписал в квитанцию половинную сумму положенного штрафа. Как говорить: «Нет у худа без добра». Уже при подъезде к Кандалакше, когда оставались до неё какие-то десятки километров, ко мне подошёл проводник и сообщил, что в поезд села очередная бригада ревизоров.

Это сообщение было подобно вылитого на меня огромного ушата холодной воды. На пригородный поезд и на штраф денег уже не хватало. Последние километры пути, мы сидели как на иголках, вздрагивая при каждом хлопке входной двери. Как назло, и поезд поплёлся с черепашьёю скоростью, останавливаясь почти у каждого телеграфного столба.

На наше счастье, мы доехали до Кандалакши быстрее, чем до нашего вагона добрались ревизоры. На прощанье, я поблагодарил проводника за то, что он посадил нас в свой вагон, в то же самое время заявил, что заплатить ему лично, мне уже нечем. Это сообщение он воспринял спокойно, и мы расстались мирно.

Станция Кандалакша в 70-е годы

Через несколько часов, мы уже сидели в пригородном поезде, и не вздрагивали при появлении ревизоров и пограничников. Прошло уже много лет, со дня этой злополучной поездки, но она до сих пор не стирается с моей памяти, как, впрочем, и некоторые другие.

Отпускные приключения

Живя на Севере, мы старались каждый год, во время отпуска, выехать в более южные районы страны. Как правило, все поездки завершались без происшествий, но были и исключения из этих правил, которые помнятся до сих пор.

Я уже писал выше, что моя сестра Фаина вышла в Ковдоре замуж, и они с мужем переехали на постоянное место жительства в Кривой Рог. Мы несколько раз ездили к ним в гости. Первый раз, я ездил туда вместе с Сашей, когда было ему в то время лет пять от роду. Тогда мы летали самолётом. А в очередной раз поехали поездом, уже всей семьёй. Прямого поезда Мурманск-Кривой Рог не было, и поэтому приходилось ездить с пересадками в Москве. Поезд из Кривого Рога прибывал в Москву рано утром, а Мурманский отправлялся из Москвы поздно вечером.

Чтобы как-то «убить» свободное время, мы побродили по Красной площади, после чего отправились на ВДНХ. Дети покатались на различных аттракционах, а мы с Валею с удовольствием побродили по территории выставки. Мне выставка была знакома. Я сюда был откомандирован в 1957 году с Казахстана. А Валя с ребяташками здесь были впервые и поэтому, они смотрели на всё с большим интересом, и с восхищением.

Вечером, уставшие, но с полным коробом положительных впечатлений, мы сели в вагон Мурманского поезда и слегка перекусив, забрались на свои полки, и уснули богатырским сном. Проснувшись глубокой ночью, я обратил внимание, что наш поезд стоит в лесу, что не характерно для скорого поезда, и многие пассажиры не спят, бродят по вагону, часто заглядывая в окна, и о чём-то тревожно разговаривают.

Один из пассажиров разъяснил, что по непонятным причинам, мы стоим на этом месте уже очень давно, впереди виднеются отблески пламени, из всех вагонов куда-то исчезли проводники. Тёмное ночное небо, и густые лесные заросли, стоящие рядом с железнодорожной насыпью, то ярко освещались мерцающим светом, то исчезали из поля зрения. Без сомненья, впереди состава что-то горело, а что именно, узнать было не у кого. Проводники все куда-то испарились, предварительно закрыв на замок все двери. Создавшаяся обстановка напоминала военное время.

В вагоне воцарилась лёгкая паника. Некоторые семьи стали поднимать и одевать детей. Кто-то из умельцев, открыл входную дверь, и бóльшая часть пассажиров мужского пола, «высыпала» на железнодорожную насыпь. Отойдя несколько метров в сторону леса, мы увидели вагон, почти весь объятый пламенем. Спустя какое-то время, языки пламени начали уменьшаться, вскоре и совсем пропали.

На наше счастье, пожар возник в нашем поезде недалеко от небольшого городка, в котором имелось две пожарные машины. Каким-то образом, они узнали о пожаре, и не дали вагону сгореть полностью. После продолжительной стоянки, электровоз просигналил длительным гудком, и состав плавно начал набирать скорость. Для нас, стоящих на насыпи, это отправление произошло настолько неожиданно, что многие вскакивали в вагоны уже на ходу. Очутившись на своих местах, многие успокоились, начали раздевать своих детей и укладывать спать. Мы своих детей не поднимали, поэтому они продолжали спокойно спать и не видели этого происшествия.

Не прошло и получаса, как за окнами вагона прозвучал продолжительный сигнал электровоза, вагоны дёрнулись, и состав начал останавливаться. Было такое впечатление, словно кто-то сорвал стоп кран. Все, кто не спал, тут же прильнули к вагонным окнам. При второй остановке, почти всё повторилось, как при первой, с небольшой разницей. Поезд также остановился в лесу, который почти вплотную подступал к железнодорожным линиям.

Так же, как и при первой остановке, языки пламени освещали ночное небо и густые заросли ближнего леса. На сей раз, двери не были закрыты, и мы все, прежним составом, снова выскочили из вагонов. Как и при прошлой остановке, горел второй вагон. Языки пламени вылезали из всех окон и доставали до контактных проводов.

Когда мы подбежали поближе к очагу пожара, вагон был отцеплен и стоял между составом и электровозом. Собранные со всего состава огнетушители не сработали, других противопожарных средств не было, и поэтому, все стояли недалеко от горящего вагона и смотрели на бушующее пламя, с жадностью пожиравшее беззащитный вагон.

Если бы я не видел всё это своими глазами, то никогда бы не поверил, что железный вагон может сгореть буквально за считанные минуты. Кто-то из стоящих, только успел промолвить о том, что если контактный провод перегорит и упадёт на вагоны, то всех нас может прибить высоким напряжением, и тут же этот провод, словно по команде, оторвался от линии и с грохотом улёгся на вагонные крыши. Все зеваки, стоящие у вагонов, опрометью бросились в сторону леса. Вопреки нашим опасениям, мы не только не попали под напряжение, но от соприкосновения проводов с вагонами, мы не увидели ни одной искорки, которые обычно бывают при коротком замыкании. По всей вероятности, машинист успел сообщить о пожаре диспетчеру и линию обесточили.

Неожиданно, на приличном расстоянии от хвоста нашего поезда, началась какая-то беспорядочная стрельба. Прогремело, очень громко, несколько выстрелов, которые эхом отозвались в лесной чаще. И снова воцарилась ночная тишина, нарушаемая только шумом ветра в густых ветвях деревьев, да громкими криками зевак, стоящих у горящего вагона. Неожиданные таинственные выстрелы привлекли всеобщее внимание. Все, словно по команде, устремили свои взоры в сторону последнего вагона.

Но, кроме рельс, звёздного неба, и тёмной стены ближнего леса, не было видно в дали ничего. Кто-то, из числа знающих пассажиров разъяснил, что это – петарды, которые выкладываются на рельсы позади аварийно стоящего поезда, с тем, чтобы поезд, идущий сзади, не налетел на него. Когда он наезжает на выложенные патроны, они начинают взрываться, оповещая локомотивную бригаду, о каком-то препятствии, находящемся впереди поезда.

Было удивительно: каким образом, за такой короткий срок, поездная бригада успела выложить эти шумовые петарды так далеко от поезда? И почему, позади нашего поезда, не видно ни одного огонька? Если это действительно поезд налетел на эти устройства, то почему он маскируется в ночи? Одним словом, вопросов было великое множество.

Как известно, железнодорожная магистраль, соединяющая Москву с Ленинградом, является самой загруженной. Каждый час, в одном только направлении, проходит около десятка поездов. Если учесть, что мы, в общей сложности, простояли из-за пожара около пяти часов, то легко себе представить, какое количество поездов, мы вывели из графика в обоих направлениях. Какое-то время, даже встречные поезда не ходили.

Потом, видимо у железнодорожников терпение лопнуло, и они начали пропускать поезда в сторону Москвы. Расстояние между двумя путями сравнительно небольшое и поезда пошли прямо через огонь. Пламя буквально облизывало вагоны проходящих поездов, и пассажиры, стоящие у окон, смотрели на всё ошалелыми, испуганными глазами.

Большая толпа погорельцев столпилась недалеко от горящего вагона, и словно на похоронах, молча, смотрела на догорающий вагон, от которого осталась одна рама и какие-то лохмотья. Все они были одеты в морскую форму, но по-разному: от бушлата до тельняшки. Кто успел спасти свои вещи, был в бушлате, а кто не успел, в том, в чём успел выскочить. Мне удалось поговорить с одним морячком, у которого сгорело все, что было взято с собой, включая документы, и он остался в одной тельняшке.

Он рассказал, что все они курсанты военно-морского училища, и едут в Мурманск на практику. Занимали весь вагон полностью. Даже был дневальный, как в воинской части. У одного из курсантов была бутылка спирта, и прежде чем распить её с небольшой группкой своих товарищей, он решил доказать им, что это действительно спирт, а не какая-то бормотуха. Налил на стол небольшую лужицу из бутылки и поджёг.

Вопреки ожиданиям, загорелся не только спирт, разлитый на столе, но также занавеска и всё то, что могло гореть. От неожиданности, вся компания, на какое-то время отскочила от костра, а когда опомнились, то пламя уже охватило всю стенку купе. Проводница, пока нацедила ведро воды, уже горело половина вагона. Время было ночное, многие курсанты спали, и кто был ближе всех к очагу пожара, пострадал больше всех. Двое получили сильные ожоги и были отправлены в ближайшую больницу.

Когда вагон сгорел почти полностью, прибыл железнодорожный пожарный поезд с огромной красной бочкой, установленной на платформе, и очень быстро погасил последние языки пламени. Так как провода контактной сети перегорели и лежали на крыше вагонов, наш состав самостоятельно двигаться дальше не мог. Вскоре прибыл тепловоз, взял наш состав на буксир, и вместе с электровозом дотащил до станции Вышний Волочек.

В Вышнем Волочке, погорельца отцепили и поставили в тупик до приезда следственной комиссии. Там же осталась и проводница, в ожидании следователей. За счёт сокращения времени стоянок, нашему поезду удалось на какое-то время сократить опоздание. Но нам от этого было не легче потому, что мы опоздали на свой пригородный поезд, и нам пришлось ровно сутки отсидеть на вокзале в Кандалаксе.

Причём, опоздали всего, на какие-то минуты. Когда мы подъезжали к вокзалу, я видел, как поезд на Ковдор в это время отходил. Диспетчер, вполне безболезненно, мог бы задержать отправление поезда на какие-то минуты, но этого сделано не было, и все Ковдорчане вынуждены были целые сутки прозябать на вокзале. У нас дети были уже сравнительно большие, а одна семья из прибывших, ехала с грудным ребёнком. Им эти сутки показались годом.

К великому сожалению, это ЧП в нашей жизни было не последним, с которым нам довелось соприкоснуться в пути. Мы как-то с Валей вдвоём отправились в Котлас, в гости к нашим родственникам. Поезд Мурманск - Вологда точно по расписанию прибыл на станцию Беломорск и, отстояв там положенные минуты, двинулся дальше. Благополучно переправившись через Беломоро-Балтийский канал и, проехав ещё минут двадцать, мы так же благополучно встали. Причём встали не на какой-то станции, и даже не на полустанке, а в чистом поле. Какое-то время никто не обратил внимания на эту стоянку.

Здесь пролежала однопутка, и подобные остановки были очень часты. Но когда отстояли час, а потом два и продолжали стоять дальше, все тревожно оживились. Все прекрасно понимали, что без причины, поезд так долго стоять не будет. Проводница устала отвечать, что она не знает причины такой длительной стоянки. Выглядывания из вагона, не приносили никакой дополнительной информации. В голове состава был только тепловоз, мерно поыхивающий работающим двигателем, да рельсы, уходящие за горизонт. А дальше, полная тишина и безлюдье. Примерно на четвёртом часу стоянки, вагоны дернулись, и поезд медленно стал набирать скорость.

Причина столь долгой стоянки выяснилась уже на первой после остановки станции. Оказывается, два товарных поезда, столкнулись, лоб в лоб, прямо на территории станции. В то время, такие аварии не афишировались и старались скрыть от населения, поэтому, наш поезд пропустили между двумя составами, чтобы мы ничего не видели. Но как говорится: шило в мешке не утаишь. Тем более, валяющие на боку вагоны. Несмотря на выставленные ограждения, мы прекрасно всё рассмотрели. В Коношу поезд пришёл с большим опозданием, но на наше счастье, на следующий поезд, мы не опоздали, и в Котлас прибыли по расписанию.

Можно сказать, нам «везло» на такие происшествия на транспорте. В очередной раз, мы поехали по путёвке на Дон, в дом отдыха, в станицу Вёшенская. Нужно было на поезде доехать до Ростова на Дону, а дальше на автобусе до станицы. Всё произошло точно так же, как и в первый раз. С той только разницей, что на сей раз, мы простояли в поле не четыре часа, а всего два, и причиной задержки стало не столкновение двух поездов, а взрыв одного из вагонов.

В товарном поезде, идущем впереди нас, оказалась одна плохо пропаренная цистерна, в которой раньше перевозили какое-то топливо. Под лучами жаркого летнего солнца, цистерна раскалилась, и исходящие горючие пары, взорвались. Причём, взрыв был такой силы, что в цистерне образовалась огромная дыра, около двух метров диаметром. Виновницу нашей длительной стоянки, мы увидели на станции. Она стояла в тупике, с огромной все ещё дымящей дырой, в окружении небольшой группы людей. Несколько в стороне, были припаркованы легковые машины. По всему было видно, что там работала следственная комиссия, которая должна была определить причину взрыва.

В Ростове на Дону, мы свободно приобрели билеты на «Икарус», следовавший до станицы Вёшенская. Несмотря на то, что автобус считался повышенной комфортности, мне пришлось ехать на деревянном инструментальном ящике. На месте, где должно было стоять кресло, указанное в моём билете, стоял ящик, сколоченный из свежих

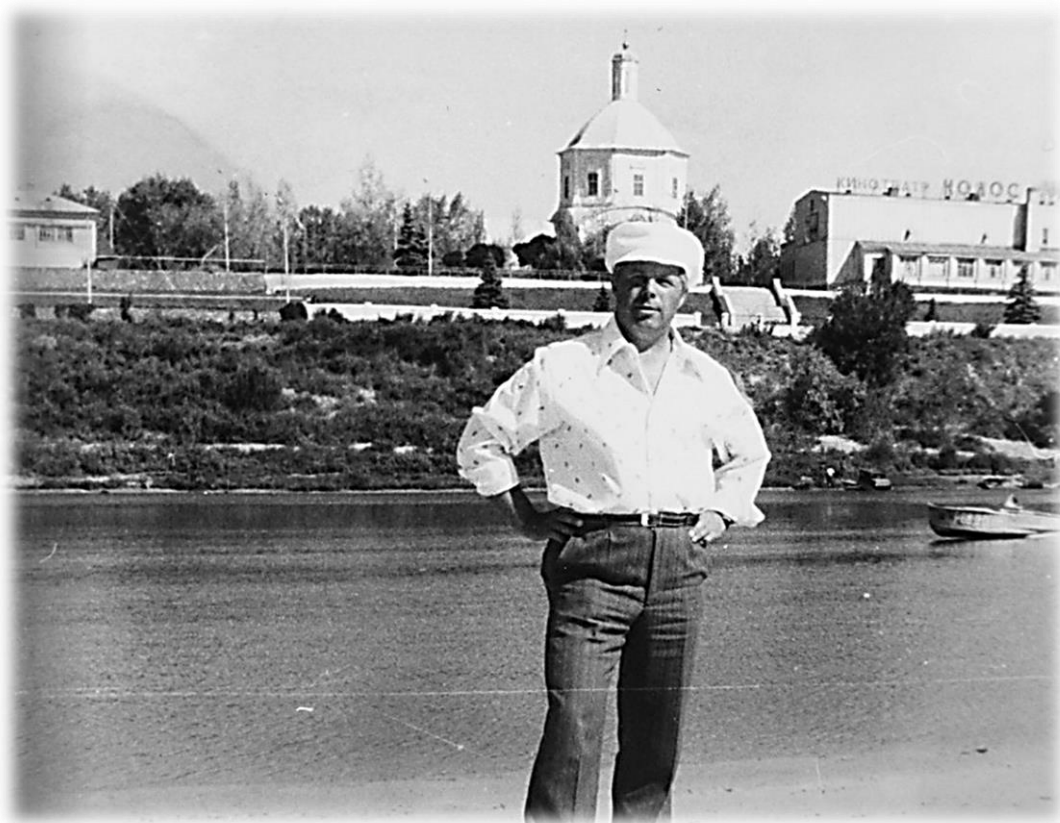
неокрашенных досок. Можно было отказаться от этого места, но других свободных мест в автобусе не было, все места были заняты.

Следующий автобус уходил поздно вечером и ещё ни факт, что мы достали бы на него билеты. В данной ситуации ничего не оставалось делать, как ехать на этом ящике. В день своего рождения, а это было 24 августа 1979 года, я проёзжал на этом сундуке 12 часов. Столько времени шёл автобус с Ростова на Дону до станции Вёшенской. Мы, может быть, доехали бы и раньше, но нас, на каком-то километре тормознули, и мы стали свидетелями одной страшной автомобильной аварии.

Столкнулись, лоб в лоб, две грузовые машины. На одной из них были нагружены трубы большого диаметра, которые сотворили такое месиво, что страшно было смотреть. Для прохода нашего автобуса, на шоссе проделали узкую тропиночку, через которую мы покинули это адское место.

Во второй половине дня, когда палящее летнее солнце сошло с зенита и направилось в сторону заката, наш автобус остановился на песчаном пологом берегу тихого Дона. До станции Вёшенской было ещё не менее пятисот метров, но автобус дальше не шёл, в связи с отсутствием необходимой переправы.

Противоположные берега Дона соединялись между собой понтонным мостом, рассчитанном на более лёгкий транспорт и поэтому, переправляться через реку нам пришлось пешком. С автобусной остановки хорошо просматривался противоположный высокий берег, на котором расположилась станица с небольшими строениями на берегу, и православным собором, с граненой колокольней. Скреплённые между собой понтоны, словно плотина, соединяли берега спокойного Дона, с любовью воспетого в своих произведениях Михаилом Александровичем Шолоховым. Рядом с плавучим мостом, уткнувшись носом в песчаный берег, мирно дремал небольшой буксирчик, в ожидании команды, развести переправу, для прохода судов по Дону. Оказалось, что наш дом отдыха расположен за станицей, и добираться туда нужно было пешком, или на местном автобусе.

На берегу Дона по пути в Вёшенскую

Поселили нас с Валею в двухместном номере, в небольшом одноэтажном домике, в котором было ещё несколько комнат подобного типа. В отличие от других мест, где нам довелось побывать до этого, убранство комнат можно было назвать очень даже скромным, с минимальным набором мебели и ни каких украшений. Особенно удивил внешний вид сантехнического оборудования. Унитаз и раковина были покрыты плотным слоем ржавчины, а вода, вытекающая из крана, издавала запах тухлого яйца.

Нас сразу же предупредили, что она заражена сероводородом, и используется только для технических целей. Для потребления можно использовать только воду, которую привозят автомашины, стоящие возле корпусов. Недалеко от нашего домика действительно стоял водовоз, заполненный водой, пригодной для потребления. Кормили нас в столовой, и поэтому даже этой водой, мы пользовались не очень часто.

Столовая, одноэтажное, продолговатое, приземистое здание, архитектурно напоминающее сарай с большими окнами, располагалась в стороне от всех корпусов. Количество посадочных мест соответствовало количеству отдыхающих, и поэтому, все могли отобедать одновременно без очередей. Как правило, первые знакомства происходят в день заезда, именно в столовой. Нашими соседями по столу, а как потом выяснилось и по корпусу, оказались наши земляки из Апатитов. Сблизившись на этой почве, мы не расставались весь заезд, и ещё какое-то время общались между собой после возвращения по домам.

Это была сравнительно молодая супружеская пара. Он - прапорщик одной из воинской частей, а она - работник Апатитского Горисполкома. Наше знакомство, из-за их несколько необычной фамилии, произошло с небольшим конфузом. Подавая мне руку для знакомства, глава семейства объявил: «Иван Иванович Шутка». Я с недоумением взглянул на него и спросил: «А как Вас можно называть всерьёз?» «Иван Иванович. А Шутка – это наша фамилия». Мы, конечно, посмеялись над моим замешательством, и с этого дня старались все дни проводить вместе. Супругу Иван Иваныча, звали Галина Павловна. Потом мы, конечно, обходились без отчеств и называли друг друга просто по имени.

В станице Вёшенской: Валентина Чикунова и супруги Шутки – Галя и Иван.

Буквально чрез несколько дней, после нашего знакомства, наши новые друзья явились утром в столовую в подавленном настроении и рассказали нам, что в прошедшую ночь, к ним в номер, через окно, залезал вор. Было очень душно, и они на ночь оставили окно открытым. Проснувшись среди ночи, Иван заметил, что у них в комнате находится посторонний человек, который передвигается по комнате на цыпочках и что-то ищет в потёмках. Вынырнув из постели, он чуть было ни схватил воришку за шиворот, но тот стремглав вылетел в окно, и Иван не смог догнать его даже на улице. Об этом случае было доложено руководству дома отдыха, и мы сделали для себя соответствующие выводы.

Главной достопримечательностью здешних мест был, прежде всего, Михаил Александрович Шолохов, который в это время проживал в станице и те места, о которых он описал в своих романах. Люди ехали в эти края, чтобы поближе познакомиться с хуторами и станицами казачьего края, и с тайной надеждой, повидать самого Михаила Александровича. Несмотря на то, что Михаил Александрович, не имел никакой охраны, увидеться с ним было не просто.

Главная причина состояла в том, что он редко выходил за территорию своей усадьбы, а сама усадьба была огорожена высоким, плотным дощатым забором. Во время обзорной экскурсии по станице, мы побывали у ворот этой усадьбы, и встретились только с внуком знаменитого писателя. Через небольшие щели в заборе, старались увидеть ещё кого-нибудь, но территория, возле двухэтажного дома, была безлюдна. Бросалась в глаза ухоженность огромной территории, которую занимала усадьба и большое количество цветов, произраставших на этой земле. Женщина-экскурсовод, с большим восторгом рассказывала нам, о положительных чертах своего знаменитого земляка.

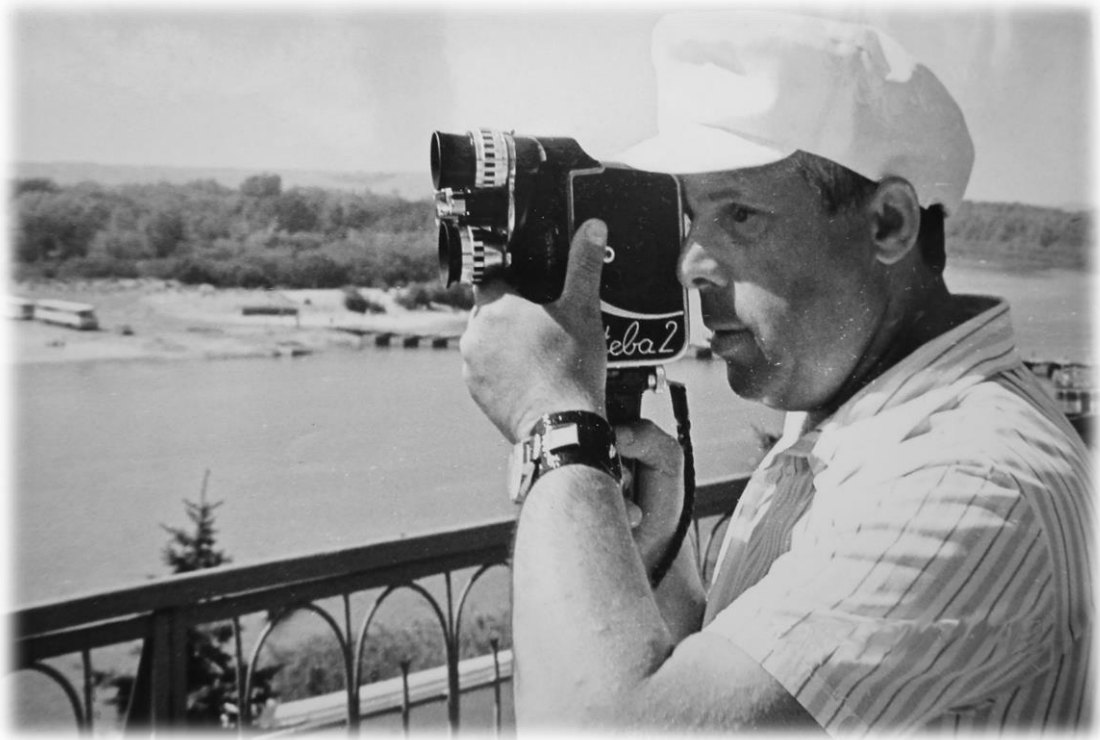
Дом-усадьба М. Шолохова

Глядя на этот глухой и высоченный забор, я задал ей вопрос: «Знает ли Михаил Александрович своих соседей по усадьбе?» Она, с большой обидой в голосе, начала рассказывать о том, что он частенько выходит за пределы своей усадьбы и общается со станичниками. Сколько всего было построено в районе и области, при помощи Шолохова, различных объектов, скольким людям он помог, при их обращении к нему непосредственно. Я уже был не рад, что задал такой вопрос, обидный для станичников.

В ответе, с таким пристрастием чувствовалась безмерная любовь к своему знаменитому на весь мир земляку, и гордость, за принадлежность Михаила Александровича к казачеству. Несмотря на отсутствие официального признания, все коренные жители Придонья, считали себя казаками, гордились этим, и не забывали, каждый раз при разговорах, это подчеркнуть.

На территории дома отдыха, возле жилых корпусов, была оборудована площадка для игр в гигантские шашки и шахматы. Было установлено несколько столов, и небольшая территория была отведена для занятий спортом. Каждое утро, после завтрака, на этой территории собирались игроки в домино, шашки, шахматы, любители погреться на утреннем солнце и просто пообщаться между собой. Совсем рядом с этой площадкой, проходила грунтовая дорога, ведущая к хуторам, озёрам и другим населённым пунктам, за пределы станицы.

Движение по этой дороге было очень редкое, но почти каждое утро, примерно в одно и то же время, по ней проходил УАЗИК с лодкой на прицепе, а вечером возвращался обратно. Первое время мы не обращали на него никакого внимания, но когда от местных жителей узнали, что это машина самого Шолохова, и что он на ней по утрам ездит на рыбалку, стали выслеживать эту машину с целью, увидеть в ней М.А. Шолохова. Долго нам не удавалось это сделать, но однажды так повезло, что мы даже опешили от неожиданности.

На берегу Дона

В тот день мы отправились на прогулку до ближайшего хутора. Погода была отличная, окружающая природа радовала глаз. Среди многочисленных деревьев встречались яблони различных сортов, увешанные разноцветными плодами и какие-то красные ягоды, очень приятные на вкус. Для нас, северян, где в то время килограмм яблок стоил шесть рублей (на эти деньги можно было в столовой поест раз шесть.) такое изобилие ягод и фруктов, причём задарма, очень удивляло.

Насладившись природой и её дарами, в хорошем настроении, мы возвращались назад в дом отдыха. Валя, Галя и Иван, шли прямым курсом, а я, с кинокамерой в руках, рыскал галсами, выискивая красивые пейзажи для съёмки. Выйдя на дорогу, ведущую в станицу Вёшенскую, мы вскоре услышали шум работающего автомобильного двигателя. Отойдя в сторону, мы увидели машину Шолохова, которая неспешно катилась по

грейдерной дороге в сторону станицы. Боковые стёкла были опущены, и поэтому, пассажиры, сидящие в кабине, были хорошо видны.

За рулём сидел высокорослый, здоровенный детина, с широкими плечами, круглым лицом и огромными кулачищами. Рука, лежащая на руле, занимала чуть ли ни одну четверть баранки. Рядом с ним, с правой стороны, прижавшись к углу кабины, примостился небольшого роста, с закрытыми глазами, худощавый человек.

В те годы, Шолохова часто показывали по телевизору, его фотографии печатались в газетах, поэтому, мы сразу же его узнали. Очевидно, Михаил Александрович, после бессонной ночи навёрстывал упущенное. Я находился от машины не более двух метров. С такого расстояния, да ещё при спущенных стёклах, очень хорошо просматривалась кабина, но у меня, почему-то, не поднялась рука, чтобы заснять, спящего Шолохова на кинокамеру. Я сейчас об этом очень жалею, но тогда, не смог этого сделать.

М. Шолохов с охотниками

Станица также гордилась тем, что к ним приезжал и Юрий Алексеевич Гагарин. На центральной площади, на месте его выступления, была установлена мраморная доска в честь этой знаменательной даты.

Кроме прогулок по хуторам, мы проводили немало свободного времени на пляже, который находился на противоположном берегу Дона. Пожалуй, даже самые популярные пляжи не имеют такого мелкого, качественного песка, какой залегает там.

Причём, песок ни привозной, а местный. Глубина залегания его такова, что при ходьбе, ноги проваливаются так глубоко, словно по свежему снегу. Ребятишки умудрялись закапывать в него друг друга на такие глубины, что ни сразу можно было найти погребённого. Для пляжа, такой грунт – находка, а вот для ведения хозяйственных работ, такой грунт не всегда подходит. Иной раз даже вреден.

Нам рассказывали, что станица Вёшенская получила своё название из-за песчаных почв. В давние времена песком так заносило дороги, что люди даже блудили. Для обозначения дорог, приходилось ставить вешки. Впоследствии, и станицу окрестили именем этих путеводителей. Движение песков остановили посадкой лесополос и целых лесных зарослей.

Продолжая разговор о различных авариях, вспоминается ещё один случай, при котором ничего серьёзного не произошло, но мы были на грани очень большой железнодорожной аварии. Только благодаря бдительности и очень серьёзному отношению к своей работе вагонных обходчиков, удалось предотвратить большую аварию.

Гриша, Надя Кононенки, и я, ехали из Павлодара на поезде Павлодар – Москва. После продолжительных сборов, в тот год мы всё-таки собрались и съездили в Казахстан, в совхоз, где в пятидесятые годы работали на подъёме целинных и залежных земель. В совхозе, встретили нас со всеми почестями, на которые мы даже не рассчитывали, и мы, в отличном настроении возвращались домой. Благополучно проехали Казахстан, с его бескрайними степями, и остановились на станции Челябинск.

Засидевшиеся пассажиры, воспользовавшись длительной стоянкой и прекрасной погодой, словно горох высыпали на платформу, все от мала до велика. Пассажиры прогуливались по перрону, а железнодорожные обходчики, готовя поезд к дальнейшей поездке, постукивая молоточками по вагонным колёсам, продвигались от вагона к вагону. Монотонные, металлические, глухие звуки, медленно продвигались вдоль всего длинного состава поезда. Обходчик, с молоточком, насаженным на длинную ручку, простучав колёса нашего вагона, подошёл к колесу соседнего вагона, стукнул по нему своим инструментом и хотел было машинально пойти дальше, но зачем-то остановился, стукнул по этому же колесу ещё раз, посмотрел на номер вагона, и куда-то побежал.

Через несколько минут, возле этого колеса собрался целый консилиум обходчиков, в промасленных спецовках. Они о чём-то громко спорили и ругали Павлодарских железнодорожников, которые уже не в первый раз выпускают на линию неисправные вагоны. Оказывается, в соседнем с нами вагоне, лопнуло колесо, и чтоб его заменить, нужно поднимать весь вагон и менять всю тележку.

На этой станции, мы простояли два часа. Вагон загнали в депо, вместе с пассажирами, подняли домкратами, старую тележку выкатили и заменили новой. Очень неприятно, когда в пути происходит внеплановая, а особенно если ещё и аварийная остановка. Но на сей раз, не жаль было потерянных двух часов, которые, возможно, спасли наши жизни. В ту стоянку, мне удалось перекинуться несколькими словами с железнодорожником, который принимал участие в исправлении обнаруженной неисправности. Из его слов я понял, что трещина в колесе была такая, что мы могли не доехать до следующей станции. А последствия могли быть самые разные, в зависимости от скорости поезда.

Если бы колесо развалилось при большой скорости, то вагон помимо того, что слетел бы сам с рельс, но и утащил бы за собой много своих собратьев. Спасибо железнодорожникам за то, что они вовремя обнаружили эту неисправность. Тогда подумалось: насколько хрупка наша жизнь, которая зависит не только от людей, но и от какой-то трещины. Из-за трещины в металле, может появиться трещина в жизни.

Вспоминается и ещё один случай, когда благодаря мастерству лётчиков, мы благополучно приземлились. Наш сын Александр учился заочно в Петрозаводском дорожном техникуме. Во время сдачи экзаменов, его дважды доставлялся в больницу на «Скорой» в тяжёлом состоянии. Настолько тяжёлом, что нас дважды вызывали в Петрозаводск телеграммой.

После вторичной выписки, я взял на производстве несколько дней отпуска и поехал за ним в Петрозаводск. На вокзале в Петрозаводске, меня ожидал сюрприз. Сашка, не дожидаясь моего приезда, накануне вечером выписался из больницы и в шесть утра встречал меня на вокзале.

С одной стороны, это было хорошо: можно было оформить билеты и сразу же ехать назад. А с другой: ослабленный после тяжёлой болезни организм, не выдержал такой длительной ночной прогулки на свежем воздухе и дал сбой. Сойдя с поезда, я сразу обратил внимание на его не совсем здоровый вид. По всему было видно, что у него высокая температура.

На мой вопрос: почему его больного выписали из больницы? Он ответил, что во время выписки был здоров. В создавшемся положении необходимо было вести его обратно в больницу, или срочно добираться до дома в Ковдор. Как назло, в железнодорожной кассе не оказалось ни одного билета, на проходящие в тот день поезда. Не помогло даже моё обращение к начальнику вокзала. Единственно, он помог мне тем, что сообщил номер телефона аэровокзала. Получив подтверждение о том, что билеты на самолёт до Кировска есть, мы отправились в аэропорт.

На наше счастье, билеты мы приобрели почти сразу же и стали ожидать объявления о регистрации. Даже не верилось, что всего через несколько часов мы будем уже дома. У Сашки, по всей видимости, температура поднималась всё выше и выше, и он почти всё время находился в полудрёме. Через какое-то время, вместо объявления о начале регистрации пассажиров, по громкой связи прозвучало объявление о том, что рейс номер такой-то на Кировск отменяется и пассажирам предлагается сдать билеты.

Аэропорт «Пески». г. Петрозаводск

Я был просто потрясён таким сообщением. Во время сдачи билета, я поделился с кассиршей своим горем, и она посоветовала мне взять билеты до Мурманска, там всё ближе к дому. Я с радостью согласился в надежде на то, что с Мурманска до Ковдора летал самолёт и по времени мы на него успевали. Через небольшой промежуток времени, мы уже сидели в ЯК-40 и летели в сторону Мурманска. Вырвавшись в заоблачное пространство, самолёт сбавил обороты и, посвистывая реактивными двигателями, плавно поплыл в сторону Севера.

Прошло не так уж много времени, как у меня стало закладывать уши. Это было первым признаком о том, что самолёт начал снижаться. Мои уши, точнее некоторых приборов, каждый раз, безотказно, сообщали мне, о приземлении самолёта. Вскоре, мы

пробили толстый слой облаков и увидели, совсем рядом, знакомые сопки и различные строения аэропорта.

До этого, я уже много раз летал на самолётах разной марки и они, как правило, сразу же заходили к взлётно-посадочной полосе и приземлялись. На сей раз, мы, зачем-то сделали несколько кругов над аэродромом, и только потом, начали снижаться. Слышно было, как вышли шасси. И когда внизу замелькала аэродромная разметка, самолёт неожиданно задрал кверху правое крыло и резко начал набирать высоту.

Сделав круг над ближайшей местностью, он снова пошёл на посадку. На сей раз всё повторилось, как под копирку, и мы снова, чудом не задев крылом земли, взмыли вверх. Всё шло к тому, что из-за сильного бокового ветра, нас могли отправить назад в Петрозаводск или переадресовать в Архангельск. Сашке становилось всё хуже и хуже и такие пересадки для нас были смерти подобны. Во время третьей попытки, лётчик сумел выровнять машину буквально у самой земли, и мы благополучно приземлились.

В аэропорту, я сразу же побежал в кассу, чтобы приобрести билет на Ковдорский самолёт. На мою просьбу продать мне два билета до Ковдора, кассирша ответила с какой-то злостью и ехидством: «Вы что не видели, как сейчас ЯК-40 чуть не разбился во время посадки? А АН-2 не сможет даже взлететь». Ничего не оставалось делать, как добираться до железнодорожного вокзала и ехать дальше 300 километров поездом.

Домой мы добрались только на следующий день. Саше так было плохо, я думал, что не довезу его до дому. Дома, Валя со всем усердием взялась за его лечение, и через несколько дней, он уже был здоров и свеж, как огурчик.

Хорошо, когда всё хорошо кончается. А мне довелось видеть в Новгороде место, где самолёт врезался в дом, прямо в центре города. У меня там проживали родственники, и я изредка навещался к ним в гости. Во время очередного моего приезда, мы с двоюродной сестрой пошли в город. Проходя мимо одного из домов, я обратил внимание на то, что часть здания выложена свежим кирпичом. И видя моё недоумение, сестра рассказала печальную историю, связанную с этим домом.

В тот трагический день, стоял такой туман, что в нескольких метрах было ничего не видно. Многие горожане слышали, как над городом, на малых высотах долго кружил самолёт, затем центральную часть города осветила яркая вспышка, и раздался мощный взрыв. Виной всего этого фейерверка оказался ЯК-40, который заблудившись в тумане, врезался в жилой дом, почти в самом центре города, и взорвался. Вполне естественно, не обошлось без жертв. Погибли все, кто был в самолёте: экипаж и два пассажира.

К счастью, из пассажиров было только двое: мужчина и маленький мальчик. Жену этого мужчины, которая в это время в аэропорту встречала своё семейство, увезла «Скорая» в тяжёлом состоянии. Погибли жильцы нескольких квартир. Были жертвы среди прохожих и пассажиров городского транспорта, которые в тот момент оказались рядом с местом происшествия. Одного деда нашли под обломками кирпича только на вторые сутки. По письму, обнаруженному в его кармане, определили его место жительства, и участковый милиционер с печальным известием отправился в его семью.

Жена этого деда, увидев милиционера, и подумав, что её суженый в очередной раз угодил в медвытрезвитель, всплеснула руками и заявила: «Господи! Сколько добрых людей погибло, а моего дьявола ни один черт, ни берёт» На что милиционер ответил: «И вашего взял». От такого неожиданного известия, бабулька медленно опустилась на колени и залилась горькими слезами.

Родившись на берегу большой, судоходной реки Невы, меня всё время тянуло к большой воде. Неотрывно и с завистью, я каждый раз провожал проходящие по реке пассажирские и грузовые суда, мечтая о путешествии на белоснежном теплоходе, в неведанные страны. Выехать куда-то за рубеж, в наши годы, было не реально, а по внутренним рекам страны курсировало множество круизных теплоходов, и стоимость путёвок была вполне приемлема. Одна только причина долгое время не позволяла осуществить мою мечту: моя Валентина боялась воды, и поэтому слушать не хотела, о теплоходах.

Каким-то образом, я её всё-таки уговорил, и в октябре 1981 года, из Петрозаводска нам прислали путёвки, и мы отправились в круиз по маршруту: Петрозаводск – Астрахань – Петрозаводск. Время для такого путешествия было не совсем подходящее, но летние отпуска нам давали в три года один раз, а на сей раз, он оказался осенним. Решили: если понравится, то повторим эту поездку летом.

В день отплытия, мы были уже на пристани в Петрозаводске. Белоснежный, четырёхпалубный «Михаил Ломоносов», вернувшийся из поездки, готовился к очередному отплытию. Поражали размеры, внешний вид, и технические данные теплохода.

При длине 125 и ширине 16,5 метров он развивал скорость 14 узлов и брал на борт 342 пассажира. Все туристы размещались в одно, двух и трёх местных каютах со всеми удобствами. Нам досталась двухместная, больше похожая на однокомнатную квартиру, состоящую из прихожей и небольшой комнатки. В прихожей, слева стоял платяной шкаф с большим зеркалом и маленьким туалетным столиком, справа, туалет, совмещённый с душевой кабинкой. За тонкой переборкой, размещалась небольшая, около 9 кв.метров, жилая комнатка с большим окном, выходящим на палубу. Слева и справа от окна стояли два дивана, разделённые между собой небольшим столиком. Кроме общего электрического освещения, у изголовья каждого дивана были смонтированы индивидуальные светильники. Над диванами висели небольшие копии картин знаменитых художников. В углу, у переборки, стоял кондиционер, который охлаждал или согревал воздушное пространство каюты, в зависимости от времени года.

Теплоход «Михаил Ломоносов»

Все каюты были оборудованы радиоточками, по которым объявляли подъём, приглашали в ресторан на завтраки, обеды и ужины, информировали, о плановых мероприятиях на текущий день, о географическом нахождении судна и исторических событиях, происходивших в данных районах страны. Кроме кают, на теплоходе был отличный солярий, где в летние месяцы, при благоприятной погоде, можно было загорать, как на пляже. Рядом расположенный кинозал, очень легко и быстро превращался в пляж, за счёт раздвижной крыши, которая за считанные минуты раздвигалась в разные стороны, пропуская солнечные лучи вовнутрь помещения. На отличных мягких диванах можно было послушать серьёзную и не очень музыку, в музыкальном салоне, или посмотреть телевизор, почитать свежие газеты и журналы в читальном зале. При желании, в киоске можно было приобрести различные сувенирчики, которых было в этом закуточке великое множество.

Кормили туристов в светлом, просторном ресторане. Следует признать, что кухня была прекрасная. Два раза нас угостили даже бутербродами с красной икрой, которая в то время была в большом дефиците. За счёт своей пекарни, каждый день была свежая выпечка. Желающие ещё более разнообразить свой рацион, могли воспользоваться буфетом, в котором можно было приобрести различные сладости, а также напитки как минеральные, так и алкогольные.

На теплоходе существовала хорошая традиция: отмечать профессиональные праздники и дни рождения туристов, которые в этот день оказались на борту. В начале рейса, поздравили всех сельскохозяйственных работников с их профессиональным праздником. А 13 октября, вечером, во время ужина, когда все туристы теплохода восседали в ресторане, руководитель рейса, от имени всех присутствующих, поздравил с днём рождения Валю и вручил ей огромный торт, который мы совместно с соседями по столу, с удовольствием съели. Это поздравление оказалось приятным сюрпризом. И такие сюрпризы, экипаж теплохода преподносил пассажирам своего судна на всём протяжении рейса.

В одной популярной песне утверждается, что провожают пароходы совсем не так, как поезда. И это соответствует действительности. В отличие от поезда, когда все пассажиры во время отправления закупориваются в своих вагонах, а провожающие растягиваются на платформе по всей длине состава, во время отхода теплохода, отплывающие «высыпают» на палубу, и под аккомпанемент баяна исполняют прощальную песню. Чаще всего исполняется песня, посвящённая тому краю или городу, откуда начинается круиз. Так как мы уходили от пристани Петрозаводска – столицы Карелии - нашим гимном была песня об этом чудесном, озёрном крае. После отчаливания от пристани, и коллективного исполнения песни: «Долго будет Карелия сниться...» было проведено, что-то вроде общего собрания, где туристы познакомились между собой и с экипажем теплохода.

Капитан, познакомил нас с командой, которая была свободна от вахты, с историей корабля, с предстоящим маршрутом и распорядком дня, на те 20 дней, которые мы должны были провести на борту этого судна. Всех туристов «разбили» на группы, каждой группе присвоили номер, избрали старших и провели первую экскурсию по теплоходу, от трюма до мостика. Несмотря на то, что теплоход считался четырехпалубным, на самом деле палуб было шесть, если считать машинное отделение и каюты, расположенные чуть выше ватерлинии судна.

Для меня, самым интересным местом на судне показался капитанский мостик. Вместо небольшой каморки с огромным штурвалом, пред нами престало огромное помещение, во всю ширину судна, с богатым арсеналом разнообразных приборов. Размер штурвала был чуть меньше автомобильного руля. Рулевой, управлявший судном, менял направление движения теплохода буквально двумя пальчиками. Он изредка заглядывал в

маршрутную карту, лежащую рядом, а всё остальное время пристально всматривался вперёд, по ходу движения судна. Рулевой на мостике был не один. Когда мы туда вошли, один член команды что-то высматривал на экране радиолокатора, а другой, стоя у небольшого столика, разбирал какие-то бумагами.

На судне имелось два локатора: ближнего и дальнего действия. Когда нам разрешили по очереди подойти к экранам этих аппаратов, мы ясно увидели какие-то суда, идущие впереди нас, левый берег водохранилища и целый ряд бакенов, указывающих фарватер для нашего теплохода. Правого берега не было видно на экране даже на локаторе дальнего действия. В тот момент, мы шли по водохранилищу, разлившемуся на десятки километров. Поездка была познавательной и очень интересной, но осенняя погода давала о себе знать, и многие достопримечательности приволжских городов, приходилось рассматривать под зонтиком.

В Горьком, нам вручили письмо из Калининской области с печальным сообщением, о смерти Валиной племянницы, Гали, которая разбилась на машине. К моменту получения этого письма, Галю уже схоронили. Первым порывом было стремление, сойти с теплохода и поехать в деревню. Поразмыслив, мы решили этого не делать, а заехать туда после возвращения в Петрозаводск. В данной ситуации, мы уже ничем не могли помочь.

Южнее Саратова заметно потеплело, а Астрахань встретила нас самым настоящим летом, обилием арбузов и бесчисленным количеством лотков и базарчиков, заваленных рыбой. Причём, купить её можно было в живом, сыром, зажаренном и закопченном виде. Запах, рыбы витал даже в воздухе города. Отогревшись на южном солнышке, и насладившись достопримечательностями и дарами природы гостеприимного города, поздно вечером, наш теплоход отошёл от Астраханской пристани и через десять дней причалил на конечном пункте нашего путешествия.

Несмотря на неблагоприятную погоду, которая сопровождала нас в пути, этой поездкой мы были все довольны. Очень понравился этот теплоход, условия, которые были нам, созданы экипаж этого судна. Покидая свои каюты, мы дали себе слово, что повторим это путешествие в летнее время. Но до летнего отпуска было далеко, и мы решили в октябре 1982 года прокатиться по Днепру, и приобрели круизную путёвку на дизель-электроход «Радяньский Союз» на маршрут: Киев – Очаков – Киев, который отправлялся из Киева 18 октября 1982года.

Дизель-электроход «Советский Союз»

Прибыли мы в Киев поездом 17 октября, на сутки раньше срока. Дизель-электроход уже стоял на причале у пристани, но принимал приезжих не как туристов, а как постояльцев гостиницы, за соответствующую плату. У нас выбора не было и мы, заплатив за сутки пребывания в гостинице, поселились сразу же в своей каюте, которая была указана в наших путёвках.

В сравнении с теплоходом, на котором мы совершили до этого поездку по Волге на теплоходе «Ломоносов», «Радянський Союз» можно было назвать развалиной, или как бы назвали эту посудину моряки: «старой калошей». Диваны в каютах продавлены, двери перекошены, полы в заплатках, один туалет на всю палубу.

Этот, трёхпалубный дизель-электроход был довоенной постройки. О нём даже упоминается в довоенном энциклопедическом словаре, как о плавучем доме отдыха. Утром, нас начали оформлять, как туристов. Оказалось, что кроме нас, нашлось немало желающих отдохнуть на этом стареньком, плавучем доме отдыха. Примерно к часам десяти, все каюты были заполнены и после завтрака, нас пригласили на обзорную экскурсию по городу, на троллейбусе.

Все, показанные нам достопримечательности были прекрасны, но особенно запомнилась Киево-Печорская лавра - древнейший из православных монастырей на Руси, основанный в 11 веке. Кроме древнейших наземных построек, сохранилась и подземная часть монастыря, с древними захоронениями. Было как-то жутко ходить по узким, тёмным, подземным коридорам, впритирку с открытыми гробами святых и гор человеческих костей, наваленных в продолбленных земляных нишах. Поражал и удивлял тот факт, что тела, лежащие в гробах, за много веков не только не истлели, но даже не изменили своей формы, только изрядно почернели, словно пролежали продолжительное время под палящим солнцем.

Так получилось, что в цепочке экскурсантов, я оказался последним. У одной ниши с человеческими костями, я задержался несколько дольше, чем вся остальная группа. И когда оторвал своё пристальное внимание от заинтересованного предмета, то обнаружил, что в подземелье остались только я, открытые гробы с почерневшими святыми, да горы костей и черепов, а все остальные незаметно для меня, ушли куда-то дальше. Гробы были установлены прямо в узких проходах, и проходить рядом с ними приходилось, чуть ли ни бочком. С опаской завалить эти гробы, я кинулся догонять свою группу.

На моё счастье, на этом отрезке пути не было никакого перекрёстка, мне не пришлось выбирать дорогу, и я быстро нашёл своих. По пути, я встретил двух молодых людей, сидящих чуть ли ни на костях, держащих в руках по большущему батону и с аппетитом уплетающих их. В отличие от меня, они никуда не бежали, спокойно жевали, и тихо о чём-то разговаривали. Пробегая мимо них, я был в недоумении: почему они тут застряли и почему не нашли лучшего места для обеда? Потом я узнал, что это студенты, совмещавшие учёбу с работой. Моё отсутствие в группе никто не заметил. Даже Валя узнала об этом после моего появления. Во второй половине дня, опять-таки на троллейбусе, нас доставили до пристани, накормили ужином, и наш плавучий дом отдыха отправился в далёкое плавание.

Все бытовые мелочи, которые не радовали нас при первом знакомстве с дизель - электроходом, ушли на второй план, при виде красот, медленно проплывающих за бортом судна. Утро следующего дня, мы встретили уже в Черкассах. Судно правым бортом плотно было прижато к пристани. Главные дизели заглушены. Один из членов команды в носовой части судна ловил рыбу. Эмалированное ведро, стоящее у его ног, примерно на четверть своего объёма было заполнено рыбой. На безлюдной пристани, дворничиха спешно подметала территорию причала, очевидно, готовя её к нашей высадке. Бóльшая часть пассажиров ещё не проснулось, и палубы судна были пусты.

Около девяти часов, по репродукторам, висящим во всех каютах, объявили о том, что всех желающих приглашают на пешую обзорную экскурсию по городу Черкассы. Несмотря на пасмурную, прохладную погоду, почти все каюты опустели, и на судне осталась одна команда дизель-электрохода. Молодая, симпатичная женщина, небольшого роста, в красном пальто, с большим задором и энтузиазмом начала свой рассказ, о любимом городе, прямо с пристани.

От неё мы узнали, что именно в Черкассах, в 1654 году было подписано соглашение: «О воссоединение Украины с Россией». После чего, мы побывали у стелы, поставленной в честь этой даты. Экскурсовод передвигалась по территории так быстро, что не все экскурсанты успевали за ней преодолеть многочисленные подъёмы и спуски пересечённой местности. Один из мостов, через глубокий овраг, назывался мостом «Невест». Здесь невесты испытывали верность будущих мужей.

Жених должен был поднять невесту, перенести её за перила моста, и продержать какое-то время над пропастью на вытянутых руках. Возвращением на землю целой и невредимой, измерялась любовь и верность будущего супруга. Если бы это действительно так и было, то дно этого оврага могло бы превратиться в кладбище, а женихи без жён. От настила моста до дна оврага было не менее десяти-пятнадцати метров.

На дворе стоял октябрь с пасмурной погодой, с холодными ветрами и частыми дождями. Сравнительно с нашей северной погодой, здесь было значительно теплей, но без тёплой одежды уже было не обойтись, особенно на палубе. Несмотря на небольшую скорость старенького дизель-электрохода, во время движения, ветер на палубе усиливался и загонял туристов в тёплые каюты.

Особенно это почувствовалось при заходе в Цимлянское водохранилище, которое встретило нас небольшим волнением. Небо потемнело. Сравнительно спокойные воды Днепра вздулись, и забурлили, словно в кипящей кастрюле. Причём, высокой волны не было, а всё водное пространство, на все 2700 км² покрылось причудливыми высокими барашками, которые с шипеньем и шумом врезались в судно, окутывая его мелкими обильными брызгами. Интересно было наблюдать, как эти кипящие и пенящиеся волны, врезаясь в тяжелогружённую самоходную баржу, обильно обливали днепровской водой груз, расположенный в носовой части судна.

С большим интересом и любопытством, мы ожидали встречи с легендарной и знаменитой Днепровской ГЭС, построенной в двадцатые годы и восстановленной после войны. О том, что мы до неё уже дошли, можно было определить по судовому двигателю, резко сбавившему обороты, и остановке дизель-электрохода. С палубы хорошо была видна плотина, о которую бились запертые воды Днепра и шлюз, открытие которого ожидал наш дизель-электроход. Через какое-то время ворота шлюза медленно открылись, из его чрева, осторожно выползла огромная баржа-самоходка, и на её место, в эту ёмкость, встало наше судно.

С первого взгляда в процессе шлюзования судов нет ничего интересного, но каждый раз, при этой операции, каюты пустели, а палубы ломались от любопытных зевак. Мы с Валею до этой поездки уже побывали в круизе по Волге, где шлюзовались ни один десяток раз, но тоже не удержались в каюте, и тоже вышли на палубу, чтобы полюбоваться проходом через плотину Днепровской ГЭС. Из-за разницы верхнего бьефа реки от нижнего в 36 метров, проходящие суда производят двойное шлюзование. В первом шлюзе судно поднимается или опускается на 18 метров, а затем, во втором, ещё столько же. Так как, мы шли с верховья Днепра вниз, то заходили дважды в шлюзы, заполненные водой до самого верху, и опускались в глубокие траншеи по 18 метров глубиной. А когда возвращались назад, нас поднимали на 36 метров вверх.

Шлюз на Днепрогэсе

В Запорожье, нас возили по городу, как и в Киеве, на троллейбусе. Во время поездки произошла небольшая заминка. Не успели мы проехать и половины намеченного пути, как троллейбус неожиданно встал прямо на середине проезжей части дороги. Кто-то из наших пошутил: «Дрова кончились». И почти угадал. С той только разницей, что кончились не дрова, а электричество. Как нам объяснили: в городе, как, впрочем, и во всей Украине, не хватало электроэнергии, и в часы пик, электрики вынуждены были обесточивать различные объекты по графику. И в этом мы могли убедиться ещё раз, побывав на экскурсии, на Днепрогэсе.

Днепрогэс

Нашим экскурсоводом по станции был главный инженер, который очень подробно рассказал, о строительстве и восстановлении этого гидросооружения после войны. Прошли мы от самого верха плотины, до турбинного зала и главного пульта управления станцией. Обращало на себя внимание малолюдье. В машинном зале, мы встретили всего одного человека. У главного пульта людей было побольше, которые сидели за столами возле многочисленных приборов, размещённых в специальных шкафах, расставленных полукругом на всю ширину помещения.

Меня, как электрика, проработавшего какое-то время на дизельных электростанциях, удивил тот факт, что вместо положенных 50 герц, электростанция выдавала на линию всего 49 с какими-то копейками, что считается браком и грубейшим нарушением. При таких частотах электрического тока, электродвигатели теряют свои мощности и быстро изнашиваются. А некоторые высокоточные приборы, вообще не работают. Главный инженер объяснил это тем, что у электростанции не хватает мощности, чтобы обеспечить всех потребителей качественной электроэнергией.

Но нам всё-таки электроэнергии хватило, чтобы добраться на троллейбусе до острова Хортица, где в 16 и 17 веке пребывала знаменитая Запорожская Сечь. На этом месте невольно вспоминается знаменитая картина Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». На ней, исторически точно изображены независимость, воля, характеры и настроения казаков. Нам показали даже место, где писалось это легендарное послание.

Дизель электроход продвигался по Днепру и днём и ночью. Когда мы утром просыпались, то стояли уже у пристани очередного города, и после завтрака, нас приглашали на экскурсию. Но однажды утром, проснувшись и взглянув в окно, вместо очередной пристани, мы увидели белое пятно, сквозь которое еле просматривались палубные надстройки. Это был туман. Причём, такой густой туман, что не было ничего не видно буквально в нескольких метрах.

Только я успел выйти на палубу, как по правому борту, совсем рядом с нашим дизель-электроходом, прогремыхало какое-то судно. Я его не видел, но ощутил его близость по звуку, работающего двигателя. Буквально через несколько минут после его прохода, раздался сильный удар, и шум работающего двигателя исчез. До того молчавший эфир служебной радиосвязи, неожиданно разразился страшным шумом.

Несколько мужских голосов одновременно, на высоких тонах, не слыша друг друга, пытались передать какую-то очень важную информацию. Из-за удалённости от рулевой рубки, мне трудно было уловить содержание выкриков, раздававшихся в эфире, но по тревожному тону этих голосов, я понял, что произошло какое-то чрезвычайное происшествие, иначе говоря: ЧП.

Я перешёл в носовую часть дизель-электрохода, пытаюсь рассмотреть, что там случилось. Но, не смотря на то, что туман заметно поредел, впереди нашего судна, я ничего не увидел. После небольшой паузы, в радиосвязи снова зазвучал тревожный голос. На сей раз это был истошный голос нашего капитана, который, срывающимся голосом прокричал несколько раз в микрофон: «Виктор Якубинский! Ты куда прёшь?!» - такую-то мать.

В это же самое время, я увидел, как из тумана на наш дизель-электроход, напозала какая-то громадина, в несколько раз превышающая по высоте наше судно. Присмотревшись, я определил, что это была носовая часть самоходной баржи, которая двигалась прямо на нас. Продолжая движение вперёд, огромный нос постепенно начал сворачивать в сторону, и наши суда разошлись левыми бортами. Всё это произошло на моих глазах, и я ясно представил себе, что бы произошло, если бы эта громадина

наползла на наше судно. Мы стояли на якоре и в один миг оказались бы на дне. Нам повезло, а вот судну на подводных крыльях, которое проскочило мимо нас на большой скорости, повезло значительно меньше.

Каким-то чудом, оно проскочило мимо нас и самоходки, с которой мы разошлись бортами, но следующую баржу, стоящую на якоре, проскочить не сумело. Врезавшись на большой скорости в самоходную баржу, это небольшое судёнышко переломилось пополам. Передний салон, где находилась основная масса пассажиров, ушёл под воду, а кормовая часть осталась наплаву. Чтобы и эта часть не утонула, экипаж самоходки успел, каким-то образом, подвесить плавающую часть теплохода на трос, благодаря чему, удалось спасти большую часть пассажиров этого судёнышка.

Туман сравнительно быстро рассеялся, и результаты этой катастрофы предстали перед нами во всей красе. Расстояние на воде точно определить очень сложно, но, на мой взгляд, от нас до места катастрофы было не более 150-200 метров, и мы прекрасно видели всё, что происходило на барже и на пострадавшем судне. Причём, мы не просто смотрели, а фиксировали происходящее на фото и киноплёнки. Все, от мала до велика, столпились в носовой части нашего судна. В этой толпе несколько человек были с фотоаппаратами, и мы с одним товарищем, с кинокамерами.

Удалось заснять, как из полузатонувшего судна, спасали живых пассажиров и переправляли на берег. Затем, как вытаскивали из затонувшего салона утопленников. Когда мы проходили мимо самоходки, то видели на палубе немалое количество погибших, покрытых простынями. Когда освободили судно от живых и мёртвых, то выяснилось, что среди них отсутствует механик. Надводные и подводные поиски не увенчались успехом. Всем судам, находящимся в этом районе, было дано задание, подключиться к поискам пропавшего без вести механика.

На нашем судне были выставлены вперёдсмотрящие, которые просматривали водное пространство по ходу дизель-электрохода. К поискам был подключён вертолёт, который на малой высоте барражировал над водами Днепра. Я не знаю, чем закончились эти поиски, но пока мы находились в этом районе, механика так и не нашли.

Эта стоянка сократила маршрут нашего путешествия. Нам было объявлено, что из-за длительной стоянки в тумане, мы выбились из графика и поэтому, конечной остановкой будет город Николаев, а не Очаков, который был указан в наших путёвках. Это сообщение нас, конечно, не обрадовало, но изменить это решение было не в наших силах.

Чем дальше мы уходили от Киева, тем теплей становилось в округе. Херсон встретил нас прекрасной погодой. По зеркальной водной глади бороздили десятки парусных лодок, в укромных тихих местах притаились рыбаки, в ожидании счастливой поклёвки. Торпедный катер, установленный на пьедестале, стоял напоминанием потомкам, о цене этой мирной, спокойной жизни. Множество речных и морских судов, стоящих на причалах, говорило о том, что этот город является крупнейшим портом, расположенным недалеко от моря. По соседству с судами стояли на дежурстве плавучие доки. Рядом, с одним из таких доков, стояла на якоре знакомая уже нам самоходная баржа «Виктор Якубинский», которая едва ни раздавила наше судно в тумане.

Во время пешеходной экскурсии, мы побывали у знаменитого Крепостного вала, у Очаковских ворот, в Екатерининском соборе, где захоронен в 1791 году фаворит Екатерины Второй, Григорий Александрович Потёмкин. Он этот собор строил, в нём его и похоронили.

Дизель-электроход «Советский Союз»

Особенно запомнилась Херсонская ткацкая фабрика. По тому времени она использовала самые современные ткацкие станки. В то время компьютеров ещё не было, но они уже использовали такие установки, при помощи которых задавали необходимые программы, по которым станки ткали самые разнообразные картины и портреты на полотнах. В одном из цехов, где мы были, станки ткали полотенца с портретом Ленина. Любопытно было смотреть, как по команде этого устройства, при большой скорости челнока, станок успевал вставить нужную по цвету нитку, в нужное место.

После Херсона, нас сопровождала отличная погода вплоть до Николаева. Почти весь Днепровский лиман, мы просидели на верхней палубе, радуясь солнечному дню, любясь зеркальной водой, быстроходными «Метеорами», белоснежными парусниками, беспокойными, и крикливыми чайками.

В Николаеве произошёл забавный случай, когда только для нас двоих была проведена обзорная экскурсия по городу. Мы с Валею вышли с дизель-электрохода на пристань, с тем, чтобы присоединиться к объявленной экскурсии. Женщина-экскурсовод уже стояла на условленном месте, в ожидании туристов с нашего судна, а кроме нас с Валею на пристань больше никто не вышел. Видя, что экскурсия срывается, мы уже хотели уйти прочь, когда экскурсовод предложила провести запланированную экскурсию для нас двоих. От необычности предложения, я даже растерялся, и какое-то время не знал, что ответить. Я подумал, что она шутит. Где это видано, чтоб экскурсовод проводил экскурсию по полной программе для двоих. Если только для каких-нибудь иностранных господ или знаменитостей.

Я в тот момент путешествовал с кинокамерой, а она, как известно, побуждает к знакомству с новыми местами, и я согласился. Фактически, с экскурсоводом была только Валя, а я присоединялся к ним на короткое время и опять уносился в сторону, в поисках красивых, интересных мест для съёмки. Мы прошли по набережной, где мне было сказано какую сторону можно снимать, а какую нельзя, из-за наличия кораблестроительных

заводов, после чего сели на трамвай и поехали в город, в краеведческий музей. В музее уже другой экскурсовод познакомил нас с историей города, края, и со всеми музейными экспонатами.

На судно мы вернулись вовремя, в хорошем настроении и с целой массой положительных впечатлений. Поздно вечером, мы отошли от Николаевской пристани, и повернули назад, в сторону Киева.

В своё время, особенно в предвоенные годы, среди многих других, очень популярна была песня о Каховке, где в 1920 году Красная армия вела кровопролитные бои с Белогвардейцами, за переправу через Днепр. Во время Великой Отечественной войны, в этих краях происходили не менее жестокие бои с немецко-фашистскими захватчиками, которые оккупировали Каховку с 30 августа 1941 по 02 ноября 1943 гг. В честь этих знаменательных событий, в городе были воздвигнуты два мемориальных сооружения. Особой популярностью пользовался монумент в честь легендарной и знаменитой тачанки, который так и называется: «Легендарная тачанка». Поражают размеры и филигранность этого изваяния. Через вздыбленных лошадей, напряжённых фигур погонщика и пулемётчика, стоящего в тачанке рядом с пулемётом с победным флагом в руках, очень хорошо и талантливо показана напряжённая обстановка тех далёких лет.

На обратном пути посетили ещё несколько городов, и последним был Канев, после которого все начали потихоньку собирать свои вещи, готовясь к высадке в Киеве.

Вечером, после ужина, ко мне подошёл один из членов команды дизель-электрохода с вопросом: «Вы объект фотографировали?» Я попросил уточнить, о каком объекте идёт речь. Он пояснил, что вопрос касается «Метеора» на подводных крыльях, который в тумане столкнулся с самоходкой. Я ответил, что снимал, но из-за тумана вряд ли что получилось. Не сказав больше ни слова, он повернулся и ушёл восвояси. Мы уже укладывались спать, когда к нам в каюту постучали, и когда я открыл дверь, на пороге появился тот же товарищ, который задавал мне странный вопрос. Стоя у дверей, он заявил, что у них есть санкция прокурора, о конфискации у меня киноплёнки с кадрами аварии «Метеора». Эту плёнку они проявят, и если я подсуну им какую-то другую, то меня найдут по месту моего проживания, и накажут по всей строгости закона.

Таким же образом были конфискованы плёнки у всех, кто был в тот день на палубе с фото и киноаппаратами. Мне было жаль отдавать эту плёнку не только из-за того, что там были кадры по спасению утопающих, но и потому, что там же были засняты города, куда мы ещё заходили.

На следующий день, мы прибыли в Киев, на автобусе добрались до аэропорта и ночным рейсом вылетели в Ленинград. На этом закончился наш круиз по Днепру, но не закончилось знакомства с Украиной.

В октябре 1985 года, мы приобрели очередную путёвку на турбазу «Славутич» и выехали в город Светловодск Кировоградской области Украины, расположенный на побережье Кременчугского водохранилища реки Днепр. В этом городе, мы останавливались во время круиза на теплоходе по Днепру, и с самим городом были уже знакомы. Турбаза была интересна тем, что организовывала экскурсии не только по достопримечательным местам своего города, но и в другие районные и областные города Украины. Во время круиза были мы и в Кременчуге. Побывали снова у памятника матросам Днепровской флотилии, павших в годы гражданской войны, за власть Советов, 1918 – 1919 годы. В Почтовом парке, на братской могиле почтили память командиров и бойцов Красной армии, расстрелянных в 1918 году петлюровцами.

Не менее жестокие бои шли в этих местах и во время Великой Отечественной войны. После упорных и кровопролитных боёв, город Кременчуг был освобождён от немецко-фашистских захватчиков 29 сентября 1943 года. В честь этой знаменательной даты в городе был воздвигнут Памятник Воину-освободителю, и галерея Героев Советского Союза кременчужан.

В местечке Чигирин, в родовом поместье Гетмана Украины Богдана Хмельницкого, где он родился и упокоился, мы раньше не были и поэтому, с большим интересом осмотрели достопримечательные места, связанные с этим историческим человеком. Попили холодной водицы из колодца, выкопанного самим Богданом. Сохранившиеся со времён Б. Хмельницкого колодцы, когда-то снабжали водой казацкий госпиталь.

Не менее интересной оказалась поездка в Полтаву, где нам довелось побывать на поле, где происходила знаменитая Полтавская битва. В честь 200-летия этого сражения на месте Подольского бастиона Полтавской крепости, построена «Белая беседка», что является бесспорным украшением Соборной площади, да и всего города.

Мы с Валеё в Полтаве 1985 г.

Со слов экскурсовода явствовало, что историческая битва проходила на поле, расположенном буквально за этой беседкой, которая была построена в 1909 году, в честь 200-летия Полтавской битвы, на месте Подольского бастиона Полтавской крепости. По окончании исторического сражения, потери были настолько велики, что всё поле в несколько рядов было буквально устлано человеческими телами. А трупный запах ощущался на большом расстоянии от места бывшего побоища.

Полтавчане торжественно встречали русских воинов во главе с Петром Первым, в некотором удалении от места сражения. В настоящее время, на этом месте расположена Круглая площадь. Центр площади украшает монумент Славы, установленный к 100-летию Полтавской битвы. Памятник являет собой колонну на гранитном постаменте, которую венчает бронзовый Орёл. В когтях он держит молнии, а в клюве – лавровый венок. Орёл смотрит в сторону Поля Полтавской битвы.

У знаменитой беседки, мне тоже пришлось пролить свою кровь. Во время заводки пружины кинокамеры, которой я снимал эти места, пружина этого механизма лопнула, а рукояткой, при помощи которой производятся эти действия, поранило мне палец руки. Рана была небольшая, но кровь хлестала с такой силой, что товарищи по экскурсии ринулись мне на помощь. Потом они шутили по этому поводу, что и я тоже пролил кровь на поле Полтавской битвы.

Эта экскурсия нам тоже понравилась, и по прибытию на турбазу, мы записались на следующую: на знаменитую Сорочинску ярмарку, которую так красочно описал в своей повести Николай Васильевич Гоголь.

К великому сожалению, полученное письмо с Валиной родины, заставило нас срочно собраться и покинуть Украину досрочно. Валина сестра, Зина, писала, что их отец, Белов Павел Егорович, находится в очень тяжёлом состоянии. Нас словно преследовал какой-то Рок. В 1981 году, во время нашего путешествия по Волге, в Горьком мы получили известие, о гибели Зининой дочки, Гали, а теперь вот, с отцом что-то случилось.

Калининская область встретила нас дождливой и ветряной погодой. От частых дождей, дороги раскисли и превратились в сплошное месиво. Путь от автобусной остановки, протяжённостью в один километр, показался нам длинней тех восьмидесяти, которые мы проехали на автобусе. Как мы ни лавировали между лужами и островками, в поисках суши, добраться до деревни сухими и чистыми нам не удалось. Едва мы переступили порог родительского дома, мать сразу же развесила нашу одежду на сушку.

Отец действительно был серьёзно болен: не вставал и отказывался от пищи. Зоя Сергеевна (местный фельдшер) при помощи средневековых медицинских инструментов, имеющихся в её наличии, поставила отцу какой-то диагноз и, несмотря на отсутствие положительной динамики, продолжала лечить его какими-то таблетками. Что такое «Скорая помощь», в деревнях вообще не знали. Если бы она существовала, то в распутицу добраться до больного, она могла бы только на тракторе, и только на гусеничном. По дороге, по которой ходил автобус, ещё можно было как-то проехать, а деревенские дороги становились непролазными.

Неделя, проведённая у постели больного, нам показалась годом. Вид страдающего от боли Валиного отца, бессонные, тревожные ночи, хмурая, дождливая и ветреная погода, не способствовали хорошему настроению. Отец ещё был жив, а в доме уже была траурная обстановка.

Наши отпуска подходили к концу, а здоровье отца не улучшалось. Даже Зоя Сергеевна не могла спрогнозировать дальнейший ход событий. После долгих размышлений, на семейном совете было решено, что нам надо ехать домой. При отрицательном исходе, нам пришлют телеграмму. Шестого ноября 1985 года, когда до окончания наших отпусков оставалось ровно такое количество дней, сколько необходимо потратить на дорогу, чтобы добраться до работы в Ковдоре, мы попрощались, и ранним утром отправились на автобусную остановку.

Отец Валентины, видимо, чувствовал, что мы больше не увидимся, и при расставании даже всплакнул, и долго благодарил меня за всё хорошее, что было между нами. Зина, Валина сестра, снабдила нас резиновыми сапогам, и до автобусной остановки мы дошагали быстро, смело шагая по глубоким лужам и липкой дорожной жижи.

А вот с автобусом нам не повезло. Простояв у дороги на холодном ветру больше часа, мы его так и не дождались. По непонятным для нас причинам, в этот день утренний рейс отменили, и как назло, за это время не прошла ни одна попутная машина. Окончательно продрогнув, мы уже хотели было вернуться в деревню, когда услышали вдали, со стороны Фёдоровки, вполне отчётливый звук автомобильного двигателя.

Через небольшой промежуток времени, с ожидаемой стороны показалась не просто машина, а автобус. Это был не рейсовый, а «Пазик», как потом мы узнали, из соседнего колхоза. На наше счастье, он шёл до Вышнего Волочка с заездом в деревню Дубровка. Шофёр согласился нас взять, но предупредил, что они задержаться в Дубровке примерно на час, после чего только поедут дальше. Как говорят: без рыбы и рак – рыба, и мы с радостью согласились. Примерно во второй половине дня, мы уже были у Щукиных, и я ещё успел приобрести билеты на поезд.

Мурманский поезд отходил поздно вечером 7-го ноября. Перед отъездом, мы посидели за праздничным столом, после чего Щукины отвезли нас на своей машине на вокзал, и 9-го числа мы были уже дома. Встретившаяся нас моя племянница Лена, при виде нас, сделала удивлённые глаза, и заявила: «Дядя Гена, а вы что не остались на похороны дедушки Павла? А дядя Володя вчера уехал туда» Эта новость прозвучала для нас, как гром среди ясного неба. В день нашего отъезда, он был жив и никаких предпосылок на скорую кончину не предвиделось.

Павел Егорович с двумя зятьями – Геннадием и Виктором

Как потом выяснилось, он умер 7-го ноября, в день своего восьмидесятилетия, когда мы были ещё в Вышнем Волочке. Нам было не понятно, почему Зина не сообщила нам об этом. Она знала, что мы ещё не уехали. Всё разъяснилось, только спустя какое-то время. Зина немедля, сразу же известила телеграммами всех родственников, о кончине отца. В том числе и Щукиных, где мы остановились, и своего сына, Володю, который жил в этом же подъезде этажом выше. Все извещения были доставлены адресатам, а телеграмма, адресованная Щукиным, так до них и не дошла.

Отец был уже мёртв, а мы, не зная этого, сидели за праздничным столом. Володе Никитину в этот вечер приносили телеграмму, но их не было дома. Почтальон пронёс это траурное послание мимо дверей квартиры, где мы сидели, а мы об этом не знали. После похорон, Щукины намеревались судиться с оператором телеграфа, но потом поостыли и спустили всё это дело по тормозам. Вот так закончилось наше путешествие, осенью 1985 года.

* * * * *

Проводы на пенсию Валентины Чикуновой. (в центре)

В марте 1986 года, Валя ушла на пенсию, а у меня по графику выпал летний отпуск. Отпуска в такое время года выпадали, как правило, в три года один раз. Раньше, наши отпуска не всегда совпадали, и поэтому, приходилось уезжать на отдых врозь. Было решено воспользоваться таким благоприятным случаем и прокатиться по Волге на теплоходе в летнее время. До этого, нам довелось это сделать только осенью, а здесь появилась возможность полюбоваться природными красотами и историческими местами в более благоприятное время года. Петрозаводское бюро путешествий и экскурсий, очень оперативно откликнулось на нашу просьбу и, не откладывая в долгий ящик, прислала нам две путёвки на знакомый уже нам теплоход, «Михаил Ломоносов», который уходил в плавание 6-го июня по маршруту: Петрозаводск – Астрахань – Петрозаводск.

Рано утром шестого июня, мы были уже на Петрозаводской пристани. Слабый ветерок проносился по озёрной глади, слегка рябил прибрежные воды и обдавал всю округу чистым, влажным, освежающим воздухом. Утреннее солнце, низко висевшее над горизонтом, ещё не успело согреть своими жаркими лучами окружающую среду, и у воды было прохладно. Несмотря на относительно спокойную погоду, бесконечные волны, одна за другой, набегали на бетонную серую, прочную пристань и, превратившись в белую пену, и мелкие брызги, откатывались назад.

У пристани уже стояли два теплохода. Один, прибывший из Ленинграда с туристами и второй, ожидавший туристов, чтобы отправиться в двадцатидневное плавание на юг нашей страны. Это был наш теплоход. «Михаил Ломоносов» нам он был уже знаком, и проходили мы на его борт, с трепетным сердцем, как в родимый дом после долгой разлуки. Каюта нам досталась со всеми удобствами, на той же палубе, как и в прошлую поездку. За несколько лет нашего отсутствия, команда теплохода заметно поменялась. Только капитан судна да боцман были нам знакомы. Распорядок дня да ритуалы остались прежними.

К 12 часам все формальности по оформлению были произведены, и была дана команда: «Отдать концы». Матросы разобрали трап, соединявший теплоход с пристанью, сбросили «концы» с кнехтов, и теплоход медленно, под аккомпанемент баяна и хора туристов, начал отходить от пристани. Отъезжающие, стоя на палубе, прощаясь с провожающими, махали высоко поднятыми руками и громко выводили слова песни: «Долго будет Карелия сниться...». Несмотря на то, что нас никто не провожал, мы, в знак солидарности, тоже весело махали руками, и пели песню про прелести прекрасной Карелии.

Впереди нас ожидало интересное двадцатидневное путешествие, и настроение было отличное. Давно уже прозвучали последние аккорды песни, пристань уже только угадывалась где-то за кормой, а народ всё продолжал стоять на палубе, любясь бескрайними водными просторами Онежского озера. Впереди простиралась бесконечная водная гладь до самого горизонта, а за кормой, над вспененной мощными винтами водой, с гортанными криками носилась целая стая чаек, в ожидании очередной подачи корма с борта теплохода.

Я, при помощи кинокамеры, снимал начало нашего путешествия, а Валя, стоя на корме теплохода, кормила чаек. Чайки, едва не сталкиваясь в воздухе в борьбе за очередной порцией подачи, взмывали вверх, то почти камнем падали вниз в погоне за куском булки, успевая схватить добычу налету. Неожиданно, наше любованье чайками, прервал грозный окрик по громкой теплоходной связи, требовавший немедленного прекращения кормления птиц. Оказывается, чайки, кружась над теплоходом, так загаживали его палубы, что команда еле успевала за ними убирать. После такого предупреждения, пришлось прекратить кормление, и переключить всё внимание на удаляющийся берег с еле различимыми городскими домами и открывающимися впереди бескрайними водными просторами Онежского озера.

Несмотря на то, что по этому маршруту и на этом же теплоходе мы уж плавали осенью 1981 года, летом, все эти же места выглядели значительно ярче, интересней, доступней и веселей. Осенью, все достопримечательности, во время движения теплохода, приходилось рассматривать через окна каюты, а летом, при желании можно не сходить с палубы целыми днями. Что я и делал. Вставал с утра пораньше, до объявления всеобщего подъёма. С огромным удовольствием, на чистом, ароматном, пропитанном речной влагой, лесной хвоей, сеном, или полевыми цветами воздухе, делал зарядку.

Приятно было бегать по периметру пустынной палубы, где каждый круг составлял более двухсот метров и в то же самое время, любоваться сказочными красотами, проплывающими за бортом теплохода. При пересечении почти всей страны с севера на

юг, открываются такие природные красоты, что можно без усталости стоять на палубе, бессчётное количество времени. С самого начала круиза поражают красоты и размеры Онежского озера. Теплоход несколько часов идёт по водной глади, вдали от берегов, которые скрываются где-то за горизонтом. Вызывают восхищения грандиозные гидросооружения Волго-Балтийского канала.

Ещё большее восхищение и удивление вызывает тот факт, что этот канал, который раньше назывался Мариинской системой, был выкопан вручную, при помощи лопат и тачек. В некоторых местах ещё сохранились старые деревянные шлюзы, в которых шлюзовались суда, проходившие по этой рукотворной водной системе. Современные шлюзы поражают своими размерами. В них свободно помещаются по два круизных теплохода.

Несмотря на то, что за время круиза теплоход проходит не один десяток таких шлюзов, количество зевачников на палубах с каждым разом не уменьшается. Интересно наблюдать, как суда, причаленные к шлюзу, то поднимаются, то опускаются на 18-14 метровую глубину. И как огромные ворота, облепленные мелкой рыбёшкой, медленно раскрывая свои пасти, выпускают суда из своего чрева.

На месте впадения реки Костромы в Волгу, стоит неповторимый Ипатьевский монастырь. Издали он похож на белоснежный корабль, вплывающий в могучую, русскую реку Волгу. Но это красивое архитектурное сооружение славится не только своей внешностью, но и богатой историей. Именно здесь, в 1613 году происходило избрание Михаила Романова на престол. С тех пор, монастырь называется «колыбелью династии Романовых».

Ипатьевский монастырь

По какой-то причине левый берег Волги высокий, в некоторых местах даже крутой, а правый низкий и пологий. В левобережные города приходится подниматься в гору. К таким высокогорным городам можно отнести и город Горький. При подходе к городской пристани, обращает на себя внимание лестница Чкалова, и памятник Валерию Павловичу. Памятник легендарному лётчику-испытателю Валерию Чкалову, уроженцу Нижегородской области, открыт 15 декабря 1940 года, в день второй годовщины его гибели.

Бесспорно, главной достопримечательностью города является Кремль, с древнейшим каменным Михайло-Архангельским собором, который ведёт свою историю со времени основания города. В соборе находится могила Козьмы Минина. К наиболее поздним, можно отнести музей детства А.М. Горького, «Домик Каширина» - место действия автобиографической повести «Детство». В музее, во всех помещениях, воссоздана бытовая обстановка нижегородской мещанской семьи. В Казанском кремле, особое внимание привлекает дозорная башня Сююмбике – одна из самых высоких в Европе падающих башен.

На шестой день нашего плавания, в 14 часов мы причалили к Куйбышевской (Самарской) пристани. Город, где проживают более миллиона жителей, по-своему красив, благоустроен, с богатой историей. За четыре часа стоянки теплохода, нам удалось побывать в некоторых исторических местах: в музеях В.И. Ленина и М.В. Фрунзе, у памятника Чапаеву. Познакомиться с государственным академическим театром драмы им. Горького, который ведёт свой отчёт с 1851 года.

В этот год Самаре был присвоен статус губернского города. Побывали у здания, в котором во время войны работало советское правительство, аппарат ЦК ВКП(б) и 22 иностранные миссии. В те годы, город фактически являлся запасной столицей СССР. В то время, нам не говорили, что под этим зданием в 1942 году было построено оборонительное сооружение для резервного местонахождения ставки Верховного Главнокомандующего. В 1990 году, когда его рассекретили, то стало известно, что это не просто какой-то подвал, а один из крупнейших бункеров во всём мире, среди подобных. Глубина залегания бункера – 37 метров. Например, подобное сооружение Гитлера находилось на глубине 16 метров, у Черчилля и Рузвельта несколько мельче. Бункер имеет автономную систему регенерации воздуха и свою электростанцию и в состоянии выдержать взрыв даже атомной бомбы. В настоящее время, там открыт музей с экспонатами о Великой Отечественной войне.

В отличие от осенних, в летних круизах прибавляются, так называемые, зелёные стоянки, где можно покупаться, поваляться на песочке, и поиграть в подвижные игры. Таких стоянок было несколько, одна из которых проходила на Усовском острове. Этот красивый, песчаный, поросший соснами остров, расположен на отрезке Волги между Вольском и Саратовом. Пристань расположена на берегу Волги, в месте впадения в неё реки Терешки. Недалеко от пристани, расположено село Усовка, основанное в 1710 году.

Это село славится родником «Белый ключ», в котором течёт природная целебная вода, из меловых пластов, насыщенная ионами кальция. Из-за короткой стоянки, испробовать этой целебной водички нам не удалось, но зато, пользуясь прекрасной погодой, все желающие успели купаться в Волге, позагорать, и наиграться в различные подвижные игры. Этот остров имел один только недостаток: несметное количество муравьёв, которые зорко охраняли свои владения, и беспощадно атаковали незваных пришельцев. Каким-то образом, они сумели проникнуть и на теплоход, и многие вынуждены были продолжить борьбу с ними и после стоянки.

Девятый день по графику, вывешенному на палубах, мы должны были провести в Волгограде, а наш теплоход ошвартовался в Волжске. Нас всех пересадили в автобусы, а теплоход пошёл на шлюзование уже без нас. Колонна наших автобусов проскочила весь Волжск без остановок. Мы смогли увидеть город только из окон автобусов. Утро было светлое, солнечное и город нам показался благоустроенным, зелёным, малолюдным, компактным и уютным. На этом месте, когда-то находилось село Верхняя Ахтуба, а потом развернулось строительство Сталинградской (Волжской) ГЭС.

Побывать у столь знаменитого в те годы сооружения, было небезынтересно. Причём, не только возле, но и внутри станции. Экскурсоводом, на сей раз, был главный инженер станции, который рассказал нам, что ГЭС строилась с 1950 по 1961 годы. Длина бетонной водосливной плотины 725 метров, высотой 44 метра. А земляной – 3249 метра и высотой – 47 метров. Это соответствует примерно трём пятиэтажным домам. По плотине проложены железнодорожные и автомобильные переходы, а для судов, проходящих по Волге, сооружены двухкамерные судоходные шлюзы.

Стоя на плотине, мы обратили внимание, что со стороны нижнего бьефа, в водяной пучине, преодолевая бурное течение, создаваемое плотиной, бьётся целый косяк разнокалиберной рыбы. Они подплывали к самой плотине, выпрыгивали из воды, словно дельфины, по течению откатывались назад и снова шли на плотину, преодолевая сильное течение, словно на баррикаду. Отвечая на наш вопрос, главный инженер объяснил, что рыба пытается пробраться на свои излюбленные места нереста, но плотина препятствует им это сделать. На плотине имеется технологический рыбоподъёмник, но рыба идёт туда неохотно, пытаясь пройти по старому пути.

Внутри станции, бросается в глаза идеальная чистота, и малое количество людей, обслуживающих механизмы. Несколько тружеников находились в турбинном зале и у главного пульта станции. Установленные на станции 22 гидроагрегата, сыграли решающую роль в энергоснабжении Нижнего Поволжья и Донбасса.

Волжская ГЭС

Мне, как электрику, и проработавшему какое-то время на дизельных электростанциях малой мощности, было небезынтересно побывать на столь мощной и знаменитой станции.

Ближе к обеду, наша колонна автобусов вкатилась в Волгоград, где на пристани нас уже ожидал наш «Ломоносов» и очень вкусный обед.

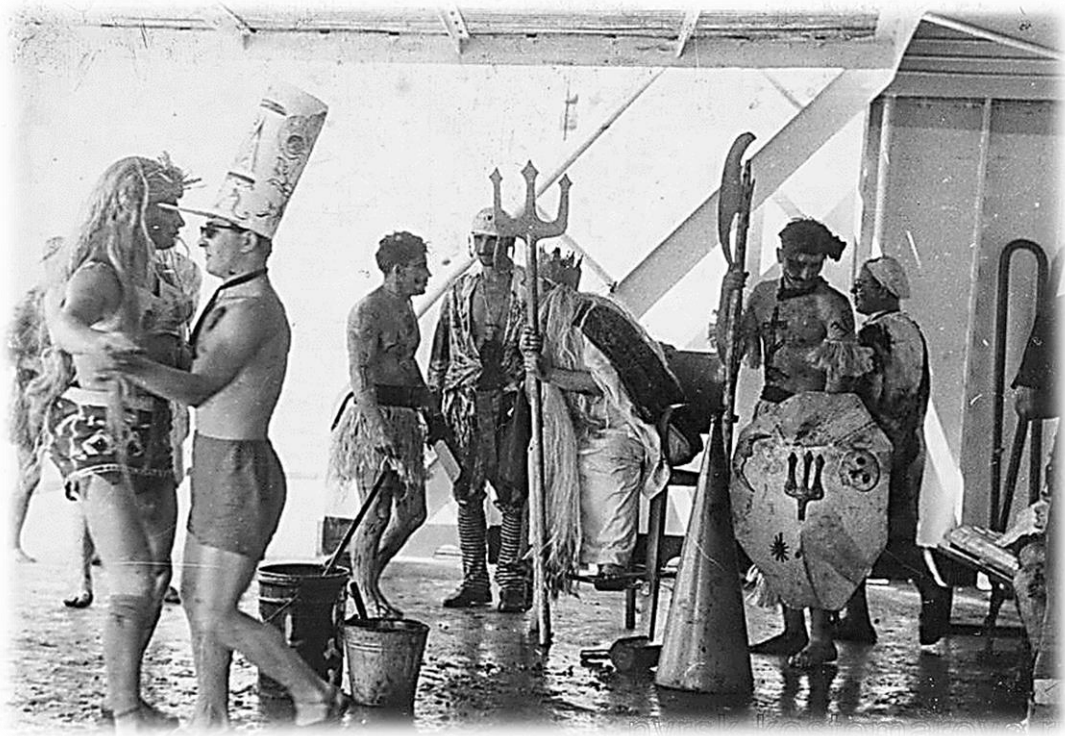
По расписанию, мы должны были зайти в Волгоград ещё раз, и поэтому, во время этой стоянки, нас ознакомили только с центром города и с Мамаевым курганом. После экскурсии ещё оставалось какое-то время до отхода теплохода и, воспользовавшись свободным временем, после экскурсии, я ещё успел прокатиться по городу на подземном трамвае. С трамваем я был знаком с самого детства, а о подземном я узнал только в Волгограде, и мне захотелось узнать о нём побольше.

Оказалось, что это самый обычный трамвай, с той только разницей, что часть пути он проходит по земле, а какую-то часть под ней, как метро. Невольно возникает вопрос: зачем нужно было строить такой гибрид? Можно было пустить просто трамваи или построить метро. В справочнике мне удалось получить ответ на этот вопрос, где было сказано: «В середине XX века в городе начала назреть транспортная проблема, вызванная, во многом, протяжённостью города. Решением могло бы послужить метро, но в то время в городе проживало только 800 тысяч человек, а метро разрешалось строить только в городах-миллионниках.

Поэтому, в 1976 году было принято решение о строительстве подземного трамвая. В 1984 году была открыта его первая очередь. На этом метро-трамвае, мне удалось побывать во многих исторических местах прославленного города. Особенно приятно было взглянуть на Сталинградский тракторный завод, продукцией которого мне довелось попользоваться при работе на целинных землях Казахстана. Знаменитые СТЗ показали себя на самых тяжёлых целинных землях с самой лучшей стороны. Из-за своей неприхотливости, выносливости и простоты обслуживания, трактора этого завода завоевали бесспорный авторитет, и многие трактористы мечтали поработать на этих машинах.

В 20 часов того же дня, мы отчалили от пристани легендарного Сталинграда и продолжили движение вниз по течению Волги в сторону Астрахани. Но в Астрахань мы попали только через день: на десятый день нашего путешествия, а девятый провели на причале возле села Никольское, с 8 утра до 18 часов вечера.

Почти от самого Петрозаводска, самодеятельный коллектив начал готовиться к празднику Нептуна. Были подготовлены комедийные номера, которые и были исполнены на Никольском пляже. Один из туристов забавно и очень неплохо исполнил роль Нептуна, а его полуголые «слуги» различные танцы. Очень юмористично мужчины с солидными животиками, в узеньких плавках исполнили танец «Маленьких лебедей» под знаменитую музыку из балета. По традиции, искупали в Волге зазевавшихся зрителей, не исключая и капитана судна. Нам с Валея Нептун вручил Грамоту, где было сказано, что мы действительно совершили путешествие на теплоходе «Михаил Ломоносов» по маршруту: Петрозаводск - Астрахань и после торжественной церемонии посвящения в Речники можем пользоваться всеми водными просторами, как его полноправные подданные.

День Нептуна на теплоходе

На следующий день в 7 утра, мы уже были в Астрахани. Свободного места на пристани не было, и наш теплоход пришвартовался к левому борту теплохода «Александр Суворов». Как известно, это судно 5 июня 1983 года зашло под несудоходный пролёт Ульяновского моста. В результате столкновения с мостом, у судна была полностью снесена рубка, кинозал, срезаны дымовые трубы. В этой катастрофе погибли 176 человек. Буквально несколько дней назад, мы проходили под этим мостом и видели этот пролёт, куда «залетел» теплоход «Суворов».

Несмотря на то, что с момента аварии прошло к тому времени три года, краска этого пролёта, заметно отличалась от остальных пролётов моста. Выход на берег производился через этот теплоход, и мы с замиранием сердца и с большим любопытством вступили на борт этого печально известного судна. Оно совсем недавно вышло из капитального ремонта и всё внутреннее убранство, и оборудование теплохода сверкало и блестело. Не было никаких признаков той ужасной катастрофы, которая унесла столько человеческих жизней.

Утром температура воздуха уже была выше 20 градусов, а к нашему выходу на экскурсию, перескочила за тридцатую отметку. Причём – это в тени, а на солнечной стороне создавалось такое впечатление, что мы все находимся в духовке, и нас здесь пытаются зажарить заживо. Судя по внешнему виду, местные жители не чувствовали себя продуктами для поджарки, а нам, северянам, такая жаровня была непривычна. Эта температура напомнила мне Казахстан, где при +40 в тени, мы умудрялись ещё и работать.

Все каюты теплохода были оборудованы кондиционерами, и при отправке на экскурсию, я включил его на полную мощность. К нашему приходу, в каюте была такая температура, что можно было хранить продукты.

Сойдя на берег, мы сразу же почувствовали запах рыбы. Причём, запах в разных местах был разный: где-то свежей, где-то копчёной. Казалось, что весь город был пропитан этим ароматом. Недалеко от причалов, было множество торговых точек, где предлагалась рыба живая, свежая, мороженая, солёная, копчёная, жареная, вяленая и т.д. Как говорить: мука и вакса, ешь и пачкайся.

Как нам рассказывали экскурсоводы, в городе немало исторических мест, связанных с историей города и всего государства Российского, но нам показали всего несколько из них. Главным таким местом, бесспорно, является Астраханский кремль. Создание Астраханского кремля связано с присоединением новых территорий к России, благодаря которым, наша страна получила выход к Каспийскому морю.

На организованную экскурсию, мы потратили не более двух часов, а остальную часть времени, до 18 часов, были отпущены на «свободное плавание». Из-за сильной жары, особого желания бродить по городу не было. Хотелось поскорей добраться до теплохода и окунуться в приятную прохладу каюты, поближе к кондиционеру.

16 июня, на одиннадцатый день нашего путешествия, в 8 часов утра, мы подошли к пристани села Никольского, где уже были 14-го числа. В этот момент от пристани отходил другой теплоход, освобождая нам место на причале. К нашему удивлению, простояв какие-то минуты у пристани, матросы убрали выставленный трап, и мы продолжили путь вверх по Волге, в сторону Волгограда. Нам объяснили, что отменили зелёную стоянку из-за нашествия муравьёв. Ещё во время стоянки 14-го числа, муравьёв на этом острове было предостаточно. На этот раз, сказали, что их стало ещё больше.

17 утром, мы снова очутились на Волгоградской пристани. По громкой связи было объявлено, что после завтрака, от имени туристов нашего теплохода, будет происходить возложение венков и цветов к памятнику Павшим героям, защищавших Сталинград. К объявленному сроку, недалеко от пристани, на Аллее Героев, выстроилась колонна пассажиров нашего теплохода.

Судя по количеству людей, выстроившихся на Аллее, все туристы, в полном составе, пожелали принять участие в этом мероприятии. Возглавили это шествие Участники войны, которые и возложили венки у Вечного огня на площади Павших борцов. Бесспорно, главной достопримечательностью Волгограда и местом поклонения подвигу героических защитников Отечества является Мамаев Курган, где 140 дней и ночей шли кровопролитные бои, невиданные в истории по своему упорству, и жестокости, куда нас и привезли после возложения венков.

Поднимаясь по лестнице на Курган, мы прошли мимо скульптуры «Память поколений», аллеи пирамидальных тополей, площади «Стоявших насмерть!», «Стены-руины», «Зала воинской славы». Поднялись к главной скульптуре: «Родина-мать зовет!», которая оставила у нас самые глубокие впечатления.

В Зал «Воинской славы», на стенах которого выложено 34 траурных знамени с именами 7200 солдат-защитников Сталинграда, а в центре расположен главный элемент композиции – рука воина, сжимающего горящий факел, и горит Вечный огонь, охраняемый почётным караулом, мы входили с каким-то трепетом и волнением.

В 1985 году, в Волгограде был открыт музей «Сталинградская битва». В специально построенном здании, была выставлена художественная панорама: «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом». В связи с тем, что музей не в состоянии был пропустить всех желающих, несмотря на то, что к тому времени он уже отработал целый

год. В день нашего приезда демонстрировали панораму и другие экспонаты только участникам и ветеранам В.О.В. Мы, к тому времени не подходили ни к одной из этих категорий льготников и поэтому не могли туда попасть. По соседству с нами, на одной с нами палубе, поселилась чета из Кандалакши, которые были оба участники войны, которые и провели нас в этот музей. Следует сказать, что сама панорама поражает воображение. Всё сделано настолько правдоподобно, искусно и художественно, что кажется, что это не искусственная, а панорама настоящего поля битвы. И что мужественные защитники города, продолжают вести кровопролитный бой с осаждающим противником.

Мы с Валентиной в Волгограде

Кроме панорамы, экспозиция залов музея содержит около 4 тысяч экспонатов, которые раскрывают историю Сталинградской битвы: документы, награды, оружие, личные вещи защитников города и прославленных военачальников.

В состав музея «Сталинградская битва» также включены руины старой мельницы, построенной ещё в 1903 году. Её после войны не восстанавливали, а оставили своеобразным свидетельством разрушительных военных действий, которые велись на земле Сталинграда. Вокруг музея-панорамы была расположена экспозиция разнообразной военной техники. Здесь была выставлена наземная, а также авиационная техника времён ВОВ.

Ещё до посещения Волгограда, я часто видел на современных снимках Сталинградскую полуразрушенную мельницу и думал, что это знаменитый «дом Павлова». На самом деле оказалось, что знаменитый дом ничем не отличается от всех остальных жилых зданий, и там вполне благополучно проживают местные жители.

Панорама

Саратов, куда мы прибыли 18 июня, встретил нас огромными буквами с названием города, которые были выложены на берегу, недалеко от пристани. Эти буквы мы видели еще, когда шли вниз по течению, в сторону Астрахани, но прошли мимо. На сей раз, здесь у нас была плановая остановка, и поэтому, теплоход покружил какое-то время возле пристани, и причалил к борту теплохода, стоящему у пристани. Через это судно, мы высадились на берег. Пробыли здесь всего четыре с половиной часа. Во время пешеходной экскурсии, нас успели познакомить с знаменитым мостом через Волгу, соединяющим Саратов с Энгельсом, с биографией Н.Г. Чернышевского и с центральной площадью города.

Самой интересной достопримечательностью вполне можно назвать Саратовский автомобильно-пешеходный мост через Волгу, который был спроектирован и построен в 1965 году по новейшей инженерной мысли того времени и считался самым длинным мостом в Европе. (Его длина – 2803,7метра). Он чем-то напоминает двугорбого верблюда. Со стороны Саратова и Энгельса он приподнят, для обеспечения судоходства, а в районе искусственно намытого острова, где расположен городской пляж, понижен.

В Ульяновске, мы встретились ещё раз с мостом, где потерпел катастрофу теплоход «Александр Суворов». Обидно было за судно. Нося имя полководца, не потерпевшего ни одного поражения, и оберегавшего от гибели каждого солдата, так нелепо загубил столько человеческих душ.

В городе, где родился В.И. Ленин, нас прямо с пристани повели в Ленинский Мемориал, который был создан в честь 100-летнего юбилея великого земляка ульяновцев. Это, без преувеличения – грандиозное сооружение. В состав комплекса входят: музейная площадь, четыре мемориальных дома, включая Дом-музей В. И. Ленина, Большой зал, и Общественно-политический центр. Как нам рассказывали: при строительстве этого комплекса, пришлось снести и передвинуть несколько домов.

В Чебоксарах мне запомнился двухкамерный судоходный шлюз, где подняли наш теплоход на 36 метров, музей В.И. Чапаева и дом, который построил Василий Иванович собственными руками.

Я уже писал, что в Горьком мы останавливались уже 9-го июня, когда шли в сторону Астрахани, а 22-го, при возвращении в Петрозаводск, снова причалили у этой пристани. Самые основные достопримечательности были осмотрены при первом посещении, поэтому, при повторном причаливании многие из нас ограничились самостоятельной экскурсией по городу. Побывали ещё раз в Кремле, у Дмитриевской башни, которая считается древнейшей достопримечательностью Кремля. В центре города у Дома дворянского собрания, построенного в 1826 году. У Академического театра – старейшего театра России.

И наконец, 23 июня мы причалили к последней пристани на Волге: Ярославской. В Ярославле было такое количество достопримечательностей, что даже их простое перечисление заняло бы не одну страницу. За четыре с половиной часа, мы успели побывать в знаменитом Спасо-Преображенском монастыре и около Драматического театра имени Фёдора Волкова. В школьные годы, мы все знакомимся с памятником древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Это произведение было найдено в Спасо-Преображенском монастыре. Но обитель известна, и сама по себе, ведь основана она была еще в 12 веке и входит в число шестнадцати крупнейших монастырей. По сути, это Ярославский Кремль. В 16 веке сюда была перенесена государственная казна, а в 1612 году монастырь стал штабом Минина и Пожарского.

В Ярославле нам понравилось всё, кроме погоды. Погода была малооблачная, но с сильным порывистым ветром. В городе его сила не ощущалась так, как на берегу реки. Удары ветра достигали такой силы, что огромный теплоход при сильных порывах слегка ударялся бортом о пристань, а на палубу с противоположной стороны летели мелкие водяные брызги. В 14 часов, точно по расписанию, мы отчалили от пристани и легли курсом по направлению Рыбинского водохранилища.

Ещё при проходе через это рукотворное водохранилище, когда мы шли в сторону Астрахани, нас ознакомили с историей создания и размерами этого искусственного моря. Размеры этой водяной чаши таковы, что без всякого преувеличения, это создание можно назвать морем. Площадь водохранилища составляет 4580 км², объём 25,4 км³, длина по руслу Волги 110 км, по Мологе – 226 км и Шексне – 328 км; наибольшая ширина 60 км. А вот со средней глубиной, оно немножко подкачало и имеет всего 5,6 метра.

Понятно, что при заполнении водохранилища, сооружении плотины, перегородившей путь великой реке, появилась возможность получить какое-то количество электроэнергии, соединить Волгу с другими реками и даже морями, увеличить добычу рыбы и т.д. Полезность и необходимость создания такого грандиозного проекта всячески восхвалялись и экскурсоводами, и всей печатной пропагандой.

Но если посмотреть на другие цифры, говорящие о затратах, потерях и ущербе, нанесённом природе и народному хозяйству, то невольно приходится задуматься: чего получило государство от этого вмешательства в природу больше - пользы или вреда? Из мест затопления было переселено 130 000 жителей, 663 селения, и город Молога. Были затоплены Леушинский монастырь и Югская пустынь, 3645 км² лесов. Вот эти далеко не полные цифры заставляют задуматься над этими вопросами.

Затопленная Молога

Попрощавшись с Ярославлем всё той же песней под баян о Карелии, мы поднялись вместе с нашими земляками из Кандалакши на верхнюю палубу в кафе, а теплоход взял курс уже не на столь далёкий Карельский край.

За весёлыми разговорами, мы даже не заметили, что уже давно за окнами теплохода изменился ландшафт, вместо городских корпусов появились перелески и поля, которые находились от теплохода на довольно-таки приличном расстоянии, и появилась бортовая качка. В начале это нас даже забавляло, но по мере увеличения амплитуды колебания судна, в наши души стало закрадываться волнение. Когда крен судна стал доходить до такого уровня, что вазочки с мороженым стали перемещаться по столу, мы решили спуститься пониже, в свои каюты. Оказалось, что при такой качке сделать это не так-то просто. Одна женщина, после неудачной попытки спуститься по лестнице обычным способом, спустилась на нижнюю палубу на заднице, смеясь и подпрыгивая на каждой ступеньке.

По мере того, как мы дальше углублялись в водохранилище, качка становилась всё сильнее. Даже пройти просто по коридору стало почти невозможно. Я попробовал это сделать, но меня так швырнуло к противоположной стенке, что я очутился в каюте начальника рейса. У него дверь оказалась открытой. И что интересно, когда я влетел, он даже не поднял головы. Как сидел, уткнувшись за столом в какую-то бумагу, так и продолжал сидеть. Даже глазом не моргнул.

Очевидно, к нему в каюту частенько уже влетали нежданчики вроде меня, и он привык к таким визитам. Качка была какая-то комбинированная: одновременно с бортовыми и носовыми кренами, теплоход зарывался в волны носом, производя целый фонтан водяных брызг, которые долетали даже до верхней палубы. Вода за бортом словно кипела в каком-то адском котле.

Теплоход мотало из стороны в сторону, словно спичечный коробок. В тёмное время суток обстановка стала казаться ещё мрачней. Видимость была минимальная. Ориентироваться можно было только по радиолокатору. Как нам рассказывал боцман

этого судна, от северо-западной части берега Рыбинского водохранилища довольно часто отрываются большие пласты торфа, поросшие растительностью и даже мелкими деревцами. Они автономно плавают по всей акватории водохранилища, создавая опасность для судов. Беда в том, что такие плавающие острова ночью, в штормовую погоду, не видят радиолокаторы, не видно их и визуально.

Судя по тому, как команда теплохода стала спускать шлюпки на нижнюю палубу, обстановка на самом деле была серьёзна. Капитан судна всю ночь не сходил с мостика. Да и пассажиры провели эту ночь в бессонном, тревожном состоянии. Мебель, привёрнутая к полу болтами, скрипела на разные лады, производя жалобные звуки. Каждый раз, при очередном крене, когда судно ложилось на какой-то борт, с замиранием сердца ожидали возвращения его в исходное положение.

Иногда какая-то шальная набегаящая волна с такой силой ударяла по борту, что весь теплоход вздрагивал, словно в лихорадке. Спальные места превратились в детские колыбели, на которых ноги то задирались к небу, то медленно опускались вниз. Не все выдерживали эту качку. Кой кому приходилось оказывать медицинскую помощь. У гипертоников от волнения поднялось давление. Следует признать, что причин для волнения было предостаточно. Крен судна доходил иногда почти до критических величин. Высота и конфигурация волн была такова, что очень рискованно было спасаться на шлюпках. Иногда, как говорят, высота волн в водохранилище достигает двух метров. Судовой фарватер проложен вдали от берегов, до которых не менее 30 километров.

Сгорая от любопытства, преодолевая страх, я вышел на палубу, чтобы посмотреть, что происходит за бортом. Картина была не из приятных. Корабельный прожектор выхватывал из темноты не просто волны, идущие в определённом направлении, а какую-то кипящую массу, которая яростно врезалась в теплоход, переваливая его с борта на борт. Иногда порывы ветра достигали такой силы, что судно начинало двигаться боком, рискуя выйти за пределы фарватера и сесть на мель. Ближе к утру болтанка прекратилась, и мы с облегчением заснули мертвецким сном.

На следующий день благополучно миновали Шекснинское водохранилище, а вот озеро Белое встретило нас не приветливо. Волны были поменьше, чем в Рыбинском водохранилище, но такого размера, что теплоход тоже раскачивало не слабо. После такого сильнейшего шторма, который нам пришлось испытать в Рыбинском водохранилище, эта качка нам уже не казалась такой опасной, и мы встретили её более спокойно. Во-первых, мы убедились в прочности и устойчивости теплохода, во-вторых, качка была не бортовая и переносилась значительно легче, и ещё успокаивало то, что длина озера была около тридцати километров и нам качаться придётся не очень долго. А ещё было не маловажно, что всё это происходило днём.

К нашему удивлению, не дойдя до противоположного берега, наш теплоход неожиданно встал против волны и застопорил ход. Нам «по секрету» сказали, что за нами идёт правительственный теплоход, который нужно пропустить вперёд для шлюзования. Через какое-то время, недалеко от нас действительно прошёл четырёхпалубный теплоход, на палубе которого в шезлонгах несколько человек принимали загар. Судно очень быстро скрылось за горизонтом, а мы ещё долго качались на волнах, словно рыболовные поплавки.

Обогнали мы его возле Кирилло-Белозерского монастыря, где оно было пришвартовано к монастырской пристани. После бессонной штормовой ночи, мы с опаской подходили к Онежскому озеру, где наблюдаются частые волнения и шторма, не уступающие по силе морским.

Но вопреки нашим опасениям, озеро встретило нас прекрасной погодой. На небе не было ни облачка, светило яркое солнце, было полное безветрие. После полноводной, но не широкой Вытегры, где местами теплоход подходил так близко к берегу, что можно было разглядеть отдельно стоящий в траве гриб, теплоход вырвался в бескрайние водные просторы, простирающие до самого горизонта. До Петрозаводска было ещё несколько часов хода, и, большая часть туристов высыпала на палубы, любясь голубизной озёрной воды, сверкающей мириадами звёзд на солнце, словно рыбьей чешуёй. А недобравшие за 20 дней ультрафиолетовых лучей полуголые отдыхающие сидели и лежали на верхней палубе, словно тюлени на лежбище.

По мере приближения к конечной цели, количество загорающих на верхней палубе постепенно уменьшалось. Кто-то начал собирать вещи и готовиться к выходу, а сделавшие это заранее, выбрались из кают на палубы, наслаждаясь свежим воздухом, и вглядываясь вдаль, пытаясь увидеть на горизонте землю. Но по курсу и, выражаясь морским языком, на траверзе, была только вода, уходящая за горизонт, и мелкие облачка на синем, бездонном небе. Кто-то из наблюдающих, увидев при помощи бинокля по левому борту какую-то точку, громко воскликнул: «земля!»

Но не вооружённым глазом она была ещё не видна, и появилась через какое-то время в виде узкой полоски, чернеющей у самого горизонта. Постепенно полоска начала разрастаться, и приобретает чёткие очертания лесистого берега. Появились деревянные домики, одиноко стоящие на опушках у самой воды, а когда появились каменные, которые начали выстраиваться в целые улицы, стало ясно, что это уже Петрозаводск.

Скоро прямо по курсу появилась пристань, заполненная встречающими. Несмотря на то, что узнать отдельного человека, из-за большого расстояния было ещё трудно, встречающие дружно махали руками, что-то кричали, а некоторые с цветами в руках ещё и подпрыгивали, словно в каком-то ритуальном танце. Многие, стоящие на теплоходе, тоже оживились: начали бегать по палубе, что-то кричать и махать руками. Нас никто не встречал, поэтому мы стояли спокойно, и молча, наблюдали за происходящей сценой. Когда матросы установили трап, мы с сожалением покинули гостеприимное, уютное, комфортное и очень красивое, белоснежное судно, о котором вспоминали с благодарностью всю оставшуюся жизнь.

Теплоход «Михаил Ломоносов» у Петрозаводского причала.

К великому сожалению, в третий раз побывать на этом судне нам уже не довелось. За те сорок суток, которые нам пощастливилось прожить на нём, мы дважды пересекли европейскую часть страны с Севера на Юг, побывали во многих красивейших городах Поволжья, познакомились с грандиознейшими рукотворными гидросооружениями, пополнили свои знания по истории страны. И «Михаил Ломоносов» стал для нас родным, можно сказать, вторым домом. Те двадцать дней, за которые теплоход преодолевал около шести тысяч километров, пролетали, словно несколько дней. Вроде бы далеко ехали, да скоро приехали. Как говорить: «Где мило, семь вёрст не криво».

Наши северные отпуска были несколько больше тех двадцати дней, которые мы провели на теплоходе и поэтому мы решили заехать ещё к нашим родственникам, которые проживали в Калининской области. Хотели ехать далеко, да только кони встали. На железнодорожном вокзале нас «обрадовали» тем, что на наш поезд нет ни одного билета. Получилось, как в той пословице: «Ехали далеко, да легко, приехали близко, да склизко». Пришлось добираться на перекладных, с пересадками.

Встречи с целинниками

Встреча с друзьями - целинниками в Ленинграде

На целинных встречах, которые проходили в Ленинграде каждый год в последнюю субботу марта, мы каждый раз вспоминали годы, проведённые в Казахстане на освоении целинных земель. Несмотря на трудности, которые пришлось там испытать, вспоминали те годы с удовольствием и многие из нас мечтали съездить туда и посмотреть на совхоз, который был создан при нашем участии.

Много лет эти мечты оставались только мечтами, а на встрече, которая проходила в марте 1983 года, Гриша, Надя Кононенко и я, наконец-то решились от слов и мечтаний перейти к делу. Договорились, что в июне этого года обязательно съездим туда и посмотрим,

в каком состоянии находится наше создание. Тем более в 1983 году у меня был отпуск летний. Гриша в то время работал на железной дороге начальником поезда и по предварительным подсчётам в летние месяцы должен был быть свободен от поездок.

Сказано – сделано. В июне я оформил отпуск, собрал чемодан и отправился в путь дорожку дальнюю. Гриша, как и рассчитывал, к моему приезду уже вернулся из поездки, находился дома в Ленинграде, но ехать в Казахстан не мог. На работе, во время последней поездки, у них, по каким-то причинам, сгорела одна холодильная секция. И Гриша, как ответственное лицо, не имел права отлучаться куда-либо до окончания работы комиссии, которая расследовала это происшествие. Мы с Гришей договорились, что я через недельку подъеду снова, и чтобы не терять понапрасну отпускное время, я приобрёл билет до Котласа и уехал к своим родственникам.

Через неделю, я снова был в Ленинграде. У Гриши на работе комиссия закончила своё расследование, и он был полностью свободен. Но перед нами встала новая преграда: в железнодорожной кассе не было билетов. По этой причине чуть было ни сорвалась наша поездка, к которой мы готовились столько лет. На наше счастье, Миша, сын Гриши и Нади Кононенко, был знаком с людьми, имеющих какое-то отношение к билетным кассам и при их содействии, он разрешил нашу проблему. Причём, раздобыл билеты на элитный фирменный поезд, на котором ездили в основном только высокопоставленные, знатные и состоятельные люди. Поезд носил номер три и отправлялся после полуночи под музыку.

Все полы в вагонах были устланы ковровыми дорожками, не каждая семья могла похвастаться таким постельным бельём, какими были заправлены мягкие спальные места. После плацкартных вагонов, в которых нам доводилось ездить до этого, эти вагоны были сравнимы с царскими палатами. И пассажиры были под стать этим интерьерам. И скорость этого поезда по тем временам была вполне приличная. Рано утром, когда мы проезжали Вышний Волочек, где училась наша дочка Татьяна, проживали и другие наши родственники, я ничего не успел разглядеть кроме промелькнувшего вокзала, который пролетел мимо нашего вагона словно стрела, выпущенная из лука.

В Москве мы были рано утром, а следующий поезд, который шёл до Павлодара, отходил с Казанского вокзала поздно вечером. Целый день провели мы в городе и вернулись на вокзал незадолго до отхода поезда. Если первый поезд удивил нас опрятностью, чистотой и комфортом, то второй, Павлодарский, поразил своей дряхлостью, бедностью и допотопностью. Внешний вид всего состава напоминал неухоженную, облезлую, загнанную лошадь.

Некогда зелёная окраска вагонов превратилась в грязно-серый цвет. Пол в нашем купейном вагоне в нескольких местах был проломлен, у двери, выходящей из коридора к туалету, отсутствовала точка опоры и она раскрывалась в разные стороны, а на ходу раскачивалась, словно часовой маятник. За всю свою жизнь нам довелось немало поколесить по стране, иной раз даже в худших условиях, и всего этого мы, может быть, и не заметили бы, если бы проехали до этого на подобном поезде, а не на элитном, на котором мы добирались до Москвы. Как говорится: в бою побывать - цену жизни узнать.

Гриша поехал в железнодорожной форме с погонами, которые нам оченьгодились. Проводники нашего вагона тоже были со знаками различия, но количество лычек на их погонах было несколько меньше. Несмотря на то, что Гриша не являлся их начальником, проводницы, соблюдая субординацию, относились к нему, а соответственно и к

нам, с повышенным вниманием. Выдали бельё получше, заваривали чай покрепче или делали послаще, в зависимости от наших пожеланий. Очень часто задерживались в нашем купе, проводя немало времени в беседах с Гришей, о порядках на железных дорогах страны. Гриша, исколесивший всю страну вдоль и поперёк и побывавший на своей секции даже за рубежом, очень хорошо изучил свой цех, под названием железные дороги и мог очень много рассказать интересного.

За Уралом нас встретила такая жара, что наружная обшивка вагонов накалялась и обжигала руки. Даже встречный поток воздуха, который обдувал вагоны во время движения поезда, не мог её охладить. Внутренняя обшивка не обжигалась, но жара стояла такая, что все просто обливались потом. Не помогали даже открытые окна, которые не закрывались ни днем, ни ночью. Лёжа на верхней полке, я пытался охладиться встречным потоком воздуха, который залетал через фрамугу вагонного окна. Ночью это помогало, а днём из оконного проёма поступал воздух, словно из раскалённой духовки и никакого облегчения не приносил. Однажды утром, где-то уже за Челябинском, проснувшись, я попытался поправить свою шевелюру рукой, но с большим трудом сумел просунуть свои пальцы в волосы.

К моему удивлению, все волосы были склеены между собой какой-то пастой. Подушка и простынь, были запудрены каким-то веществом, похожим на печную сажу. Моё удивление возросло ещё больше, когда я увидел, что постели Нади и Гриши тоже посерели. За одну ночь превратились из белоснежных в серо-сажных. Оказалось, что навстречу нам шли эшелоны, груженные Экибастузским углём. Уголь перевозился в открытых вагонах, и от встречного воздушного потока, мелкие частицы топлива, во время движения состава выветривались и засеивали угольной пылью всю придорожную местность. Если за какие-то секунды наши постели сумели заметно изменить свой цвет, то не сложно себе представить, сколько угля терялось во время перевозок.

На четвёртые сутки, распрощавшись с гостеприимными, улыбчивыми и хлебосольными проводницами, мы покинули душный вагон, и сошли на привокзальную площадь Павлодара. Погода была прекрасная. Ярко светило солнце, обжигая своими жаркими лучами наши бледные, северные физиономии. До боли знакомый горячий ветерок, слабыми порывами покачивал головки ярких цветов в привокзальных клумбах. Вызывало удивление, каким образом эти цветы умудряются цвести и благоухать под таким жарким, обжигающим, беспощадным солнцем? Но это были ещё цветочки, а ягодки были впереди.

Некогда полупустынная, грязная и пыльная площадь была покрыта асфальтом и застроена прекрасными многоэтажными домами. Рядом с железнодорожным вокзалом был построен автобусный. После устройства на постой, мы проделали по городу небольшую экскурсию, где не переставали чему-то удивляться, а в чём-то разочаровываться. Нас очень разочаровал Иртыш своим жалким видом. Из некогда широкого, полноводного и могучего, он превратился в заштатную, мелководную, со свежими островками, и с широким песчаным пляжем речушку.

Остановились мы у Ковылиных, которые переехали из нашего целинного совхоза в Павлодар. Встретили нас Василий и Вера радушно, с распростёртыми объятиями. В своё время Василий считался лучшим комбайнёром и был награждён орденом Ленина. В Павлодаре они обосновались основательно. Машина, приличное жильё в городе и хорошая дача за городом, утопающая в зелени. Причём, зелень была не декоративная, а почти вся съедобная. Особенно нам понравилась войлочная рябина. Я впервые узнал, что существует такой сорт ягоды. В отличие от обычной рябины, она действительно имеет бархатный, приятный вкус. Надя не могла оторваться от этих кустов, смакуя крупные, яркие, зрелые ягоды, после каждой пригоршни поднимая вверх большой палец правой руки и качая головой от восторга.

Н. Кононенко, В. Ковылин с внуком и Г. Чикунов в Павлодаре

Приятно было видеть зелень и на улицах города, которая украшала и создавала прохладную тень для укрытия от палящего солнца. Насколько я помню, в пятидесятые годы на улицах Павлодара не было ни единого деревца, почти все дома были одноэтажные и сложенные из самана, а здесь мы увидели улицы, застроенные красивыми многоэтажными домами, сложенные из красивого цветного кирпича. За тридцать лет город похорошел, поднялся вверх, и занял большую площадь.

Вера осталась дома, а Вася, прихватив с собой внука, повёз нас на своём «Москвиче» в совхоз. Дорога тоже изменилась в лучшую сторону. Раньше, дороги были грейдерные, и то не везде. Основную часть составляли дороги, просто накатанные автотранспортом, которые в межсезонье раскисали и в солончаковых местах превращались в вязкие болота. Не зря нас, трактористов, работавших на гусеничных тракторах, шофера называли королями дорог. Мы легко преодолевали эту слякоть и помогали шоферам, вылезать из этих трясин.

А степной ландшафт, заметно изменился. Неизменными остались только казахские кладбища, обнесённые высокими саманными стенами, а полей с посевами зерновых культур стало значительно меньше. Было заметно, что совхозы сокращают посевы зерновых. В нашу бытность, поля простирались на сотни километров, а здесь мы увидели посевы, раскинувшиеся на какие-то десятки.

Несмотря на хорошую дорогу, двигатель «Москвича» начал перегреваться, Вася остановился, чтобы добавить воды в радиатор, а мы вылезли из машины, чтобы немножко поразмяться. Мы с Гришей встали на бровку, а Надя с Васиным внуком захотели полежать на травке и сошли с дороги. Надя, забыв, что здешняя травка отличается от растений Средней полосы России, отойдя от дороги с десятков метров, смело опустилась на землю, но тут же вскочила на ноги со сморщенным от боли лицом, внимательно разглядывая пораненные ладони рук. Посмеявшись над Надиной неудачной посадкой, мы сели в машину и продолжили нашу поездку.

На пути к совхозу им. Жданова

Вскоре проскочили Краснокутск и сразу же на горизонте показались сначала деревья, а потом и дома Центральной усадьбы совхоза им. Жданова. Непривычно было видеть на улицах посёлка деревья. В наше время улицы были голыми. Труженики совхоза провели водопровод во все огороды, и посёлок покрылся зеленью. При наличии воды на здешних землях, даже обычная палка прорастает. Как мы потом узнали, воду провели и в дома при помощи скважин. Самое интересное состояло в том, что скважины бурили прямо в доме, при помощи буровых станков.

Помимо деревьев, возле конторы, на большой площади были высажены цветы. Как нам потом рассказали, озеленением Центральной усадьбы занимался сам Шинкаренко. Рядом с клумбами были высажены хвойные деревья, которые в этих степях почти не встречаются и их смело можно назвать уникальными.

Первая встреча с нашими целинными друзьями, проживавшими в совхозе, произошла в доме Липокуровых, куда подвёз нас Вася. Иван и Клава проживали в небольшом собственном доме. Дом был построен в пятидесятые годы, но был ухожен и выглядел вполне прилично. Заранее о нашем приезде никто не знал, поэтому наше появление было для всех сюрпризом. Интересно было наблюдать за реакцией наших старых друзей, с которыми мы обживали эти земли. Увидев нас, они на какое-то время замирали, словно при встрече с инопланетянами, хмурили брови, широко раскрывали глаза и с распростёртыми объятиями бросались навстречу.

Примерно по такому сценарию произошла наша встреча с Иваном и Клавой Липокуровыми, а затем с Петром Вершининым, которому кто-то сообщил о нашем приезде, и он неожиданно появился во дворе. Взаимным вопросам казалось, не будет конца. Нас интересовали совхозные новости, а Иван с Петром интересовались нашей жизнью. Мы узнали, что Иван Липокуров работает главным механиком, а Пётр главным инженером совхоза. Иван с Клавой оставляли нас на постоя, но мы отказались в связи с тем, что у них гостил зять с сыном, и мы не хотели их стеснять.

Поселились мы у Николая и Зинаиды Евтушенко. Где работала в то время Зина, я уже не помню, а Николай работал пасечником. Пасека была расположена на протоке Иртыша, где в нашу бытность совхоз устраивал коллективные выезды на отдых. Этот вид отдыха называли мы тогда поездкой загород. С одной стороны, вода, деревья, а с другой поле, засеянное гречихой, создавали благоприятные условия для пчёл. Николай содержал несколько собственных ульев на совхозной пасеке, и каждый год собирал приличное количество мёда. В этом мы убедились, когда побывали в их кладовке и увидели бидоны, наполненные мёдом, собранном в разные годы. На совхозной пасеке было немало ульев руководителей совхоза. Как рассказал Николай, он видит хозяев этих пчелиных семейств только во время сбора урожая, а все основные работы, по уходу за пчёлами, производит единолично.

Вооружившись фотоаппаратами и кинокамерой, мы отправились на экскурсию по Центральной усадьбе. За двадцать девять лет посёлок изменился до неузнаваемости. Появились новые улицы. Улицы получили названия. На всех улицах были высажены деревья. На приусадебных участках, помимо овощей, многие начали выращивать плодово-ягодные культуры. Почти на каждом участке можно было видеть поливальные установки, благодаря которым появилась возможность получать хорошие урожаи овощей, ягод и фруктов.

Частный сектор процветал, а совхоз по некоторым позициям явно начал сдавать. Очень обидно было видеть, что яблоневый сад, который мы с Пешковой Маей Эдуардовной когда-то сажали, почти весь был вырублен. Некогда жирные, плодородные, целинные земли вместо 14-17 центнеров зерна с гектара, стали давать только – 7. За все прошедшие годы пшеничные поля не получили ни грамма удобрений, и отощавшая земля потеряла способность выдавать больше. В своё время мы по 5-7 центнеров пшеницы только высевали на гектар пашни во время посевной.

В наше время совхоз славился хорошими урожаями арбузов. Арбузов хватало не только работникам совхоза, но и почти всему Краснокутскому району. Бывшую огородную бригаду расформировали и про арбузы забыли. Перед конторой, деревья были высажены в несколько рядов, в тени которых в летние жаркие дни создавалась приятная прохлада. У входа в здание с двух сторон были выставлены большие красочные щиты с сообщениями о продукции, которую выпускает совхоз и списком первоцелинников, работающих на предприятии. Эти щиты сообщали, что в совхозе ещё трудятся 19 первоцелинников, совхоз помимо зерна производит: молоко, мясо, шерсть и мёд.

Гриша, снимал на фотоаппарат, а я на кинокамеру. Мы не сразу заметили, что за нами очень внимательно наблюдают два человека. Один, сравнительно молодой, худощавый в тёмном костюме, другой постарше, среднего роста, круглолицый, с густой чёрной шевелюрой волос. По выступающим скулам на круглом лице и узкому разрезу глаз, без труда можно было определить национальность этого человека. В отличие от молодого человека, на нём были светлые брюки и белая рубашка навыпуск. Какое-то время они молча наблюдали за нами, не мешая разглядывать нам выставленные щиты у входа в контору и бюст Жданова, установленного рядом. Потом, видимо, приняв нас за какую-то проверяющую организацию, подошли к нам, и стали расспрашивать: кто мы такие, откуда, приехали, кто нас послал?

Узнав о цели нашего приезда, и убедившись в правдивости наших ответов, они заметно расслабились, поздравили нас с приездом и одобрили наше решение побывать в совхозе. Тот, что постарше, оказался парторгом совхоза, а молодой, комсомольским секретарём. Оба прекрасно говорили по-русски, даже без акцента. Комсомольский секретарь удалился в контору, а Магзумов Самед Магзумович, так звали партийного секретаря, остался с нами и рассказал, чем занимается совхоз в настоящее время. Познакомил с некоторыми достопримечательностями Центральной усадьбы. Побывали мы и у бюста Жданова, и у трактора, установленного на пьедестале.

Памятник первоцелинникам

На постаменте было написано, что этот трактор участвовал в поднятии целины в совхозе в 1954 году. Мы обратили внимание Самеда Магзумовича на то, что первая борозда в совхозе была проложена только в 1955 году, и этот трактор не мог поднимать целину в 1954. Парторг с нами согласился и обещал, что эту дату они обязательно исправят. Забегая вперёд, могу сказать, что в следующем году на пьедестале уже стояла дата: 1955.

Помимо конторы, нас, вполне естественно, интересовала Центральная усадьба и люди, проживающие на ней. Я попытался найти то место, где располагалась наша землянка по прозвищу: «Харчевня трёх пескарей», но так и не нашёл. Очертание берега изменилось, и найти тот спуск к реке мне не удалось.

Да и сам Иртыш обмелел до такой степени, что вместо одного острова стало два. Гриша с Надей посидели на лавочке возле своего бывшего дома и постояли у штакетника дома Пешковых. Побывали и у дома, где мы жили, когда-то с Валею и где родился наш сын Сашка. Познакомились с хозяйкой, которая жила в бывшей нашей квартире. В квартиру войти я постеснялся, только посидел на крылечке.

Следует заметить, что меня туда и не приглашали. Сам дом выглядел ещё добротно, но по входной двери в бывшую нашу квартиру можно было сделать вывод, что за эти годы этот дом ни разу не ремонтировался. На ней не только слезла вся краска, но она вся покосилась и едва влезала в дверной проём. Ожидать от такой двери какой-то защиты от холода в зимнее время, было бесполезно. В нашу бытность, морозы проникали даже через новые двери.

Мы обратили внимание, что в посёлке появилось очень много казахских семей. При нас их было всего несколько. Слух о нашем приезде очень быстро распространился по всей Центральной усадьбе. Незнакомые разглядывали нас с любопытством, а первоцелинники искали с нами встречи. Многие встречи во многом напоминали встречи однополчан, прошедшей войны. Объятия, крепкие рукопожатия, долгие разговоры, бесконечные воспоминания. Многие приглашали нас к себе в гости, но мы успели побывать только в нескольких домах.

С семьёй Шинкаренко мы раньше не были знакомы, но когда проходили мимо их дома они, можно сказать, затащили нас на свой двор. Весь приусадебный участок буквально утопал в зелени. Супруги проживали в уютном, небольшом домике. Оба трудолюбивые, коренастые, среднего роста и не по годам подвижные. Об их трудолюбии можно было судить по количеству деревьев и цветочных клумб, высаженных в посёлке и по приусадебному участку. Столик, стоящий в глубине палисадника, словно по волшебной палочке заполнился различными яствами. Почти вся закуска была собственного производства. Даже вино было изготовлено из малины. Над нашими головами висело такое количество ягод самых разных сортов, что можно было плотно закусить, не прибегая к закускам, выставленным на столе. Но мы успели продегустировать все, что было накрыто на столе, а также, что висело над столом. Из всего этого разнообразия, наибольшее предпочтение было отдано, опять-таки, войлочной рябине.

Приусадебный участок Гуриновых, Александра Константиновича и Валентины Павловны, мало чем отличался от участка Шинкаренко. Весь огород утопал в зелени. Ягодные кусты выше человеческого роста представляли собой труднопроходимые заросли. Был даже виноград.

Здесь тоже не обошлось без стола. Нас несколько удивил тот факт, что среди закусок, которыми обычно накрывают стол, было очень много шоколада. Более десятка плиток ровными рядами были разложены по краю стола. Следует отметить: никто из нас за всё застолье даже не притронулся к этим сладостям. Несмотря на это, встреча прошла сладостно, душевно и радостно. За несколько лет совместной работы, в самое трудное для совхоза время, было что вспомнить и о чём поговорить.

Наши друзья признались, что наш приезд словно разбудил их и поднял на ноги после летаргического сна. Заставил вспомнить, что они, когда-то принимали участие в освоении этих земель, мёрзли и изнывали от жары в парусиновых палатках. В тракторных бригадах жили одной семьёй, питались с одного котла, все радости и горести делили между собой. Раздельное жильё, улучшенный быт, раздробили некогда монолитную, большую семью на множество маленьких и, погрузившись в свои семейные заботы, многие забыли о той большой дружбе, которая связывала их в пятидесятые годы.

Своим приездом, мы словно погрузили всех в машину времени и омолодили их на тридцать лет. Побросав все свои домашние дела, почти все 19 семей собрались единой семьёй на живописном берегу Иртыша. Где-то раздобыли брезент, который общими усилиями был расстелен на земле. Недалеко от брезента развели костёр и установили над ним мангал. В организации так называемого Дастархана, (скатерть по Средне Азиатски) все принимали самое активное участие. Со смехом, шутками и прибаутками, рубили для костра сучки, резали хлеб, расставляли на брезенте закуски, открывали бутылки с горячительными напитками. Не забыли про гармонь и гитару, которые лежали в траве, недалеко от разосланного брезента.

В одночасье, обременённые домашними заботами лица посветлели, помолодели, приобрели улыбочивые выражения. Из родителей уже взрослых детей, все превратились в мальчишек и девчонок, словно и не было у каждого за спиной тех трёх десятков лет, которые пришлось прожить каждому из нас. На тихом берегу Иртыша снова зазвучали песни нашей молодости под гармонь. Гриша Кононенко очень талантливо под гитару исполнил несколько забавных песенок. С удовольствием вспоминали целинные годы, события и отдельные эпизоды тех лет.

Мы с Ниной Древой вспомнили, как однажды ночью отрывали её примёрзшие волосы от палатки, в которой нам довелось зимовать. Особенно много воспоминаний у нас было с Галей Ильиной. Долгое время мы трудились в одной бригаде и входили в одну холостяцкую компанию. Мы настолько увлеклись разговорами, что её муж, по фамилии

Хероим даже приревновал меня к ней и на полном серьёзе хотел побить. Отозвав меня в сторону, он спросил: «Хочешь я набью тебе морду?» Мне почему-то стало смешно, и я ответил, что, конечно хочу, и что с гордостью буду говорить, что эти синяки наставил мне сам Хероим. Мой ответ его развеселил и, сменив гнев на милость, он улыбнулся, потряс меня за плечи, и мы мирно разошлись. Потом мне Галя рассказала, что её муж действительно очень ревнив. Ревнует без всякого повода почти к каждому столбу. Несмотря на это, они живут уже много лет и нажили четверых детей.

Все собравшиеся благодарили нас за то, что мы приехали и собрали их вместе. Они уже забыли, что когда-то были первоцелинниками и принимали участие в освоении этих земель и все жили одной семьёй. Своим приездом, мы напомнили им об этом.

В центре: Нина Древа (в берете) и Игорь Пешков на юбилейном митинге

Следует отметить, что руководство совхоза не теряло нас из виду и старалось создать все условия, чтобы мы смогли побольше узнать о совхозных делах. Нас пригласили на обще-совхозное собрание, где подводились итоги работ за определённый период. Познакомили участников собрания с нашей небольшой делегацией. Пионеры вручили каждому из нас по букету цветов.

Присутствующая на этом мероприятии местная пресса взяла интервью у Нади, которая рассказала о нашей жизни в совхозе в пятидесятые годы. Очевидно, о нашем приезде узнал весь район. Корреспондентка сначала прицепилась ко мне с разными вопросами, а я науськал её на Надю, сославшись на плохую память, и Наде пришлось отдуваться за всех. Говоря серьёзно, Надя на самом деле знала о совхозных делах тех лет на много больше, и дала более полную информацию представителю прессы, чем мог бы сделать это я. Кроме прессы, Наде пришлось ответить на множество вопросов молодёжи, которые обступили её со всех сторон.

Надя не теряла зря времени, и каким-то образом сумела произвести самую настоящую перепись первоцелинников, проживавших на тот момент в совхозе. Из её записей следовало, что на Центральной усадьбе - 533 дома, в которых проживают 1964 жителя. Из них: 1000 женщин и 964 мужчины. Молодёжи до 30 лет: 282 человека, комсомольцев 125, членов КПСС – 122. Награждены правительственными наградами – 32 человека.

Из первоцелинников продолжали работать в совхозе: Андреев Василий Фёдорович, Андреева Валентина, Ситник Надежда Климентьевна, Ситник Анатолий Павлович – первый ребёнок, родившийся в совхозе в 1955 году. Чета Бардаковых. Касурина Анна Константиновна (после замужества: Христолюбова), Быкова Людмила (Васильева), Ильина Галина (Хероим), Хорошилова Анна Павловна, Хорошилов Сергей Иванович, Гуринов Александр Константинович. Гуринова Валентина Павловна и их дочка Ира. Липокуров Иван Яковлевич, Липокурова Клара. Вершинин Пётр Петрович, Вершинина....., Касурина Анна Константиновна (после замужества: Христолюбова). Евтушенко Зинаида, Евтушенко Николай. Ведерников Гриша. Древа Нина Савельевна. Рева Сергей Ильич. Синицин Алексей. Сергеева Нина. Шеремет Спиридон Ильич. Кокорина Нина. Гильвас Эдвин. Ковылин Василий Маркович. Ковылина Розалия Борисовна.

Через год, в 1984 году исполнялось тридцать лет со дня основания совхоза. Дирекция совхоза планировала торжественно и широко отметить эту знаменательную дату. Среди запланированных мероприятий, значилось открытие совхозного музея. Одна из организаторов этого музея, учительница Кадерова Лидия Васильевна поспешила познакомиться с нами. Помимо длительных бесед, которые проходили прямо на улице, она просила прислать для музея документы или вещи, относящиеся к годам освоения целинных земель. Я пообещал, что пришлю фотографии.

Забегая вперёд, могу сообщить, что, вернувшись домой, я отпечатал более пятисот фотографий и отослал их в адрес Кадеровой Лидии Васильевны. В то время у меня хранилась фотопленка, отснятая в пятидесятые годы в совхозе Кононенко Григорием Петровичем и Пешковым Игорем Викторовичем.

Встреча целинников в совхозе им. Жданова

По каким-то причинам, письмо Лидии Васильевны, где она сообщала о получении посылки с фотографиями потерялось, и только после получения ответа на моё второе письмо, я узнал, что фотографии были получены. В своём письме Лидия Васильевна писала:

«Уважаемый, Геннадий Николаевич, здравствуйте!

Вчера получила Ваше письмо, очень обрадовалась, но когда прочитала, то была очень расстроена и удивлена, ведь мы Вам ответили сразу, когда получили фотографии. Мы не могли не ответить! Но если уж так получилось, что Вы не получили наше письмо, приносим Вам тысячу извинений, за то волнение и беспокойство, которое мы причинили Вам.

Это была такая радость для нас, когда мы получили от Вас посылку! А получила я её 30 декабря, и это для меня был самый дорогой новогодний подарок. Впечатления от посылки не прошли ещё и сейчас, а тогда... На другой же день я понесла их в школу, все учителя их рассматривали, удивлялись, поражались Вашему терпению, Вашему вниманию к нам, восхищались Вашей безграничной преданности нашему совхозу. И от меня лично и от всего коллектива учителей большущее Вам спасибо!

В первый же день после каникул принесла фотографии на кружок. Сколько было удивления и восторгов! На следующий день мы на кружке продолжили знакомство с фотографиями, правда пришлось начать всё с начала, т.к. остался почти весь мой 7класс. Ребята удивлялись многому, но больше всего всё же той огромной работе, которую Вы проделали. Желание учеников других классов посмотреть фотографии было настолько велико, что мне пришлось рассказывать о них и некоторые показывать прямо на уроках. А какие минуты радости воспоминаний получили те из первоцелинников, которым мы показывали эти фотографии, ведь они вернули их в свою молодость, напомнили ещё раз о тех незабываемых днях. И за это Вам большущее спасибо от всех нас.

Геннадий Николаевич, фотографии дошли очень хорошо, Вы не волнуйтесь. И мы уже многие из них используем на классных часах, на пионерских сборах, посвящённых 30-летию целины, истории создания нашего родного совхоза. И, если присутствует на этих мероприятиях кто-то посторонний, то их в первую очередь удивляет то, каким богатым фотоматериалом мы обладаем. И каждый раз мы добрым словом вспоминаем Вас.

Геннадий Николаевич, в нашем совхозе 30-летний юбилей целины будет праздноваться в начале июля месяца, так решил партком совхоза, они хотят к этому дню подвести итоги соц. соревнования за полугодие, создать «Аллею первоцелинников», сделать фонтан «Дружба» и открыть музей «Трудовой Славы», первый отдел которого будет посвящён истории создания совхоза. Так вот для оформления музея отобрали 40 фотографий из тех, что прислали Вы. При выборе фотографий присутствовали парторг совхоза, Магзумов С.М. главный диспетчер совхоза Евтушенко З.Г. директор школы Назарова Р.П. и все были удивлены огромному множеству фотографий, сделанных Вами, Вашей преданности нашему совхозу. Так что Ваши фотографии уже делают доброе дело. Спасибо Вам, дорогой Геннадий Николаевич!

Пишите нам, будем ждать с нетерпением. Каковы успехи, здоровье Вашей семьи? Привет им от нас передавайте. А от всех здешних ещё раз Вам спасибо преогромное!

*Ждём ответа.
С уважением к Вам, Лидия Васильевна».*

К великому сожалению, многих своих товарищей мы уже не застали на этом свете. В пятидесятые годы в младенческом возрасте, трагически погибла племянница Кононенко Гриши и была похоронена на совхозном кладбище. Воспользовавшись приездом, Гриша с Надей решили навести порядок на её могилке, и мы пошли на кладбище. За двадцать девять лет площадь этого скорбного места заметно увеличилось.

В своё время, мне довелось присутствовать на этом месте во время первого захоронения, а за эти годы количество могил возросло многократно. На многих памятниках мы встретили знакомые фамилии и фотографии товарищей, с которыми, когда-то участвовали в освоении местных земель. Бригадир легендарной второй бригады Ситник Павел Осипович, Шлыков Фёдор Никандрович, Кудряшова Гликерия Ивановна, Сергеев Леонид Фёдорович, Бордаков Иван Афанасьевич, Гончаренко Михаил Александрович, Васильев Сергей Сергеевич. И этот список можно было продолжить. Пока я бродил по кладбищу, Гриша покрасил деревянную оградку, а Надя выполола траву по периметру штакетника.

Покончив с важными делами, ближе к отъезду, мы спустились по знакомой тропинке к Иртышу и устроили банно-прачечный день. Надя стирала бельё, намыленное бросала в воду, а мы с Гришей поочерёдно полоскали в Иртыше, а заодно мылись и сами. После жаркого дня приятно было пополоскаться в прохладной Иртышской воде.

Перед отъездом, мы получили именные приглашения на юбилей совхоза, празднование которого намечалось на 7 июля 1984 года. В 1984 году у меня летнего отпуска не было, и Самед Магзумович меня заверил, что пришлют приглашение на Ковдорский райком партии, чтоб он посодействовал о моём отпуске в это время. От администрации совхоза вручили нам на память по картине, исполненные методом чеканки, Самед Магзумович подарил мне книгу с автографом, Николай и Зинаида Евтушенко вручили нам по бидончику гречишного мёду, а Иван Липокуров отвёз нас в Павлодар к поезду. Так завершилась наша первая поездка в совхоз им. Жданова.

Честно говоря, я не очень верил, что меня отпустят в отпуск для поездки в Казахстан. Но в конце июня, в один из дней мне сообщили, что меня зачем-то приглашает начальник рудника. Поздоровавшись со мной, и усадив меня на стул, стоящий рядом с письменным столом, Фёдор Никанорович Никитин сказал, что на имя Ковдорского райкома партии пришло письмо из Казахстана, с просьбой, оказать содействие в обеспечении присутствия Чикунова Г.Н. на праздновании 30-летия совхоза им. Жданова Павлодарской области Куйбышевского района.

В связи с тем, что начальник участка Логинов Виталий Семёнович не возражает, мы предоставляем тебе пятнадцатидневный отпуск без содержания. Для меня это было приятным сюрпризом, и я почти сразу же начал готовиться к отъезду. Приобрёл билет на поезд до Ленинграда, сообщил друзьям по телефону о том, что я тоже еду вместе с ними в Казахстан.

Наша делегация, по сравнению с 1983 годом увеличилась на два человека. Появилась возможность поехать у Пешкова Игоря, и Гриша с Надей Кононенки взяли с собой свою внучку, Вику. На сей раз решили добираться до Казахстана не поездом, а

самолётом. Приобрели билеты, сообщили руководству совхоза о дате прилёта и вылетели ночным рейсом в Омск. Мне показалось очень забавным лететь ночью с Запада на восток, навстречу солнцу. После набора высоты прошло не так уж много времени и по курсу нашего полёта, на чёрном звёздном небе появилась розовая полоска, которая медленно начала расползаться по всему небу. В начале пропали звёзды, всё небо посветлело и откуда-то из-под земли появился огромный огненный шар. Первые солнечные лучи осветили только небо, а земля продолжала лежать в темноте, не желая просыпаться после короткой летней ночи.

Ранним утром мы были уже в Омске. Перед приземлением тот же голос по громкой связи предложил пристегнуть ремни, и что температура воздуха в Омске плюс 25 градусов. Вопреки нашим опасениям, нас уже ждали. И только мы вышли с лётного поля на вокзал, нас окликнули встречающие и сообщили, что приехали за нами на двух машинах, чтобы доставить нас в совхоз. Мы с Игорем Пешковым сели в одну машину, а Кононенки с внучкой в другую, и сразу же без промедления поехали в сторону совхоза. Расстояние от Омска до совхоза было 350 километров. По хорошей дороге можно доехать за 6-7 часов неспешной езды.

Примерно до Казахстанской границы дорога была хорошая, и мы ехали припеваючи, а дальше пошла грунтовка и прошедший ранее дождь превратил её в глиняное месиво. Не успели мы проехать по этому киселю и несколько сот метров, как впереди идущая машина, в которой ехали Кононенки, остановилась и начала дёргаться взад-вперёд. Из-под задних колёс полетели фонтаном комья грязи, и прямо на наших глазах колёса глубоко зарылись в землю. Стало ясно, что без посторонней помощи этот «Москвичёнок» выехать из ямы, которую он выкопал задними колёсами, уже не сможет.

Мы ехали чуть сзади и были ещё на ходу, но, не дойдя до передней машины несколько метров, зад нашей машины начало заносить из стороны в сторону, затем, выровнявшись, начал оседать, и машина остановилась. Какое-то мгновение она ещё подёргалась, словно зверь, попавший в ловушку, покрутила колёсами, низвергая вверх фонтаны грязи, и словно почувствовав своё бессилие перед природой, замолкла. Шофёр заглушил двигатель, вылез из кабины, скользя по липкой грязи, словно по льду, обошёл вокруг машины, смачно сплюнул и сказал: «Приехали».

Стало ясно, что без нашей помощи машины не вылезут из этой ловушки. Как ни противно было ступать чистой обувью в грязное, вязкое, слякотное месиво, но пришлось. Засучив штанины, мы вылезли из кабины и вытолкнули из ямы сначала одну машину, затем другую. И таких операций пришлось проделать по пути бесчисленное количество раз. В каких-то местах машины юлили, буксовали, выбрасывая из-под колёс целые фонтаны грязи, но, хоть и медленно, но двигались вперёд. Но попадались и такие, что приходилось к лошадиным силам прилагать ещё и человеческие.

Мы с завистью смотрели на УАЗики, которые, виляя из стороны в сторону, упираясь всеми своими четырьмя колёсами в грязную колею, медленно, но уверенно двигались вперёд без остановок. Создавшаяся обстановка нам чем-то напоминала апрель 1955 года, когда мы от Качир почти 12 километров протащили на своих плечах целую колонну гружёных ЗИСов. Природа и тогда, и в данный момент, словно противилась нашему приезду. По пути, повинуюсь не писаному закону целинников о взаимопомощи, мы ещё помогли мужичкам вытащить из грязи самосвал.

Выталкиваем «Москвич»

Плохо ль, хорошо ли, но ближе к вечеру, мы всё-таки добрались до совхоза. В одном из домов нам была уже приготовлена комната, куда мы и поселились все пятеро. Гостиницы в совхозе не было, а было что-то вроде постоянного двора, как когда-то в Павлодаре, где селились все в одной комнате, независимо от родства и пола. Вызывала удивление внучка Вика, которая за всю дорогу ни разу даже не пискнула и не закапризничала. Забегая вперёд, могу сказать, что не только в дороге, но и за всё время пребывания в совхозе, её не было слышно. Она на всё смотрела с большим детским любопытством и было видно, что вся окружающая обстановка ей очень нравится, и она всем довольна. В отличие от нас, на её белом платице не появилось ни единого пятнышка, настолько она была аккуратна не погодом.

За прошедший год, совхоз к своему 30-летнему юбилею подготовился основательно. На центральной усадьбе был сооружён фонтан. В качестве гостей были приглашены: руководители области и района, директора соседних совхозов, газетчики областной и районных газет, областное телевидение, первоцелинники, проживающие на территории области. И что интересно: руководил телевизионщиками, бывший комсомольский секретарь совхоза Павлов.... Увидев меня с кинокамерой, он пожелал мне удачных кадров.

Началось празднование с митинга, посвящённого открытию Аллеи первоцелинников и музея Трудовой славы. Выступивший на митинге секретарь парткома совхоза Магзумов Самед Магзумович поздравил всех присутствующих с Юбилеем. Очень тепло отозвался о первоэшелонцах, освоивших некогда пустовавшие земли, поблагодарил нашу делегацию за приезд на празднование, а меня ещё и за фотографии, которые я отпечатал для музея. Выступали большие начальники, передовики производства, комсомольцы, а от имени нашей делегации выступил Пешков Игорь.

После митинга, в торжественной обстановке был открыт музей «Трудовой славы», где были выставлены экспонаты посвящённые первым годам совхоза. Очень многие присланные мною фотографии были увеличены и выставлены для всеобщего обозрения. Особенно меня удивила и поразила многократно увеличенная фотография с моей физиономией, где я был изображён с улыбкой до ушей, с широко растянутой гармонью. И это изображение было установлено прямо при входе в демонстрационное помещение.

Очевидно, этим снимком устроители хотели сказать, что целинники, несмотря на трудности, жили весело и не падали духом. Среди прочих экспонатов, была выставлена гармонь, которая считалась, как моя. Но я убедил музейщиков, что это не мой инструмент. Мою гармонь с комсомольским значком на боку разорвали в тракторной бригаде на две части, когда я учился в Павлодаре на курсах баянистов.

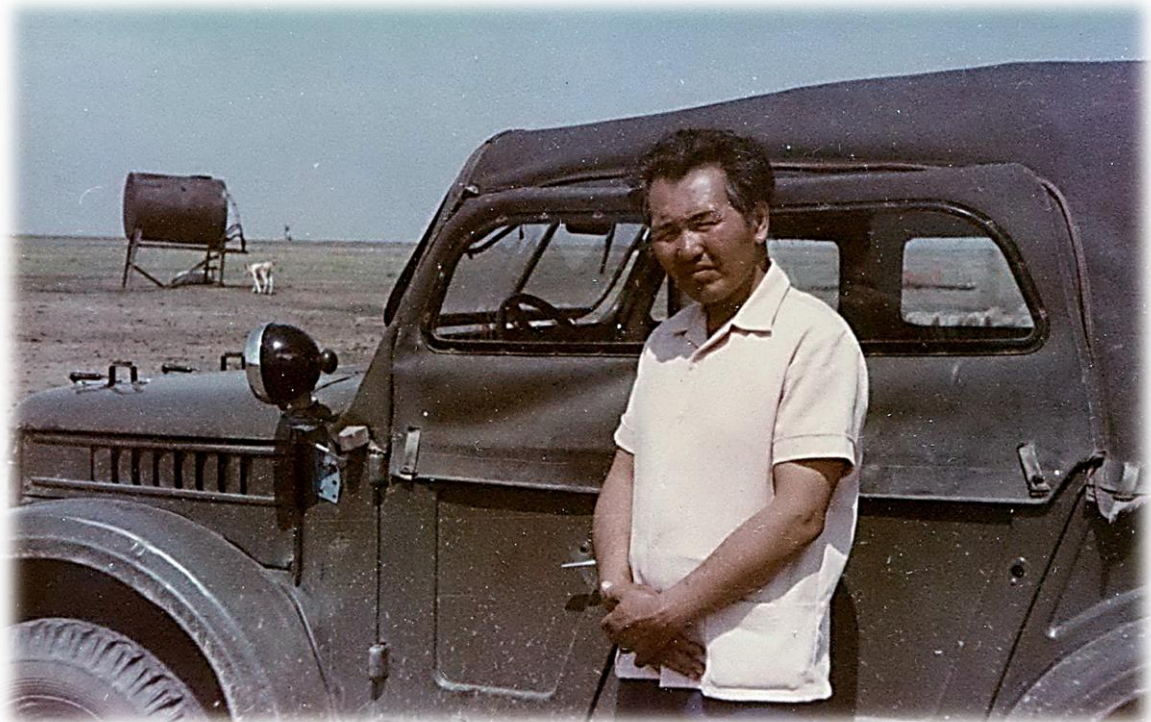
На юбилейном митинге 7 мая 1984 года

После митинга в совхозном клубе состоялось торжественное собрание, на котором чествовали передовиков производства, вручали памятные Юбилейные медали, посвящённые 30-летию совхоза. Следует отметить, что в том числе, и мы оказались среди награждённых. Руководители соседних совхозов выступали с поздравлениями, и вручали памятные подарки директору совхоза.

Праздник продолжился на стадионе, где были проведены спортивные игры, конные скачки с погоней за невестой, борьба, перетягивания каната, катание детей на конной упряжке. Я так увлёкся съёмкой спортивных состязаний, стараясь как можно ближе приблизиться к соревнующимся, что даже сразу и не понял, каким образом меня завалили вместе с кинокамерой перетягивальщики каната.

Ближе к вечеру, праздник переместился в совхозную столовую. На банкете уже было не столь многолюдно, как на других мероприятиях. Сюда были приглашены первоцелинники, передовики производства и гости, к число которых относились и мы. Высокое начальство, во главе с директором совхоза, праздновали отдельно от основной массы. В общем зале находился всё тот же, везде успевающий парторг совхоза, Магзумов Самед Магзумович. И на стадионе не проходило ни одно мероприятие без его участия. Можно было только позавидовать его неутомимой энергии. Самед Магзумович поздравил всех присутствующих с праздником, произнёс первый тост и банкет покатил по общеизвестному сценарию.

Я обратил внимание, что за весь вечер он ни разу не прикоснулся к стопке, в то же самое время, призывал присутствующих выпивать до дна, после каждого тоста. Причём, дело не ограничивалось только призывами. Громогласно было заявлено, что не пьёт только тот, кто не уважает человека, провозгласившего тост и собравшийся коллектив. Тосты произносились один за другим, и опустошаемые стопки почти сразу же заполнялись очередной порцией горячительного напитка. Мне повезло, что я сидел почти в конце длинного стола, и была возможность делать вид, что я всех очень уважаю и с большим удовольствием осушаю стопку за стопкой. Гриша сидел вообще у самой стены и с удовольствием опрокидывал в рот пустые бокалы, а вот Игорю не повезло. Он сидел в начале стола и был весь на виду. У него частенько пошаливало сердце, и мы за него очень волновались.

Парторг совхоза им. Жданова Магзумов С.М.

Закусывали в основном бараниной, которую разделявал за нашим столом Аксакал и вручал гостям различные куски мяса. Самому уважаемому гостю голову и далее, остальные части тела в направлении хвоста. Мне достался кусочек мяса почти от самого заднего места барашка. Накануне, этого барашка мы видели ещё живым.

Время приближалось к полуночи, а банкет всё продолжался. Примерно в 24 часа, директор совхоза, который незадолго до этого покинул привилегированный зал и примкнул к нашему коллективу, предложил завершить празднование, чем несказанно обрадовал нас. Но наша радость была недолгой. Он предложил нам продолжить праздник у него дома. «Жена всё приготовила и ждёт вас в гости» - сказал он. Этим неожиданным приглашением, он поставил нас в очень неловкое положение. По Казахстанским Канонам, отказ от приглашения - это оскорбление хозяина. Как мы ни ловчили за столом в столовой, но всё равно были уже далеко не трезвы и если ещё добавим, то нас придётся до постелей тащить волоком. Получилось, как в одной поговорке: «Приехали пировать, а пришлось горевать». Нам ничего не оставалось делать, как «с благодарностью» принять приглашение. Я не знаю какое чувство испытывали Игорь и Гриша, идя на этот ночной банкет, а я шёл словно на амбразуру дота, на которую придётся лечь костями. Совсем с другим настроением шли вместе с нами на это пиршество парторг, профорг, комсомольский секретарь, председатель сельсовета.

Дом директора заметно отличался от всех остальных строений своими размерами. Он был, пожалуй, самым большим на центральной усадьбе и состоял из нескольких комнат разных размеров. В самой большой, уже был накрыт длинный стол, и было видно, что хозяйка действительно ждала гостей. Встретила она нас весьма радушно и сразу же пригласила к столу. Нахлебавшись законами гостеприимства в столовой, я постарался сесть за стол подальше от хозяина дома и не пожалел об этом. Благодаря этому месту, мне удалось до кровати дойти своими ногами.

Директор, сидевший во главе стола, выглядел вполне свежо и трезво. Несмотря на то, что до этого он успел побывать в двух компаниях, выглядел трезвее всех присутствующих. Едва гости успевали закусить после выпитой стопки, директор тут же предлагал очередной тост и выпивал до дна содержимое своей посуды. Глядя на его круглое, упитанное, не пьянящее лицо, можно было сделать вывод, что он, как один из персонажей из довоенного фильма, при хорошей закуске, может пить до бесконечности. У меня же, непривычному к такому количеству алкоголя, и к ночным посиделкам, шумело в голове и очень хотелось спать.

Очевидно, такое же состояние было и у Игоря, потому, что после нескольких тостов, он поднялся из-за стола и вышел на улицу. В начале никто не обратил на это внимание, но после того, как прошло значительное количество времени, мы с Гришей заволновались и бросились его искать. Ни во дворе, ни возле дома на улице, его не было. Не откликнулся он и на наши голоса. Когда стало ясно, что в районе директорской усадьбы его нет, к нам присоединились председатель сельсовета с комсомольским секретарем, и мы ринулись вглубь посёлка.

Темень была такая, что буквально в двух шагах было ничего не видно. Редкие уличные светильники ни в состоянии были пробить ночную мглу, которая плотной пеленой окутала спящий посёлок. Только благодаря фонарику председателя сельсовета, мы могли разглядеть дорогу и различные предметы, попадающие на нашем пути. Длительные поиски не дали никакого результата. Казалось, что мы обшарили все закуточки, которые попадались на нашем пути. Игорь словно сквозь землю провалился. Когда мы потеряли всякую надежду, председатель сельсовета предложил заглянуть в юрту, которая была установлена в центре посёлка в качестве музейного экспоната. Когда мы отодвинули полотнище, которое закрывало входное отверстие, то при свете фонарика увидели спящего Игоря, примостившегося на ковре, разостланного на полу юрты.

Надя, не участвовавшая в этой исторической, грандиозной попойке, потом долго потешалась над нами, вспоминая наш непотребный вид. Народная мудрость гласит, что вино надвое растворено: на веселье и на похмелье. Насчёт веселья ещё можно поспорить, а вот со второй частью можно согласиться полностью. В правдивости этого изречения, мы убедились после пробуждения на следующее утро.

Завершение празднования знаменательной даты произошло на природе. Специально созданные бригады наловили рыбки в Иртыше, закололи хорошего барашка и на живописном берегу накрыли поляну. Трое ребят на походной кухне наготовили огромный чан наваристой, вкуснейшей ухи, нажарили на мангале бесчисленное количество шампуров шашлыка, и почти всё руководство совхоза, во главе с директором прибыло на эту поляну для завершения празднования знаменательной даты. Когда все операции по накрытию поляны были готовы, за нами прислали автобус ПАЗик, и мы в полном составе прибыли на этот достархан. В отличие от прошлых дней, на сей раз больше ели и меньше пили. Может быть потому, что уха и шашлыки были отменного вкуса.

Наде уха настолько понравилась, что она, черпанув из алюминиевой миски всего одну ложку наваристого бульона, сделала удивлённое лицо, покачала головой и от восторга подняла правую руку с поднятым пальцем вверх. Даже Вика не поднялась с земли, пока в алюминиевой миске не показалось дно. Вызывало удивление мастерство тех троих ребят, которые колдовали возле котла с ухой и у мангала. В свои, ещё молодые годы, они достигли таких успехов, что можно было только позавидовать.

Прошло много лет с того памятного дня, но с удовольствием вспоминается тот солнечный день, небольшая поляна, окружённая низкорослыми деревцами, гостеприимные хозяева, вкуснейшая уха и румяные кусочки шашлыка из превосходной баранины, нанизанные на металлические шампуры с заострёнными концами.

На этом наши контакты с руководством совхоза не закончились. После окончания всех праздничных мероприятий, Магзумов Самед Магзумович предложил съездить в первую бригаду. Мы с удовольствием согласились. Особенно интересно было побывать там мне и Игорю, где мы работал там в своё время. А я прожил там ни один год, со дня её основания.

Дорогу, по которой бесчисленное количество раз я проезжал на машинах, тракторах, и как говорится, на своих двоих, я ещё помнил, и поэтому меня удивило, что с Центральной усадьбы мы поехали совсем не в ту сторону. Самед Магзумович, отвечая на мой вопрос, пояснил, что хочет познакомить нас со своей роднёй.

Когда наш УАЗик остановился в небольшом аульчике, расположенном на протоке Иртыша, я узнал это место, и вспомнил, что здесь я когда-то был в командировке и жил на квартире в одной казахской семье. В тени, у стены небольшой мазанки сидела немолодая женщина, а возле неё стоял маленький мальчик и с любопытством смотрел в нашу сторону. Указав на мальчика, Самед Магзумович сказал, что мальчик – сын его сестры, а его племянник. Поравнявшись с ними, мы поздоровались. В ответ на наше приветствие, женщина повернула своё лицо в нашу сторону, что-то пробормотала на своём казахском языке и обняла парнишку, прижавшегося к ней.

В доме нас встретила сестра Самеда Магзумовича. При знакомстве, если я не забыл, она назвалась Соней. Небольшого роста, кареглазая, черноволосая, одетая в платье европейского покроя. Встретила нас Соня очень приветливо и почти сразу же усадила за стол. Говорила она по-русски не хуже нас, без всякого акцента. Было похоже на то, что они с братом долгое время прожили в русской среде и получили хорошее образование. Заварив хороший чай по-казахски, Соня тоже села за стол вместе с нами, что противоречило казахским обычаям. В казахских семьях, женщина не имеет права сидеть за

одним столом с мужчинами. Несмотря на то, что мы не заостряли внимания на этом вопросе, Самед Магзумович сам рассказал, что в казахских семьях они соблюдают этот обычай, а среди русских ведут себя по-русски.

Отдохнув, и отведав хорошего чая, мы, простившись с гостеприимной хозяйкой, поехали дальше. Внешний вид степи в основном остался прежним, с той только разницей: вдоль дороги, в сторону совхоза им. Карла Маркса, появилась высоковольтная электролиния, судя по внешнему виду изоляторов, напряжением не менее 220 киловольт. Я обратил внимание, что возле одной высоковольтной опоры лежал мёртвый орёл, через какое-то расстояние ещё один. Оказалось, что эти красавцы погибли от поражения электрическим током, когда, сидя на опоре, близко приблизились к электрическому проводу. Чтобы избежать гибели этих птиц, на верхних частях опор стали монтировать Г-образные конструкции для посадки. Очевидно, не все орлы начали пользоваться этими приспособлениями и поплатились за это своими жизнями.

***С.М.Магзумов, Г.Н.Чикунев, И.Пешков, Г. и Н. Кононенко с внучкой
и родственники парторга.***

По пути, мы сделали ещё одну остановку. Самед Магзумович решил показать нам аул, в котором он родился. Мы увидели несколько домов, стоящих далеко друг от друга и водяную скважину, возле которой толпились овцы и коровы, прибывшие на водопой. Кроме двух подростков, сидевших на крыше какого-то низенького строения, из людей никого больше не было видно. Самед Магзумович показал нам дом, в котором он родился, рассказал, чем занимался в молодые годы. Потом сфотографировались с его маленькими родственниками, и мы продолжили свой путь.

Не доезжая до Терен Кудука километров десять, остановились у поля, засеянного пшеницей. Эта пашня принадлежала первой бригаде. Мне очень интересно было побывать именно на этом поле потому, что я принимал участие в первом посеве пшеницы на этой пашне в 1955 году, а потом и на уборке первого урожая, осенью. Глядя на ещё не созревшие колоски, висевшие на тонких и коротеньких стебельках и огромное поле, уходящее за горизонт, невольно вспомнилась посевная, холодная весна, жаркое суховейное лето и хиленький урожай пшеницы осенью.

В тот год земля-матушка, сколько приняла зерна в свои недра для выращивания, столько же и отдала нам во время уборки, и ни грамма больше. Я сорвал несколько колосков на память, и мы поехали дальше. В степи, как и на море, многие предметы можно рассмотреть за несколько километров. По первым очертаниям, появившимся на горизонте, уже было видно, что Терен Кудук изменился основательно. Это подтвердилось, когда мы въехали на его территорию. Вместо тех казахских мазанок, в которых мы когда-то жили, были построены новые домики европейского типа.

От нашего времени остался только вагончик, стоящий при въезде в аул и наш недостроенный клуб, который достроили и превратили в столовую. На месте нашего колодца, вода которого в наше время мало чем отличалась по вкусу от канализационных стоков, пробурили скважину и получили прекрасный продукт. В наше время, колодец был укреплен не деревянным срубом, а какими-то мешками, которые давали воде вонюче-гнилостный вкус. Бригада, как и в наши годы, занималась не только зерноводством, но и животноводством.

Нам показали упитанных, породистых бурёнок, которые мирно отдыхали в загоне. В дни нашего приезда стояло межсезонье, когда посевная была давно закончена, а уборочная ещё не началась, и основной штат работников занимался хозяйственными работами. А животноводы своим обыденным трудом, независимо от времени года. Мы приехали как раз в то время, когда проводилась дойка коров и Вику, которая тоже была вместе с нами, передовая доярка совхоза Кунакова Лида напоила парным молоком. Вика, очевидно, впервые увидевшая таких огромных животных, перебежала от стойла к стойлу и с широко раскрытыми глазами с любопытством разглядывала коров. А когда парторг предложил прокатиться на лошади, она согласилась не сразу.

Следует сказать, что от аула наших дней ничего не осталось. Было построено всего несколько небольших домиков, а бывшие казахские мазанки все были снесены. Оставили только один наш недострой, где мы планировали поместить клуб, и приспособили его под столовую. В этой столовой нас накормили обедом. Причём, новые дома разместили не рядом друг с другом, а рассредоточили в разных углах площадки. И техника уже была другая. У нас все трактора были гусеничные, а они использовали колёсные.

*Комсомольский секретарь-первоцелинник,
Григорий и Надежда Кононенко с внучкой*

Когда мы приехали, бригадир был где-то в отъезде. А потом примчался на своём «Москвиче» с большим букетом цветов и торжественно вручил их, при всём честном народе, Наде. Это было так неожиданно и здорово. В наше время, бригадиры ходили в рабочей робе и ездили на мотоциклах, а здесь предстал пред нами джентльмен при шляпе, в хорошем костюме и на приличной по тем временам машине.

Как говорится, всё хорошее быстро кончается. Можно было бы и ещё погостить, но мой краткосрочный отпуск подходил к концу. В моём распоряжении оставалось всего несколько дней, и за эти дни мне нужно было преодолеть тридевять морей и тридевять земель, чтобы успеть на работу. Поездом преодолеть это расстояние можно было только за 7-8 суток. Оставался только один вариант: самолёт. Достать билет до Москвы удалось только при помощи партийной организации и только с пересадкой в Омске. Игорь с Гришей и Надей никуда не спешили и поэтому ещё остались на какое-то время в совхозе, а я 9-го июля уехал.

Сравнительно небольшой, сорокаместный ЯК-40, поднявшись с Павлодарского аэропорта, взял курс на Омск. Погода была прекрасная, на небе ни облачка и с высоты пяти тысяч метров хорошо просматривались редкие населённые пункты и Иртыш, словно змея извивающийся на равнинных просторах. Те триста километров, которые отделяют Павлодар от Омска, самолёт преодолел за какие-то 30-40 минут, а на ожидание очередного рейса до Москвы мне пришлось потратить более десяти часов. Плохо, хорошо ли, но поздно вечером, я уже был в Москве, в авиа-порту Домодедово. Много времени пришлось простоять у вертушки в ожидании чемодана, а когда он появился, то я его не сразу узнал, настолько он был помят и измазан какой-то грязью.

Дальше я добирался поездом, тогда на Мурманск ходил знаменитый фирменный – «Арктика». Потом привычная пересадка в Кандалакше, и на работу я явился вовремя, без опоздания.

* * * *

К сожалению, быстро кончаются не только хорошие интересные дороги и события, но и человеческие жизни. Это начинаешь понимать только ближе к старости.

Только с высоты прожитых лет начинаешь осознавать: как коротка человеческая жизнь. Молодым кажется, что впереди целая вечность с бесконечными днями, годами и целыми десятилетиями, а людям пожилого возраста вся эта вечность превращается в одно мгновенье. Кажется, совсем недавно бегал босиком по лужам, не успел оглянуться, как уже твои дети стали не только родителями, но бабушками и дедушками, переводя тебя в очередной ранг с приставкой Пра..

Все события прожитых лет выстраиваются в единую, бесконечную цепочку, которая уходит далеко, далеко, куда-то за горизонт. Будущего уже остается немного, а прошлое нельзя изменить. Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь. Как не бывает два лета в году, так и две жизни у человека. Всю свою жизнь человек живёт в бесконечных заботах и хлопотах, ему всё недосуг да некогда, а будет, когда, его уже не будет тогда. Желательно прожить так, как в своё время говорил литературный герой из книги «Как закалялась сталь» Павка Корчагин, чтобы не было стыдно за бесцельно прожитые годы.

Мы с Валентиной в Ковдоре 1995 год.

*2006 год. Осиновец.
Тот самый берег, где мы грузились на катер, во время эвакуации*

Несмотря на то, что моя жизнь прошла в полосочку, где немало было полос и чёрного цвета, и белого, я хочу закончить это повествование теми же словами Есенина, какими и начинал:

**«Мне не жаль вас, прошедшие годы,
ничего не хочу я вернуть».**

Ковдор (фото 2008 года)